

III

Изданіе Г. Ф. Пантелеева.*

✓

ЛЕКЦІИ

П О

СУДЕБНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

Владимира Чижь.

Il faut que la justice devienne une
médicine s'éclairant des sciences psy-
chologiques.

Michlet, l'Amour. p. 390.

Проверено 1948 г.

Всё
В.Ф. А.Ч.П.
1979

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ, Верейская, 16.

1890.

№ 0980 7. 12. 1967

П. Е. Ш. И. Н.

С. Д. Е. Р. И. О. Н. О. П. А. Т. О. П. О. Т. И. Н.

У 1967

Министерство культуры
С. Д. Е. Р. И. О. Н. О. П. А. Т. О. П. О. Т. И. Н.

Музей истории культуры
1890

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	стр.
Предисловіе.	
Глава I. О пользѣ изученія психопатологій	11
II. Общія понятія о душевной дѣятельности и болѣзняхъ	24
III. Психологія чувствованій.	42
IV. Болѣзненные разстройства чувствованій	61
V. Психологія умственной дѣятельности	79
VI. Болѣзненные разстройства умственной дѣятельности	103
VII. Обманы чувствъ и идеи бреда	122
VIII. О произвольной дѣятельности	146
IX. Болѣзненные разстройства произвольныхъ движеній.	170
X. Разстройства организма при душевныхъ болѣзняхъ	197
XI. Причины душевныхъ болѣзней	211
XII. Разпознаваніе душевныхъ болѣзней.	261
XIII. Законодательство о душевно-больныхъ	283

ОТЧЕТЫ

1	Введение
2	I. Общие сведения о работе
3	II. Основные результаты работы
4	III. Анализ работы
5	IV. Заключение
6	V. Рекомендации
7	VI. Приложение
8	VII. Заключение
9	VIII. Заключение
10	IX. Заключение
11	X. Заключение
12	XI. Заключение
13	XII. Заключение
14	XIII. Заключение

С 1667

Предисловіе.

Съ большимъ колебаніемъ я приступаю къ печатанію лекцій, читанныхъ мною на Юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. Я вполне сознаю, — какъ трудно написать что-либо въ этой области, заслуживающее вниманія, — какъ строго нужно отнестись ко всякой мысли, ко всякому положенію въ книгѣ, могущей служить учебникомъ, однимъ словомъ, назначаемой для не специалистовъ. Если ограничиться общепринятымъ, вполне доказаннымъ — то выйдетъ что-то блѣдное, сухое, старое, всѣмъ извѣстное; если ввести личные взгляды, — взгляды, раздѣляемые мною, но оспариваемые другими авторами — учебникъ не будетъ удовлетворять главному требованію: не будетъ объективности, столь важной въ книгѣ, назначенной для начинающихъ. Вотъ первое соображеніе, удерживавшее меня отъ публикованія этихъ лекцій. Второе не менѣ существенное обстоятельство, хотя такъ сказать болѣе личнаго характера — это тотъ не малый трудъ, который необходимъ для литературной отдѣлки лекцій; конечно, меня устрасалъ не самый трудъ, а мысль, что скоро можетъ появиться учебникъ другого автора, и мой трудъ пропадетъ даромъ. Наконецъ, для меня представляется крайне тяжелымъ придать изложенію такой характеръ, чтобы эти лекціи были понятны каждому. При устной передачѣ предмета, путемъ поясненій, примѣровъ, повтореній въ другомъ изложеніи, гораздо легче выяснить что-либо трудно понимаемое; способность излагать популярно пріобрѣтается продолжительнымъ опытомъ, котораго я не имѣлъ. Чтобы эти лекціи могли имѣть право на вниманіе — онѣ, какъ я вполне понимаю, должны быть изложены яснѣе, понятнѣе распространенныхъ учебниковъ. Эти же соображенія, конечно, воздерживаютъ какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ преподавателей психіатріи отъ публикованія своихъ лекцій; у насъ, только глубокоуважаемый П. И. Ковалевскій издалъ свой курсъ психіатріи.

Если я рѣшился издать мои лекціи, то только подъ вліяніемъ крайне побудительныхъ мотивовъ. Во-первыхъ, я такимъ образомъ удовлетворяю настоятельнымъ просьбамъ моихъ многочисленныхъ слушателей; психіатрія—предметъ, не легко усваиваемый юристами, но крайне ихъ интересующій; поэтому, они постоянно просятъ указать руководства, чтеніемъ которыхъ они могли-бы закрѣпить слышанное на лекціяхъ, и естественно съ ихъ стороны желаніе имѣть подъ-руками печатный курсъ того преподавателя, лекціи котораго они слушаютъ. Ни одинъ изъ существующихъ курсовъ психіатріи не удовлетворяетъ потребностей моихъ слушателей, и я, путемъ опыта, убѣдился, что всѣ руководства мало пригодны для юристовъ; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ моихъ слушателей не былъ удовлетворенъ какимъ либо изъ извѣстныхъ учебниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, классическое руководство Гризингера (Душевные болѣзни. 1875) значительно устарѣло, и потому его достоинства—глубокое пониманіе авторомъ психологіи, ясность изложенія—не окупаютъ этого важнаго недостатка, почему это руководство, необходимое для спеціалиста, который, перечитывая его, всякій разъ найдетъ въ немъ что-либо поучительное,—не можетъ быть единственнымъ пособіемъ въ рукахъ начинающаго. Учебникъ Шюлле (Душевные болѣзни. 1880) и по неясности, для не спеціалиста, изложенія, и по своеобразности взглядовъ автора совершенно негоденъ какъ учебникъ для начинающаго. Руководство Крафтъ-Эбинга (Учебникъ психіатріи. 1890) отчасти по излишней для юриста полнотѣ, отчасти по бѣглости и неясности психологической пропедевтики, также не можетъ удовлетворить данной цѣли. Лучше чѣмъ въ другихъ учебникахъ, по моему мнѣнію, изложена общая психопатологія въ учебникѣ Краерлин (Compendium du Psychiatrie. 1887), но такъ какъ онъ не переведенъ на русскій языкъ, то не можетъ служить у насъ руководствомъ. Къ сожалѣнію, П. И. Ковалевскій (Психіатрія. 1886) изложилъ, какъ онъ говоритъ самъ, общую психопатологію бѣгло и она имѣетъ значеніе въ этомъ руководствѣ лишь въ связи съ частною психіатріей; обширно разработанныя анатомія и физиологія центральной нервной системы недоступны для юристовъ.

Ball (Maladies mentales. 1883) совершенно пропускаетъ общую психопатологію, и потому его учебникъ, ясность и популярность изложенія котораго не оставляетъ желать чего-либо лучшаго, совершенно непригоденъ.

И такъ, начинающіе рѣшительно лишены возможности сдѣлать самый трудный шагъ — первый, за неимѣніемъ учебника, въ которомъ, въ сжатомъ и ясномъ видѣ, были-бы изложены главнѣйшія свѣдѣнія, необходимыя для пониманія сущности душевной болѣзни. Между тѣмъ, конечно, лекціи только тогда могутъ быть плодотворны, когда свѣдѣнія, въ нихъ сообщаемыя, закрѣпляются и дополняются чтеніемъ. Единственное у насъ, специально съ такою цѣлью написанное, руководство проф. Фрезе (Очерки судебной психіатріи. 1874) уже устарѣло; но по тому, что оно выдержало два изданія, можно заключить, что потребность въ немъ была велика. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ пионера судебной психіатріи въ нашемъ отечествѣ принесъ большую пользу, потому что авторъ ясно понималъ степень подготовки своихъ читателей. Фрезе такъ вѣрно понялъ свою задачу, что до сихъ поръ не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ нѣтъ труда, могущаго замѣнить его руководство. Стоитъ сравнить его учебникъ, содержащій все, что необходимо было знать юристу, съ книжкой (Coutagne: La Folie au point de vue judiciaire et administrative. 1888), чтобы понять, что въ преподаваніи психіатріи юристамъ за это время никакого успѣха не послѣдовало; Coutagne полагаетъ, что своимъ учебникомъ, состоящимъ изъ его лекцій, удовлетворяетъ потребностямъ юристовъ. Въ этой книжкѣ онъ ограничивается краткимъ описаніемъ, — какъ понималось помѣшательство прежде и какъ понимается теперь, изложеніемъ французскаго законодательства о помѣшанныхъ, бѣглымъ описаніемъ устройства заведеній для душевно-больныхъ и кое-какими дидактическими опредѣленіями душевной болѣзни.

Я уже указалъ на потребность слушателей въ новомъ руководствѣ; кромѣ того, я глубоко убѣжденъ, что всякій преподаватель вышшаго учебнаго заведенія обязанъ опубликовать читаемый имъ курсъ, чтобы облегчить трудъ своихъ слушателей и отдать на судъ спеціалистовъ свой способъ преподаванія. Я исполняю такимъ образомъ лишь свой долгъ, а хорошъ или нѣтъ мой курсъ, конечно, — судить не мнѣ. Замѣчу, что необходимость опубликовать свой курсъ заставляеть преподавателя отнестись къ себѣ еще съ бѣльшимъ вниманіемъ, каждую мысль тщательно продумать, каждое положеніе тщательно провѣрить. Каждое новое руководство, если только оно посредственно, — положительно принесетъ свою долю пользы, и только скромность паче гордости нѣкоторыхъ, претендующихъ на то, что они должны опубли-

ковывать что-либо выдающееся, мѣшаетъ имъ своимъ посредственнымъ трудомъ приносить свою долю пользы. Чтеніе появившихся недавно учебниковъ: Cullerre (*Traité pratique des maladies mentales*. 1890) и Scholz (*Handbuch der Irrenheilkunde*. 1890), какъ нельзя болѣе убѣждаютъ меня, что посредственные руководства даже для специалиста весьма и весьма полезны. Наконецъ, опубликованіемъ своихъ лекцій, всякій искренно любящій свое дѣло удовлетворяетъ своей глубокой и искренней потребности облечь въ наиболѣе совершенныя формы мысли, его наиболѣе занимающія, быть полезнымъ своими знаніями, отдать себя на судъ сотоварищей по специальности. Работая долго надъ специальными вопросами по анатоміи, патологической анатоміи, физиологіи нервной системы, экспериментальной психологіи, я, конечно, имѣлъ постоянно въ виду значеніе этихъ изслѣдованій для пониманія душевныхъ болѣзней вообще; продолжительное непрерывное наблюденіе душевно-больныхъ вырабатываетъ самостоятельное пониманіе многихъ вопросовъ въ психопатологіи; все это даетъ мнѣ нѣкоторую увѣренность, что трудъ мой будетъ не бесполезенъ и что я имѣю право и обязанъ опубликовать эти лекціи.

Я, конечно, не буду говорить, какъ я понимаю свою задачу; содержаніе этой книги объясняетъ мою цѣль и мой планъ; я считаю необходимымъ только объяснить, — почему я именно такъ понималъ свою задачу. Едва-ли нужно доказывать, что юристамъ и врачамъ-практикамъ необходимо знакомство съ психіатріей; объ этомъ спору быть не можетъ. Является только вопросъ — въ какомъ объемѣ это знаніе обязательно; конечно, чѣмъ больше они будутъ знать, тѣмъ лучше; но такое желаніе рискуетъ остаться просто неисполненнымъ, по степени подготовки, по недостатку времени для полного изученія предмета, по невозможности въ дальнѣйшей дѣятельности провѣрять, дополнять усвоенное, безъ чего оно очень скоро забывается.

Нужно сознаться откровенно, что подготовка врачей и юристовъ совершенно ничтожна; анатоміи мозга не знаютъ ни врачи, ни юристы¹⁾; конечно, познанія по физиологіи центральной нервной системы у студентовъ-медиковъ неизмѣримо выше, чѣмъ у студентовъ-юри-

¹⁾ Какъ мало значенія въ психіатріи въ наше время имѣетъ анатомія центральной нервной системы — доказываетъ новѣйшее руководство Bevan Levis (*A text-book of mental diseases*. 1889), въ которомъ анатомія и психіатрія составляютъ два отдѣла, не имѣющіе между собою ничего общаго.

ство; трудно сказать у кого свѣдѣній по психологіи меньше—у тѣхъ или у другихъ. Вотъ почему я такъ же, какъ и проф. Фрезе, прежде всего привожу краткія свѣдѣнія по психологіи; въ настоящее время немислимо пониманіе психіатріи безъ знанія психологіи; не зная психологіи, и врачъ, и юристъ просто не будутъ понимать главныхъ явленій, напримѣръ: измѣненія настроенія, идей бреда, чѣмъ онѣ отличаются отъ ошибокъ сужденія и т. п. Конечно, специалистъ по психіатріи, т. е. самостоятельный работникъ, долженъ знать, и хорошо знать, анатомію и фізіологію нервной системы.

Долженъ-ли врачъ-практикъ и юристъ знать психіатрію во всемъ ея объемѣ? Принимая во вниманіе недостатокъ времени, невозможность дополнять и обновлять наблюденіемъ и чтеніемъ усвоенное,—можетъ ли онъ овладѣть такимъ обширнымъ предметомъ, какъ психіатрія? Съ увѣренностью можно отвѣтить, что нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, что касается юриста. Согласившись съ этимъ, разсмотримъ—изученіе какого ея отдѣла болѣе необходимо, болѣе полезно. Я ни въ какомъ случаѣ не могу допустить, чтобы этотъ отдѣлъ былъ—частная патологія и терапія душевныхъ болѣзней, какъ это повидимому думаютъ многіе авторы; не говоря уже объ обширныхъ сочиненіяхъ по Судебной Медицинѣ, какъ напр., Mascka (*Die gerichtliche Psychopatologie*. 1882) Casper-Liman (*Handbuch der gerichtlichen Medicin*. 1889), но даже въ сравнительно краткомъ руководствѣ Гофмана (*Учебникъ Судебной Медицины*. 1887) довольно обстоятельно изложена частная патологія душевныхъ болѣзней и совершенно, или почти совершенно, пропускается общая психопатологія; между тѣмъ, едва-ли можно сомнѣваться, что безъ знанія основъ общей психопатологіи даже нельзя понимать описанія отдѣльныхъ формъ болѣзней; а общей психопатологіи авторы, обыкновенно, въ учебникахъ Судебной Медицины и не излагаютъ. Уже для того, чтобы подготовить къ уразумѣнію этихъ главъ учебниковъ, необходимо составить курсъ общей психопатологіи, чтобы усвоившій его могъ, когда это потребуетъ, сознательно познаться съ тою или другою формою по имѣющимся учебникамъ. Для того, чтобы усвоить необходимыя знанія по частной психопатологіи, врачъ и юристъ, конечно, прежде всего, должны знать, что такое душевная болѣзнь, какія явленія составляютъ душевную болѣзнь, какъ эти явленія группируются между собою, и какъ ихъ различныя группировки создаютъ отдѣльныя картины душевной болѣзни; онъ долженъ умѣть оцѣнивать отдѣльныя явленія, знать, что существенно

и что не имѣетъ значенія; онъ долженъ знать причины душевныхъ болѣзней, потому что, только зная эти причины и понимая ихъ относительное значеніе, можно понять явленіе въ его цѣломъ, т. е.—душевную болѣзнь.

Врачъ, юристъ должны установить, что данное лицо душевно-больной или нѣтъ—первый для того, чтобы своевременно направить больного въ заведеніе для душевно-больныхъ, второй—для того, чтобы установить гражданскую неспособностъ или уголовную невмѣняемость, причемъ законъ не требуетъ точнаго установленія формы душевной болѣзни. Юристъ долженъ знать настолько основы общей психопатологіи, чтобы понимать заключенія и объясненія врачей; отъ него не требуется лично наблюдать душевно-больного, но онъ долженъ понимать результаты наблюденій, сдѣланныхъ другими; только тогда онъ будетъ сознательно относиться къ мнѣніямъ врачей, и, конечно, не будетъ мѣста бесполезнымъ сомнѣніямъ и спорамъ, пріостекающимъ просто изъ непониманія сущности дѣла. Само собою разумѣется; что крайне полезно знаніе классификаціи душевныхъ болѣзней и того—какія болѣзненные формы, и при какихъ обстоятельствахъ даютъ наибольшее число преступленій.

Вотъ минимумъ; усвоивъ же его, конечно, дальнѣйшее ознакомленіе съ предметомъ пойдетъ легче; но если нужно ограничиваться немногимъ, то знаніе общей психопатологіи принесетъ больше всего пользы. Если намѣтить другія свѣдѣнія, какъ наиболѣе необходимыя, то, во-первыхъ, это навсегда лишитъ изучающаго возможности достигнуть совершенства, потому что азбучная истина—прочное усвоеніе знаній бываетъ только тогда, когда хорошо изучено начало, а во-вторыхъ,—всѣ свѣдѣнія по частной патологіи душевныхъ болѣзней, хотя бы они были сообщены путемъ клиническаго преподаванія, за отсутствіемъ дальнѣйшаго наблюденія душевно-больныхъ, скоро забудутся; между тѣмъ какъ свѣдѣнія по общей психіатріи, поставленныя въ связь съ данными психологіи, расширяя кругозоръ, давая новый путь любознательности, могутъ служить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго самоусовершенствованія; укажу въ видѣ примѣра на то—какъ можетъ быть полезно, какъ много поднимаетъ новыхъ вопросовъ знакомство съ ученіемъ о наследственности душевныхъ болѣзней.

Само собою разумѣется, что преподаваніе только тогда будетъ идти успѣшно, когда оно сопровождается демонстраціей и клиническимъ разборомъ больныхъ; настоящія лекціи служили только основой при

изученіи психіатріи моими слушателями, такъ какъ гораздо болѣе времени употреблялось на демонстративныя лекціи, гдѣ я показывалъ главные симптомы, разбираалъ больныхъ, указывалъ слушателямъ,— какъ слѣдуетъ изслѣдовать больныхъ и какъ слѣдуетъ оцѣнивать найденные признаки.

Весьма трудно выработать программу лекцій по судебной психопатологіи, особенно потому, что нѣтъ примѣровъ, нѣтъ опыта въ этомъ отношеніи.

Не только у насъ, но и въ заграничныхъ университетахъ такого курса нѣтъ, и я первый, сколько мнѣ извѣстно, психіатръ, читающій специальный курсъ для юристовъ. Всюду судебная психіатрія, гдѣ этотъ отдѣлъ не пропускается, читается преподавателями Судебной Медицины; Ломброзо—единственный преподаватель Судебной Медицины, психіатръ по подготовкѣ, но не имѣетъ клиники и не выработалъ систематическаго плана преподаванія Судебной Медицины для юристовъ. Лекціи Coutagne'я какъ нельзя болѣе доказываютъ, что непсихіатръ не долженъ браться за преподаваніе юристамъ психопатологіи. Даже столь талантливый преподаватель Судебной Медицины какъ Tardieu не могъ овладѣть психіатріей, какъ это свидѣтельствуетъ его сочиненіе: *Etude medico-legale sur la folie*. 1880.

Не имѣя образцовъ, приходится самому выработывать и общій планъ, и разработывать детали. Такъ какъ нѣтъ традицій, нѣтъ указаній со стороны опытныхъ, авторитетныхъ преподавателей,—то дѣлающій первую попытку, по-неволѣ, долженъ брать на себя исполненіе всей задачи цѣликомъ.

Я былъ настолько счастливъ, что слушалъ лѣтомъ 1885 г. лекціи по судебной психіатріи такого знаменитаго клинициста какъ Le Grand-du-Saulle, какъ ни интересны и ни поучительны были для меня эти лекціи, я не могу принимать ихъ за образецъ. Хотя Le Grand-du-Saulle старался излагать предметъ какъ можно популярнѣе, постоянно давалъ разъясненія самыхъ элементарныхъ медицинскихъ положеній, почему можно было заключить, что онъ имѣлъ въ виду неподготовленныхъ слушателей,—его лекціи были полезны только для хорошо усвоившихъ психіатрію и недоступны для юристовъ. Онъ читалъ про начальныя фазы прогрессивнаго паралича, о психо-эпиллепсіи, о нравственномъ помѣшательствѣ и т. д.,—однимъ словомъ о тѣхъ формахъ, періодахъ и фазисахъ душевныхъ болѣзней, которые рѣже наблюдаются въ заведеніяхъ душевно-больныхъ, и даютъ наибольшіе

число преступлений; сообщалъ случаи, изъ собственнаго наблюденія, преступлений, совершенныхъ алкоголиками, эпилептиками, паралитиками, когда еще болѣзнь не могла быть замѣчена окружающими, и больные, поэтому, пользовались свободой. Лекціи его, поэтому, не составляли чего либо цѣльнаго, а служили какъ бы дополненіемъ къ подробному учебнику психіатріи. Конечно, благодаря выдающемуся таланту лектора, его громадной, исключительной, можно сказать, опытности, лекціи эти были крайне поучительны и интересны, но только для психіатра.

То обстоятельство, что даже выдающіеся преподаватели не дѣлали попытокъ создать курсъ судебной психіатріи для юристовъ, можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что такой курсъ невозможенъ, что юристы, по степени своей подготовки, не могутъ усваивать лекцій по психіатріи, и что, поэтому, и не слѣдуетъ ихъ знакомить съ психопатологіей. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, юристы въ наше время должны знать основы психопатологіи, то необходимо пытаться создать такой курсъ; появленіе этихъ лекцій можетъ быть вызоветъ замѣчанія, возраженія, и, такимъ образомъ, явится возможность исправить, дополнить, а можетъ быть и окончательно переработать то, что мнѣ казалось наиболѣе соответствующимъ дѣлу. Я, конечно, понимаю, что первая попытка естественно содержитъ много погрѣшностей, требуетъ значительной передѣлки и дополненій, и буду весьма радъ, если она облегчитъ созданіе чего нибудь болѣе удовлетворительнаго, подвинетъ дѣло преподаванія судебной психіатріи впередъ, возбудивъ интересъ къ этому заброшенному вопросу первостепенной важности.

Особенно мнѣ было трудно рѣшить—насколько въ этомъ курсѣ я долженъ заняться криминальной антропологіей. Безспорно, что юристовъ весьма интересуютъ взгляды представителей этой школы, что они такъ или иначе ознакомятся съ главнѣйшими положеніями этой школы; поэтому, казалось бы, что лучше всего, если ихъ познакомить съ этимъ новымъ, неустановленнымъ твердо ученіемъ преподаватель, по своей подготовкѣ, могущій относиться критически къ этимъ взглядамъ, знакомый съ анатоміей и антропометріей. Исходя изъ этого, я хотѣлъ дать болѣе обширное мѣсто въ своихъ лекціяхъ такому ученію; но вполне убѣжденъ, что только общепринятое въ научномъ мірѣ, конечно, какъ оно понимается лично преподавателемъ, можетъ быть предметомъ преподаванія: поэтому то, что составляетъ объектъ живого спора, совершенно не установлено, къ разработкѣ чего только

что приступлено,—едва-ли должно входить въ лекціи, очень кратко и сжато излагающія судебную психопатологію. Тутъ непременно пришлось-бы много высказать своихъ личныхъ взглядовъ, примыкая къ взглядамъ однихъ и не безпристрастно относясь къ взглядамъ другихъ. Въ концѣ концовъ, я ограничился лишь указаніемъ на общее значеніе работъ представителей этой школы, на значеніе метода въ ихъ изысканіяхъ и приведеніемъ нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію, наиболѣе доказанныхъ выводовъ, полученныхъ этими изслѣдованіями.

Знакомство съ основами общей психопатологіи, я думаю, лучше всего поможетъ правильно принимать ученіе этой школы и критически относиться къ этому ученію. Я не сомнѣваюсь, что каждый образованный юристъ прочтетъ главныя сочиненія по этому вопросу, и что, усвоивши начала психологіи, познакомившись съ методомъ наблюденія въ психіатріи,—ознакомленіе съ этими сочиненіями для него будетъ и легче, и принесетъ больше пользы. Вотъ почему я предпочелъ тѣ немногіе часы, которые я имѣлъ для моихъ лекцій, употребить всецѣло на изложеніе общей психопатологіи,—я убѣжденъ, что такъ я употребилъ ихъ наиболѣе производительно и что преподаванныя въ нихъ свѣдѣнія наиболѣе необходимы.

Остается прибавить, что, при чтеніи, предметъ излагался подробнѣе въ томъ смыслѣ, что трудныя для усвоенія положенія пояснялись примѣрами, повторялись въ другой передачѣ, чего я избѣгалъ при письменномъ изложеніи, такъ какъ глубоко убѣжденъ, что первое достоинство писателя—это краткость; правда, краткое изложеніе требуетъ много вниманія, но едва-ли еще не больше утомляетъ вниманіе растянutosть, повторенія, подробныя разъясненія.

При чтеніи лекцій я ограничивался указаніемъ учебниковъ и главнѣйшихъ классическихъ изслѣдованій; здѣсь я также дѣлаю ссылки на источники, чтобы помочь читателю найти сочиненіе, статью по интересующему его вопросу; однако я не задавался цѣлью подробнаго, полнаго указанія всей литературы, имѣя въ виду, что эти лекціи вовсе не предназначаются для специалистовъ.

Г Л А В А I.

О пользѣ изученія психопатологіи.

Если преподаваніе Судебной Медицины обязательно на Юридическомъ факультетѣ, то само собою разумѣется, что также обязательно преподаваніе Судебной Психопатологіи, какъ одного изъ отдѣловъ Судебной Медицины. Но едвали можно опровергать то положеніе, что знаніе судебной психіатріи для юриста болѣе полезно въ практическомъ отношеніи, болѣе важно, чѣмъ знаніе другихъ отдѣловъ Судебной Медицины. Дѣло въ томъ, что когда возбужденъ вопросъ объ отравленіи, или возникаетъ вопросъ—отъ какихъ поврежденій умерла жертва преступленія, въ рѣшеніи этихъ трудныхъ, въ психіатрическомъ отношеніи, вопросовъ роль юриста бываетъ очень ограничена и фактически все существенное рѣшаютъ спеціалисты: химики, судебные врачи и т. п.; юристу лишь остается поставить вопросы, разобраться въ полученныхъ отвѣтахъ, и если онъ замѣтитъ противурѣчіе, или отвѣтъ не будетъ согласоваться съ обстоятельствами дѣла,—передать разсмотрѣніе возникшихъ сомнѣній въ болѣе компетентное учрежденіе. Нѣкоторые вопросы въ области Судебной Медицины требуютъ такъ много спеціальныхъ, техническихъ познаній, что юристъ устраняетъ себя отъ участія въ ихъ рѣшеніи. Не то въ психіатріи; судить о томъ—болень-ли психически подсудимый и если болень, то могъ-ли онъ руководить своими поступками, кажется для многихъ такъ легко, что даже хорошо образованные люди не стѣсняются брать на себя рѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ бы не понимая, что психіатрія такая же спеціальность, какъ напр. химія. Никто не удивляется, когда юристъ разбираетъ и рѣшаетъ самые трудные вопросы психіатріи, когда онъ не соглашается съ спеціалистомъ-психіатромъ, и руководствуется собственными взглядами о душевной болѣзни и влияніи ея на преступленіе.

Я не буду приводить мнѣній весьма образованныхъ лицъ, что вовсе не нужно знать психіатріи, чтобы рѣшать важные въ практическомъ отношеніи вопросы о невмѣняемости в гражданской правоспособности душевно-больныхъ. Тутъ я не буду доказывать, что для признанія невмѣняемости преступленія, совершеннаго душевно-больнымъ, для назначенія опеки надъ личностью и имуществомъ душевно-больнаго и снятія ея въ случаѣ выздоровленія больного, необходимо значеніе психіатріи. Самое мнѣніе, что юристъ безъ знанія психіатріи можетъ рѣшать вопросы о вмѣняемости и правоспособности, по моему глубокому убѣжденію, объясняется незнаніемъ психіатріи и для изучающаго эту науку такое мнѣніе всегда будетъ не выдерживающимъ критики. Душевная болѣзнь, также какъ и присутствіе того или другаго яда въ трупѣ отравленнаго, распознается пахожденіемъ извѣстныхъ признаковъ, изученіемъ ихъ, выясненіемъ ихъ взаимной связи, послѣдовательности въ ихъ дѣйствіи и т. д., и какъ для того, чтобы опредѣлить вліяніе даннаго яда на состояніе организма, такъ и для опредѣленія вліянія душевной болѣзни на поступки человѣка необходимы извѣстныя познанія, необходима извѣстная опытность.

Знаніе психопатологіи для юриста уже потому будетъ крайне полезно, что онъ не будетъ имѣть столь пагубнаго, для правильнаго рѣшенія дѣла, убѣжденія, что можно безъ правильной подготовки рѣшать спеціальные вопросы. Нѣтъ сомнѣній, что наибольше ошибокъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ бываетъ относительно душевно-больныхъ, именно влѣдствіе убѣжденія, что о душевныхъ болѣзняхъ, о вліяніи ихъ на поступки можно судить безъ знанія психіатріи. Если бы составилось такое же убѣжденіе относительно ранъ, огравленій и т. п., ошибки и въ дѣлахъ этого рода были-бы столь-же часты.

Такое пренебреженіе къ психіатріи со стороны юристовъ, людей образованныхъ и потому руководствующихся въ своихъ сужденіяхъ научными свѣдѣніями, я могу объяснить только новизною дѣла, молодостью психіатріи. Научная психіатрія возникла лишь въ нашемъ столѣтіи, преподаваніе ея даже врачамъ еще недавно считалось роскошью, и мы должны быть очень благодарны новому университетскому уставу, создавшему кафедры психіатріи въ нашихъ университетахъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что нѣкоторые юристы считаютъ знаніе психіатріи ненужнымъ, такъ какъ судить о томъ, — разумѣль-ли совершившій преступленія, свойства своего дѣянія, и могъ-ли онъ не совершить преступленіе, можетъ рѣшать всякій на основаніи изу-

ченія обстоятельствъ преступленія и характера преступника. Психіатрическая экспертиза долго считалась излишней и Paillet первому принадлежит честь введенія психіатрической экспертизы въ дѣлѣ Ravagnone въ 1824 году ¹⁾; между тѣмъ, еще Римляне хорошо понимали, что душевно-больной не можетъ быть наказываемъ; такъ, въ рескриптѣ императоровъ М. Аврелія и Коммода къ Scipulus Tertylus сказано: «Если для васъ очевидно, что Oelius Priscus былъ въ состояннн бѣшенства, которое лишило его разсудка, и что нельзя подозрѣвать у него притворства въ то время, когда онъ убилъ свою мать,—то не наказывайте его; его болѣзнь, сама по себѣ, уже для него ужасное наказаніе; впрочемъ, наблюдайте за нимъ внимательнѣе, если находите это нужнымъ — не для наказанія, однако же, а для безопасности какъ его собственной, такъ и его родныхъ» ²⁾. Если бы всегда руководствовались такою гуманною мудростью, которая была уже высказана во второмъ столѣтнн послѣ Р. Х., то не было тѣхъ самыхъ тысячъ казней душевно-больныхъ, которыми гордились судьи среднихъ вѣковъ ³⁾.

Къ сожалѣнію, и въ настоящее время всюду судебныя ошибки относительно душевно-больныхъ, совершившихъ преступленія, весьма часты, главнымъ образомъ потому, что и теперь принято, что всякій можетъ распознать душевную болѣзнь. Нельзя доказать цифрами справедливость такого заключенія, такъ какъ число освобожденныхъ отъ слѣдствія и наказанія, вслѣдствіе страданія душевною болѣзнью и признанныхъ вѣняемыми, вопреки мнѣнію врачей, ничего не доказываетъ; чѣмъ болѣе въ обществѣ распространено здравыхъ понятій о душевныхъ больныхъ, чѣмъ болѣе въ странѣ заведенія для душевно-больныхъ, тѣмъ, конечно, за душевно-больными присмотръ лучше, тѣмъ рѣже они совершаютъ преступленія; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ странѣ, гдѣ распространены свѣдѣнія о душевно-больныхъ, нѣтъ недостатка въ опытныхъ врачахъ-психіатрахъ; судьи относятся съ уваженіемъ къ психіатрической экспертизѣ, часты случаи освобожденія отъ слѣдствія и суда по причинѣ душевной болѣзни. При слабомъ развитіи образованія въ странѣ, душевно-больные, оставленные безъ присмотра, часто со-

¹⁾ Riant. Les irresponsables devant la justice. 1888.

²⁾ Juris civilis D. I, 18, et 14 Macero libro II de Officiis publicis. (Цитировано по Трудамъ перваго съѣзда психіатровъ, Константиновскій, стр. 525).

³⁾ Напр. Богъ гордился тѣмъ, что онъ ежегъ болѣе тысячи вѣдѣмъ (Реньяръ. Умственные эпидеміи, стр. 28).

вершаютъ преступленія, а судьи часто подвергаютъ ихъ наказанію. Что до настоящаго времени не мало душевно-больныхъ приговариваются судами къ наказаніямъ,—лучше всего доказывается тѣмъ безспорнымъ фактомъ, что, среди арестантовъ, душевно-больныхъ въ десять разъ больше, чѣмъ между честными людьми, а именно на 1000 жителей приходится 3 душевно-больныхъ, а между арестантами душевно-больныхъ 3%¹⁾.

Нѣтъ никакой возможности объяснить такое громадное число душевно-больныхъ вліяніемъ тюремной жизни; все, что мы знаемъ объ этиологіи душевныхъ болѣзней, говоритъ противъ такого допущенія; эти цифры доказываютъ, что много душевно-больныхъ приговариваются къ тюремному заключенію, и доказываютъ вполне убѣдительно. Но есть и довольно точныя цифры, прямо указывающія,—какъ много душевно-больныхъ приговаривается къ наказанію: въ прусскихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ 1 января 1879 г. было душевно-больныхъ преступниковъ 863, изъ нихъ приговоренныхъ къ наказанію 575²⁾. Нельзя считать невѣрнымъ мнѣніе Dr. Langreuter, что изъ трехъ душевно-больныхъ, совершившихъ преступленіе, двое приговариваются совершенно несправедливо къ наказанію. Миттермайеръ, авторитетъ котораго, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, категорически утверждаетъ, что судебныя ошибки и назначенія наказанія душевно-больныхъ бывають во всеѣхъ государствахъ.

У насъ эти судебныя ошибки могутъ происходить еще чаще, такъ какъ не одни только прусскіе юристы убѣждены, что можно безъ знанія психіатріи судить душевно-больныхъ; кромѣ вліянія этого ошибочнаго убѣжденія юристовъ, нужно принять во вниманіе малое

¹⁾ Наиболе компетентные авторы даютъ весьма сходные между собою цифры. Такъ, Delbrück (Blätter für Gefangenskunde, 9) выводы котораго основаны на наблюденіяхъ въ продолженіе 30 лѣтъ, насчитываетъ между арестантами 5% душевно-больныхъ; изъ нихъ тяжко-больныхъ 1—1½%. Gutsch (Allh. Zeitsch. für Psychiatrie, Bd. 19) считаетъ 3,15% душевно-больныхъ между арестантами. Ту же цифру даетъ Moritz All. Zeits. für Psychiatrie 23), а именно 3,5%; Sommer (Allg. Zeits. Psych. 26) насчитываетъ душевно-больныхъ между арестантами отъ 2,5—5%. Во Франціи, по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ 1857 по 1870 г. изъ 76814 арестованныхъ, душевно-больныхъ было 1662 т. е. 2,1% (Jolly, Le crime, p. 360). Нѣтъ сомнѣнія, что если бы изслѣдованіе было произведено психіатрами, то это число оказалось бы значительно больше.

²⁾ Langreuter. Allg. Zeitsch. für Psychiatrie, Bd. 43.

число экспертовъ, слабое образованіе общества,—почему считаю необходимымъ указать на обстоятельство, какъ нельзя болѣе доказывающее, что въ нашемъ отечествѣ для юриста знаніе психіатріи имѣетъ особо важное значеніе. При маломъ образованіи нашего народа, при отсутствіи интеллигенціи въ деревняхъ, при ничтожномъ числѣ врачей, судебный слѣдователь часто не получаетъ никакихъ указаній отъ родныхъ, знакомыхъ и свидѣтелей о томъ, что подсудимый страдаетъ душевною болѣзною; сами же душевно-больные чаще всего отрицаютъ свою болѣзнь. Такимъ образомъ, судебный слѣдователь самъ долженъ возбудить вопросъ и если онъ имѣетъ свѣдѣнія по психіатріи, то онъ съумѣетъ распросить родныхъ и знакомыхъ, собрать и сгруппировать доказательства, и такимъ образомъ направить дѣло должнымъ образомъ. Если же слѣдователь не имѣетъ нужныхъ свѣдѣній, то ошибка будетъ или исправлена уже потомъ, во время пребыванія подсудимаго въ тюрьмѣ, или же, что бываетъ нерѣдко, несчастный будетъ приговоренъ къ наказанію. Признаки душевныхъ болѣзней можетъ оцѣнить только человѣкъ образованный, а очень часто во всемъ предварительномъ слѣдствіи такимъ бываетъ только судебный слѣдователь. Только тогда, когда судебные слѣдователи будутъ знакомы съ основами психіатріи, судебныя ошибки относительно душевно-больныхъ будутъ столь же рѣдки, какъ и въ остальныхъ дѣлахъ.

Я уже сказалъ, что не буду доказывать для всѣхъ психіатровъ очевидной истины, что для рѣшенія вопросовъ о невмѣняемости, о наложеніи и снятіи опеки, необходимо знаніе психіатріи, такъ какъ считаю мнѣніе, что юристъ можетъ обойтись и безъ знанія психіатріи, чтобы судить объ этихъ вопросахъ,—опаснымъ заблужденіемъ, проистекающимъ отъ незнакомства большинства юристовъ съ методомъ естественныхъ наукъ; преподаваніе психіатріи принесетъ уже потому огромную пользу, что уничтожить это опасное заблужденіе,—источникъ многихъ ошибокъ.

Теперь я укажу на тѣ обязанности юристовъ, для исполненія которыхъ необходимость въ знаніи психіатріи никто не рѣшится отрицать. Душевная болѣзнь существенно отличается тѣмъ, что душевно-больной не можетъ пользоваться полной свободой, не можетъ располагать своимъ имуществомъ. Это фактъ общеизвѣстный. Поэтому, въ каждомъ случаѣ заболѣванія душевною болѣзною, участіе юриста весьма обширно, и во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ каждый душевно-

больной пользуется обязательнымъ попеченіемъ и суда, и администраціи. Судьба его не можетъ быть ввѣрена ни ему самому, ни его родственникамъ, ни врачамъ, такъ какъ дѣло врача—только подавать совѣты, основанные на его спеціальныхъ познаніяхъ. Огражденіе же какъ личности, такъ и имущества душевно-больныхъ, также какъ и огражденіе общества отъ душевно-больныхъ—лежитъ на судѣ и администраціи.

Извѣстно, что нѣкоторые законодательства предоставляютъ административной власти право рѣшать—можетъ ли данное лицо быть помѣщено въ заведеніе для душевно-больныхъ, и по своему усмотрѣнію освободить изъ заведенія во всякое время, когда, по ея мнѣнію, дальнѣйшее леченіе въ заведеніи для пациента болѣе не нужно; другія—рѣшенія этихъ вопросовъ, безспорно весьма существенныхъ, предоставляютъ суду; напр., по новому французскому проекту безапелляціонное право освобожденія изъ заведенія для душевно-больныхъ, въ случаѣ желанія самого больного или его родственниковъ и т. п., предоставлено суду (§ 50). Сколько мнѣ извѣстно, психіатры согласны въ томъ, что какъ помѣщеніе больныхъ въ заведеніе для душевно-больныхъ, такъ и освобожденіе ихъ оттуда въ случаѣ сомнѣній, жалобъ и т. п. должно быть непремѣнно въ вѣдѣніи или суда, или администраціи. Наше дѣло лечить и подавать совѣты, но не лишать гражданина его имущественныхъ и гражданскихъ правъ, что неразрывно съ помѣщеніемъ въ больницу; лишать больного свободы и права распоряжаться имуществомъ можетъ или администрація, или судъ, смотря по тому,—кому такое полномочіе дано государствомъ.

Такимъ образомъ, рѣшать—долженъ ли гражданинъ быть помѣщенъ въ больницу или нѣтъ, должны юристы или какъ судьи, или какъ администраторы—это въ глазахъ психіатра все равно. Едва-ли кто-либо будетъ оспаривать, что лицо, незнакомое съ психіатріей, не можетъ сколько-нибудь правильно отвѣтить на вопросъ—долженъ-ли данный больной лечиться въ больницѣ, или нѣтъ; въ такихъ случаяхъ даже между специалистами возникаетъ разногласіе. Никто не станетъ утверждать, что человекъ, незнакомый съ ученіемъ о глазныхъ болѣзняхъ, можетъ опредѣлить—долженъ-ли страдающій болѣзнью глазъ лечиться въ больницѣ, или вести прежній образъ жизни. И такъ, если бы и можно было допустить, что для рѣшенія вопросовъ о невмѣняемости преступленій, совершенныхъ лицами, страдающими душевною болѣзнью, не нужно знанія психіатріи, то въ дѣятельности юри-

ста, всетаки много, случаетъ, когда эти знанія ему безусловно необходимы.

Вотъ—какъ обширны обязанности юриста относительно душевно-больныхъ, какъ часто юристу приходится имѣть дѣло съ душевно-больными, какъ разнообразны вопросы относительно душевно-больныхъ, и какъ, для рѣшенія этихъ вопросовъ, безусловно необходимы спеціальныя свѣдѣнія.

Укажу теперь на ту пользу, какую приноситъ изученіе психіатріи юристу, какъ общественному дѣятелю.

Душевные болѣзни излечимы только тогда, когда лечение начато въ самомъ началѣ болѣзни; исключенія изъ этого правила крайне рѣдки. Такъ какъ, въ настоящее время, вслѣдствіе малаго числа врачей, знакомыхъ съ психіатріей, и незнакомства публики съ основами психопатологіи, болѣею частію прибѣгаютъ къ лечению, уже пропустивъ благоприятный къ тому моментъ, то излеченіе отъ душевной болѣзни весьма и весьма рѣдко. Напримѣръ, въ Парижскія заведенія для душевно-больныхъ въ 1887 году поступило 3726 больныхъ и выписано выздоровѣвшими, въ продолженіе этого года, только 678 человекъ; какъ мало выздоровѣло—легко видѣть изъ того, что въ указанномъ году умерло въ этихъ заведеніяхъ 1701 больныхъ. Всего въ продолженіе года въ Парижскихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ призрѣвалось 8905 душевно-больныхъ,—слѣдовательно, одно выздоровленіе приходилось на 13,13 больныхъ ¹⁾; цифра, по истинѣ, ужасающая. Лечение душевныхъ болѣзней до тѣхъ поръ будетъ давать плачевные результаты, пока образованная публика не будетъ имѣть элементарныхъ свѣдѣній по психіатріи ²⁾. Лишь когда будутъ обращаться къ врачебной помощи своевременно, тогда излеченіе душевно-больныхъ будетъ не исключеніемъ. Въ Россіи, въ 1887 г., всего на всего было 9125 ³⁾ кроватей для душевно-больныхъ, притомъ же правильно организованныхъ заведеній для душевно-больныхъ—не болѣе десяти. Можетъ-ли душевно-больной найти себѣ своевременно мѣсто въ больницѣ для душевно-больныхъ, когда этихъ мѣстъ такъ мало; чтобы

¹⁾ Rapport sur le service des aliénés du Département de la Seine pendant l'année 1887.

²⁾ Попытку популяризировать психіатрію представляетъ мое сочиненіе: «Достоевскій, какъ психопатологъ», Москва. 1885 г.

³⁾ Отчетъ Медицинскаго Департамента за 1887 г.

понять,—какъ недостаточно у насъ мѣсть для душевно-больныхъ, стѣбитъ только сравнить съ тѣмъ, сколько мѣсть для душевно-больныхъ въ государствахъ, гдѣ потребность населенія въ призрѣніи душевно-больныхъ удовлетворена; на примѣръ, во Франціи, при населеніи въ нѣсколько болѣе 36 милліоновъ, въ 1883 году было 50.418 мѣсть для душевно-больныхъ; въ Германіи, ¹⁾ въ 1882 г. при населеніи нѣсколько болѣе 45 милліоновъ, мѣсть для душевно-больныхъ было 52.813; этихъ примѣровъ я полагаю вполне достаточно, чтобы утверждать, что у насъ мѣсть для душевно-больныхъ въ десять разъ менѣе чѣмъ должно было-бы быть. Объясняется такое печальное положеніе дѣла призрѣніи душевно-больныхъ тѣмъ, что въ обществѣ мало распространены свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ, и потому общество, которому самому поручено теперь заботиться о больныхъ, относится безучастно къ этому важному дѣлу. Только когда образованные представители общества будутъ ясно понимать,—какъ тяжело положеніе душевно-больныхъ, лишенныхъ призрѣнія, какъ опасно оставлять душевно-больныхъ на свободѣ, какъ много преступленій ими совершается; когда администрація будетъ настойчиво требовать помѣщенія опасныхъ и остающихся безъ правильного призрѣнія душевно-больныхъ,—только тогда призрѣніе душевно-больныхъ въ нашемъ отечествѣ приметъ должные размѣры. Всѣми признано, что законъ 1838 года, надъ разработкою котораго трудились лучшіе юристы Франціи, оказалъ громадное вліяніе на развитіе дѣла призрѣнія душевно-больныхъ во Франціи. У насъ пока разрозненные попытки нѣкоторыхъ психіатровъ и земствъ не могли, и не могутъ пересоздать столь важное дѣло какъ призрѣніе душевно-больныхъ.

Вотъ, такимъ образомъ, является еще основаніе—почему для русскаго юриста изученіе психіатріи имѣетъ особо-важное значеніе; когда юристы будутъ знать психіатрію, а слѣдовательно и будутъ ею интересоваться, тогда они совмѣстными съ психіатрами усиліями измѣнять, радикальнымъ образомъ, крайне печальное, въ настоящее время, положеніе душевно-больныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Я уже сказалъ—какое имѣетъ значеніе своевременное обращеніе къ врачебной помощи въ случаѣ заболѣванія душевной болѣзвью; еще важнѣе для уменьшенія числа заболѣваній душевными болѣзнями — это предупредительныя мѣры. Изученіе причинъ душевныхъ болѣзней

¹⁾ Zeitsch. f. Psychiatric, 1888.

выяснить, что во многих случаях душевная болѣзнь не развилась бы, если бы мы не нарушали правилъ психической гигиены. Изученіе причинъ душевныхъ болѣзней приводитъ къ тому заключенію, что исполненіе требованій психической гигиены можетъ, во многихъ случаяхъ, предотвратить душевную болѣзнь; что своевременнымъ принятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ можно избѣгнуть болѣзни; что много случаевъ душевныхъ болѣзней происходитъ отъ того, что люди не избѣгаютъ того, что вредно для здоровья мозга, и не дѣлаютъ того, что полезно. Не менѣе точно мы знаемъ, что какъ часто лечение душевныхъ болѣзней бесплодно, такъ плодотворно бываетъ принятіе предохранительныхъ мѣръ. Само собою разумѣется, что пока психіатрія будетъ извѣстна только специалистамъ до тѣхъ поръ, для предупрежденія душевныхъ болѣзней, будетъ сдѣлано очень мало. Только, при широкомъ распространеніи свѣдѣній по психіатріи, образованные представители общества проведутъ и въ законъ, и въ жизнь разумныя мѣры къ предупрежденію душевныхъ болѣзней; знакомые съ психіатріей, конечно, и въ своей личной жизни и своими совѣтами друзьямъ и знакомымъ должны проводить въ обществѣ необходимыя предупредительныя мѣры, и я увѣренъ, что въ жизни каждаго эти мѣры принесутъ много пользы. Только, при полномъ незнаніи основъ физиологій и патологій, возможно такое постоянное, грубое нарушеніе всѣхъ правилъ гигиены нервной системы, какое мы видимъ вокругъ себя. Сколько страданій было бы избѣгнуто, если бы каждый, въ своей частной жизни руководствовался правилами психической гигиены, если бы общество приняло бы рядъ предупредительныхъ мѣръ къ предотвращенію душевныхъ болѣзней. Знаніе психіатріи научить каждаго не только сохранять свое собственное здоровье, но и укажетъ общественному дѣятелю, что нужно дѣлать для уменьшенія числа болѣзней въ странѣ, такъ какъ безспорно, что, руководствуясь данными психіатріи, возможно было бы значительно понизить число заболѣваній; если бы руководители общества знали психіатрію, то они боролись бы съ тѣмъ въ общественной жизни, что вредно для психического здоровья и стремились бы къ тому, что способствуетъ сохраненію психическихъ силъ. Какъ на примѣръ — укажу на мѣры противъ пьянства, на необходимость для всѣхъ воскреснаго отдыха.

Душевная болѣзнь приноситъ такъ много горя отдѣльнымъ лицамъ, стоитъ такъ дорого всему обществу, что бороться противъ этого ужаснаго несчастія — долгъ каждаго, а тѣмъ болѣе общественнаго

дѣтеля. Всѣ согласны въ томъ, что нѣтъ большаго несчастія какъ заболѣть душевною болѣзною; нашъ великій поэтъ выразилъ глубокое убѣжденіе всѣхъ и каждаго стихами:

«Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума!

Нѣтъ, лучше посохъ и сума».

Какъ дорого стѣбитъ обществу содержаніе душевно-больныхъ легко понять потому, что каждые 1000 гражданъ должны содержать трехъ душевно-больныхъ. Когда эти больные живутъ среди общества, расходы эти, конечно, нельзя исчислить, но когда они помѣщены въ заведенія душевно-больныхъ, то расходы становятся весьма чувствительны для плательщиковъ податей. Такъ, напримѣръ, на содержаніе душевно-больныхъ въ Департаментѣ Сены испрашивалось на 1889 г. 7.824.463 франковъ ¹⁾. Я уже не буду говорить о тѣхъ преступленіяхъ, нарушеніяхъ общественнаго порядка, которыя постоянно совершаются душевно-больными; эти случаи весьма часты въ нашемъ отечествѣ; къ сожалѣнію, мы только приблизительно можемъ опредѣлить ихъ число. Для восточной Пруссіи Sommer ²⁾ вычислилъ, что на 100 жителей приходится 0,35% арестованныхъ (0,26% мужчинъ и 0,09% женщинъ), среди же призрѣвавшихся въ заведенія душевно-больныхъ той же области подвергшихся аресту было 5,48% мужчинъ и 2,09% женщинъ. По Sander ³⁾, между пациентами Берлинскаго заведенія для душевно-больныхъ (Dalldorf), лицъ, совершившихъ преступленія, было въ шесть разъ больше, чѣмъ между здоровыми. Легко, на основаніи этихъ цифръ, представить себѣ—какъ громадно число преступленій, совершенныхъ нашими душевно-больными, если у насъ душевно-больныхъ, лишенныхъ пріюта въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше, чѣмъ въ Пруссіи. Какъ ни условны приведенныя цифры, но они, всетаки, близки къ истинѣ и доказываютъ, что даже тамъ, гдѣ призрѣніе душевно-больныхъ хорошо,—и тамъ душевно-больные, гораздо чаще здоровыхъ, совершаютъ преступленія.

Изученіе судебной психопатологіи крайне важно, а можетъ быть, было бы правильнѣе сказать, обязательно для юриста не только въ практическомъ отношеніи, но и въ чисто теоретическомъ. Въ этомъ смыслѣ

¹⁾ Memoire du Conseil général du Département de la Seine, 1388.

²⁾ Allg. Zets. für Psychiat. Bd. 40.

³⁾ Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen, 1886.

судебная психіатрія—не одна изъ главъ Судебной Медицины, и польза отъ изученія судебной психіатріи далеко не исчерпывается тѣмъ, что юристъ избѣгнетъ многихъ ошибокъ въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ о душевно-больныхъ, какъ онъ избѣгаетъ многихъ ошибокъ въ дѣлахъ объ отравленіяхъ, благодаря знанію соответственныхъ отдѣловъ Судебной Медицины. Если бы только этою практическою пользою ограничивалось дѣло, то преподаваніе судебной психіатріи имѣло бы столько же за себя, какъ и преподаваніе Судебной Медицины. Безъ всякихъ натяжекъ не трудно доказать, что судебная психіатрія, въ наше время, имѣетъ право на особое вниманіе юристовъ, какъ наука, расширяющая его теоретическое образованіе. Въ настоящее время, выработывается новое направленіе въ изученіи преступленія; стремятся изучать, главнымъ образомъ, преступника, а не само преступленіе.

Когда появляется новая школа и обнаруживается новое направленіе въ наукѣ, слѣдуетъ судить объ этой школѣ не по тѣмъ результатамъ, которыхъ она достигла, такъ какъ, въ началѣ, всегда путь изслѣдованія труденъ, всегда въ новомъ дѣлѣ бываетъ много увлеченій и только много, много лѣтъ работы многихъ, многихъ изслѣдователей дастъ что-либо дѣльное, положительное. Въ началѣ же, дѣло ограничивается смѣлыми попытками, открытіями, не всегда подтверждающимися при дальнѣйшемъ, болѣе тщательномъ изученіи. Но, уже съ самыхъ первыхъ шаговъ въ новомъ направленіи, мы можемъ оцѣнить—насколько оригинально и плодотворно это направленіе, предсказать, что намъ можетъ дать новая школа.

Такой критерій мы имѣемъ въ методѣ изслѣдованія. Оцѣнивая методъ изслѣдованія, мы можемъ оцѣнить и само изслѣдованіе. Если методъ старъ, если имъ пользовались выдающіеся умы, то трудно ожидать, чтобы онъ былъ снова плодотворенъ въ рукахъ не гениальнаго изслѣдователя. Если методъ новъ, или, по крайней мѣрѣ, ново его примѣненіе въ данной области, методъ плодотворенъ и эта его плодотворность доказана примѣненіемъ въ другихъ областяхъ знанія,—мы должны съ уваженіемъ отнестись къ попыткамъ ввести новый методъ и ожидать многого отъ его примѣненія. Это вводное замѣчаніе я счелъ необходимымъ сдѣлать для того, чтобы высказать мой взглядъ на новое направленіе въ изученіи преступленія на криминальную антропологию, — какъ правильнѣе всего назвать эту область знанія. И такъ, съ этой точки зрѣнія необходимо, съ большимъ внима-

нiемъ отнести къ криминальной антропологiи, какъ области знанiя, гдѣ примѣненъ крайне плодотворный методъ, а потому общающiй весьма важныя результаты. Дѣло въ томъ, что представители этой школы въ изученiи столь стараго предмета, какъ преступленiе, примѣняютъ методъ, никогда систематически не примѣнявшiйся юристами, а потому сразу появилось новое отношенiе къ предмету, образовалась новая школа. Впервые, она главнымъ предметомъ своего изслѣдованiя взяла преступника, а не преступленiе, и вотвторыхъ, при изученiю преступнаго челоуѣка, она воспользовалась методами, выработанными антропологiею и медициною ¹⁾. Антропологiя и психiатрiя доказали своими колоссальными, быстрыми успѣхами, что методъ сравнительнаго наблюденiя можетъ дать многое, и нѣтъ сомнѣнiя, что когда криминологiя будетъ разрабатываться методомъ, созданнымъ психiатрiею, она скоро выработаетъ новое ученiе, значительно обогатится новыми свѣдѣнiями и, что еще важнѣе, многое намъ объяснитъ въ социологiи и юриспруденци.

Пока еще главнѣйшiе выводы новой школы не могутъ считаться доказанными, и произведенiя Ломброзо ²⁾, Garofalo ³⁾, Ferri ⁴⁾, Coggi ⁵⁾, Магго ⁶⁾ имѣютъ право на вниманiе какъ первыя попытки изучить преступника въ совершенно новомъ направленiи. Но, на основанiи выказаннаго, я не сомнѣваюсь въ томъ, что, изучающiе теперь право, обогатятъ свои свѣдѣнiя знакомствомъ съ работами по криминальной антропологiи; что, кто пожелаетъ самъ посвятить себя изслѣдованiямъ въ этой области, тотъ употребитъ свой трудъ крайне плодотворно, и наконецъ, надо ждать того времени, когда для образованнаго юриста знакомство съ работами этой школы будетъ обезпечено.

Вотъ почему, для изучающаго теперь юриспруденцию, знакомство съ психiатрiею имѣетъ особое значенiе. Ознакомившись съ ея основа-

— ¹⁾ Какъ важна такая постановка вопроса указалъ О. Контъ; онъ говорить: «La science conerète se rapporte aux êtres et aux objets; la science abstraite aux événements».

²⁾ L'homme criminel. 1887. L'antropologie criminelle, 1890.

³⁾ La criminologie (trad. d. l'italien, 1888).

⁴⁾ La sociologie criminelle 1890.

⁵⁾ Les criminels, 1889.

⁶⁾ I caratteri dei delinquenti, 1887.

ми, понявъ ея методъ, какъ науки наблюдательной, юристъ будетъ понимать криминальную антропологію, будетъ понимать преступленіе и преступнаго человѣка съ антропологической стороны. Близость преступленія и болѣзни, ихъ родство въ антропологическомъ отношеніи, едва ли можетъ быть оспариваемо; и потому даже немислимо широкое пониманіе преступленія безъ знанія патологическихъ явленій нашей души. Узнавъ, какъ изучается болѣзнь, и такимъ же образомъ изучивъ преступленіе, т. е. изслѣдуя преступнаго человѣка какъ врачъ, имѣющій дѣло съ болѣзнью, изучая больного человѣка, — юристъ получаетъ новое, крайне плодотворное орудіе для своихъ изслѣдованій, расширяетъ свое пониманіе; безспорно, что для юриста, знакомаго съ патологіей души, многое въ его дѣятельности будетъ освѣщено гораздо ярче, свѣтлѣе, чѣмъ для не изучавшаго этой области. Понимать преступленіе, не зная патологіи души, едва-ли возможно; еще Декартъ говорилъ, что только медицина можетъ исправить порочность челоѣчества.

Наконецъ, психіатрія такъ близко соприкасается съ психологіей — въ сущности первая не болѣе какъ отдѣлъ — второй, что изученіе психіатріи немислимо безъ параллельнаго изученія психологіи, — а развѣ можетъ юристъ обойтись безъ знанія психологіи; напримѣръ, можетъ-ли юристъ понимать правильно цѣлый рядъ преступленій, не понимая, что такое аффектъ, что такое страсть. Впрочемъ, необходимость знанія психологіи и психіатріи такъ очевидна, что не нуждается въ доказательствахъ. Психологія и психіатрія учатъ тому, что можно требовать отъ человѣка, и за что, и какъ его слѣдуетъ наказывать. Однимъ словомъ, не зная психологіи и психіатріи, юристъ никогда не пойметъ преступленія во всемъ его цѣломъ. Вообще, мы знаемъ, что всякая наука, прогрессируя, стремится обосноваться на болѣе суммѣ знаній, войти въ живую связь съ другими науками, исчерпавъ себя въ одномъ направленіи, ищетъ новыхъ методовъ, пользуется выводами и методами другихъ наукъ, а криминологія, въ наше время, входитъ въ непосредственную связь съ естествознаніемъ и психологіей, ближе всего соприкасается съ психіатріей.

Вотъ соображенія о необходимости для современнаго юриста изучать патологію нашей души; дальнѣйшее изложеніе предмета, я полагаю, убѣдитъ, что психіатрія въ высшей степени расширяетъ теоретическое образованіе юриста, а въ продолженіе своей дѣятельности всякій интересующійся своимъ дѣломъ будетъ считать время, по-

траченное на изученіе психіатріи,— проведеннымъ съ самою большою пользою.

Законно сомнѣніе въ томъ, что юристы, по своей подготовкѣ, не могутъ усвоить основъ психіатріи, и это сомнѣніе, вѣроятно, вело къ тому, что до настоящаго времени не было серьезныхъ попытокъ ознакомиться изучающихъ юриспруденцію съ этимъ отдѣломъ Судебной Медицины въ томъ размѣрѣ, какъ того требуетъ важность предмета. Но я уже высказалъ соображенія, доказывающія, по моему убѣжденію, что юристъ долженъ знать судебную психіатрію; а разъ согласимся, что изученіе психіатріи необходимо, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны придти къ заключенію, что какъ бы ни было трудно изученіе этого предмета, нашъ долгъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы усвоить то, что, по нашему убѣжденію, должно быть намъ извѣстно. «Travaillons donc à bien penser; voilà le principe de la morale ¹⁾». Наконецъ, предметъ этотъ такъ интересенъ, такъ близко соприкасается съ наиболѣе важными вопросами психологіи и антропологіи, что легко завладѣваетъ вниманіемъ, чѣмъ, конечно, усвоеніе его, въ высокой степени, облегчается.

Г Л А В А II.

Общія понятія о душевной дѣятельности и болѣзняхъ.

Приступая къ изложенію столь обширнаго и постоянно прогрессирующаго ученія, какъ ученіе о душевныхъ больныхъ, необходимо, прежде всего, опредѣлить предметъ изученія, чтобы выяснитъ взглядъ автора и намѣтить границы и объемъ изученія. Это предварительное опредѣленіе, такимъ образомъ, послужитъ программой всего изложенія.

Самое глубокое опредѣленіе душевныхъ больныхъ дано Esquirol'емъ ²⁾; оно принято почти единогласно всеми психіатрами; онъ опредѣлилъ душевную болѣзнь такъ: «душевная болѣзнь есть болѣзнь (affection) головного мозга, обыкновенно хроническая, безъ лихорадки, и характеризующаяся расстройствами чувствъ, мысли и воли».

Несовершенство этого опредѣленія состоитъ въ томъ, что оно,

¹⁾ Pascal, Pensées, 1, 6.

²⁾ Des maladies mentales, p. 5. 1838.

опредѣляя болѣзнь, не опредѣляетъ намъ больного; душевная болѣзнь въ глубокой степени, измѣняетъ человѣка, какъ члена общества, и хотя Esquirol однимъ изъ признаковъ болѣзни считаетъ разстройство воли, но въ его опредѣленіи не выяснено—до какой степени достигаетъ это разстройство. Поэтому, необходимо привести въ дополнение къ этому опредѣленію опредѣленіе Baillarger ¹⁾: «главный признакъ душевной болѣзни—это потеря свободной воли»; также опредѣляетъ душевную болѣзнь Marcé и Ball ²⁾; послѣдній говоритъ: «душевно-больной—это человѣкъ, влѣдствіе глубокаго разстройства умственныхъ способностей, потерявшій болѣе или менѣе совершенно свою нравственную свободу и потому сдѣлавшійся неотвѣтственнымъ передъ обществомъ за свои поступки».

Чтобы доказать справедливость опредѣленій Esquirol и Baillarger необходимо привести данныя, указывающія на то, что головной мозгъ есть органъ психической дѣятельности, выяснить—въ какомъ отношеніи стоитъ психическая жизнь къ дѣятельности мозга, выяснить, что такое свобода воли. Всѣ эти вопросы непосредственно возбуждаются этимъ глубокимъ и прекраснымъ опредѣленіемъ: совершенство этого опредѣленія видно и изъ того, что оно опредѣляетъ душевную болѣзнь съ двухъ сторонъ—и со стороны матеріальныхъ измѣненій, ея составляющихъ,—и со стороны внутренняго воспріятія, указывая, тѣмъ самымъ,—какимъ путемъ, съ помощью какихъ методовъ, какихъ вспомогательныхъ наукъ мы должны изучать душевныя болѣзни.

Прежде всего, нужно установить, что, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ говорить, что душевныя болѣзни суть болѣзни головного мозга въ томъ же смыслѣ, какъ мы говоримъ, что чахотка—болѣзнь легкихъ. Далеко не при всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ мы можемъ констатировать опредѣленные измѣненія въ головномъ мозгу; только, при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ, наблюдаются опредѣленные измѣненія какъ въ головномъ, такъ и въ спинномъ мозгу ³⁾. Поэтому, утверженіе, что всѣ душевныя болѣзни

¹⁾ Цитировано по Ball. *Leçons sur les maladies mentales*, p. 38.

²⁾ *Op. cit.*, p. 37.

³⁾ Въ моихъ изслѣдованіяхъ о прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ. «О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ спинного мозга въ прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ» (1883) и патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ головного мозга въ прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ («Военно-Медицинскій Журналъ», 1886) приведена вся литература предмета.

суть болѣзни головного мозга — есть не болѣе какъ гипотеза; справедливость этой гипотезы доказывается многочисленными фактами, приведу лишь главнѣйшія, убѣдительнѣйшія доказательства въ пользу того, что головной мозгъ есть органъ психической жизни.

Уже Пегорилос (300 лѣтъ до Р. Х.), замѣтивъ тотъ фактъ, что всѣ нервы сходятся въ головномъ мозгу, который такимъ образомъ является центромъ, — утверждалъ, что головной мозгъ есть органъ души; съ тѣхъ поръ никѣмъ это предположеніе не опровергалось.

Совершенно точно извѣстно, что чѣмъ больше головной мозгъ относительно тѣла, тѣмъ животное выше въ умственномъ отношеніи; относительно наибольшій мозгъ у человѣка. Это было извѣстно уже Аристотелю. По Ехнер вѣсъ мозга къ вѣсу тѣла относится:

у сома какъ	1	къ	1.837
» слона »	1	»	500
» овцы »	1	»	351
» орла »	1	»	160
» кошки »	1	»	82
» гибона »	1	»	48
» человѣка какъ	1	»	23

Средній вѣсъ мозга по Вичоффу: у мужчинъ 1.363 граммъ, у женщинъ — 1.244 гр., у гениальныхъ же людей вѣсъ мозга значительно больше; такъ, напримѣръ, у Gauss 1.492 грм., у Байрона 1.807 грм., у Кювье 1.861 грм. ¹⁾.

На основаніи сравнительно-анатомическихъ данныхъ, мы въ настоящее время можемъ утверждать, что органомъ психической жизни служатъ полушарія большого мозга, такъ какъ безспорно доказано, что чѣмъ выше животное въ умственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, по отношенію ко всему мозгу, у нихъ развиты мозговые полушарія.

Конечно, наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что мозговые полушарія органъ психической жизни, служатъ фізіологическіе опыты. Голубь, у котораго удалены большія полушарія, если не раздражать его, сидитъ неподвижно, но при толканіи сохраняетъ полную гармонію движеній, при ходьбѣ и летаніи; безъ внѣшняго же раздраженія не дѣлаетъ самостоятельныхъ, произвольныхъ, цѣлесообразныхъ

¹⁾ Различіе въ ростѣ мужчины и женщины выражается отношеніемъ 100 : 93,2; различіе въ вѣсѣ мозга относится какъ 100 : 90,93 (Мейнертъ. Психіатрія, стр. 273).

движеній Представленія, память, воля исчезли; по собственной инициативѣ, голубь безъ большихъ полушарій не ѣсть и не пьетъ, но если ввести ему пищу или питье въ зѣвъ, то онъ проглатываетъ ихъ. Тѣ же самыя явленія наблюдаются и у кроликовъ по удаленіи большихъ полушарій.

Физиологическіе опыты даютъ намъ еще болѣе точныя указанія на то, что большія полушарія—мѣсто психической жизни, такъ какъ этими опытами довольно точно опредѣлены тѣ отдѣлы большихъ полушарій, по разрушеніи которыхъ животныя (собака, обезьяна) теряютъ способность узнавать предметы, имъ прежде извѣстные, теряютъ способность узнавать звуки, для нихъ знакомые; говоря иначе, физиологическими опытами опредѣлены мѣста, т. е. центры зрительныхъ и слуховыхъ представленій.

Еще болѣе цѣнныя доказательства даютъ намъ наблюденія надъ нервно-больными; эти доказательства убѣдительнѣе представляемыхъ физиологіей, такъ какъ еще многіе думаютъ, что результаты опытовъ надъ животными не могутъ имѣть значенія для объясненія физиологіи человѣка. Замѣчу кстати, что такой взглядъ есть остатокъ ученія Декарта о животномъ, какъ машинѣ; духъ, по ученію Декарта, есть исключительная принадлежность человѣка. Патологія насъ учитъ, что только болѣзни головного мозга сопровождаются измѣненіемъ психической дѣятельности и даже полною потерей сознанія; потерю сознанія сопровождаются значительныя измѣненія въ кровообращеніи мозга. Врожденные пороки мозга сопровождаются всегда не полнымъ развитіемъ психическихъ силъ.

Я уже упоминалъ про то, что при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ наблюдаются опредѣленные измѣненія, главнымъ образомъ, въ большихъ полушаріяхъ. Извѣстны случаи, когда значительныя разрушенія головного мозга, причиненныя, на примѣръ, ружейною пулею, прошедшею насквозь черезъ голову, не сопровождались замѣтнымъ измѣненіемъ психической организаци; но такіе случаи не могутъ служить опроверженіемъ факта, что разрушеніе опредѣленныхъ отдѣловъ головного мозга ведетъ за собою извѣстныя измѣненія. Мы знаемъ, что дѣйствительно мозговая ткань обладаетъ свойствомъ, состоящимъ въ томъ, что, при разрушеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ мозга, работу ихъ совершаютъ другіе, не разрушенные. Кромѣ того, такіе случаи, когда, при разрушеніи мозга, не произошло никакихъ измѣненій въ психической организаци, не могутъ считаться вполне

доказательными, такъ какъ если, по раненіи, дѣйствительно не оказывалось какихъ-либо грубыхъ аномалій психической жизни, то это еще ничуть не доказываетъ, что пострадавшій, въ психическомъ отношеніи, остался *тѣмъ же*, каковъ онъ былъ до полученія раны.

Весьма убѣдительнымъ доказательствомъ того, что большія полушарія—мѣсто всѣхъ психическихъ отправленій, было, составляющее эпоху, открытіе Брокъа. Онъ замѣтилъ и доказалъ, что, при пораженіи опредѣленнаго участка лѣваго полушарія, больной теряетъ способность рѣчи, какъ устной, такъ и письменной; при сохраненіи всѣхъ аппаратовъ, служащихъ къ произношенію словъ, больной не можетъ говорить, потому что онъ или забылъ слова, или потому, что позабылъ какъ нужно пользоваться упомянутыми аппаратами. Все ученіе о локализациі центра рѣчи, имѣющее громадное значеніе для психологіи и философіи, является доказательствомъ, не допускающимъ опроверженія того, что большія полушарія—дѣйствительно органъ психической жизни.

Установивъ фактъ, что мозгъ есть органъ психической дѣятельности,—можемъ-ли мы утверждать, что психическая жизнь есть функція мозга, или мы можемъ только утверждать, что мозгъ есть органъ психической жизни въ томъ смыслѣ, что только при полномъ здоровьѣ мозга возможна психическая жизнь?

То или другое пониманіе этого вопроса имѣетъ громадное значеніе не только для нашего общаго философскаго міровоззрѣнія, но и для выработки метода и плана изученія психической жизни и ея патологическихъ уклоненій, что составляетъ нашу непосредственную задачу. Въ философіи не прекращались и, я думаю, не прекратятся никогда споры о томъ,—въ какомъ отношеніи находится дѣятельность мозга, какъ органа нашего тѣла, къ нашей психической жизни; то или другое пониманіе этого основнаго вопроса характеризуетъ собою все направленіе, такъ какъ рѣшеніемъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, этого вопроса, выражается самое существенное въ воззрѣніяхъ автора; отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса зависитъ уже отношеніе къ другимъ проблемамъ, задаваемымъ тою стороною нашей духовной жизни, отвѣты на которыя и составляютъ философію.

Соотношеніе между матеріей и духомъ, большими полушаріями и сознаніемъ опредѣлялись и опредѣляются слѣдующими четырьмя гипотезами: первая,—душа есть продуктъ матеріи, сознание есть функція мозга—это материалистическое воззрѣніе; такъ какъ эта гипотеза при-

знаетъ лишь одну сущность—матерію, то такое ученіе есть монизмъ; второе ученіе—монистическій спиритуализмъ, признаетъ, наоборотъ, что матерія есть продуктъ духа, что духъ единая сущность; третья гипотеза—что духъ и матерія двѣ различныя субстанціи взаимно воздѣйствующія другъ на друга; такое ученіе есть дуализмъ; наконецъ, четвертое разрѣшеніе проблемы состоитъ въ томъ, что духъ и матерія понимаются какъ двѣ формы проявленія одной и той-же сущности; слѣдовательно, ни матерія, ни духъ не признаются первичными основными сущностями; по этому ученію, и психическія явленія, и внѣшній міръ суть только доступныя намъ проявленія одного начала.

Я, конечно, не буду говорить объ исторіи этихъ ученій, о томъ, кто и когда создавалъ эти гипотезы. Для насъ эти гипотезы имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, лишь постольку, поскольку онѣ вліяли на развитіе и направленіе научныхъ изслѣдованій. Но я не счелъ бы себя въ правѣ заниматься этимъ вопросомъ, если-бы то, или другое его пониманіе не имѣло вліянія на самый методъ изученія, не указывало-бы на путь изслѣдованія. Отъ того, или другого пониманія этого вопроса зависитъ—какія вспомогательныя науки считаются необходимыми для изученія явленій психической жизни, какое значеніе дается анатоміи, фізіологіи и психологіи при изученіи патологіи души, а потому я считаю необходимымъ привести существенное во взглядахъ на этотъ предметъ, установить—какое пониманіе предмета, по моему убѣжденію, способствуетъ прогрессу въ научномъ изученіи психическихъ явленій, какъ глубже всѣхъ выясняющихъ намъ соотношеніе между тѣломъ и душою.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ гипотезъ, необходимо установить,—что такое сознаніе, такъ какъ психическія явленія отличаются отъ фізіологическихъ тѣмъ, что они сознательны, и противопоставляя психическую жизнь жизни тѣла, мы, тѣмъ самымъ, противопоставляемъ сознательное—лишенному сознанія ¹⁾.

Должно признаться, что мы не можемъ опредѣлить сознанія; многочисленныя попытки опредѣлить сознаніе выходили описаніями, а не опредѣленіями. Дѣло въ томъ, что сознаніе есть простѣйшее, непосредственное изъ всего намъ извѣстнаго; сознаніе есть условіе вся-

¹⁾ Въ своемъ прекрасномъ руководствѣ (Handbook of psychology. 1889). Baldwin опредѣляетъ психологію какъ науку объ явленіяхъ сознанія (science of the phenomena of consciousness).

каго внутренняго воспріятія, и мы непосредственно и всегда находимъ его въ себѣ. Весьма вѣрно говорить о сознаніи Schwartzger ¹⁾ слѣдующее: «Сознаніе есть нѣчто, до сихъ поръ необъяснимое, нѣчто первичное, непосредственно намъ данное; всѣ попытки выяснитъ его сущность безплодны». Иначе и быть не можетъ—сознаніе и его простѣйшіе элементы, напр., краски—не могутъ быть опредѣлены, потому что онѣ простѣйшія основныя явленія и не могутъ быть сведены на болѣе простыя, болѣе извѣстныя. Такъ-же, какъ мы не можемъ опредѣлить голубого цвѣта, кислаго вкуса—такъ же не можемъ опредѣлить сознанія. Для насъ нѣтъ ничего элементарнѣе, непосредственнѣе, извѣстнѣе, какъ сознаніе и его элементы; поэтому, они ничѣмъ не могутъ быть опредѣлимы, и весь остальной міръ опредѣляется по тѣмъ измѣненіямъ въ сознаніи, которыя онъ производитъ.

Мы можемъ только указать на главныя условія, при которыхъ проявляется сознаніе, указать, что самое существенное въ жизни сознанія.

Прежде всего, безъ перемѣны, сознаніе невозможно: когда перемѣна въ сознаніи прекращается—прекращается и сознаніе. Однообразныя раздраженія, напр., однообразныя движенія гипнотизера, сосредоточеніе вниманія на одномъ предметѣ ведетъ къ потерѣ сознанія, что давно было извѣстно индійскимъ факирамъ. Измѣненіе и противоположность безусловно необходимы для сознанія; потухающее сознаніе, напр., при засыпаніи, легко пробуждается какимъ либо новымъ раздраженіемъ.

Но сознаніе не состоитъ, конечно, въ смѣнѣ его элементовъ безъ всякой послѣдовательности и связи; для сознанія необходимо, чтобы его состоянія сохранялись. Два приведенныя условія не характеризуютъ сознанія; также они одинаково необходимы для всякой органической жизни; и всякая органическая матерія обладаетъ свойствомъ сохраненія и воспроизведенія своихъ состояній. Но органическая матерія *не узнаетъ* воспроизведенныхъ состояній; только сознаніе обладаетъ свойствомъ узнавать прежде въ немъ бывшее. Благодаря этому свойству, бывшее въ сознаніи въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, сливается въ одно непосредственное цѣлое. Способностямъ же узнавать и воспоминать, т. е. самостоятельно возсоздавать пережитое, сознаніе проявляетъ свое внутреннее единство; ничего подобнаго не имѣетъ весь матеріальный міръ.

¹⁾ Die Bewusstlosigkeitzustände als Strafausschleissungsgründe. 5. 5.

И такъ, сознательная жизнь характеризуется тремя главными свойствами: измѣненіе и противоположность—необходимыя условія для сознанія; узнаваніе прежнихъ состояній, связь между прежде бывшимъ въ сознаніи и вновь воспринятымъ; сознаніе всегда проявляетъ свое внутреннее единство. Внутреннее единство сознанія ведетъ къ тому, что все, воспринятое сознаніемъ, тотчасъ же сочетается со всѣмъ прежнимъ, и сознаніе постоянно остается единымъ и все содержаніе сознанія—слитымъ въ единое, цѣльное, нераздѣльное. Жизнь сознанія состоитъ въ постоянномъ соединеніи, сочетаніи его элементовъ между собою; поэтому, мы въ правѣ, вмѣстѣ съ Кантомъ, утверждать, что главная форма сознанія—это синтезъ. Въ жизни сознанія всегда проявляется энергія, сила, направленная на сочетаніе между собою его элементовъ; сознаніе никогда не остается абсолютно бездѣтельнымъ; въ немъ идетъ непрерывная работа сочетанія элементовъ въ болѣе сложныя понятія, образованіе сужденій, и т. д.

Едва-ли нужно доказывать, что жизнь сознанія есть постоянное, непрерывное проявленіе силы, такъ какъ мы непосредственно ощущаемъ напряженіе сознанія, непосредственно ощущаемъ его дѣятельность, направленную на сочетаніе элементовъ съ опредѣленною всегда цѣлью.

Впрочемъ, повторяю еще разъ, что всѣ мы имѣемъ самыя непосредственныя свѣдѣнія о сознаніи; всѣ мы сознаемъ наше единство, всѣ мы испытываемъ напряженіе, съ которымъ происходитъ постоянная работа въ нашемъ сознаніи, всѣ непосредственно знаютъ, что такое узнаваніе прежде пережитого, что сознаніе есть вѣчная смѣна,—все это нами непосредственно воспринимается и для насъ нѣтъ ничего проще, непосредственнѣе сознанія.

Напомнимъ факты всѣмъ извѣстные относительно сознанія, возвратимся къ тому,—какъ понимались и понимаются отношенія тѣла и души, мозга—къ психической жизни, бессознательнаго къ сознательному.

Такъ какъ представленія о внѣшнемъ мірѣ почти у всѣхъ людей играютъ преобладающую роль, а внутренняя наша жизнь только у немногихъ обращаетъ, главнымъ образомъ, на себя вниманіе, то естественно, что только матерія для большинства есть единая дѣйствительность. Матеріализмъ—самое древнее и самое распространенное міровоззрѣніе. Самый послѣдовательный матеріалистъ былъ Демокритъ и до Сократа не было другой философіи. Для ума, непросвѣщеннаго фило-

софіей, кажется такъ просто, что единая сущность, единая дѣйствительность есть матерія; извѣстное выраженіе Карла Фохта: «такъ же какъ движеніе есть функція мускуловъ, какъ почки выдѣляютъ мочу, такъ мозгъ производитъ мысли, движенія, чувства»,—облетѣло весь міръ и многимъ показалось самымъ простымъ рѣшеніемъ самаго труднаго вопроса.

Ошибочно полагаютъ, что въ наше время, благодаря громаднымъ успѣхамъ естествознанія, матеріализмъ сталъ господствующимъ міровоззрѣніемъ; всегда большинство исповѣдывало матеріализмъ. Даже смѣлое положеніе Карла Фохта, что то, что мы называемъ душевною дѣятельностью, есть функція мозга и что мысли стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени, какъ моча къ почкамъ—вовсе не ново; то же самое говорилъ Саваніс ¹⁾. Такъ или иначе, но большинство считаетъ, что психическая жизнь — функція мозга и что психологія не болѣе, какъ глава физиологіи. Но философски мыслящій умъ уже потому не можетъ удовлетвориться этимъ міровоззрѣніемъ, что оно не разрѣшаетъ вопроса, а отодвигаетъ только его разрѣшеніе, ибо, все-таки, остается неизвѣстнымъ, чтѣ-же такое матерія; философски мыслящій умъ никакъ не можетъ согласиться—объяснять извѣстное неизвѣстнымъ, простое—сложнымъ, непосредственно воспринимаемое—воспринятымъ посредственно.

Весь внѣшній міръ для насъ существуетъ только въ нашемъ сознаніи и существуетъ только чрезъ посредство этого сознанія; пропе, непосредственно сознанія для насъ ничего нѣтъ. Психіатръ Neumann ²⁾ говоритъ вполне вѣрно: «наше сознаніе есть единственный, неопровержимый базисъ нашихъ знаній». Положеніе, что психическая жизнь есть функція мозга, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: въ физиологическомъ смыслѣ понятіе «функція» можетъ относиться къ чему либо, чтѣ въ формѣ пространства составляетъ предметъ нашего воспріятія, а мысли и чувства не могутъ быть даже представлены въ пространствѣ. Матеріализмъ всегда забываетъ, что состоянія сознанія и свѣдѣнія о дѣятельности мозга извѣстны намъ совершенно различными способами познанія.

Для насъ главная ошибка матеріализма состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ сознательное съ безсознательнымъ и такимъ обра-

¹⁾ Rapport du physique et du moral de l'homme. 2 Edition, t. 1, p. 152.

²⁾ Zeitschr. d. Psychiatrie.

зомъ закрываетъ путь къ плодотворнымъ изслѣдованіямъ, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра; даже въ физиологiи, по прекрасному замѣчанію Claude-Bernard ¹⁾ «le materialisme ne conduit à rien et n'explique rien».

Лучшіе образованные физиологи хорошо понимаютъ эту ошибку матеріализма. Ferrier ²⁾, которому мы обязаны лучшимъ изслѣдованіемъ функцій головного мозга, такъ хорошо выяснилъ непослѣдовательность матеріализма, что я просто приведу его собственныя слова. «Никакое чисто физиологическое изслѣдованіе не можетъ намъ объяснить сознанія. Какимъ образомъ молекулярныя измѣненія въ мозговыхъ клѣткахъ совпадаютъ съ измѣненіями сознанія?..... Вотъ неразрѣшимые вопросы. Мы можемъ надѣяться, что опредѣлимъ точную натуру молекулярныхъ измѣненій въ мозговыхъ клѣткахъ, происходящихъ при ощущеніи, но это насъ не приблизитъ ни на волосъ къ разъясненію того, что такое собственно ощущеніе. Одно явленіе объективное; другое явленіе субъективное, и ни одно изъ нихъ не можетъ считаться функціей другого». Въ самомъ дѣлѣ, ни химическій анализъ нерва, ни изслѣдованіе молекулярнаго его строенія, какъ бы точны и совершенны они ни были, не могутъ объяснить намъ,—почему лучъ свѣта, кромѣ извѣстныхъ измѣненій въ самомъ нервѣ, производитъ сознательное свѣтовое представленіе. Какъ бы мы ни изслѣдовали и ни изучали самый нервъ, мы никогда не можемъ понять,—почему и какъ, кромѣ опредѣленныхъ измѣненій въ нервѣ, возникаютъ и опредѣленные измѣненія сознанія. Если-бы наши методы изслѣдованія достигли-бы такого совершенства, что мы могли-бы видѣть самыя молекулы мозга, если бы даже могли видѣть,—какія именно молекулярныя измѣненія соотвѣтствуютъ данному психическому акту, то и тогда мы не могли бы понять,—какъ объективное явленіе переходитъ въ субъективное. Пропастъ, отдѣляющая послѣдній актъ въ матеріальныхъ элементахъ отъ перваго появленія ощущенія, останется такъ-же велика, какъ бы ни совершенны были наши знанія по физиологiи большихъ полушарій.

Возникновеніе простѣйшаго ощущенія, по убѣжденію величайшаго физиолога нашего времени du Bois-Reymond'a, ³⁾ составляетъ неразрѣшимую загадку; вопросъ этотъ онъ считаетъ трансцендентнымъ. Весь-

¹⁾ La science experimentale. Physiologie du coeur, p. 361.

²⁾ Ferrier. Les fonctions du cerveau. 1878, p. 410.

³⁾ Über die Grenzen des Naturerkennens. 1884. S. 79.

ма вразумительно говорить объ этомъ вопросѣ великій психіатръ Гринингеръ ¹⁾: «Всѣ колебанія и дрожанія, всѣ электрическіе и механическіе процессы не составляютъ еще душевнаго состоянія—представленія. Какимъ образомъ они обращаются въ послѣднее—загадка, вѣроятно, никогда не разрѣшимая, и мнѣ кажется, что если-бы даже къ намъ сошелъ теперь съ неба ангель, чтобы объяснить это, то нашъ разумъ не былъ бы въ состояніи даже и понять его».

Не имѣя вовсе цѣли разбирать недостатки философскимъ системъ, я остановился, все-таки, на двухъ основныхъ противорѣчіяхъ матеріализма, какъ философской системы; однако, не смотря на то, что матеріализмъ стремится объяснить простѣйшее сложнымъ,—непосредственно извѣстное—извѣстнымъ посредственно и принимаетъ за извѣстное—переходъ измѣненій нервной системы въ психическія явленія—то, что не только намъ никогда не будетъ извѣстно, но даже не можетъ быть понято нашимъ умомъ,—матеріализмъ большинству всегда казался самымъ простымъ рѣшеніемъ главныхъ вопросовъ нашего мышленія.

Несовершенство матеріализма, какъ философской системы, было понято съ самыхъ первыхъ шаговъ философской мысли и ему постоянно противопоставлялось совершенно другое объясненіе отношенія тѣла къ духу, состоящее въ томъ, что единою сущностью, единою дѣйствительностью признавался духъ. Монистическій спиритуализмъ, въ продолженіи всей исторіи философской мысли, боролся съ матеріализмомъ и послѣдній изъ философовъ, имѣющій право на почетное мѣсто въ исторіи философіи, Lotze, былъ спиритуалистомъ. Монистическій спиритуализмъ справедливо указываетъ, что всякая разумная гипотеза есть объясненіе неизвѣстнаго или меньше извѣстнаго—лучше извѣстнымъ, сложнаго—простымъ. Сознаніе для насъ наиболѣе извѣстное, самое простое; душевная жизнь намъ непосредственно извѣстна, понятіе о матеріи есть уже продуктъ сознанія; матерія намъ дана только постольку, поскольку она отражается въ сознаніи; что такое матерія сама по себѣ мы не знаемъ и не можемъ знать; мы знаемъ о матеріи лишь какъ объ извѣстныхъ состояніяхъ сознанія, которое мы называемъ понятіемъ о матеріи. Наша же душевная жизнь дана намъ непосредственно, составляетъ насъ самихъ; весь-же внѣшній міръ для насъ не болѣе, какъ измѣненія сознанія. Ощущенія, представленія, понятія, чувствованія—это состоянія нашего сознанія,—мы сами, весь-же

¹⁾ Душевные болѣзни, стр. 6.

матеріальний міръ отражается, какъ рядъ представлений, въ нашемъ сознаниі. Представленіе, какъ состояніе сознания, намъ непосредственно дано, внѣшній же предметъ для насъ не болѣе, какъ то, что содержится въ этомъ представленіи; мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ самомъ фактѣ представленія, такъ какъ оно намъ непосредственно извѣстно, и не имѣемъ никакихъ оснований утверждать, что представленіе есть дѣйствительный, вѣрный отпечатокъ матеріальнаго предмета. Если я вижу лимонъ,—то я не могу никакимъ образомъ отрицать, что во мнѣ произошло извѣстное измѣненіе сознания, что во мнѣ возникло представленіе; для меня это фактъ, непосредственно данный, но утверждать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что во внѣшнемъ мірѣ есть точно такой-же предметъ, какимъ онъ представился моему сознанию, я не имѣю права. Я не могу, никоимъ образомъ, убѣдиться въ реальности этого предмета; все, что я могу сдѣлать для провѣрки реальности этого предмета, будутъ не больше какъ состоянія сознания, и всегда для меня будутъ одни непосредственные факты—состоянія сознания. Всѣ представленія о лимонѣ, его видѣ, вкусѣ и запахѣ не болѣе, какъ состоянія сознания, и весь внѣшній міръ для насъ ничто иное, какъ безконечный рядъ состояній сознания.

Наивное міровоззрѣніе отождествляетъ внѣшній міръ съ состояніями сознания, но, вообще, человѣчество не удовлетворялось воззрѣніемъ, что внѣшній міръ именно таковъ, каковъ онъ представляется нашему сознанию и стремилось одухотворить этотъ міръ.

Поэтому, совершенно непослѣдовательна философія, основное положеніе которой, что матерія есть единое дѣйствительное, единая сущность. Не имѣя никакихъ доказательствъ, что міръ не болѣе, какъ рядъ состояній нашего сознания,—положеніе, что измѣненіямъ въ состояніи сознания дѣйствительно соотвѣтствуютъ внѣшнія явленія, что эти послѣднія сами по себѣ существуютъ и вызываютъ соотвѣтственные измѣненія въ сознаниі—не болѣе какъ гипотеза, такъ какъ только состоянія сознания для насъ факты. Есть-ли что-либо помимо нашего сознания, вызывающее измѣненія въ нашемъ сознаниі и въ какомъ соотвѣтствіи стоитъ это что-то къ измѣненіямъ нашего сознания,—мы не знаемъ и знать не можемъ, потому что ничего, кромѣ сознания, намъ непосредственно не дано.

Поэтому ученіе, что единая дѣйствительность, единая сущность есть духъ—ничѣмъ опровергнуто быть не можетъ. Неполнота и несовершенство этого ученія состоитъ въ томъ, что оно не объясняетъ

того, что такое духъ и, слѣдовательно, оставляетъ безъ отвѣта главный вопросъ, такъ же какъ и матеріализмъ, не объясняющій намъ, что такое матерія; но главное, что оставляетъ безъ отвѣта это учение—почему и какимъ образомъ отличаются наши представленія о внѣшнемъ мірѣ отъ представленій міра внутренняго, если духъ есть единая сущность?.. Если бы все въ мірѣ—былъ духъ, то никакого различія между представленіями о внѣшнемъ мірѣ и представленіями о нашемъ внутреннемъ мірѣ не существовало бы; тогда не было бы того глубокаго различія между непосредственно намъ данными состояніями нашего сознанія и представленіями о внѣшнемъ мірѣ, намъ данными посредственно, черезъ измѣненія въ сознаніи, имъ вызываемыми.

Это учение, въ своемъ послѣдовательномъ видѣ ведущее къ отрицанію внѣшняго міра, никогда не имѣло благотворнаго вліянія на научный прогрессъ, такъ какъ только глубокое, одинаковое изученіе непосредственно намъ даннаго внутренняго міра и міра внѣшняго,—на сколько онъ отражается въ нашемъ сознаніи,—есть естественная и благороднѣйшая потребность человѣка.

Наиболѣе проникло въ сознаніе образованнаго общества философское міровоззрѣніе Декарта. Большинство думаетъ, согласно ученію этого философа, что духъ и матерія двѣ первоначальныя субстанціи, двѣ первичныя сущности, обѣ одинаковой дѣйствительности; что матерія протяженна, а духъ нѣтъ; что духъ подчиненъ законамъ мышленія, а матерія—механическимъ законамъ; что духъ свободенъ, а матерія подчинена закону причинности, что эти двѣ сущности соединены въ человѣкѣ и взаимно воздѣйствуютъ другъ на друга. Всѣ эти положенія стали катехизисомъ большинства и вошли цѣликомъ въ большинство научныхъ сочиненій.

Однако дуализмъ — учение, оставляющее безъ отвѣта все то, на что не могутъ отвѣтить и матеріализмъ, и спиритуализмъ и, кромѣ того, вопросъ: какъ, почему двѣ одинаково первоначальныя субстанціи могутъ составлять такое гармоническое цѣлое, какъ человѣкъ? Какъ извѣстно, пришлось признавать предустановленную гармонию, или чудо при сотвореніи этихъ субстанцій, или постоянное чудо для объясненія взаимодѣйствія этихъ сущностей. Впрочемъ, едва-ли нужно указывать на несовершенство этого міровоззрѣнія; неполнота его черзурь очевидна. Безспорною заслугою Декарта было полное разъясненіе противоположности духа и матеріи, указаніе на главные атри-

буты этихъ двухъ субстанцій; ученіе Декарта о противоположности этихъ двухъ субстанцій, объ ихъ основныхъ свойствахъ, остается и до настоящаго времени самымъ глубокомысленнымъ, изъ всего того, что было когда-либо сказано объ этомъ предметѣ.

Дальнейшимъ развитіемъ ученія Декарта была философія Спинозы, учившаго, что духъ и матерія суть атрибуты одной абсолютной субстанціи.

Оставаясь на научной почвѣ, мы должны признаться, что ничего не знаемъ про то, въ чемъ состоитъ внутреннее соотношеніе, внутренняя связь духа и матеріи; мы можемъ только допустить, предположить, что матерія и духъ суть проявленія одной сущности, что и внутренній міръ, и внѣшній міръ суть разныя проявленія одной и той же сущности. Мы не можемъ отвѣчать на вопросы: что же это за сущность? почему она проявляется двояко, а не въ одной формѣ? Все это вопросы, на которые умъ нашъ не можетъ дать отвѣтовъ. Но мы знаемъ, что духъ и матерія намъ даны всегда вмѣстѣ, какъ нераздѣльное, также какъ субъектъ и объектъ, по старому удачному сравненію. Превосходство этого міровоззрѣнія передъ всеми остальными видно уже изъ того, что дѣйствительность, сущность по этому ученію лежитъ глубже, чѣмъ это учатъ вышеприведенныя воззрѣнія; не меньшимъ доказательствомъ совершенства этого міровоззрѣнія служитъ и то, что оно не утверждаетъ ничего такого, что недоступно нашему познаванію. Это ученіе есть гипотеза, для опроверженія которой мы не имѣемъ фактовъ,—гипотеза, приводящая въ связь все намъ извѣстное, не имѣющая внутреннихъ противорѣчій, примиряющая все ученія, такъ какъ въ ней нѣтъ той односторонности, которая свойственна всякому монизму; въ гипотезу эту входитъ все вѣрное, неопровержимое въ ученіи Декарта, и исключено то, что наименѣе понятно и наиболѣе неправдоподобно въ ученіи творца раціонализма.

Мы не можемъ объяснить явленій сознанія—измѣненіями въ мозговыхъ клѣткахъ полушарій, также не можемъ объяснить измѣненій въ нервныхъ клѣткахъ большихъ полушарій—измѣненіями въ состояніи сознанія, не можемъ допустить чуда, благодаря которому всегда опредѣленныя измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ большихъ полушарій совпадаютъ съ опредѣленными состояніями сознанія. Мы не имѣемъ права допустить ни одного изъ этихъ предположеній.

Намъ, слѣдовательно, остается допустить, что состоянія сознанія—мысли, чувствованія, рѣшенія во внѣшнемъ мірѣ—свое воплощеніе,

свое выражение находятъ въ измѣненіяхъ нервныхъ клѣтокъ большихъ полушарій; что измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ большихъ полушарій и соответствующія имъ состоянія сознания суть лишь двѣ формы проявленія одной сущности, внѣшнее и внутреннее проявленіе одного начала. Внѣшній міръ и внутренній міръ суть двѣ формы, два проявленія одного начала, двѣ стороны одного и того же основного феномена.

Прекрасно разъясняетъ Fechner ¹⁾ сущность этого міровоззрѣнія слѣдующимъ примѣромъ: если смотрѣть на кругъ, находясь внутри его, то мы будемъ видѣть выгнутую линію, если смотрѣть на тотъ же кругъ извнѣ, мы будемъ видѣть выпуклую линію. Обѣ стороны одного и того же круга составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, обѣ вмѣстѣ онѣ лишь составляютъ одинъ кругъ; также какъ и духъ человѣка составляютъ одно цѣлое, это двѣ формы; двѣ стороны одной и той же сущности. Мы не можемъ съ одной точки въ плоскости круга видѣть двѣ его стороны—выпуклую и выгнутую, мы не можемъ воспринимать внѣшній міръ такъ же, какъ воспринимаемъ внутренній; сколько бы ни вникали во внѣшній міръ, мы никогда и ничего не узнаемъ о внутреннемъ, и наоборотъ; всѣ наши свѣдѣнія о внутреннемъ мірѣ ничего намъ не объясняютъ о внѣшнемъ мірѣ, и наоборотъ.

Для насъ такое міровоззрѣніе имѣетъ особое значеніе, такъ какъ опредѣляетъ наше отношеніе къ изучаемому предмету, устанавливаетъ задачу изученія и указываетъ на тѣ методы и вспомогательныя науки, которые для насъ необходимы. Вотъ главное основаніе—почему я нашелъ необходимымъ затронуть здѣсь вопросы, составляющіе область философіи. Безъ этихъ вступительныхъ замѣчаній наше отношеніе къ предмету могло-бы казаться произвольнымъ, не было-бы выяснено,—почему для пониманія психическихъ болѣзней необходимо параллельное изученіе явленій и со стороны внутренняго воспріятія, и путемъ объективнаго наблюденія. Только философское отношеніе къ предмету можетъ выяснитъ,—какіе методы могутъ и должны быть избраны для изученія, только философское отношеніе можетъ намъ дать правильный общій взглядъ на предметъ. Психіатрія—не сборъ однихъ фактовъ, это вовсе не собраніе правилъ о томъ,—какъ нужно сохранять свое психическое здоровье; если-бы психіатрія была только

¹⁾ Elemente d. Psychophysick. Bd. 1., S. 2.

собраниемъ отдѣльныхъ, несвязанныхъ между собою наблюдений—она имѣла-бы только грубо-практическое значеніе. Очень ошибаются многіе, думая, что для изученія медицины не нужно философской подготовки, что философія и медицина не имѣютъ ничего общаго. Медицина, не освѣщенная философіей, обращается въ рядъ наблюдений и практическихъ правилъ; философія объясняетъ намъ общій смыслъ этихъ наблюдений. Эти общеизвѣстныя истины я позволилъ себѣ повторить еще разъ, потому что они часто забываются, и есть не мало людей, думающихъ, что для пониманія медицины вовсе не нужно знанія философій.

Я уже указалъ, что, безъ философскаго освѣщенія, самое опредѣленіе душевныхъ болѣзней не можетъ быть понято во всемъ его объемѣ. Только при философскомъ освѣщеніи изученіе душевныхъ болѣзней является не заучиваніемъ отдѣльныхъ признаковъ, наблюдаемыхъ при душевныхъ болѣзняхъ, а глубоко-осмысленнымъ проникновеніемъ въ тайны основной сущности, насколько она проявляется въ параллельныхъ аномаліяхъ нервной системы и психической жизни. Психіатрія дала и должна дать много фактовъ первостепенной важности въ доказательство, что духъ и матерія всегда сосуществуютъ и проявляются вмѣстѣ, такъ какъ и психическія явленія, и измѣненія въ нервной системѣ суть только два вида, двѣ формы проявленія одного и того-же бытія; лучшимъ доказательствомъ такого предположенія можетъ быть то, что всѣ отклоненія отъ нормы, всѣ аномаліи нервной системы сопутствуются опредѣленными отклоненіями въ состояніи сознанія, и наоборотъ.

Что касается значенія такого міровоззрѣнія для методики психіатріи, то оно намъ выясняетъ, что душевныя болѣзни, такъ какъ и нормальныя психическія явленія, должны изучаться двумя путями. Насколько односторонне изученіе одного явленія нашего сознанія, настолько же односторонне изученіе тѣхъ измѣненій въ нервной системѣ, которыя соответствуютъ даннымъ явленіямъ сознанія. Поэтому анатомія, физиологія, патологія нервной системы, сами по себѣ, не могутъ дать полнаго понятія о душевныхъ болѣзняхъ; также не полно пониманіе душевныхъ болѣзней, если извѣстны только тѣ измѣненія въ состояніяхъ сознанія, которыя бываютъ при душевныхъ болѣзняхъ, какъ-бы точно и совершенно ни были изучены эти болѣзненныя измѣненія сознанія. Поэтому, не можетъ быть и рѣчи о пониманіи психіатріи тѣми, кто знаетъ только патологическія измѣненія сознанія. Ду-

шевная болѣзнь, какъ болѣзнь всей личности человека, проявляется и измѣненіями его психической жизни, и измѣненіями въ его тѣлѣ вообще, а главнымъ-же образомъ—измѣненіями въ нервной системѣ. Только твердо усвоивъ себѣ это положеніе и никогда не упуская его изъ виду, можно изучать психіатрію.

Выяснивши себѣ соотношеніе между дѣятельностью головного мозга и психическою жизнью, мы уже можемъ изучать—въ чемъ состоитъ измѣненіе чувствованія, мысли и воли, составляющія душевную болѣзнь, какія измѣненія въ строеніи и функціяхъ мозга наблюдаются при душевныхъ болѣзняхъ.

Переходя къ изученію измѣненій чувствованія, мысли, воли необходимо установить, что чувствованія, мысли и воля вовсе не отдѣльныя способности души, какъ еще думаютъ нѣкоторые. Во всякомъ психическомъ актѣ содержатся элементы воли, мысли и чувствованія, такъ какъ человѣкъ, одновременно и неразрывно, и мыслить, и чувствовать, и проявляетъ волю. Правда, что, при однихъ психическихъ состояніяхъ, на первый планъ выступаетъ умственная дѣятельность, напр., при размысленіяхъ; при другихъ, наоборотъ, сознаніе почти всецѣло занято чувствованіемъ, напр., при сильной физической боли; наконецъ, при актѣ выбора напряженіе воли больше всего обращаетъ наше вниманіе. Но вовсе не нужно быть хорошимъ наблюдателемъ, чтобы убѣдиться, что, при самомъ спокойномъ размысленіи, мы испытываемъ тѣ или другія чувствованія, въ зависимости отъ хода и содержанія нашихъ мыслей, что самая сильная физическая боль сочетана съ элементами познания, такъ какъ мы опредѣляемъ мѣсто боли. Нечего и говорить, что воля не можетъ проявляться безъ мотива,—т. е. чувствованія, безъ цѣли,—т. е. представленія. Душа, какъ единое и нераздѣльное, всегда и во всемъ проявляется какъ единое, нераздѣльное, и, только перенося на душевную жизнь понятія, выработанныя по отношенію къ внѣшнему міру, люди составили себѣ нелѣпую фикцію о способностяхъ души. Декартъ, которому мы обязаны точнымъ выясненіемъ свойства духа, категорически высказалъ: *Vouloir, entendre, imaginer, sentir etc. ne sont que de diverses façons de penser qui appartiennent toutes à l'âme* ¹⁾.

Однако, такое дѣленіе всей душевной жизни на эти три основныхъ состоянія совершенно правильно, такъ какъ эти состоянія представ-

¹⁾ Descartes. Lettre à M. X***. Cousin, t. VI, p. 310.

ляются простѣйшими, неразложимыми. Всѣ психическіе акты, въ концѣ концовъ, состоятъ изъ чувствованій, ощущеній и проявленій воли. Вся умственная жизнь слагается изъ ощущеній—этихъ простѣйшихъ элементовъ, но умственная дѣятельность еще не составляетъ всей душевной жизни; никакія состоянія, никакія разложенія ея элементовъ не дадутъ того, что намъ непосредственно извѣстно какъ чувствованіе; поэтому, эти послѣднія мы должны считать совершенно самостоятельнымъ специфическимъ состояніемъ сознанія. Точно также воля, какъ сила, энергія, не можетъ считаться элементомъ умственной жизни, потому что никакія разложенія, никакія сочетанія элементовъ умственной жизни не дадутъ того, что намъ непосредственно извѣстно, какъ напряженіе, усиленіе. И такъ, душа проявляется всегда и какъ чувствованіе, и какъ мысль, и какъ воля; эти три совершенно самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга, формы проявленія одного начала, одной души. Чувствованіе не можетъ переходить въ мысль, и наоборотъ; они всегда остаются совершенно отличными другъ отъ друга.

Вотъ въ какомъ смыслѣ нужно понимать болѣзненные измѣненія чувствованія мысли и воли; какъ непремѣнные самостоятельные элементы всякаго психическаго процесса и мысли,—и воля, и чувствованія всѣ вмѣстѣ должны измѣняться при заболѣваніяхъ души; нельзя себѣ представить, чтобы измѣненіе было въ какомъ-нибудь отдѣльномъ элементѣ, или чтобы какой-либо процессъ сохранился при заболѣваніи другихъ. Болѣзнь души, какъ единой и нераздѣльной, непременно будетъ состоять въ измѣненіяхъ и мысли, и чувствованія, и воли, такъ какъ это не отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, способности, а лишь основныя состоянія; душа есть единое нераздѣльное, и измѣненіе мысли есть лишь послѣдствіе той же причины, которая обуславливаетъ измѣненія и въ сферѣ чувствованія, и въ сферѣ воли, потому что и мысль, и чувствованіе, и воля суть только разныя проявленія одной души, изъ различныхъ сочетаній которыхъ состоятъ всѣ психическіе процессы. Это основное положеніе всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не дѣлать самыхъ грубыхъ теоретическихъ и практическихъ ошибокъ. Измѣненія въ той или другой области могутъ быть выражены сильнѣе, болѣе бросаться въ глаза, но никогда душевная болѣзнь не можетъ состоять лишь въ измѣненіи какого-либо одного основнаго состоянія,—напримѣръ, мысли.

Г Л А В А III.

Психологія чувствованій ¹⁾.

Всѣ ощущенія, представленія, понятія, также какъ всѣ наши движенія вызываютъ въ сознаніи чувствованія пріятныя, или непріятныя. Сознаніе, такимъ образомъ, реагируетъ на всѣ воспріятія, на всѣ душевные процессы, на всѣ движенія; все, что совершается въ сознаніи, все, что наполняетъ его,—вызываетъ чувствованіе пріятнаго или непріятнаго съ многочисленными переходами отъ одного къ другому. Нельзя представить себѣ такого психическаго состоянія, которое не сопровождалось бы удовольствіемъ, или неудовольствіемъ. Всегда то или другое чувствованіе отгѣняетъ собою наши воспріятія, теченіе нашихъ представленій, наши дѣйствія. Какъ бы индифферентно мы ни относились къ окружающему, анализируя глубже наше сознаніе, мы найдемъ, что это окружающее намъ нравится, или не нравится, пріятно, или непріятно.

Что же возбуждаетъ чувствованія пріятнаго и непріятнаго? Почему на однѣ воспріятія сознаніе реагируетъ чувствованіемъ пріятнаго, на другія—чувствованіемъ непріятнаго и отчего зависитъ сила этихъ чувствованій? Еще Аристотель указалъ, что чувствованіе пріятнаго вызывается увеличеніемъ жизненной силы, а непріятнаго—ослабленіемъ жизненныхъ функций. Все, что выражаетъ нашу силу, все, что увеличиваетъ нашу энергію, вызываетъ чувствованіе пріятнаго, и наоборотъ: все, что угнетаетъ насъ, все, что ведетъ къ ослабленію жизни, все, что ведетъ къ смерти, вызываетъ чувствованія непріятнаго. Такъ какъ вся наша жизнь есть прогрессъ или регрессъ жизненнаго процесса, есть смѣна этихъ двухъ противоположностей, то и жизнь чувствованія состоитъ въ смѣнѣ пріятнаго и непріятнаго, радости и горя.

Еще послѣдовательнѣе и яснѣе ученіе, состоящее въ томъ, что все полезное для жизни, способствующее ея усиленію и проявленію вы-

¹⁾ Какъ лучшія руководства по психологій слѣдуетъ указать: Вундтъ. Основанія физиологической психологій (переводъ Кандинскаго), 1881 г. Höfding, Psychologie, 1887. Sergi, La psychologie physiologique, 1888. Baldwin. Handbook of Psychology, 1889. Кромѣ того, при изученіи психологій чувствованій весьма полезны сочиненія: Гротъ. Психологія чувствованій, 1883 г. Dumont. Théorie scientifique de la sensibilité, 1881.

зываетъ удовольствіе, все, что вредно—непріятныя чувствованія. Чувствованіями сознание какъ-бы оцѣниваетъ, что для насъ полезно и что для насъ вредно; прибавимъ, полезное для жизни въ данный моментъ вызываетъ чувствованіе пріятнаго, и наоборотъ: напримѣръ, нѣкоторые яды вкусны, но чувствованіе пріятнаго, возбуждаемое вкуснымъ ядомъ, вызывается полезными свойствами яда, напр., его сладкимъ вкусомъ; сладкое вызываетъ пріятное чувствованіе, такъ какъ сахаръ безспорно полезенъ для организма; но когда ядъ начинаетъ проявлять свои вредныя для нашей жизни свойства, мы уже испытываемъ непріятное чувствованіе и, наконецъ, сильнѣйшую боль. Больной, при ампутаціи ноги, конечно, испытываетъ сильнѣйшую боль, потому что само отнятіе ноги вредно для его организма, уменьшаетъ его жизненную энергію, лишаетъ его части организма и части его силъ; но ампутація, сама по себѣ, можетъ быть не только полезна, но и необходима, но, все-таки, въ моментъ операціи, она есть разрушеніе организма.

И такъ, все, что полезно для жизни, всякое проявленіе жизненной энергіи, полное гармоническое развитіе жизненныхъ силъ вызываетъ пріятное, радость; все вредное для жизни, всякое угнетеніе жизненной энергіи, ослабленіе функцій организма вызываетъ чувствованіе непріятнаго; однимъ словомъ,—жизнь даетъ радость, смерть—горе, и насколько мало выработаны опредѣленія жизни и смерти, настолько несовершенны наши опредѣленія того, что вызываетъ чувствованія пріятнаго и непріятнаго.

Для психіатра жизнь чувствованій имѣетъ особенно важное значеніе, потому что, только при высшемъ духовномъ развитіи, чувствованія не стоятъ на первомъ планѣ; у дѣтей, у людей, мало одаренныхъ душевными силами, чувствованія играютъ самую важную роль. Чувствованія сами по себѣ, какъ уже это видно изъ вышеприведеннаго опредѣленія, возникать не могутъ; всегда нужно ощущеніе или движеніе, чтобы возникло то или другое чувствованіе, но соотношеніе между ощущеніемъ и силою чувствованія бываетъ крайне различно. Напримѣръ,—чувствованіе, сопряженное съ ощущеніемъ ожога, очень сильно, а сопряженное съ воспріятіемъ о трехъугольникѣ такъ слабо, что мы едва его замѣчаемъ. Такъ какъ чувствованія есть реакція сознания въ формѣ удовольствія и боли на все, что появляется въ сознаніи въ зависимости отъ того,—полезно или вредно для жизни оно воздѣйствуетъ на насъ, то наиболѣе сильнѣйшее чувствованіе можетъ вызвать лишь то, что непосредственно полезно, или вредно для нашей

жизни. Для громаднаго большинства физической организмъ составляетъ почти все, или по крайней мѣрѣ, самое главное. а духовныя интересы и потребности—ничтожную часть ихъ существа; понятно поэтому, что лишь то, что полезно, или вредно для ихъ организма, можетъ возбуждать наиболѣ сильныя чувствованія. Чѣмъ слабѣ духовная жизнь человѣка, тѣмъ сильнѣ будутъ чувствованія, сопряженныя съ ощущеніемъ, вызываемыми измѣненіями нашего тѣла.

Такъ какъ моя задача—только въ краткихъ словахъ изложить необходимыя для пониманія психическихъ болѣзней свѣдѣнія по психологіи, то я, никоимъ образомъ, не могу входить въ описаніе всѣхъ чувствованій, анализировать ихъ развитіе; я ограничусь лишь указаніемъ на важнѣйшія виды чувствованій, главнымъ образомъ,—тѣхъ, пораженіе которыхъ наблюдается наиболѣ часто въ душевныхъ болѣзняхъ.

Тѣлесныя ощущенія, которыя доходятъ до сознанія о состояніяхъ нашего тѣла, о процессахъ пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. д. сопровождаются, такъ называемымъ, общимъ чувствованіемъ. Если человѣкъ здоровъ, всѣ отправленія организма совершаются хорошо,—онъ испытываетъ пріятное чувствованіе, хотя оно никогда не достигаетъ сколько нибудь значительной интенсивности. Если же отправленія затруднены, совершаются неудовлетворительно, вслѣдствіе старости, дурного состоянія организма, то, въ началѣ болѣзни, субъектъ испытываетъ тяжелое, непріятное чувствованіе; это непріятное чувствованіе можетъ достигнуть значительной степени, и человѣкъ, самъ не зная почему, чувствуетъ себя дурно, страдаетъ.

Чувствованія голода и жажды яснѣ, отчетливѣ предъидущихъ, такъ какъ связаны съ болѣе ясно воспринимаемыми ощущеніями.

Ощущенія, воспринимаемыя органами вкуса и обонанія, вызываютъ крайне живыя, хотя и весьма однообразныя чувствованія; эти чувствованія совершенно элементарны, почему описывать ихъ нельзя, и хотя каждый изъ насъ знаетъ—какія чувствованія у него сопряжены съ ощущеніемъ горькаго, сладкаго и т. п., однако, не можетъ опредѣлить этихъ чувствованій.

Органы высшихъ чувствъ—зрѣнія и слуха даютъ ощущенія, сопряженныя съ болѣе разнообразными, но за то менѣе интенсивными чувствованіями. Никто не станетъ оспаривать, что пріятныя чувствованія вызываются извѣстными вкусовыми веществами, гораздо интенсивнѣ, чѣмъ какія либо чувствованія, сопряженныя съ зрительными

ощущеніями; также нельзя отрицать того, что никакое сочетаніе звуковъ, никакіе зрительные образы не могутъ причинить того живѣйшаго страданія, какое сопряжено съ нѣкоторыми вкусовыми и обонятельными ощущеніями. Также не подлежитъ сомнѣнію, что звуки, зрительныя ощущенія вызываютъ крайне разнообразныя чувствованія, и сколько бы мы ни слушали музыку, всегда она порождаетъ въ насъ все новыя и новыя чувствованія однимъ разнообразіемъ въ сочетаніи звуковъ. Весьма трудно анализировать эти чувствованія, но всѣ мы знаемъ, что, напр., красный цвѣтъ возбуждаетъ другія чувствованія, чѣмъ голубой. Эти чувствованія такъ постоянны, что почти всегда красный цвѣтъ служилъ выраженіемъ торжества, радости.

Однако, нужно замѣтить, что вообще чувствованія, сопряженныя съ простыми воспріятіями органовъ чувствъ, весьма неодинаковы у людей въ томъ смыслѣ, что не у всѣхъ одни и тѣ-же связаны съ тѣми же самыми чувствованіями; это такъ и должно быть: не всѣмъ одно и тоже полезно, или вредно. Напр., для пьяницы наиболѣе пріятныя чувствованія сопряжены съ ощущеніемъ соленого, потому что соленое ему полезно всего, удовлетворяя потребности въ данный моментъ.

Кромѣ того, у одного и того же лица одни и тѣ же ощущенія вызываютъ разнообразныя чувствованія, смотря по состоянію его организма: у сытаго самыя любимыя его блюда возбуждаютъ отвращеніе. Нѣсколько болѣе постоянны чувствованія, связанныя съ зрительными и слуховыми ощущеніями, потому что онѣ не такъ непосредственно относятся къ нашему организму; однако, и здѣсь много различій между людьми; и реакція одного и того же лица на одни и тѣ же ощущенія далеко не постоянна; почти у каждаго изъ насъ, вмѣстѣ съ возрастомъ, измѣняется отношеніе къ цвѣтамъ и звукамъ.

Особенно интересны для насъ чувствованія, соединенныя съ ощущеніями осязанія и движенія. Ощущенія, сопряженныя съ умѣреннымъ для даннаго организма движеніемъ, т. е. напряженіемъ мышцъ, сопровождается у всѣхъ чувствованіемъ удовольствія, потому что умѣренное упражненіе мышцъ для всѣхъ одинаково полезно; конечно, весьма различно по организациіи субъекта то количество мышечнаго напряженія, которое полезно; недостатокъ движенія, какъ менѣе вредный, чѣмъ напряженіе сверхъ силы даннаго лица, вызываетъ менѣе тягостныя чувствованія, чѣмъ непріятное чувствованіе отъ утомленія.

Осязательныя и температурныя ощущенія сопровождаются вообще слабыми чувствованіями удовольствія и самыми сильными неприятными чувствованіями, болью. Умѣренная теплота прикосновенія мягкаго бѣлья—самыя ничтожныя удовольствія; отмораживаніе, ожогъ, уколъ, порѣзы, ударъ вызываютъ едва воспринимаемая сознаниемъ ощущенія, сопровождаемая живѣйшимъ чувствованіемъ боли. Въ этой особенности нашей организаціи лежитъ источникъ самыхъ сильныхъ нашихъ страданій.

И фізіологія, и патологія устанавливають самостоятельность чувствованій, сопряженныхъ съ осязательными и температурными ощущеніями. Многочисленными опытами Schiff'a ¹⁾ и многихъ другихъ фізіологовъ доказано, что осязательныя и температурныя ощущенія проходятъ по заднимъ столбамъ спиннаго мозга, а чувствованіе боли—черезъ все сѣрое вещество; эти результаты опытовъ вполне подтверждаются тѣмъ извѣстнымъ въ патологіи фактомъ, что у нѣкоторыхъ больныхъ при полной потерѣ способности испытывать боль (аналгезія)—самыя сильныя раздраженія не вызываютъ боли, сохранена способность воспринимать осязательныя ощущенія; также извѣстны случаи, когда больные испытываютъ боль, но, при этомъ, до сознанія не достигало никакихъ ощущеній (анэстезія).

Такимъ образомъ, въ самомъ строеніи нервной системы видна полная самостоятельность чувствованій; самымъ строеніемъ обусловлено, что чувствованіе не есть составная часть, одинъ изъ элементовъ ощущенія. Мы постоянно сознаемъ чувствованія вмѣстѣ съ ощущеніями, представленіями, понятіями; немудрено, что чувствованіе принималось за элементъ умственной дѣятельности, и такой геніальный наблюдатель и мыслитель, какъ Аристотель, не признавалъ чувствованія самостоятельной дѣятельностью нашего духа. Больные—это лучший опытъ, дѣлаемый самою природою, и изученіе нѣкоторыхъ больныхъ указываетъ намъ, что ощущеніе и чувствованіе совершенно самостоятельны и независимы другъ отъ друга, что человекъ можетъ ощущать все то, что вызываетъ глубокій уколъ булавки, и, въ тоже время, ничего не чувствовать; или чувствовать боль при уколѣ и не ощущать прикосновенія, давленія, производимаго иглой и т. д.

Необходимо выяснитъ,—чѣмъ вызывается самое неприятное чувствованіе—чувствованіе физической боли. Боль есть самое сильное чув-

¹⁾ Lehrbuch d.r Physiologie (S. 251 u. f.).

ствование; зубная боль—это простѣйшее чувство, известное почти всѣмъ. Самая сильная реакція познанія въ формѣ чувствованія должна быть противъ того, что наиболѣе вредно для нашего организма, и дѣйствительно, боль всегда вызывается разрушеніемъ, мѣстной смертью чего либо въ организмѣ; если это разрушеніе—напр., гніеніе зуба—затрогиваетъ нервъ, или если виѣшняя причина, напр. ножъ разрушаетъ нервъ,—появляется боль; она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе разрушеніе какой либо ткани, конечно, поскольку разрушаются самые нервы. Физическая боль—это реакція сознанія на разрушеніе, если можно такъ выразиться,—отношеніе сознанія къ смерти.

Не только въ разговорной рѣчи, но и въ научныхъ сочиненіяхъ нерѣдко смѣшиваютъ ощущеніе съ чувствованіемъ, и напр., употребляя выраженіе—болевыя ощущенія. Ощущенія суть элементы познанія; чувство это—квалификація сознаніемъ полученнаго ощущенія въ видѣ удовольствія или страданія. Если я дотрогиваюсь до теплой печки, то ощущаю теплую поверхность и испытываю пріятное чувство; если же я дотрогиваюсь до горячей, то ощущеніе горячаго предмета едва достигаетъ до сознанія, но, все таки, я болѣе или менѣе ясно опредѣляю, что я прикоснулся до чего-то горячаго, твердаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ чувство боли, завлаждающее почти всѣмъ моимъ сознаніемъ. Конечно, при обширныхъ ожогахъ боль бываетъ такъ сильна, что несчастные испытываютъ только страданія, одну боль, и не могутъ припомнить—какъ и что причинило это сильнѣйшее чувство. Это неотдѣленіе ощущенія отъ чувствованія при воспріятіи органами чувствъ зависитъ отъ того, что на первый планъ выступаетъ или чувство, или ощущеніе, и поэтому забывается, что чувство неразрывно съ ощущеніями. Особенно слабо достигаютъ до сознанія—ощущенія при боли, въ-ствіе страданія внутреннихъ органовъ; люди, мало развитые, даже не могутъ опредѣлить мѣста боли («все нутро болитъ»); сознаніемъ ихъ такъ сильно завлаживаетъ чувство, что они неспособны локализовать ощущенія; патологія учитъ насъ, однако, что, при нормальномъ состояніи нервной системы, ощущеніе всегда сопровождается чувствованіями.

Тому, кто желаетъ дать себѣ ясный отчетъ объ отношеніи ощущеній къ чувствованіямъ, и наоборотъ, а также убѣдиться въ самостоятельности тѣхъ и другихъ въ зависимости отъ раздраженій,—совѣтую испытать дѣйствіе индуктивнаго и постояннаго токовъ; для тѣхъ,

кто незнакомъ съ ощущеніями и чувствованіями, вызываемыми индуктивнымъ и постояннымъ токами—а такихъ очень много—этотъ опытъ имѣетъ особый интересъ потому, что къ испытываемымъ, впервые, ощущеніямъ и чувствованіямъ легче отнестись вполне внимательно, чтобы ихъ анализировать. При прикосновеніи косточки съ слабымъ индуктивнымъ токомъ появляется новое, незнакомое ощущение и весьма слабое чувство, — у меня по крайней мѣрѣ, — удовольствія; при усиленіи тока, ощущение замѣчается меньше, но за то чувствуется специфическая боль. При прикосновеніи къ рукѣ электрода постоянного тока новое ощущение весьма отчетливо воспринимается сознаниемъ, также отчетливо и чувство неприятнаго при усиленіи тока; ощущение и неприятное чувство—но не боль—равномѣрно завладѣваютъ сознаниемъ; очень сильнаго тока, какъ абсолютно опаснаго, я, при опытахъ надъ собою, не употреблялъ.

Ощущенія и чувствованія, возбуждаемыя дѣятельностью половыхъ органовъ, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ, что, при интенсивныхъ чувствованіяхъ, ощущенія не ясны, едва достигаютъ до сознанія; молодые, влюбленные не сохраняютъ никакихъ воспоминаній: лишь воспоминаніе о наслажденіи, о блаженствѣ—вотъ все, что остается въ сознаніи; у людей истощенныхъ, у предающихся излишествамъ въ половомъ отношеніи, ощущенія весьма ясны; поэзія улетаетъ и остается рядъ ощущений; эти ощущенія такъ хорошо восприняты, что память ихъ вполне сохраняетъ. Есть люди, которые почти не испытываютъ никакихъ пріятныхъ чувствованій при совокупленіи; при болѣзни, крайнемъ истощеніи—при совокупленіи развиваются даже чувствованія неудовольствія и страданія. Нужно замѣтить, что наиболѣе живое чувство пріятнаго—наиболѣе крайнюю противоположность боли, живѣйшее наслажденіе, почти для всѣхъ людей, возбуждаетъ дѣятельность половыхъ органовъ; для того, чтобы воспринимать эти чувствованія, люди приносятъ самыя тяжелья жертвы, рискуютъ и даже жертвуютъ своею жизнью. Такъ какъ человѣкъ, также какъ и все живое на землѣ стремится къ воспріятію пріятныхъ чувствованій—такова природа человѣка—и избѣгаетъ неприятныхъ, то все для него имѣетъ значеніе постолько, поскольку вызываетъ тѣ или другія чувствованія; ощущенія сами по себѣ не имѣютъ для насъ никакой цѣны—они оцѣниваются по тѣмъ чувствованіямъ, съ которыми сопряжены; поэтому, изъ всѣхъ ощущений, которыя человѣкъ непосредственно воспринимаетъ изъ внѣшняго міра, онъ ищетъ болѣе всего

вкусовых ощущений, сопряженных съ пріятными чувствованіями, половых ощущений, сопряженных, вообще, съ интенсивными пріятными чувствованіями.

Внутренняя, самостоятельная жизнь человѣка состоитъ въ разнообразной переработкѣ воспринимаемаго органами чувствъ; по мѣрѣ развитія этой внутренней жизни, содержаніе сознанія обогащается, такъ какъ воспринятое изъ внѣшняго міра переходитъ въ другія, сложныя комбинаціи; появляются крайне разнообразныя сочетанія между собою; вмѣстѣ съ этимъ, и ощущения, даваемые органами чувствъ, получаютъ для насъ совершенно другое значеніе. Когда я встрѣчаю друга, то, конечно, ощущения, производимыя его лицомъ, фигурою, его рѣчью не имѣютъ, сами по себѣ, большого значенія,—онѣ лишь важны поскольکو онѣ вызываютъ представленія о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нами. Когда кому-либо сообщаютъ о потери его состоянія, то, конечно, не звуки, не слова обращаютъ его вниманіе, а смыслъ словъ, имѣющій значеніе только для него. Поэтому, для людей, ощущения и чувствованія, воспринимаемыя органами чувствъ, далеко не составляютъ всей душевной жизни. Благодаря психической жизни, для насъ одно и тоже ощущеніе получаетъ самое разнообразное значеніе вмѣстѣ съ тѣми состояніями сознанія, которыя развиваются изъ этихъ ощущений; всѣ наши представленія, понятія сопровождаются чувствованіями, общее свойство которыхъ остается тоже, т. е. всѣ воспроизведенныя представленія, понятія сопровождаются удовольствіемъ разной степени или неудовольствіемъ тоже различной степени.

Такимъ образомъ развиваются новыя чувствованія, сопряженныя съ воспроизведенными представленіями; эти новыя чувствованія составляютъ лишь дальнѣйшіе развитіе простѣйшихъ чувствованій, связанныхъ съ ощущениями.

Такъ, представленіе, мысль, о возможности боли, о предстоящей боли сопровождаются живымъ чувствованіемъ—страхомъ, который представляетъ, если можно такъ выразиться, теоретическую, предполагаемую боль или лишеніе пріятнаго, удовольствій. Какъ животное, такъ и человѣкъ боится всего, что можетъ причинить ему страданіе, всего, угрожающаго жизни. Это живое непріятное чувствованіе можетъ, съ такою силою, завладѣвать всѣми нашими чувствованіями, что даже страхъ, вызванный не дѣйствительностью, а лишь мыслью объ опасности, могущей намъ угрожать,—можетъ сопровождаться холод-

нымъ потомъ ¹⁾. Страхъ одно изъ живѣйшихъ чувствованій, которому подвержены всѣ люди безъ исключенія; у однихъ это чувство лишь сопряжено съ бѣльшимъ кругомъ представленій, у другихъ съ меньшимъ, смотря по тому, чему жизнь научила ихъ бояться.

Подобное же развитіе элементарныхъ чувствованій лежитъ въ основаніи любви къ свободѣ и чувствъ собственности. То удовольствіе, которое доставляетъ намъ пользованіе нашими силами, порождаетъ въ насъ непріятныя чувствованія по отношенію всего, что стѣсняетъ эту свободу; пока дѣятельность человѣка ограничивается лишь внѣшними движеніями, онъ цѣнитъ все то, что дозволяетъ ему эти удовольствія, а все, что мѣшаетъ, возбуждаетъ неудовольствіе; когда же его психическая жизнь развивается настолько, что мыслить для него — наслажденіе, — все, стѣсняющее свободное развитіе его духовныхъ силъ, все, мѣшающее ихъ проявленію, возбуждаетъ непріятное чувство.

Любовь къ собственности развивается по мѣрѣ того, какъ человѣкъ научается, что тѣ или другіе предметы доставляютъ ему пріятныя чувствованія, тѣ или другіе предметы помогаютъ ему избѣгать непріятныхъ чувствованій — напр., чувствованія голода, холода и т. п. Мало по малу, самый видъ этихъ предметовъ возбуждаетъ постоянно воспоминаніе о доставленныхъ пріятныхъ чувствованіяхъ и избѣгнутыхъ непріятныхъ, возбуждаетъ пріятныя чувствованія, и человѣкъ дорожитъ этими предметами, стремится ихъ сохранить, цѣнитъ ихъ, какъ источникъ пріятныхъ чувствованій.

Анализъ всѣхъ чувствованій, тѣмъ болѣе сложныхъ, весьма труденъ, и здѣсь не мѣсто приводить все ученіе о развитіи чувствованій; моя задача ограничивается только указаніемъ на послѣдовательность въ развитіи чувствованій.

Вышеупомянутыя чувствованія развиваются изъ отношенія человѣка къ природѣ; но такъ какъ человѣкъ всегда живетъ въ обществѣ, то изъ различныхъ отношеній къ людямъ необходимо должны развиваться новыя и болѣе сложныя чувствованія.

Человѣкъ — животное общественное, какъ утверждалъ еще Аристотель; только, въ обществѣ себѣ подобныхъ, онъ можетъ бороться съ природой, т. е. избѣгать непріятныхъ чувствованій; въ обществѣ себѣ подобныхъ пріятныя чувствованія становятся интенсивнѣе. Такова

¹⁾ Весьма интересны наблюденія надъ собою Monouvier, сообщенныя имъ въ Обществѣ физиологической психологін (*Revue philosophique*. 1886).

природа человѣка; пѣсни, пляски, вообще удовольствія всегда и всюду собираютъ людей, потому что человѣкъ внѣ общества не можетъ вызывать въ себѣ тѣхъ пріятныхъ чувствованій, которыя появляются, когда онъ вмѣстѣ съ другими.

Нерѣшено только—семья или племя составляютъ первое ядро соціальной жизни. Основываясь на свидѣльствованіяхъ языка, нравовъ, Вундтъ ¹⁾ утверждаетъ, что племя, связь по крови, родству,— вотъ начало культуры. Дѣйствительно, для первобытнаго человѣка прежде всего, и главное всегда, необходимо общество людей, наиболее сходныхъ съ нимъ по привычкамъ, стремленіямъ, вмѣстѣ съ которыми онъ избѣгаетъ голода, борется съ природою и вмѣстѣ съ которыми онъ переживаетъ болѣе интенсивныя пріятныя чувствованія. Изъ этихъ отношеній къ себѣ подобнымъ развиваются какъ сочувствіе и любовь такъ и отвращеніе, злоба, гнѣвъ, ненависть и т. п. У человѣка развивается чувствованіе любви, сопровождающее представленіе о людяхъ, благодаря которымъ онъ избѣгаетъ непріятныхъ чувствованій, и которые возбуждаютъ въ немъ пріятныя чувствованія своею наружностью, голосомъ, услугами, съ помощью которыхъ онъ испытываетъ пріятныя чувствованія; наконецъ, при болѣшемъ развитіи человѣкъ любитъ людей, раздѣляющихъ его взгляды или возбуждающихъ въ нихъ тѣ мысли, которыя сопровождаются пріятными чувствованіями.

Любовь и отвращеніе—основа всѣхъ соціальныхъ чувствованій. Чувствованіе отвращенія возбуждаютъ въ насъ люди, развивающіе или своею наружностью, или своими поступками, непріятныя чувствованія. Дальнѣйшимъ развитіемъ чувствованій къ людямъ, приносящимъ намъ вредъ въ той или другой формѣ, будетъ ненависть, злоба, месть и т. д.

Чувствованіе симпатіи—это основа всѣхъ нравственныхъ чувствованій,—возможно только тогда, когда человѣкъ становится способнымъ на другихъ людей и на животныхъ переносить свои страданія и наслажденія, т. е. представить себѣ страданія и наслажденія, испытываемыя другими. Зная,—какія причины возбуждаютъ въ насъ тѣ или другія чувствованія, человѣкъ узнаетъ, что тѣ-же чувствованія испытываютъ отъ тѣхъ же причинъ и его ближніе; представляя себя въ ихъ положеніи, онъ, поневолѣ, испытываетъ, конечно, въ слабѣйшей

¹⁾ См. Вундтъ. Развитие этическихъ воззрѣній (Лекціи, составленныя мною, 1886 г. Москва. Стр. 23—25) и Wundt. Ethik. Drittes Capitel.

степени чувствованія своихъ ближнихъ; тѣмъ положеніе другого болѣе сходно съ пережитымъ нами, тѣмъ легче намъ вызвать тѣ ощущенія и представленія, которыя переживаетъ другой; вызвавъ эти ощущенія и представленія, мы, тѣмъ самимъ, вызываемъ и сопряженныя съ ними чувствованія. Поэтому, глубоко вѣрна пословица: «сытый голоднаго не понимаетъ»; кто не голодалъ, тотъ не можетъ вызвать тѣхъ ощущений и сопряженныхъ съ ними чувствованій, которыя испытываетъ голодный, и не можетъ сочувствовать этому послѣднему ¹⁾).

Взаимныя половыя наслажденія, испытываемыя при совокупленіи, въ первобытномъ состояніи, лишь на короткое время сближаютъ между собою мужчину и женщину. Только у кочевыхъ народовъ не одна мать раститъ дѣтей; любовь матери къ дѣтямъ имѣетъ источникомъ любовь какъ бы къ части самой себя; лишь когда мужчина и женщина живутъ постоянно вмѣстѣ и отецъ заботится о дѣтяхъ,—тогда у отца развивается любовь къ дѣтямъ отчасти изъ сочувствія, отчасти за тѣ пріятныя чувствованія, которыя возбуждаютъ дѣти, отчасти вслѣдствіе надежды на то, что дѣти, со временемъ, будутъ помощниками въ избѣжаніи непріятныхъ чувствованій. Дѣти любятъ родителей какъ причину всѣхъ пріятныхъ чувствованій, которыя испытываютъ въ дѣтствѣ; наконецъ развивается признательность, благодарность, уваженіе какъ за пріятныя чувствованія, вызванныя родителями, такъ и за то, что родители избавили ихъ отъ непріятныхъ, не требуя за то вознагражденія.

Вотъ, въ самомъ краткомъ видѣ, изложеніе развитія социальныхъ чувствованій. Не смотря на ихъ сложность, разнообразіе, безконечность въ оттѣнкахъ, всѣ онѣ имѣютъ одинъ источникъ, всѣ онѣ въ основѣ своей или пріятны,—составляютъ наслажденіе, или непріятны,—составляютъ страданіе. Любовь, дружба—чувствованія пріятныя, это радость, наслажденіе нашей жизни; конечно, онѣ могутъ быть источникомъ страданія, когда мы сочувствуемъ горю нашихъ друзей, или ихъ лишаемся; т. е. лишеніе, прекращеніе пріятныхъ чувствованій вызываетъ непріятныя чувствованія, также какъ и прекращеніе, вообще, всякаго пріятнаго чувствованія; слѣдовательно, человѣкъ

¹⁾ Déspine (Contagion morale. 1879) говоритъ совершенно вѣрно; On ne saurait mieux comparer la nature morale de l'homme qu'à une table d'harmonie. La résonnance d'une note fait vibrer la même note dans toutes les tables, qui, étant susceptibles de la donner, se trouvent sous l'influence de son émis.

возбуждающей любовь, былъ намъ полезенъ, иначе онъ не возбуждалъ бы пріятныхъ чувствованій, а его смерть вредна намъ, а потому вызываетъ чувствованіе страданія—горе. Какъ бы ни были сложны отношенія, вызывающія соціальныя чувствованія — все-таки въ основѣ мы любимъ то, что намъ полезно, и ненавидимъ то, что намъ вредно. Въ силу сочувствія мы испытываемъ непріятныя чувствованія, если страдаетъ нашъ ближній, потому что вредъ, вызвавшій его страданіе, есть вредъ и для насъ. Однимъ словомъ, соціальныя чувствованія представляютъ собою дальнѣйшее развитіе элементарныхъ, имѣютъ ту же причину, также составляютъ реакцію сознанія въ формѣ одобренія или неодобренія—радости или страданія, смотря потому—полезны или вредны для насъ данныя отношенія къ людямъ.

Наконецъ, намъ нужно опредѣлить, что такое этическія чувствованія, указать,—какъ они развиваются. Весьма трудно въ краткомъ изложеніи дать полное опредѣленіе этого предмета, какъ потому, что онъ далеко не разработанъ, такъ и потому, что объ этомъ предметѣ даже хорошо образованные люди имѣютъ самыя сбивчивыя понятія, конечно, вслѣдствіе крайней сложности этого психическаго явленія.

Чтобы избѣжать недоразумѣнія, считаю необходимымъ напомнить, что, сами по себѣ, нравственныя чувствованія невысказанны, такъ какъ чувствованія, вообще, безъ представленій не существуетъ ¹⁾; что нравственныя чувствованія обнимаютъ не только отношенія къ ближнимъ, но также и къ собственному самоусовершенствованію, и наконецъ, что нельзя понимать нравственныхъ чувствованій иначе какъ въ связи съ другими сложными психическими явленіями, каковы: вниманіе, фантазія и т. п. Сочувствіе страданіямъ и радостямъ ближнихъ есть только простѣйшее нравственное чувствованіе; дѣйствительно нравственными чувствованіями заслуживаютъ быть названными лишь тѣ, которыя вызываются непосредственно только вредомъ и пользою, испытываемыми другими. Что вредно для другого, вызываетъ у него чувствованіе страданія,—можетъ вызывать и у насъ также страданіе, хотя, при этомъ, наши непосредственные интересы не задѣты; тоже самое слѣдуетъ сказать и о чувствованіяхъ пріятнаго. Вотъ когда у человѣка возникаютъ, такимъ образомъ, чувствованія, только тогда можно сказать, что у него образовались нравственныя чувствованія. Только при высокомъ развитіи психической жизни можетъ развиваться такое чисто-

¹⁾ Nie existirt das Gefühl ohne Vorstellung Wundt. Ethik, S 445.

безкорыстное сочувствіе къ радостямъ и страданіямъ другихъ. Мы знаемъ,—какъ долго жило человѣчество, пока стало способно цѣнить страданія другихъ, что только греческая философія выработала тезисъ: лучше страдать самому, чѣмъ причинить страданія другому. Только при высокомъ развитіи элементарныя чувствованія теряютъ преимущественное значеніе; человѣкъ уже ищетъ высшихъ наслажденій, болѣе постоянныхъ и прочныхъ; научается въ счастіи людей испытывать живѣйшія чувствованія удовольствія,—однимъ словомъ, не считаетъ себя одного цѣлымъ міромъ, или, по крайней мѣрѣ, центромъ міра, а лишь однимъ изъ многихъ. Для того, чтобы быть способнымъ испытывать чувствованія въ гармоніи съ чувствованіями другихъ, нужно высокое развитіе умственной жизни, образованіе понятій объ отечествѣ, государствѣ и т. д., такъ какъ такое нравственное, чуждое собственнымъ интересамъ, сочувствіе переносится на согражданъ, когда выработано понятіе объ отечествѣ; и лишь когда выработалась идея о человѣкѣ вообще, тогда только стало возможно сочувствіе ко всему человѣчеству; но, и по настоящее время, это сочувствіе такъ слабо, что представители высшей цивилизаціи не стыдятся истреблять и всячески притѣснять дикарей, когда это требуютъ самые мелкіе денежные ихъ интересы. Сочувствіе же къ согражданамъ, потому что идея объ отечествѣ вообще значительно окрѣпла и стала общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, обусловливаетъ, что экзекуціи надъ согражданами, подобныя тѣмъ, какими подвергали такъ недавно англичане жителей Афганистана, возбуждали-бы всеобщее негодованіе: каждый-бы почувствовалъ-бы живѣйшее сочувствіе къ страданію согражданина.

Во всякомъ случаѣ, сочувствіе, чуждое всякаго эгоизма, само по себѣ чувствованіе весьма слабое, и вообще мало людей, которые готовы испытывать непріятныя чувствованія, чтобы предотвратить такія отъ другого; состраданіе становится живымъ факторомъ, потому что обычно его укрѣпляетъ чувствованіе удовольствія общей похвалы, одобренія за подвиги милосердія, чувствованіе удовольствія, вызванное тѣмъ, что мы сами одобряемъ этотъ поступокъ. Только кто много и глубоко перестрадалъ,—можетъ безкорыстно сочувствовать страданіямъ ближнихъ.

Одно изъ главныхъ нравственныхъ чувствованій—любовь къ справедливости, къ истинѣ; человѣкъ любитъ истину — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Всякое разрѣшеніе поставленной за-

дачи, всякое вѣрное объясненіе, доставляетъ намъ наслажденіе болѣе или менѣе живое. Истина, правда—всегда вызываетъ въ человѣкѣ пріятныя чувствованія; невѣрное, ложь, обманъ, сами по себѣ, всегда сопровождаются чувствованіями непріятнаго. Когда любовь къ истинѣ становится сильнымъ чувствованіемъ, человѣкъ, въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, стремится руководствоваться справедливостью, и, такимъ образомъ, нравственныя чувствованія обогащаются новымъ — чувствованіемъ справедливости.

При высококомъ развитіи умственной жизни, человѣкъ вырабатываетъ себѣ идеалы о чести, о прогрессѣ, о счастіи ближнихъ, о величій своей страны и т. д. Все, что способствуетъ осуществленію этихъ идеаловъ, возбуждаетъ въ немъ чувствованіе удовольствія; любовь къ этимъ идеаламъ можетъ быть такъ сильна, что для человѣка самыя сильныя чувствованія связаны съ этими идеалами; эти чувствованія могутъ быть такъ сильны, что человѣкъ жертвуетъ жизнью для осуществленія этихъ идеаловъ. Само собою разумѣется, что, только, при высокой умственной организаци, возможно образование такихъ идеаловъ, такое подчиненіе имъ всѣхъ остальныхъ представленій и сопряженныхъ съ ними чувствованій.

Какъ ни сложны эти чувствованія, какъ, повидимому, они ни имѣютъ ничего общаго съ элементарными чувствованіями, все-таки, по существу, онѣ не болѣе какъ одобреніе или порицаніе сознаниемъ, но уже не простыхъ измѣненій въ сознаниі, а сложныхъ психическихъ состояній. Сознаніе опредѣляетъ,— какъ пріятное все то, что является болѣе полнымъ развитіемъ, проявленіемъ жизни, и напр., очень понятно—почему оказанная помощь ближнему можетъ доставлять удовольствіе, такъ какъ актомъ милосердія мы обнаруживаемъ свое превосходство, доказываемъ, что нашихъ силъ достаточно не только для удовлетворенія собственныхъ потребностей, но и на помощь другимъ. Истину мы любимъ также потому, что она есть доказательство нашихъ умственныхъ силъ, есть результатъ самой трудной работы, способность къ которой доказываетъ присутствіе въ насъ жизни въ полномъ объемѣ и въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, мы знаемъ по опыту, что истина намъ полезна, ложь вредна; мы ненавидимъ послѣднюю; она возмущаетъ наши нравственныя чувствованія.

Однако, и безкорыстное сочувствіе и вытекающія отсюда чувствованія: доброта, любовь, состраданіе, милосердіе и чувствованіе спра-

ведливости, какъ одинъ изъ видовъ любви къ истинѣ, вообще, чувствованія слабыя; они не могли бы бороться съ простыми, непосредственными, — каковы эгоистическія. Никогда образы воспоминанія, образы фантазіи не могутъ быть такъ сильны, какъ непосредственное воспріятіе, такъ какъ они суть воспріятія—минусъ что-то, а потому и чувствованія, съ ними сочетанныя, не могутъ быть такъ сильны, какъ чувствованія, сопряженныя съ непосредственными воспріятіями; однако, мы знаемъ, что высшія этическія чувствованія двигали цѣлыми народами, а эгоистическія чувствованія никогда не были мотивами чего либо великаго. Дѣло въ томъ, что, рядомъ съ этическими чувствованіями, развивается и вліяетъ на волю чувствованіе долга. Чувствованіе долга, какъ вѣрно указалъ Кантъ, безусловно; разъ человѣкъ испытываетъ это чувствованіе, оно ведетъ къ дѣйствію или, по крайней мѣрѣ, обуславливаетъ страданіе въ формѣ угрызенія совѣсти, если волею овладѣли другіе мотивы. Въ этомъ отношеніи, чувствованіе долга существенно отличается отъ всѣхъ другихъ чувствованій. Ни одно чувствованіе не можетъ бороться съ нимъ въ томъ смыслѣ, что не можетъ вытѣснить его изъ сознанія. Исполненіе долга вызываетъ самое продолжительное наслажденіе, неисполненіе—самое продолжительное страданіе. Всегда человѣчество обладало чувствованіемъ долга, не смотря на то, что понятія о нравственности, въ разныя времена, были весьма различны. Но всегда и всюду только нѣкоторыя поступки считались нравственными, а другіе безнравственными, и только по отношенію къ нимъ проявлялось чувствованіе долга. Чувствованіе долга всегда и повсюду относилось къ тому, *что полезно, хорошо, на долгое время, ближнимъ* и къ тому, *что приносило другимъ продолжительный вредъ*. Первыя удовлетворяли чувствованію долга, вторыя—вызывали мученія совѣсти.

О развитіи и природѣ эстетическихъ чувствованій я говорить не буду, такъ какъ онѣ не имѣютъ особаго значенія при изученіи душевныхъ болѣзней. Во всякомъ случаѣ, эстетическія чувствованія рѣдко являются мотивами нашихъ поступковъ и не играютъ выдающейся роли въ жизни большинства людей; лишь немногіе обладаютъ сильными эстетическими чувствованіями и только у немногихъ онѣ имѣютъ выдающееся значеніе въ общей суммѣ психической жизни. Эти немногіе вообще рѣзко отличаются отъ большинства людей и внутренній міръ ихъ для насъ мало понятенъ.

Психологи единогласно признаютъ эстетическія чувствованія самую

сложною формою чувствованія, такъ какъ высшія эстетическія чувствованія суть продуктъ элементарныхъ эстетическихъ чувствованій (возникающихъ при воспріятіи симметріи, гармоніи) вмѣстѣ съ интеллектуальными, этическими и религіозными чувствованіями. Заключая въ себѣ всѣ другія чувствованія, высшія эстетическія затрогиваютъ всѣ стороны нашей духовной жизни,—почему совершенное произведеніе искусства всегда дѣйствуетъ на наши интеллектуальныя, религіозныя и нравственныя чувствованія. Очевидно, что высшія эстетическія чувствованія, возбуждаемыя духовной красотой, возможны только при высокомъ развитіи человѣка, когда окончательно окрѣпли интеллектуальныя и этическія чувствованія.

Прежде чѣмъ перейти къ патологіи чувствованій, необходимо формулировать общіе законы чувствованій.

Чувствованіе самое живое, самое сильное, что есть въ человѣческой душѣ; оно составляетъ основную сущность нашей души; только чувствованія—мотивы для поступковъ; чувствованія опредѣляютъ мысли, а не наоборотъ. Человѣкъ живетъ чувствованіями больше, чѣмъ мыслями; легко измѣнить мысли человѣка, но трудно и часто невозможно измѣнить его чувствованія. Величайшая ошибка всѣхъ мыслителей и реформаторовъ XVIII вѣка, кромѣ Жанъ-Жакъ-Руссо, была та, что они не оцѣнили значенія чувствованія въ природѣ человѣка и думали, что человѣчество управляется всецѣло разумомъ. Великая заслуга Руссо состоитъ въ томъ, что онъ понялъ значеніе чувствованій,—почему только его идеи не оказались пустыми словами.

Для человѣка важно не то, что онъ видитъ, не то, что онъ думаетъ, а то, что онъ чувствуетъ, такъ какъ вся жизнь человѣка состоитъ въ томъ,—какъ это утверждалъ еще Эпикуръ,—что онъ ищетъ пріятныхъ чувствованій и избѣгаетъ непріятныхъ. Все для человѣка имѣетъ значеніе только поскольку оно вызываетъ въ немъ пріятныя или непріятныя чувствованія. Чувствованія—такая сила для всѣхъ людей, за исключеніемъ немногихъ, которой они преодолѣть не могутъ: извѣстны случаи, что нѣкоторые умирали отъ страха, многіе—отъ боли, Представленія, сопряженныя съ сильными чувствованіями, сочетаются самымъ прочнымъ образомъ въ сознаніи, и, вообще, по силѣ еочетанныхъ чувствованій, они, болѣе или менѣе, завладѣваютъ сознаніемъ.

Жизнь чувствованій создала поэзію, искусство; ближайшая разработка чувствованій никогда не перестанетъ интересоватъ людей и ни-

когда мыслители не возбуждали такого поклонения людей, какъ художники, говорящіе сердцу.

Весьма важенъ законъ чувствованій, состоящій въ томъ, что чѣмъ проще, элементарнѣе чувствованія, тѣмъ, при повтореніи, онѣ скорѣе слабѣютъ, притупляются; чѣмъ выше,—тѣмъ, наоборотъ, при повтореніи онѣ крѣпнютъ и становятся интенсивнѣе. Элементарныя чувствованія не могутъ быть воспроизведены съ тою ясностью, которую онѣ имѣютъ при непосредственномъ воспріятіи, потому что сопряжены съ неясными ощущеніями; напримѣръ, воспроизведенное чувство удовольствія, вызванное вчерашнимъ обѣдомъ, не можетъ, по интенсивности, сравниться съ пережитыми вчера чувствованіями; не то представляютъ высшія чувствованія. Онѣ сопряжены со многими, легко воспроизводимыми представленіями и понятіями и легко воспроизводятся сознаниемъ и потому всегда могутъ быть усилены частымъ воспроизведеніемъ.

Такъ какъ элементарныя чувствованія слабѣютъ, при повтореніи, то нужно все болѣе и болѣе сильныя раздраженія для того, чтобы вызвать чувствованія столь-же сильныя. Кто не знаетъ,—какъ скоро пріѣдаются самыя лакомыя блюда, какъ легко у многихъ удовлетвореніе половыхъ потребностей переходитъ въ развратъ; напрасно человекъ ищетъ все сильнѣйшихъ раздраженій—онъ не можетъ уже испытывать чувствованій, столь живыхъ, какъ прежде. Все, не имѣющее идеальнаго значенія для человека, ему надоѣдаетъ, потому что чувствованія всего, не имѣющаго идеальнаго значенія, при повтореніи слабѣютъ. Не то съ высшими, идеальными чувствованіями; въ продолженіе жизни, по мѣрѣ того, какъ человекъ все больше и больше отдается имъ, онѣ становятся интенсивнѣе; чѣмъ чаще человекъ думаетъ о своей родинѣ, чѣмъ больше онъ работаетъ для ея блага, тѣмъ любовь къ родинѣ все болѣе и болѣе крѣпнетъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать вообще о всѣхъ нравственныхъ чувствованіяхъ; вызывая сочетанныя, съ данными чувствованіями, представленія, совершая дѣйствія, сочетанныя съ этими чувствованіями, мы усиливаемъ эти чувствованія.

Велѣдствіе этого свойства нашихъ чувствованій идеальныя чувствованія, не смотря на ихъ слабость, играютъ громадную роль въ духовной жизни человека и, какъ мотивы воли, не рѣдко побѣждаютъ болѣе простыя и сильныя эгоистическія чувствованія.

Наконецъ, элементарныя чувствованія въ высокой степени относительны, интенсивность и даже качества ихъ далеко не постоянны, а

зависятъ отъ предъидущаго состоянія; напр., ощущение 14-ти градусовъ тепла можетъ сопровождаться пріятнымъ чувствованіемъ, если передъ этимъ человѣкъ былъ на холодѣ, и можетъ сопровождаться весьма непріятнымъ, напр., по выходѣ изъ теплой ванны; обыкновенно-же сопровождается едва замѣтнымъ чувствованіемъ удовольствія, или неудовольствія. Тоже самое относится и ко всѣмъ элементарнымъ чувствованіямъ.

Мысли, какъ уже я говорилъ, — болѣе подвижной элементъ сознанія въ томъ смыслѣ, что мысли легче измѣняются въ человѣкѣ, чѣмъ чувствованія, что человѣкъ легче переходитъ отъ одной мысли къ другой, чѣмъ одно чувствованіе переходитъ въ другое; но всякое измѣненіе въ состояніи организма раньше и сильнѣе отражается на чувствованіяхъ, чѣмъ на мысляхъ. Настроеніе—это сумма или, правильнѣе говоря, равнодѣйствующая всѣхъ имѣющихся на-лицо чувствованій, какъ учитъ насъ ежедневный опытъ,—измѣняется весьма часто и въ зависимости отъ ничтожныхъ причинъ. Большинство людей чувствуетъ себя иначе вечеромъ, чѣмъ утромъ, и напр., вездѣ почти всѣ общественныя удовольствія высшихъ классовъ происходятъ по вечерамъ и даже ночью. Бессонная ночь для многихъ ведетъ къ тому, что весь міръ является окрашеннымъ въ другой цвѣтъ; вмѣсто розоваго, веселаго настроенія наступаетъ мрачное, тяжелое. Идеальныя чувствованія — болѣе постоянны, менѣе зависятъ отъ измѣненій въ состояніи организма.

Какія чувствованія—пріятныя или непріятныя сильнѣе, что интенсивнѣе—радость или горе, удовольствіе, блаженство или страданіе,—этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе и въ философіи, и въ психологін. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что непріятныя чувствованія гораздо интенсивнѣе пріятныхъ. Никогда радость не бываетъ такъ сильна, какъ горе. Мы, врачи, это хорошо знаемъ; мы, наблюдая постоянно страждущее человѣчество, можемъ засвидѣтельствовать, что никогда наслажденіе не достигаетъ той интенсивности, какъ страданіе. Изъ этого, однако, далеко до пессимизма. Если пріятныя чувствованія менѣе интенсивны, за то онѣ гораздо чаще завладѣваютъ сознаніемъ, чѣмъ чувствованія непріятныя; конечно, въ этомъ отношеніи трудно установить какую-либо мѣрку, такъ какъ различіе между людьми, именно въ этомъ отношеніи, положительно безконечно и каждый чувствуетъ по-своему, но вообще мрачныя, непріятныя чувствованія — боль, страхъ, тоска, даже злоба и т. д. лишь иногда завладѣваютъ сознаніемъ—вообще-же наше настроеніе безразлично, хотя такое вы-

раженіе неправильно: чувствованія всегда или пріятны или непріятны, но обычно, что тѣ и другія столь слабы, что мы сами затрудняемся опредѣлить—въ какомъ мы настроеніи. И такъ, вообще наше настроеніе безразлично, т. е. представляетъ собою равнодѣйствующую изъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій; оно измѣняется чаще возникновеніемъ пріятныхъ, чѣмъ непріятныхъ чувствованій: принятіе пищи, движеніе, разнообразіе полученныхъ, черезъ органы зрѣнія и слуха, ощущеній—все это вызываетъ пріятныя чувствованія; неумотительная работа, достаточный сонъ, нѣкоторыя развлеченія, также для большинства людей служатъ источникомъ многихъ пріятныхъ чувствованій, что дѣлаетъ для нихъ жизнь вообще пріятной.

Идеальныя чувствованія—состраданіе, любовь къ ближнимъ, отечеству, къ знанію даютъ, конечно, гораздо больше наслажденій, чѣмъ страданій, становятся мотивами дѣятельности, вызывающей самыя постоянныя изъ пріятныхъ чувствованій. Такъ что страданія только прерываютъ, на время, смѣну пріятныхъ чувствованій, но за то, по интенсивности, онѣ настолько превышаютъ послѣднія, что едва ли кто либо можетъ сказать—больше страданія или блаженства испытываетъ онъ въ своей жизни.

Какъ пріятныя, такъ и непріятныя чувствованія возникаютъ одинаково быстро, но исчезаютъ непріятныя гораздо медленнѣе, чѣмъ пріятныя; горе забывается медленно, а радость—быстро; трудно обрадовать тоскующаго, и очень легко радость превратить въ горе, досаду и т. д.

Всѣ эти свойства чувствованій необходимо имѣть въ виду какъ для пониманія человѣческой природы вообще, такъ, особенно, для пониманія тѣхъ измѣненій въ жизни чувствованій, которыя составляютъ душевную болѣзнь. Изученіе патологическихъ измѣненій еще полнѣе выясняетъ всѣ особенности чувствованій, ихъ характеръ, ихъ значеніе для психической жизни и даже для всего организма человѣка, и, такимъ образомъ, психопатологія является естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ психологіи; весьма цѣнными наблюденіями о природѣ чувствованій мы обязаны именно психіатрамъ, особенно Guislain ¹⁾ и Despine ²⁾.

¹⁾ Leçons morales sur les phrenopithies, 2 vol. 1830.

²⁾ Psychologie naturelle, 3 vol.

Г Л А В А IV.

Болѣзненные разстройства чувствованій.

Изученіе психологіи чувствованій указало намъ, что самое главное въ чувствованіяхъ, свойство, присущее имъ всѣмъ — это ихъ интенсивность; поэтому, прежде всего, мы должны изучить аномаліи, вызываемыя болѣзнью въ интенсивности чувствованій.

Затѣмъ, всѣ чувствованія — непременно пріятныя или непріятныя, а потому мы должны обратить вниманіе на то, — какія измѣненія въ окраскѣ чувствованій производятъ болѣзнь.

И такъ, мы должны рассмотреть:

1) Количественныя измѣненія чувствованій:

а) пониженіе чувствительности; уменьшенная интенсивность чувствованій;

б) усиленіе чувствительности; повышенная интенсивность чувствованій.

2) Измѣненіе реакціи сознанія, состоящее или въ томъ, что

а) все сочетано съ непріятными чувствованіями: усиленіе однихъ непріятныхъ чувствованій, или въ томъ, что

б) все сочетано съ пріятными чувствованіями: усиленіе однихъ пріятныхъ чувствованій.

и 3) Извращеніе чувствованій, т. е. замѣна пріятныхъ чувствованій непріятными и непріятныхъ пріятными.

Вотъ главные разстройства, которыя должны быть предметомъ изученія, такъ какъ высокое ихъ значеніе обусловливается самою сущностью чувствованій.

Патологическія разстройства въ сферѣ чувствованій требуютъ самага тщательнаго изученія, потому что, вообще, между образованною публикою распространенъ взглядъ, что разстройства умственной дѣятельности составляютъ душевную болѣзнь; на разстройства въ сферѣ чувствованій мало обращаютъ вниманія. Разстройства умственной дѣятельности при душевной болѣзни болѣе очевидны, но зная, что такое сознаніе, зная его цѣльность и единство, — мы не можемъ допустить, чтобы разстройства умственной дѣятельности могли быть безъ разстройства въ сферѣ чувствованій, и наоборотъ. Единство, цѣльность

сознанія необходимо заставляетъ принимать, что не можетъ быть измѣненія, выпаденія отдѣльныхъ явленій психической жизни, безъ того, чтобы вмѣстѣ, болѣе или менѣе, не были болѣзненно поражены всѣ психическіе процессы,—вся душа вообще. Наблюденіе вполне подтверждаетъ такой выводъ изъ понятія о сознаніи, и какъ нѣтъ представленій безъ чувствованій и чувствованій безъ представлений,—такъ нѣтъ измѣненій умственной сферы безъ измѣненій въ сферѣ чувствованій, и наоборотъ.

Чувствованія, какъ субъективная реакція сознанія на весь внѣшній и внутренній міръ, насколько все полезно или вредно для насъ, и ихъ болѣзненные разстройства имѣютъ особое значеніе именно въ виду самой природы чувствованій; но вслѣдствіе полной субъективности чувствованія, ихъ интенсивность и качество не могутъ быть подводимы подъ объективныя нормы, почему изученіе патологіи чувствованій крайне затрудняется: трудно, и часто невозможно, провести границы, дать точныя опредѣленія, наконецъ, просто установить, что нормально и что болѣзненно, когда имѣешь дѣло съ столь субъективнымъ, измѣнчивымъ элементомъ, какъ чувствованія, интенсивность которыхъ столь неодинакова у людей. Поэтому, всѣ заключенія о болѣзненныхъ измѣненіяхъ необходимо дѣлать съ большою осторожностью, и имѣть въ виду относительный характеръ чувствованій.

Самымъ главнымъ элементомъ чувствованій мы должны считать ихъ интенсивность; собственно говоря, безъ интенсивности, въ сторону наслажденія или въ сторону страданія, нѣтъ чувствованія, а потому, прежде всего, остановимся на измѣненіяхъ въ интенсивности чувствованій, причемъ еще разъ обращаю вниманіе, что мы не имѣемъ никакой абсолютной мѣры для опредѣленія интенсивности чувствованій и должны ограничиваться сравненіемъ; говоря о нормальной и ненормальной интенсивности чувствованій, мы не должны никогда забывать, что эту норму мы имѣемъ грубо-эмпирическимъ путемъ, т. е. каждый, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій надъ собою и надъ окружающими, создаетъ эту норму; такъ какъ матеріалъ для сужденій у всѣхъ приблизительно одинаковъ, то и за норму всѣ принимаютъ почти одно и то же.

Чаще всего наблюдается ослабленіе, уменьшеніе интенсивности чувствованій; ослабленіе чувствительности—наиболѣе частый симптомъ душевной болѣзни. Всѣ чувствованія могутъ быть ослаблены; эта нечувствительность достигаетъ иногда до того, что ничто не въ со-

стояніи вызвать какого-либо чувствованія. Самые сильные уколы, раздраженіе сильнымъ индукціоннымъ токомъ не вызываютъ никакого, замѣтнаго для наблюдателя, чувствованія; больной ѣсть совершенно безразлично все, что ему подаютъ; нечувствительность въ этомъ отношеніи можетъ быть такъ велика, что больной ѣсть собственные испраженія. Такъ же остается онъ нечувствителенъ къ прежде любимымъ людямъ—своей семьѣ и друзьямъ; ничто не можетъ вызвать въ немъ любви или негодованія; больного нельзя ничѣмъ огорчить, оскорбить, обрадовать и т. п.

Такая полная нечувствительность, однако, наблюдается не часто; гораздо чаще чувствованія бываютъ только ослаблены. Крайне поучительно опредѣлить—въ какомъ порядкѣ наступаетъ ослабленіе чувствованій и степень ослабленія различныхъ чувствованій. Неизмѣнно мы наблюдаемъ, что, прежде всего и больше всего, ослабѣваютъ высшія чувствованія; чѣмъ сложнѣе, позже развивается чувствованіе, тѣмъ ранѣе и сильнѣе оно ослабѣваетъ. У лицъ отъ рожденія или вслѣдствіе болѣзней, перенесенныхъ въ раннемъ дѣтствѣ, съ несовершеннымъ мозгомъ, постоянно наблюдается или слабое развитіе, или полное отсутствіе высшихъ чувствованій, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣе простыя чувствованія вполне нормальны. При началѣ душевныхъ болѣзней, прежде всего, ослабѣваютъ или окончательно выпадаютъ эстетическія чувствованія; ослабленіе психическихъ силъ, обусловленное старостью, также раньше всего выражается потуханіемъ этихъ чувствованій. Затѣмъ, идутъ нравственные чувствованія, причемъ, конечно, раньше всего ослабѣваютъ высшія формы: чувствованіе долга, любовь къ справедливости и, наконецъ, потухаетъ и простое сочувствіе къ людямъ, даже сочувствіе къ ихъ физическимъ страданіямъ.

Если мы наблюдаемъ больного въ томъ періодѣ развитія болѣзни, когда у него потухли нравственные чувствованія, а всѣ остальные сохранились,—для насъ бываетъ весьма трудно понять такое несовершенство, такую уродливость. Больной еще сохраняетъ эгоистическія чувствованія; тѣ представленія и понятія, съ которыми, прежде, у него были еще сочетаны нравственные чувствованія, у него сохранились—мы уже видѣли, что всякія измѣненія въ организмѣ раньше и сильнѣе отражаются на чувствованіяхъ—а между тѣмъ, онъ лишентъ нравственныхъ чувствованій, того, что составляетъ высшее украшеніе чловѣка, что, собственно говоря, отличаетъ его отъ вещи; наши нравственные

чувствованія не возникаютъ отъ того вреда или пользы, которыя, приносятъ намъ вещи, они возникаютъ только по отношенію къ людямъ, потому что ихъ поступки подчинены нравственнымъ мотивамъ,—только Ксерксъ разсердился на море; такихъ больныхъ часто считаютъ за вмѣняемыхъ, не желая понять, что потуханіе нравственныхъ чувствованій есть результатъ болѣзни.

Въ такомъ же состояніи часто остаются, по долгу, душевно-больные при неполномъ выздоровленіи отъ перенесенной болѣзни, при, такъ называемомъ, излеченіи съ дефектомъ. Больной повидимому, выздоровѣлъ; умственные способности, насколько позволяютъ намъ судить наши методы изслѣдованія—насколько эти методы изслѣдованія грубы и несовершенны мы, впоследствии, увидимъ—сохранены; между тѣмъ, человѣкъ сталъ не тѣмъ—нравственные его чувствованія потухли, или болѣе или менѣе ослабли. Зная, однако, прошлое больного, или имѣя другіе признаки, указывающіе, что субъектъ перенесъ душевную болѣзнь, обыкновенно бываетъ не трудно установить, что ослабленіе нравственныхъ чувствованій—не болѣе, какъ одно изъ послѣдствій перенесенной душевной болѣзни.

Гораздо труднѣе, а иногда и совершенно невозможно, выяснить значеніе слабости нравственныхъ чувствованій, когда мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ, недостаточнымъ развитіемъ психическихъ силъ.

Родные съ ужасомъ замѣчаютъ, что кромѣ общей слабости, тупости умственныхъ силъ, ребенокъ болѣе или менѣе совершенно лишенъ нравственныхъ чувствованій: у него нѣтъ любви къ роднымъ и вообще къ кому-либо, у него нѣтъ стыда; страданія другихъ не вызываютъ у него ни малѣйшаго сочувствія. Это неполное развитіе психическихъ силъ объясняется очень просто, такъ какъ мы знаемъ, что нравственные чувствованія составляютъ послѣднее въ духовномъ развитіи человѣка. Само собою разумѣется, что если нравственные чувствованія есть самое совершенное, сложное въ человѣкѣ, то неполное развитіе выразится слабымъ развитіемъ, или отсутствіемъ нравственныхъ чувствованій. Если мы не можемъ найти у такого лица никакихъ разстройствъ въ умственной дѣятельности, то доказать, что мы имѣемъ дѣло съ больнымъ, мы не можемъ; душевная болѣзнь всегда состоитъ изъ цѣлаго ряда явленій. Но зная какъ несовершенны наши методы изслѣдованія,—найденное при изслѣдованіи отсутствіе разстройствъ со стороны умственной дѣятельности еще не служитъ доказательствомъ, что никакихъ аномалій умственная жизнь не

представляет. Больныхъ, съ недоразвитіемъ нравственныхъ чувствованій, мы называемъ нравственно-слабоумными.

Послѣ нравственныхъ чувствованій потухаютъ и чисто эгоистическія, прежде всего, любовь къ свободѣ; безъ протеста, не возмущаясь, остаются лишенными свободы въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ больные съ рѣзко выраженнымъ слабоуміемъ, остальные же пациенты, если они не понимаютъ пользы леченія, протестуютъ противъ лишенія свободы. Любовь къ собственности потухаетъ послѣ того, какъ исчезла любовь къ свободѣ, и, даже при глубокомъ слабоуміи, больные весьма привязаны къ своей собственности.

Наконецъ, потухаетъ чувство страха, а затѣмъ уже элементарныя физическія чувствования: больной становится неопрятенъ, равнодушенъ къ окружающей обстановкѣ; только чувствования, вызываемыя измѣненіями организма, появляются въ сознаніи.

Такая слабость чувствованій чаще всего бываетъ при общей бѣдности, общемъ недоразвитіи или общемъ разрушеніи психическихъ силъ,—въ чемъ обыкновенно бываетъ легко убѣдиться; однако, даже полная нечувствительность можетъ быть при сохраненіи всѣхъ психическихъ силъ; нѣкоторые больные, подъ вліяніемъ галлюцинацій, остаются, подолгу, безъ всякаго движенія; они, какъ бы скованные, остаются въ одномъ положеніи по нѣсколько мѣсяцевъ подъ-рядъ; по-видимому, ничто не вызываетъ въ нихъ какихъ либо чувствованій; сознаніе ихъ поглощено, всецѣло, ихъ галлюцинаціями; эти послѣднія обыкновенно угрожающаго характера; больной видитъ себя на краю пропасти—малѣйшее движеніе и онъ упадетъ; или онъ слышитъ голосъ съ неба, запрещающій ему всякое движеніе ¹⁾.

¹⁾ Я наблюдалъ одного рекрута, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставшагося безъ всякаго движенія; уколы, раздраженія индукціоннымъ токомъ не вызывали никакой реакціи; постоянно лицо выражало страданіе когда къ нему вошла его мать, пріѣхавшая изъ деревни навѣстить его слезы покатались по его лицу, но онъ не сдѣлалъ никакого движенія. По выздоровленіи, онъ мнѣ рассказывалъ, что ему казалась—будто онъ стеклянный: стобитъ сдѣлать какое нибудь движеніе и онъ разлетится на кусочки. Осмысленное сосредоточенное выраженіе лица, проявленія любви къ матери были яснымъ доказательствомъ, что чувствования не потухли; онъ лишь не проявлялись; сознаніе, въ подобныхъ случаяхъ, такъ поглощено галлюцинаціями, что внѣшній міръ или совершенно не воспринимается, или всѣ воспріятія безконечно малы по сравненію съ овладѣвшими сознаніемъ галлюцинаціями.

Послѣдовательное потуханіе чувствованій легко распознается, и вообще рѣдко остается неразгаданнымъ и нерозысканнымъ. Лишь начальныя періоды болѣзни или легкія формы заболѣванія, когда выпадаютъ высшія чувствованія, нерѣдко остаются нераспознанными; особенно трудно бываетъ ориентироваться, когда, при бездѣйствіи высшихъ чувствованій, эгоистическія чувствованія кажутся усилившимися, потому что утраченныя высшія чувствованія уже не могутъ имъ противодействовать. Больной становится послѣдовательнѣе, подвижнѣе, дѣятельнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безнравственнымъ—обыкновенно трудно бываетъ доказать, что такая переменѣ обусловлена болѣзнью, такъ какъ свѣдѣнія не только по психіатріи, но и по психологіи весьма мало распространены.

Но если уменьшеніе интенсивности чувствованій вообще наблюдается чаще, то усиленіе интенсивности чувствованій имѣетъ не меньше права на вниманіе, потому что это явленіе, обыкновенно, составляетъ самое первое проявленіе заболѣванія душевной болѣзнью. Когда еще никакихъ измѣненій въ умственной дѣятельности не наблюдается, субъектъ мыслить правильно, интенсивность чувствованій увеличивается, и только опытный психіатръ можетъ, по этому измѣненію, опредѣлить начало болѣзни. Я уже говорилъ, что мы не имѣемъ никакой мѣрки, никакихъ нормъ для опредѣленія нормальной интенсивности чувствованій,—почему, для опредѣленія измѣненій въ этой области, вообще необходима крайняя осторожность и большая опытность. Не трудно бываетъ опредѣлить измѣненіе интенсивности чувствованій у лицъ, которыхъ мы знали до заболѣванія и особенно у интеллигентныхъ, умѣющихъ наблюдать и давать себѣ отчетъ о переживаемомъ. Они скоро замѣчаютъ, что всякій пустякъ вызываетъ сильнѣйшія чувствованія; то, что прежде вызывало едва замѣтное чувство, напр., хорошій или дурной обѣдъ, недостаточная вѣжливость сослуживцевъ,—вызываетъ живѣйшія чувствованія неудовольствія, гнѣва. Необходимо, однако, замѣтить, что бываютъ усилены почти исключительно чувствованія, сочетанныя съ ощущеніями организма, затѣмъ эгоистическія чувствованія; усиленіе соціальныхъ чувствованій, а тѣмъ болѣе высшихъ нравственныхъ—едва-ли когда-либо бываетъ.

Усиленіе чувствованій бываетъ въ началѣ многихъ душевныхъ болѣзней, и составляетъ почти постоянный признакъ истеріи ¹⁾);

¹⁾ Прекрасное описаніе психической организаціи истеричныхъ далъ Le Grand-du Saulle. Les Hystériques. Paris. 1883.

оно наблюдается очень часто у вырождающихся, у предрасположенных къ заболѣванію душевной болѣзнию, у неустойчивыхъ, у неуравновѣшенныхъ, въ психическомъ отношеніи, вообще. У всѣхъ этихъ лицъ сравнительно ничтожныя причины вызываютъ сильнѣйшія чувствованія; то, что у нормальныхъ людей не вызываетъ замѣтныхъ чувствованій, у нихъ обуславливаетъ довольно живыя; поэтому, настроеніе ихъ мѣняется отъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ; мы часто не можемъ опредѣлить, — отчего больная весела или грустна, не можетъ опредѣлить этого и она сама; какое либо весьма слабо воспринятое ощущеніе, напр., обусловленное пищевареніемъ, — и вотъ грусть перешла въ веселье, все представляется въ розовомъ цвѣтѣ. Любовь и ненависть также развиваются очень легко, достигаютъ большой интенсивности, но скоро исчезаютъ, или одно чувствованіе замѣняется другимъ. Эти люди походятъ на дѣтей; при слабомъ развитіи этого болѣзненнаго состоянія, ихъ считаютъ просто капризными, вздорными; но когда болѣзнь достигаетъ значительной степени, эти больные, руководимые почти всегда однимъ мотивомъ, которые у нихъ крайне измѣнчивы, становятся невыносимы въ общежитіи.

Необходимо имѣть въ виду, что неполное развитіе психическихъ силъ, неправильность организациі мозга, конечно, выражается и слабымъ развитіемъ или даже полнымъ отсутствіемъ высшихъ моральныхъ чувствованій, — почему эти лица, лишонныя руководства благороднѣйшихъ мотивовъ, при усиленіи мотивовъ нисшаго порядка, болѣею частію бываютъ вредны для окружающихъ.

Повышенная интенсивность чувствованій обуславливаетъ легкое появленіе аффектовъ и патологическіе аффекты.

Аффекты имѣютъ громадное значеніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи; этого мало, нельзя понимать преступленій, а тѣмъ болѣе преступника, не зная физиологіи и психологіи аффектовъ, такъ какъ большинство преступленій, безспорно, совершаются въ состояніи аффекта. Только закоренѣлые преступники совершенно спокойно совершаютъ преступленія ¹⁾.

Аффектъ — это нарушеніе правильнаго теченія представленія; это нарушеніе производится тѣмъ, что въ сознаніе вторгается представленіе, сочетанное съ сильнымъ чувствованіемъ. Самое обыкновенное нарушеніе

¹⁾ Литература этого предмета крайне обширна; особенно рекомендую изученіе Kant. Anthropologie. Ausg. von Schubert. Bd. 7. 5*

правильности теченія представленій состоитъ въ томъ, что происходитъ задержка въ теченіи представленій; такое нарушеніе производитъ не представленіе само по себѣ, а сочетанное съ нимъ сильное чувство-ваніе; поэтому, не представленія, а чувствованія вызываютъ аффекты. Всѣ аффекты имѣютъ между собою общее то, что, въ началѣ ихъ, все сознание завладѣвается однимъ представленіемъ и сочетаннымъ съ нимъ чувствованіемъ; всѣ остальные вытѣсняются изъ сознанія. Такъ начинаются всѣ аффекты—горе, гнѣвъ, радость, изумленіе и т. п., всѣ они вызываются представленіемъ и сочетаннымъ съ ними сильнымъ чувствованіемъ, которое и завладѣваетъ, болѣе или менѣе всецѣло, сознаніемъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи, при однихъ аффектахъ, напримѣръ, гнѣвѣ, внезапная задержка смѣняется крайне быстрой смѣной представленій, родственныхъ съ вызвавшимъ аффектъ; представленія эти иногда мѣняются съ такою быстротою, что не успѣваютъ достигнуть полной ясности; при другихъ, напротивъ, одно или нѣсколько родственныхъ представленій надолго завладѣваютъ сознаніемъ, которое постоянно возвращается опять къ этимъ представленіямъ. Типомъ аффектовъ первой категоріи могутъ служить аффекты радости и аффекты гнѣва; типомъ второй—аффекты горя.

Аффекты могутъ вызываться только представленіями, сочетанными съ сильными чувствованіями, т. е. представленіями, имѣющими непосредственное отношеніе къ нашему существу,—къ тому, что для насъ всего дороже. Чѣмъ болѣе имѣетъ значенія въ этомъ смыслѣ представленіе, тѣмъ болѣе силенъ аффектъ, такъ напр., сильнѣйшіе аффекты—это аффекты страха, потому что они обусловлены представленіями о потери того, что для насъ дороже всего—о потерѣ жизни. Нарушеніе правильности теченія представленій—душевное движеніе—можетъ быть такъ сильно, что воля наша оказывается недостаточной для того, чтобы овладѣть этою смѣной представленій, которые, такъ сказать, помимо насъ, завладѣваютъ сознаніемъ; наконецъ, когда эти возникающія, помимо нашей воли, представленія смѣняются съ крайней быстротою, сознание не успѣваетъ сочетывать ихъ между собою—появляется потемнѣніе сознанія. Наконецъ, или въ силу крайней интенсивности чувствованій и значенія представленій, или, по слабости воли, сознание окончательно не можетъ овладѣть вторгнувшимися въ него представленіями,—происходитъ, болѣе или менѣе, полное помраченіе сознанія; самый нормальный человѣкъ, подъ вліяніемъ вне-

запного испуга, впадаетъ въ такой сильный аффектъ страха, что память едва сохраняетъ пережитое.

И такъ, при аффектахъ, происходитъ нарушеніе обычнаго, для даннаго лица, теченія представленій; въ сознаніе его вторгаются представленія и чувствованія помимо воли субъекта; воля болѣе или менѣе безсильна овладѣть теченіемъ этихъ чуждыхъ, наполнившихъ сознаніе, представленій; мы не въ силахъ подавить сильный аффектъ, придать представленіямъ желаемое теченіе, не въ силахъ вызвать новыя, чуждыя завладѣвшимъ нами, представленіямъ; однимъ словомъ, подъ вліяніемъ аффекта, человѣкъ становится, болѣе или менѣе, другимъ, чѣмъ былъ только-что передъ аффектомъ.

Аффекты выражаются, болѣе или менѣе, значительными измѣненіями во всемъ организмѣ; при однихъ, наступаетъ повышенное мышечное напряженіе, при другихъ—ослабленіе этого напряженія; первые Кантъ назвалъ стеническими, вторые астеническими. Послѣдніе характеризуются разслабленіемъ всей мышечной системы; пораженный такимъ аффектомъ остается безъ движенія, или, по крайней мѣрѣ, движенія вялы, не энергичны; таковы аффекты ужаса, печали и т. п. Радостные аффекты могутъ служить типомъ стеническихъ аффектовъ; аффекты гнѣва—самые важныя въ судебно-психіатрическомъ отношеніи—въ началѣ имѣютъ астеническій характеръ; гнѣвъ какъ бы парализуетъ человѣка, по крайней мѣрѣ такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ; затѣмъ, аффектъ становится стеническимъ—человѣкъ развиваетъ бурныя, сильныя движенія; мы знаемъ, что, подъ вліяніемъ гнѣва, даже физически-слабые люди проявляютъ большую силу, чему потомъ сами удивляются.

Кромѣ дѣйствія на произвольныя мышцы, аффекты вліяютъ на кровообращеніе, дыханіе и на отдѣлительные органы. Подъ вліяніемъ аффектовъ стеническихъ—сердцебѣненіе учащается, сосуды, особенно лица, переполняются кровью, дыханіе учащается. При астеническихъ аффектахъ—сердцебѣненіе и дыханіе замедляются, тѣло покрывается холоднымъ потомъ; подъ вліяніемъ испуга, какъ извѣстно, у людей нервныхъ, робкихъ происходитъ непроизвольное отдѣленіе мочи и кала. Для насъ имѣетъ особое значеніе, что эти измѣненія кровообращенія и дыханія могутъ вести къ, болѣе или менѣе, продолжительной потерѣ сознанія и даже къ мгновенной смерти. Изученіе аффектовъ какъ нельзя болѣе уясняетъ намъ постоянную гармонію между психическими процессами и процессами организма, что служить

намъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что какъ процессы духа, такъ и процессы органическіе—результатъ одной причины, различныя выраженія одного принципа.

Чѣмъ сильнѣе аффектъ, чѣмъ наплывъ представленій болѣе осилываетъ сознаніе, чѣмъ слабѣе воля,—тѣмъ сильнѣе и измѣненія въ мышечной системѣ, дыханія и кровообращенія. Сознаніе помрачается и наконецъ совершенно исчезаетъ, какъ потому что воля подавляется нахлынувшимъ вихремъ новыхъ образовъ и сильныхъ чувствованій—сильная боль можетъ вести къ потерѣ сознанія,—такъ и вслѣдствіе измѣненій кровообращенія и дыханія. Сознаніе возможно только при извѣстной правильной смѣнѣ представленій; когда же эта правильность прекращается, внутренняя наша сила истощается въ борьбѣ съ нахлынувшими представленіями и чувствованіями; сознаніе по мѣрѣ того, насколько это нарушеніе сильно—помрачается или окончательно потухаетъ.

Очевидно, что крайне трудно провести черту, раздѣляющую нормальные аффекты отъ патологическихъ, ненормальныхъ; всякій аффектъ измѣняетъ человѣка, становится единственнымъ мотивомъ его поступковъ до тѣхъ поръ, пока воля не овладѣетъ теченіемъ представленій, до тѣхъ поръ пока человѣкъ не овладѣетъ собою. Единственнымъ рѣзкимъ признакомъ для различенія аффектовъ мы имѣемъ состояніе сознанія—когда сознаніе сохранено, мы считаемъ аффектъ физиологическимъ, когда оно потеряно—патологическимъ. Строго говоря, едва ли есть человѣкъ, гарантированный отъ патологическихъ аффектовъ; внезапный испугъ почти у всѣхъ вызываетъ сильнѣйшій аффектъ съ потерю сознанія. Но, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, почти исключительно имѣютъ значеніе аффекты: гнѣва, злобы, такъ какъ сопровождаются бурными движеніями агрессивнаго характера—побоями, нанесеніемъ ранъ и т. п. Утвержденіе обвиняемаго, что онъ не помнитъ, что онъ дѣлалъ, что у него сознаніе было утрачено, конечно, не можетъ, само по себѣ, имѣть какого либо значенія. Подтвержденіемъ такого показанія могутъ быть лишь измѣненія кровообращенія и дыханія, сопровождавшія аффектъ, явно безсмысленныя дѣйствія, совершенныя во время аффекта; нерѣдко наблюдательные и добросовѣстные свидѣтели могутъ намъ сообщить достовѣрныя свѣдѣнія о всей картинѣ аффекта. Судить о томъ,—былъ ли аффектъ физиологическимъ или патологическимъ мы можемъ, только зная причину аффекта и организацию человѣка, у котораго былъ вызванъ аффектъ.

Напримѣръ, если человѣку съ высоко-развитымъ понятіемъ о чести привыкшему къ вѣжливому и почтительному отношенію окружающихъ публично и неожиданно нанесено оскорбленіе дѣйствиємъ, то, по всей вѣроятности, аффектъ достигнетъ такой силы, что сознание потухнетъ: оскорбленный или упадетъ въ обморокъ¹⁾, или совершитъ рядъ дѣйствій, совершенно ему несвойственныхъ—ударить или нанести раны обидчику. Но важнѣе всего, конечно, организація субъекта, степень его отзывчивости, его нравственность.

Я уже говорилъ, что какъ въ началѣ многихъ болѣзней, такъ и многія болѣзни, въ продолженіе всего своего теченія, характеризуются крайней возбудимостью чувствованій, какъ нисшихъ, такъ и эгоистическихкихъ. Когда всѣ ощущенія, всѣ представленія сочетаны съ сильными чувствованіями,—естественно, что представленія, которыя у нормальныхъ людей сочетаны съ слабыми чувствованіями, у этихъ лицъ сочетаны уже съ настолько живыми, что вызываютъ аффекты, почему эти лица—почти всегда въ состояніи аффекта, и спокойное правильное теченіе мыслей, управляемыхъ волею, что столь обыкновенно и постоянно у нормальныхъ людей, у нихъ замѣнено смѣной аффектовъ. Они—игрушка дѣйствующихъ на нихъ раздраженій или даже образовъ воспоминанія. Тѣ-же представленія, которыя у нормальныхъ людей вызываютъ аффекты, у этихъ лицъ составляетъ причину живѣйшихъ аффектовъ.

На такой почвѣ легко возникаютъ патологическіе аффекты. Повышенная возбудимость чувствованій—вотъ почва для развитія патологическихкихъ аффектовъ; у лицъ съ наслѣдственнымъ тяжелымъ предрасположеніемъ къ мозговымъ болѣзнямъ, или остающимся пока еще въ скрытомъ состояніи, или уже выразившимся какою либо формою помѣшательства, и вообще у вырождающихся—обыкновенно легко возникаютъ патологическіе аффекты и вообще аффекты, сила которыхъ не стоитъ въ томъ соотвѣтствіи съ причиною, какъ у нормальныхъ людей. Также сильны бываютъ аффекты въ началѣ нѣкоторыхъ болѣзней, и, какъ послѣдствіе пораненій головы, злоупотребленія спиртными напитками; а разъ вообще аффекты сильны, т. е. причина не стоитъ въ томъ соотвѣтствіи съ силою аффекта, какъ у нормальныхъ людей, то возникновеніе патологическаго аффекта весьма легко²⁾.

¹⁾ Я видѣлъ такой примѣръ: оскорбленный былъ здоровый господинъ лѣтъ 50.

²⁾ Патологическіе аффекты прекрасно разработаны и описаны Krafft-

Вообще крайне важно—вѣрно оцѣнить повышенную возбудимость чувствованій и какъ предвѣстникъ душевной болѣзни, когда такая возбудимость появляется у лица съ нормальною возбудимостью, и какъ одинъ изъ признаковъ несовершенной организаціи мозга, когда это явленіе наблюдается съ ранняго дѣтства, потому что у этихъ послѣднихъ патологическіе аффекты составляютъ, такъ сказать, нормальное явленіе.

Переходя, затѣмъ, къ патологическимъ аномаліямъ чувствованій со стороны ихъ качества, необходимо замѣтить, что эти измѣненія и легче замѣчаются, чѣмъ предъидущія, и не имѣютъ такого громаднаго значенія въ судебно-медицинскомъ отношеніи, какъ эти послѣднія. Эти измѣненія состоятъ или въ болѣзненно-угнетенномъ, подавленномъ, или въ болѣзненно-веселомъ настроеніи.

Болѣзненно-мрачное настроеніе бываетъ какъ въ началѣ нѣкоторыхъ болѣзней, такъ и составляетъ основной фонъ душевной болѣзни—меланхолии. При такомъ измѣненіи въ сферѣ чувствованій, тѣ ощущенія и представленія, которыя у нормальнаго человѣка сочетаны съ едва замѣтными неприятными чувствованіями,—ассоціированы съ живѣйшими мрачными чувствованіями; естественно, что при такой реакціи сознанія, все, что прежде вызывало сильныя неприятныя чувствованія, теперь вызываетъ самую сильную интенсивную боль. Все для такого больного окрашено въ черный цвѣтъ, все вызываетъ душевную боль, которая завладѣваетъ болѣе или менѣе всецѣло сознаніемъ; то, что раньше причиняло наслажденіе, радость,—теперь не вызываетъ или никакой реакціи сознанія, или даже неприятныя чувствованія. Больной, всецѣло поглощенный тоской, душевной болью, избѣгаетъ всякаго воспріятія, потому что всякое ощущеніе приноситъ съ собою новое мрачное чувствованіе, и мало по малу совершенно сосредоточивается на небольшомъ кругѣ представленій.

Мы уже видѣли, что мрачныя чувствованія медленно смѣняютъ другъ друга; такимъ образомъ, онѣ подолгу задерживаются въ сознаніи сочетанныя съ ними представленія, что обусловливаетъ крайне медленную смѣну представленій, которыя всецѣло завладѣваютъ сознаніемъ, вслѣдствіе чего все, кромѣ этихъ представленій, какъ бы не существуетъ. Это непривычное замедленіе въ ходѣ представленій

Еbing'омъ: Transitorische Störungen d. Selbstbewusstseins. 1868. Die gerichtliche Psychopatologie, herausgegeben von Maschka, IV Bd. Ss. 621—631; тутъ же приведена главнѣйшая литература предмета.

также вызываетъ непріятное чувствованіе собственной слабости, сознание безпомощности, такъ какъ воля уже не въ силахъ управлять смѣной представленій; все вмѣстѣ доводитъ больного до отчаянія; психическая боль, по словамъ испытавшихъ ея, не уступаетъ и даже превышаетъ физическую, и можетъ быть единственной причиною самоубійства.

Острый, т. е. кратковременный приступъ сильнѣйшей тоски, ужаснѣйшей психической боли, сопровождаемый тягостными чувствованіями давленія, стѣсненія въ области сердца, называется предсердечной тоской (*Anxietas praecordialis*). Я не буду говорить—въ какой зависимости стоитъ психическая боль къ явленіямъ со стороны сердца, такъ какъ эта связь мало или, вѣрнѣе говоря, пока совершенно не выяснена. Предсердечная тоска встрѣчается, какъ наступающее, повременамъ, явленіе, при нѣкоторыхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, или-же составляетъ иногда единственный приступъ въ теченіе болѣзни; продолжительность этого приступа бываетъ отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Особое судебно-психіатрическое значеніе предсердечная тоска имѣетъ потому, что, во время приступа, больной, въ смутномъ стремленіи освободиться отъ мучительной боли, совершаетъ иногда самыя опасныя поступки: наноситъ себѣ раны, ломаетъ и разрушаетъ окружающее, убиваетъ попавшихся подъ руку лицъ, даже наиболѣе себѣ дорогихъ ¹⁾).

Болѣзненно-веселое настроеніе духа составляетъ противоположную форму реакціи сознанія; сознаніе оттѣняетъ пріятнымъ чувствованіемъ все, что раньше оставалось почти безразличнымъ; то же, что вызвало пріятныя чувствованія, теперь обусловливаетъ самыя живые аффекты радости. Такое измѣненіе чувственной окраски составляетъ или на-

¹⁾ Я помню одну больную, страдавшую мрачнымъ помѣшательствомъ въ самой легкой степени, убившую полѣномъ любимаго сына въ состояніи предсердечной тоски. Оправившись отъ болѣзни, она никогда не могла забыть о потерѣ сына. Замѣчательно, что эти бурные, по большей части, разрушительные поступки какъ бы облегчаютъ, успокаиваютъ больныхъ,—они чувствуютъ себя послѣ этого спокойнѣе. Нѣчто подобное бываетъ съ раздражительными людьми; подъ влияніемъ сильной зубной боли, они бѣгаютъ, бранятся, стучать головой объ стѣну, что нѣсколько ихъ успокаиваетъ; я видѣлъ почтенную мать семейства въ такомъ состояніи и она увѣрила меня, что такъ ей легче переносить зубную боль.

чало прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ, или основной главный припадокъ маніи. Эти больные утопаютъ въ блаженствѣ; все для нихъ—источникъ удовольствія, радости; для нихъ ничего нѣтъ непріятнаго, грустнаго. При легкихъ степеняхъ такого болѣзненнаго состоянія, а также въ первомъ періодѣ опьяненія,—легко убѣдиться, какъ такая скраска воспріятія и мышленія ведетъ къ переоцѣнкѣ собственныхъ силъ; въ такомъ состояніи субъекту кажется все легкимъ, исполнимымъ ¹⁾, потому что онъ хотя и понимаетъ все трудности исполненія задуманнаго, но эти представленія уже не сочетаны съ непріятными чувствованіями; у него нѣтъ страха—этого живого чувствованія, мѣшающаго нормальному человѣку подвергать себя опасности; безъ этихъ чувствованій, пьяному опасности представляются безъ живой окраски чувствованіями—этими дѣйствительными мотивами какъ дѣйствій, такъ и прекращенія ихъ.

Такъ какъ пріятныя чувствованія живо смѣняются, то и представленія, съ ними сочетанныя, не долго остаются въ сознаніи, почему ходъ представленій у этихъ больныхъ ускоренъ, что служитъ новымъ источникомъ блаженства; быстрота въ смѣнѣ представленій можетъ доходить до полной спутанности сознанія. Едва-ли нужно прибавлять, что, при такомъ поглощеніи сознанія пріятными чувствованіями, высшія нравственныя чувствованія не могутъ возникать въ душѣ больного, потому что, не испытывая самъ страданія, онъ не можетъ сочувствовать страданіямъ другихъ.

Чѣмъ-же обусловливаются такія измѣненія въ качествѣ чувствованій, чѣмъ можно объяснить реакцію сознанія на все непріятными чувствованіями у меланхолика и на все пріятными у маніака? Совершенно точнаго, провѣреннаго объясненія мы не имѣемъ, но, болѣе всего, вѣроятно, что та или другая форма реакціи сопровождается уменьшеннымъ или усиленнымъ питаніемъ коры головного мозга; при усиленномъ приливѣ крови къ мозговой корѣ (гиперемія) все бываетъ окрашено въ розовомъ цвѣтѣ; при уменьшенномъ приливѣ крови (анемія), при суженіи артерій мозговой коры, развивается мрачное настроеніе, непріятныя чувствованія наполняютъ сознаніе. Такой взглядъ

¹⁾ Слизога (Ethique, III. pars. 3) вѣрно подмѣтилъ, что пьяный считаетъ себя совершенно свободнымъ, именно когда онъ потерялъ уже свою свободу.

особенно послѣдовательно развитъ Мейнертомъ ¹⁾, который чувствованіе считаетъ выраженіемъ питанія мозга.

Гораздо менѣе намъ понятны извращенія чувствованія, т. е. такія, состоянія когда то, что у нормальныхъ людей вызываетъ живѣйшія непріятныя чувствованія, напротивъ, сочетано съ живѣйшими пріятными чувствованіями. Почти всякій встрѣчалъ дѣвушекъ, съ удовольствіемъ кушающихъ самыя невкусныя вещи; если еще и понятно, почему однѣ любятъ ѣсть известку, другія пить уксусъ, то совершенно непонятно, какъ нѣкоторыя, съ удовольствіемъ, ѣдятъ пауковъ и даже клоповъ и т. п. Не менѣе странно отвращеніе нѣкоторыхъ къ самымъ любимымъ, большинствомъ, блюдамъ, напримѣръ: къ молоку, яйцамъ, земляникѣ, рыбѣ и т. п. Такое странное явленіе называется идіосинкразіей. Но эти странности, вообще, не имѣютъ особаго значенія; онѣ могутъ только служить нѣкоторымъ указаніемъ на ненормальность организаціи и, только вмѣстѣ съ другими признаками ненормальности, могутъ служить къ полному выясненію степени болѣзненности.

Гораздо болѣе имѣетъ значенія, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, извращеніе половой чувствительности ²⁾. У здоровыхъ людей специфическія пріятныя чувствованія вызываются обществомъ, прикосновеніемъ и совокупленіемъ съ лицами другого пола; ничего подобнаго не вызывается лицами того же пола; у нѣкоторыхъ такія, для всѣхъ пріятныя и не поддающіяся описанію, чувствованія по отношенію къ лицамъ того же пола вообще крайне слабы и появляются случайно при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напр., по отношенію къ очень красивымъ, къ юношамъ, имѣющимъ что-то женственное (у мужчинъ) или мужественнымъ женщинамъ (у женщинъ). Лишь при продолжительномъ половомъ воздержаніи (у арестантовъ, у матросовъ при продолжительныхъ плаваніяхъ) прикосновеніе и совокупленіе съ лицами того же пола сопровождаются ощущеніями, сочетанными съ

¹⁾ Психіатрія, Т. I. 1885 г.

²⁾ Въ моей работѣ «Къ ученію объ извращеніи полового чувства» (Медицинскія прибавленія къ Морскому Сборнику, 1882 г.), первомъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ, опубликованномъ у насъ, приведена литература и подробно разработана патологія этого болѣзненнаго состоянія. Изъ появившихся, послѣ, изслѣдованій по этому предмету заслуживаетъ вниманія прекрасная статья Маньяка «Объ аномаліяхъ, уклоненіяхъ и извращеніяхъ полового чувства» (Вѣстникъ психіатрія, 1884 г.).

приятными чувствованіями. Нѣкоторые развратники притупляютъ свою чувствительность до такой степени, что совокупленіе съ женщинами имъ уже не доставляетъ удовольствія; совокупленіе же съ мужчинами вызываетъ въ нихъ пріятныя чувствованія. Нужно ли говорить, что для здороваго, неиспорченнаго человѣка совершенно непонятно, — какъ можетъ быть пріятно то, что для всѣхъ просто омерзительно.

Болѣзненное измѣненіе половыхъ чувствованій состоитъ въ томъ, что пріятныя чувствованія возникаютъ отъ общества, соприкосновенія съ лицами своего пола; нормальное же совокупленіе или не вызываетъ вообще сколько нибудь пріятныхъ чувствованій, или же бываетъ источникомъ непріятнымъ. Такіе больные, съ самого дѣтства, избѣгаютъ общества дѣтей другого пола, имъ доставляетъ удовольствіе общество лицъ одного съ ними пола; затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи замѣчается удаленіе отъ лицъ другого пола; платоническая любовь, поклоненіе; обожаніе у этихъ больныхъ въ извѣстномъ возрастѣ развивается только по отношенію къ лицамъ одного съ ними пола. Онѣ не ищутъ и даже избѣгаютъ нормальныхъ совокупленій; если же, подражая другимъ, и совершаютъ совокупленіе, то, къ удивленію своему, или вовсе не испытываютъ пріятныхъ чувствованій, или же даже испытываютъ непріятныя. вмѣстѣ съ этимъ, общество, видъ, разговоръ прикосновеніе къ лицамъ своего пола, особенно же къ нѣкоторымъ, сопровождается живѣйшими чувствованіями. Наконецъ, дѣло можетъ дойти до того, что субъектъ влюбляется въ лицо одного съ нимъ пола, и тогда къ этому лицу у него развивается такое же отношеніе, какъ вообще у влюбленныхъ. Пока все ограничивается лишь однимъ извращеніемъ чувствованій, — эта странная игра природы имѣетъ значеніе только для самого больного, такъ какъ у него, вмѣсто нормальнаго отношенія къ лицамъ другого пола, существуютъ чувствованія, чуждыя для большинства; онъ долженъ скрывать эту особенность, которая нерѣдко бываетъ причиною живѣйшихъ страданій, если больной ясно понимаетъ свое ненормальное отношеніе къ обоимъ поламъ.

Гораздо больше имѣютъ значенія тѣ немногочисленные случаи, когда нормальное совокупленіе обуславливаетъ вполнѣ непріятныя чувствованія, когда наслажденіе, вызываемое обществомъ, прикосновеніемъ къ лицамъ своего пола, бываетъ очень сильно; при такомъ полномъ извращеніи половыхъ чувствованій, нерѣдко и удовлетвореніе половыхъ потребностей бываетъ извращеннымъ, что уже составляетъ преступленіе.

Вообще, не трудно опредѣлить, — когда такая извращенность половой дѣятельности бываетъ результатомъ разврата и безнравственности, и когда это не болѣе, какъ симптомъ болѣзни. Если стремленія къ половому совокупленію съ лицами другого пола не было съ самаго начала, если у больного такое извращеніе чувствительности врожденное, если не подлежитъ сомнѣнію, что такая извращенность тяготитъ субъекта, что онъ употреблялъ всѣ усилія, но напрасно, не отличаться отъ нормальныхъ людей, — объяснить эту аномалію психической организациі безнравственностью мы не имѣемъ никакого основанія. Но такъ какъ, вообще, въ психіатріи заключенія слѣдуетъ дѣлать лишь на основаніи многихъ признаковъ, изученія ряда симптомовъ, то, и по отношенію къ извращенію половыхъ чувствованій, слѣдуетъ имѣть въ виду, что это болѣзненное явленіе, только вмѣстѣ съ другими, можетъ служить къ уясненію степени болѣзненности. Извращеніе полового чувствованія, какъ это доказано изслѣдованіями многихъ авторовъ, наблюдается у эпилептиковъ, у вырождающихся; слѣдовательно, мы считаемъ это явленіемъ болѣзненнымъ, потому что оно составляетъ одинъ изъ симптомовъ болѣзни, наблюдается у больныхъ, а не на основаніи однихъ лишь теоретическихъ разсужденій.

Такое извращеніе половыхъ чувствованій бываетъ при вполне правильно-развитыхъ половыхъ органахъ и тогда эта аномалія чисто психическая.

Чтобы заключить объ извращеніяхъ чувствованій, укажу еще на странное явленіе, наблюдаемое у невропатовъ, у вырождающихся — это болѣзнь открытыхъ пространствъ (agorophobia). Такія лица испытываютъ страхъ, тоску, оставаясь на площади, вообще на открытомъ мѣстѣ; этотъ страхъ можетъ быть такъ силенъ, что больной не иначе въ состояніи перейти площадь, какъ или вмѣстѣ съ другими, или же пробираясь мимо домовъ. Такой же страхъ можетъ развиваться въ закрытыхъ пространствахъ (claustrophobia). Конечно, это не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ тоски, страха; онъ развивается у лицъ, склонныхъ къ этимъ аффектамъ вообще, такъ что, въ этомъ смыслѣ, это не болѣе, какъ повышенная чувствительность.

Уже давно было извѣстно, что у многихъ преступниковъ всѣ нравственныя чувствованія развиты крайне слабо по сравненію съ нормальными людьми. Но такъ какъ мы вообще не имѣемъ какихъ либо масштабовъ для измѣренія высшихъ чувствованій, а главное — слабое развитіе чувствованій у многихъ преступниковъ не было поставлено

въ связь, въ гармонію съ другими аномаліями ихъ душевной организаци, то такое наблюденіе вообще не имѣло значенія.

Benedickt, Garofolo, Lombroso, стремятся объяснить слаборазвитое сочувствіе къ страданіямъ другихъ у врожденнаго преступника тѣмъ, что у этихъ вырожденковъ природы крайне слаба чувствительность вообще, что они невоспримчивы, или очень мало воспримчивы къ физической боли. Дѣйствительно, какъ уже много разъ я говорилъ, человѣкъ можетъ сочувствовать только тому, что въ немъ самомъ вызываетъ чувствоваіе. Когда мы видимъ кого либо испытывающаго страданіе, мы вспоминаемъ о тѣхъ чувствованіяхъ, которые были пережиты нами при подобныхъ обстоятельствахъ, и чѣмъ сильнѣе были наши чувствованія, тѣмъ, конечно, они живѣе и воспроизводятся памятью, тѣмъ болѣе, значить, страданіе ближняго вызываетъ въ насъ сочувствіе. Не испытывая самъ физической боли, или испытывая ее въ очень слабой степени, человѣкъ не можетъ сочувствовать физическимъ страданіямъ другого ¹⁾. Если-бы было доказано, что врожденные, привычные преступники дѣйствительно менѣе воспримчивы къ болевымъ раздраженіямъ, что то, что у нормальныхъ людей вызываетъ физическую боль средней степени, у нихъ вызываетъ лишь крайне слабую, а то, что у нормальныхъ людей вызываетъ слабую боль, у нихъ не вызываетъ никакой,—была бы выяснена существенная аномалія въ организаци врожденныхъ, привычныхъ преступниковъ, найденъ былъ-бы существенный признакъ для характеристики этого типа.

Само собою разумѣется, что весьма трудно, почти невозможно придти къ какому либо положительному заключенію на основаніи словъ самихъ преступниковъ объ интенсивности физической боли, ими испытываемой; лживость преступниковъ не позволяетъ намъ вообще довѣрять имъ. Поэтому, всякія попытки опредѣлить путемъ объективнаго изслѣдованія—напримѣръ, раздраженіемъ кожи кисточкой отъ индукціоннаго аппарата, степень воспримчивости къ болевымъ раздраженіямъ едва ли могутъ дать какіе либо прочные результаты. Однако, многочисленныя изслѣдованія многихъ авторовъ, если они приведутъ къ одинаковымъ результатамъ вмѣстѣ съ другими фактами, имѣютъ право на вниманіе. Lombroso, Marro нашли болевую чувстви-

¹⁾ Спенсеръ вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что человѣкъ, перенесшій тяжелую болѣзнь, болѣе сочувствуетъ больнымъ, чѣмъ прежде, когда онъ еще не зналъ, по собственному опыту, страданій, вызываемыхъ болѣзью (Principles of Psychologie, p. 614).

тельность у преступниковъ значительно притупленною; не зная еще этихъ работъ Lombroso и Магго, я произвелъ нѣсколько изслѣдованій въ этомъ направленіи и также получилъ значительное притупленіе болевой чувствительности. Въ доказательство слабости чувствованія боли, Lombroso приводитъ тотъ фактъ, что арестанты, по самому ничтожному поводу, напр., чтобы попасть въ лазаретъ, наносятъ себѣ болѣе или менѣе тяжелыя раны.

Но самое убѣдительное доказательство, представленное Lombroso— это нечувствительность арестантовъ при татуированіи. Этотъ талантливый и трудолюбивый авторъ обратилъ особое вниманіе на любовь арестантовъ къ татуированію, и изучилъ весьма подробно татуировку арестантовъ; при этомъ, онъ замѣтилъ, что, только при значительной нечувствительности, возможны многія изъ видѣнныхъ имъ татуировокъ; напр., на головкѣ мужского члена, гдѣ малѣйшее раздраженіе вызываетъ боль, нѣкоторые преступники вытравливаютъ себѣ цѣлые рисунки. Зная какъ вообще мало склонны преступники подвергать себя страданіямъ и лишеніямъ,—трудно допустить, чтобы ничтожное удовольствие, которое можетъ доставить удачная татуировка, могло побѣдить живую физическую боль, неизбежную при такой операци; гораздо правильнѣе объяснить это тѣмъ, что физическая боль при татуировкѣ бываетъ ничтожная, какъ заявляютъ и сами татуированные. Я почелъ необходимымъ привести эти факты, такъ какъ они указываютъ на аналгезію нѣкоторыхъ преступниковъ; допуская же пониженіе болевой чувствительности, мы уже можемъ объяснить себѣ ту поразительную нравственную безчувственность врожденныхъ преступниковъ, которая намъ была такъ долго совершенно непонятна; только, при такой физической и нравственной нечувствительности, и возможны нѣкоторыя злодѣянія, глубоко возмущающія душу нормальнаго человѣка.

Г Л А В А V.

Психологія умственной дѣятельности.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію разстройствъ, патологическихъ измѣненій въ умственной дѣятельности, мы должны познакомиться съ тѣмъ,—какъ совершается у здороваго умственная дѣятельность,—однимъ словомъ, припомнить соответственный отдѣлъ психологіи.

Умственную дѣятельность удобнѣ всего, съ цѣлями изученія, дѣлать на два главных ея отдѣла: чувственное воспріятіе и мышленіе ¹⁾).

Умственная жизнь начинается съ чувственного воспріятія внѣшняго міра; теперь никто не оспариваетъ положенія, что разумъ имѣетъ лишь то, что дано органами чувствъ. Черезъ органы чувствъ внѣшній міръ производитъ измѣненія сознанія, простѣйшія изъ которыхъ называются ощущеніемъ.

— Ощущеніе, слѣдовательно,—простѣйшее измѣненіе сознанія, вызванное внѣшнимъ міромъ, или, говоря иначе, элементарнѣйшій слѣдъ, простѣйшій знакъ внѣшняго міра.

Ощущенія различаются между собою, прежде всего, по тому пути, черезъ которое онѣ вызваны были въ сознаніи, т. е. по органамъ чувствъ.

Наименѣ ясны и отчетливы ощущенія, вызываемыя жизнью нашего организма; ощущенія, вызываемыя дѣятельностью сердца, лишь при учащенномъ и усиленномъ сердцебіеніи, съ полною ясностью и отчетливостью достигаютъ до сознанія; тоже слѣдуетъ сказать объ ощущеніяхъ со стороны пищеварительныхъ и дыхательныхъ органовъ. Гораздо болѣе ясныя ощущенія вызываютъ въ сознаніи органы движенія: всякое наше движеніе цѣлымъ рядомъ ощущенийъ отражается въ сознаніи; ощущенія мышечныя весьма отчетливы, и малѣйшія измѣненія въ напряженіи мышцъ тотчасъ-же отражаются измѣненіемъ ощущенія.

Изъ органовъ чувствъ, т. е. органовъ, непосредственно доступныхъ внѣшнимъ раздраженіямъ, органы обонянія и вкуса даютъ самыя однообразныя ощущенія. Гораздо болѣе разнообразныя ощущенія органа осязанія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Черезъ кожу мы воспринимаемъ не только ощущенія самаго разнообразнаго прикосновенія, но получаемъ температурныя ощущенія и электрическія. Особенность ощущенийъ, возникающихъ въ кожѣ, т. е. въ концевыхъ аппаратахъ нервовъ, тамъ расположенныхъ, та, что ощущенія эти локализованы; мы довольно точно можемъ опредѣлить мѣсто возникновенія ощущенийъ, вслѣдствіе чего эти ощущенія, по своему содержанію,—не только знаки внѣшняго міра, но и точно опредѣленные знаки, точно опредѣляющіе, гдѣ послѣдовало раздраженіе, и какое именно.

¹⁾ Для полнаго ознакомленія съ предметомъ, кромѣ вышеупомянутыхъ учебниковъ психологіи, можно рекомендовать: Uphues. Wahrnehmung und Empfindung. 1888.

Самыя разнообразныя, самыя богатые ощущенія возникаютъ съ помощью высшихъ органовъ чувствъ — зрѣнія и слуха. Трудно сказать—какой изъ этихъ органовъ чувствъ даетъ человѣку больше матеріала для умственной дѣятельности; сколько бы человѣкъ не жилъ, онъ всегда будетъ воспринимать очень много новыхъ, неизвѣданныхъ ощущеній черезъ эти органы чувствъ.

Ощущенія отъ органовъ нашего тѣла, мышечныя ощущенія качественно одноформенны; ощущенія вкуса, обонянія, слуха и зрѣнія качественно многоразличны; ощущенія этихъ органовъ чувствъ представляютъ различныя качества, переходящія другъ въ друга, также какъ переходятъ одна въ другую интенсивность ощущеній. Вслѣдствіе такой качественной многообразности эти ощущенія весьма отчетливы, строго различаются между собою.

Внѣшній міръ, или процессы, дѣйствующіе, какъ раздраженія, на наши органы чувствъ и вызывающіе ощущенія, суть движенія—или механическія, или электрическія движенія, или колебанія теплоты, или химическія вліянія. Почему столь однообразныя движенія вызываютъ разнообразныя качества ощущеній и почему одно и то же движеніе, смотря потому—какимъ органомъ оно воспринимается,—вызываетъ различныя ощущенія, напр., температурныя и свѣтovyя—мы не знаемъ. Но никакъ нельзя упускать изъ виду, что внѣшній міръ намъ данъ поскольку онъ является раздражителемъ для нашихъ органовъ чувствъ и такимъ, какимъ ощущаемъ его мы, въ силу строенія, или говоря вообще, свойствъ нашихъ органовъ чувствъ. Въ природѣ нѣтъ ни краснаго, ни фіолетоваго цвѣта, а есть различной длины свѣтovyя волны, и почему, при 450 билліонахъ колебаній въ секунду, вызывается ощущеніе краснаго, а при 790 билліонахъ такого же колебанія вызывается совершенно различное ощущеніе—ощущеніе фіолетоваго—мы не знаемъ.

Всѣ ощущенія, независимо отъ органа чувствъ, черезъ который они возникаютъ, подчинены извѣстнымъ законамъ. Во-первыхъ, ощущеніе воспринимается какъ отдѣльное, если раздраженіе длилось извѣстное время; если же меньше, то ощущенія не достигаютъ ясности, не воспринимаются отдѣльно, а сливаются между собою.

Необходимо извѣстное время—это время такъ коротко, что мы обыкновенно не принимаемъ его въ расчетъ—чтобы увидѣть, услышать—это знаетъ каждый, напр., если колесо движется очень быстро, мы не различаемъ спиць; для каждаго органа чувствъ дана своя

минимальная продолжительность, но, вообще, она не превышает долей секунды; напр., для воспріятія черной точки, при моемъ изслѣдованіи, было необходимо 0,0034 ¹⁾).

Я не буду приводить всѣхъ цифръ необходимой минимальной продолжительности раздраженія разныхъ органовъ чувствъ, такъ какъ эта продолжительность недостаточно точно опредѣлена, и, притомъ, же, не сами цифры имѣютъ для насъ значеніе, а фактъ, доказанный опытами, что, для возникновенія ощущенія, необходимо время, что ощущенія существуютъ во времени.

Для возникновенія ощущенія, кромѣ извѣстной продолжительности раздраженія, необходима и извѣстная степень его интенсивности, напряженія. Далеко не всѣ внѣшнія раздраженія вызываютъ ощущенія; мы не ощущаемъ, по прекрасному выраженію Пушкина, «И гадъ морскихъ подводный ходъ и дальней лозы прозябанія». Только, при извѣстной силѣ раздраженія, ощущенія достигаютъ до сознанія, переступаютъ, такъ называемый, порогъ сознанія. Вообще, довольно точно опредѣленъ минимумъ раздраженія, необходимый для возникновенія въ разныхъ органахъ чувствъ ощущеній; насколько эти величины колеблются, можно видѣть изъ того, что мы ощущаемъ давленіе на лбу ладонной поверхности пальцевъ при наложеніи $\frac{1}{5000}$ грамма; на спинѣ-же меньше $\frac{1}{20}$ грамма не вызываетъ ощущенія давленія ²⁾).

И такъ, ощущенія имѣютъ два измѣренія: во времени и въ интенсивности; такъ какъ ощущенія имѣютъ два измѣренія, то математика примѣнима къ психическимъ явленіямъ, слѣдовательно, — психологія можетъ быть наукой. Интенсивность ощущенія стоитъ въ зависимости отъ интенсивности раздраженій; весьма долго всѣ думали, что чѣмъ раздраженіе сильнѣе, тѣмъ сильнѣе и ощущеніе, что величина ощущенія нарастаетъ прямо пропорціально величинѣ раздраженія. И только въ послѣдніе 40 лѣтъ, благодаря работамъ нѣмецкихъ ученыхъ (Вебера, Фехнера, Гельмгольца, Вундта), выработанъ законъ соотношенія между раздраженіемъ и ощущеніемъ,—такъ называемый законъ Вебера. Законъ этотъ, вполне точно и научно установленный, въ психологіи имѣетъ такое же значеніе, какое законъ тяготѣнія въ механикѣ.

¹⁾ „Широта воспріятія у душевно-больныхъ“. Архивъ психіатріи. 1890 г.

²⁾ Желающіе ближе ознакомиться съ результатами опытной психологіи найдутъ необходимыя свѣдѣнія въ моемъ сочиненіи: „Научная психологія въ Германіи“, 1886 г.

Для измѣненія интенсивности ощущенія имѣютъ значеніе измѣненія величины раздраженія не абсолютныя, а лишь по отношенію ко всей величинѣ раздраженія. Если горитъ три люстры, одна въ 10, другая въ 100, а третья въ 1000 свѣчей, то прибавленіе къ каждой по одной свѣчѣ будетъ имѣть совершенно неодинаковые результаты. Сила, интенсивность ощущенія свѣта первой люстры значительно измѣнится; мы едва замѣтимъ разницу освѣщенія отъ прибавки свѣчи ко второй люстрѣ, а интенсивность освѣщенія отъ свѣта третьей люстры для насъ останется безъ измѣненія; для того, чтобы интенсивность освѣщенія возросла почти одинаково во всѣхъ трехъ люстрахъ, нужно ко второй прибавить уже не одну свѣчу, а 10, а къ третьей—100 свѣчей, слѣдовательно нужно произвести измѣненіе силы раздраженія пропорціонально ихъ величинѣ, т. е. прибавить одну десятую величины раздраженія. Тоже самое, конечно, будетъ и при уменьшеніи силы ощущенія свѣта отъ этихъ трехъ люстръ.

Разница въ интенсивности звука ощущается нами только тогда, когда величина его возросла на одну треть; на примѣръ, если мы бросимъ одинъ шарикъ съ высоты 30 сант., а другой—35, то оба звука для насъ будутъ одинаковы—и только, если высота паденія другого достигнетъ 40 сант., мы замѣтимъ нарастаніе интенсивности ощущенія; слѣдовательно, для того, чтобы едва замѣтно усилить интенсивность ощущенія звука, при паденіи шарика съ высоты 18 сант., мы должны взять высоту паденія въ 24 сант. и т. д.

Однимъ словомъ, разница между интенсивностью ощущенія возрастаетъ только тогда, когда разница между раздраженіями возрастаетъ пропорціонально ихъ первоначальной величинѣ, т. е. когда величина раздраженій нарастаетъ въ геометрическомъ отношеніи,—величина ощущеній нарастаетъ только въ ариѳметическомъ. Этотъ основной психофизическій законъ математически можетъ быть выраженъ такъ: ощущеніе пропорціонально логарифму раздраженія.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что законъ этотъ относится къ ощущеніямъ средней силы, что ощущенія, достигая извѣстной силы, уже теряютъ свою ясность, свою способность уменьшаться и увеличиваться, и сильный звукъ, сильный свѣтъ, такъ сказать, наполняютъ всецѣло наше сознаніе.

Законъ этотъ особенно важенъ, какъ доказательство относительности всѣхъ нашихъ ощущеній, а слѣдовательно,—и всѣхъ психическихъ явленій вообще; въ сознаніи нѣтъ абсолютнаго мѣрила, а только

относительное, для измѣренія происходящихъ въ немъ явленій; интенсивности ощущенія, самой по себѣ, не существуетъ; она обусловлена отношеніемъ къ интенсивности предыдущаго ощущенія; самый сильный свѣтъ не производитъ никакого ощущенія, какъ тому учить насъ ежедневный опытъ: днемъ мы не видимъ звѣздъ, въ темную же ночь онѣ вызываютъ въ насъ весьма опредѣленное ощущеніе; во мракѣ малѣйшій лучъ свѣта ослѣпляетъ насъ.

Вообще, мы воспринимаемъ только измѣненія во внѣшнемъ мірѣ; вышеприведенное описаніе сознанія уже выяснило намъ, что отсутствіе измѣненій ведетъ къ потуханію сознанія; нужно всегда имѣть въ виду, что сознаніе воспринимаетъ только измѣненіе, переменну; что вызываютъ ощущенія не раздраженія сами по себѣ, а ихъ смѣна; мы не ощущаемъ давленія воздушнаго столба, потому что оно всегда остается однимъ и тѣмъ же; мельники не слышать шума колесъ своей мельницы, но живо воспринимаютъ прекращеніе этого раздраженія. Ежедневный опытъ учить насъ, что не раздраженія сами по себѣ, имѣютъ для насъ значеніе, а отношеніе даннаго раздраженія къ предыдущему; постоянныхъ и потому привычныхъ раздраженій мы не воспринимаемъ, они для насъ не существуютъ; только измѣнившееся отношеніе даннаго раздраженія къ предыдущему вызываетъ ощущеніе, ни у кого прикосновеніе ногъ къ полу обыкновенно, само по себѣ, не вызываетъ сознательныхъ ощущеній, но если нога ступила на коверъ, тотчасъ же появляется ощущеніе, потому что измѣнилось раздраженіе. Этому закону относительности подчинены всѣ ощущенія, насколько они обусловлены внѣшнимъ міромъ, помимо участія нашей воли.

Называя ощущенія простѣйшимъ состояніемъ сознанія, вызваннымъ внѣшнимъ міромъ, изъ которыхъ слагается вся психическая жизнь, мы, тѣмъ самымъ, признаемъ, что ощущенія, кажушіяся намъ самыми простѣйшими знаками внѣшняго міра, въ сущности, суть сумма ощущеній. Что, повидимому, можетъ быть элементарнѣе ощущеній цвѣтовъ спектра; между тѣмъ какъ только четыре цвѣта: зеленый, желтый, голубой и красный суть основные цвѣта ¹⁾; остальные же уже сложные явленія, слѣдовательно,—только ощущенія этихъ четырехъ цвѣтовъ могутъ считаться ощущеніями въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тоже самое и относительно звуковыхъ ощущеній; изслѣдо-

¹⁾ Hering. Zur Lehre vom Lichtsinne. S. 38.

ванія физиковъ доказали—насколько сложны ощущенія, повидимому, самыхъ простыхъ звуковъ; слѣдовательно, при каждомъ отдѣльномъ воспріятіи въ сознаніи возникаетъ, вмѣстѣ, цѣлый рядъ ощущеній, возникаетъ рядъ ощущеній какъ того же органа чувствъ, такъ, непременно, и болѣе или менѣе длинные ряды ощущеній другихъ органовъ чувствъ. Соединеніе въ одно воспріятіе ощущеній одного и того же органа, такъ называемое сліяніе ощущеній, происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ соединеніе въ одно воспріятіе ощущеній разныхъ органовъ чувствъ, такъ называемая компликація, — какъ это доказано мною ¹⁾.

Соединеніе ощущеній для образованія полнаго воспріятія о предметахъ внѣшняго міра дается строеніемъ нашихъ органовъ чувствъ; когда мы видимъ предметъ — мы, вмѣстѣ съ этимъ, опредѣляемъ его разстояніе отъ насъ, его величину; прикасаясь къ предмету, беря его въ руку, мы, тѣмъ самымъ, опредѣляемъ его плотность, его температуру, тяжесть и т. д. Вмѣстѣ съ вкусовыми ощущеніями, помимо нашего желанія, возникаютъ непремѣнно и обонятельныя, и осязательныя ощущенія, такъ что воспріятіе внѣшняго міра, главнымъ образомъ, происходитъ пассивно, — существованіе внѣшнихъ предметовъ и нашихъ органовъ чувствъ является источникомъ большинства нашихъ ощущеній, а самое сочетаніе ощущеній въ тѣ или другія сложные группы обуславливается строеніемъ органовъ чувствъ, взаимнымъ ихъ отношеніемъ; сумма ощущеній, составляющая образъ предмета, образуетъ отдѣльное представленіе; весь внѣшній міръ для насъ состоитъ изъ отдѣльныхъ представленій.

Представленія содержатъ, или по крайней мѣрѣ, предполагаютъ сужденіе, что ощущенія, составляющія представленіе, имѣютъ своимъ источникомъ внѣшній предметъ; что предметъ находится во внѣшнемъ мірѣ; мало того, во всякомъ представленіи содержится сужденіе, что предметъ существуетъ самъ по себѣ, а не только какъ причина нашихъ ощущеній, что онъ существовалъ до того момента, какъ вызвалъ ощущеніе, и будетъ существовать послѣ этого момента. Такъ что представленія, эти простые образы внѣшняго міра, суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма сложные продукты психической дѣятельности, и до сихъ поръ мы еще не понимаемъ, — какъ при каждомъ воспріятіи, при

¹⁾ Ueber die Zeitverhältnisse der Apperception einfacher und zusammengesetzter Vorstellungen, untersucht mit Hilfe der Complicationsmethode. Philosophische Studien. Bd. II.

возникновеніи каждаго представленія, образуются столь сложныя сужденія; кромѣ того, каждое представленіе относится къ извѣстному моменту во времени, каждый предметъ мыслится нами занимающимъ извѣстное мѣсто въ пространствѣ, и, наконецъ, стоящимъ въ извѣстной причинной связи къ другимъ.

При каждомъ воспріятіи предмета непременно воспроизводятся, репродуцируются прежде воспріятыя объ этомъ предметѣ представленія и сливаются съ вновь полученнымъ въ одно неразрывное цѣлое, такъ что измѣняются и прежнія представленія; обыкновенно, новое измѣняется и дополняется прежними. Поэтому, каждое воспріятіе не есть какъ-бы простой отпечатокъ предмета въ сознаниіи, а непремѣнное соединеніе воспринимаемаго представленія съ прежде воспріятыми о томъ же предметѣ, затѣмъ—съ представленіями одновременными или сходными съ репродуцированными и наконецъ—со всѣмъ содержаніемъ сознания. Когда я вижу домъ, гдѣ былъ въ прошломъ году, у меня непременно воспроизводятся представленія, прежде воспріятыя объ этомъ домѣ, затѣмъ тѣ, которыя были въ то время, когда я былъ въ этомъ домѣ, и мало по малу—безчисленное множество другихъ.

Переходъ, или, говоря иначе, переработка ощущеній, не смотря на свою кажущуюся простоту, представляетъ, во многихъ отношеніяхъ, еще не разгаданную тайну; представленіе—явленіе въ высшей степени сложное и мы совершенно не понимаемъ—какимъ образомъ ребенокъ, создавая представленія, образуетъ столь сложныя сужденія, какъ сужденіе о разстояніи отъ него предметовъ, о причинной связи явленій внѣшняго міра, наконецъ—о самомъ бытіи внѣшняго міра. Нужно допустить возможность безсознательныхъ заключеній, съ помощью которыхъ ощущенія трансформируются въ представленія; но такое допущеніе и не можетъ быть никогда провѣрено, и стоитъ въ противорѣчьи со всѣми данными психологіи; гипотеза, что переработка ощущеній въ представленія совершается въ силу наслѣдственно передаваемой подготовки къ тому мозга, выясняетъ намъ не болѣе предъидущей; вообще, это едва-ли не самый неясный вопросъ въ психологіи.

Какъ уже выше было сказано, память—необходимое условіе для сознания; въ самомъ дѣлѣ, что было-бы, если-бы мы не сохраняли воспріятыхъ ощущеній? Безъ памяти невозможна умственная жизнь; человѣчество, до такой степени, высоко цѣнить эту способность, что отождествляетъ ее съ силой умственныхъ способностей вообще. На-

блюденіе надъ нѣкоторыми душевно-больными учить насъ, однако, что память, какъ-бы она ни была прекрасна, еще не обуславливаетъ хорошей умственной дѣятельности, такъ какъ извѣстны случаи, когда, при значительномъ слабоуміи, память далеко выше средняго уровня.

Анализируя это чудное свойство нашей души, мы, прежде всего, должны установить, что сознание обладаетъ способностью сохранять воспринятое, а также все то, что когда либо было въ сознаниі, т. е., мысли, чувствованія, желанія, стремленія и т. п. Сколько намъ извѣстно сохраняется лучше всего то, что было сочетано съ живѣйшими чувствованіями; обращаясь къ своему раннему дѣтству, каждый изъ насъ убѣдится, что у него сохранилось лишь то, что вызвало живѣйшія чувствованія, напр. болѣзни, наказанія, смерть ближайшихъ родственниковъ и т. п. ¹⁾ Трудно рѣшить вопросъ—отчего одни ряды представленій, напр. слова сохраняются у нѣкоторыхъ очень хорошо, между тѣмъ какъ другія представленія, напр., о мѣстности,—дурно; можно-ли допустить, что способность хорошо сохранять тѣ, а не другіе ряды представленій есть врожденная, или, по крайней мѣрѣ, первичная? Вѣроятноѣе, все зависитъ оттого, начто болѣе обращено вниманіе, что вызываетъ наибольшій интересъ, что наиболѣе соответствуетъ всей умственной дѣятельности. Въ зависимости отъ этого, одни лучше сохраняютъ слова (память словъ), другія—взаимныя отношенія въ пространствѣ (память мѣстности ²⁾ и наконецъ третьи—логическія отношенія понятія (логическая память). Кромѣ живѣйшихъ чувствованій, сочетанныхъ съ воспріятіемъ или, вообще, съ состояніемъ сознания, причиною прочнаго сохраненія, какъ извѣстно, служитъ повтореніе; чѣмъ дольше длилось данное состояніе сознания, непрерывно или черезъ промежутки, тѣмъ болѣе имѣетъ оно шансовъ сохраниться. Болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ „афазія“, характеризующаяся тѣмъ, что, при пораженіи какимъ либо болѣзненнымъ процессомъ (опухолію, кровоизліяніемъ, размягченіемъ) опредѣленныхъ участковъ мозговой коры, больной забываетъ звуковые образы представленій, не понимаетъ рѣчи

¹⁾ Прежде, было принято—на межѣ, раздѣляющей поля разныхъ владѣльцевъ, если не было естественныхъ границъ (ручья, канавы), когда ее устанавливалъ землемѣръ, жестоко высѣчь двухъ-трехъ мальчиковъ; затѣмъ, если возникалъ споръ о границахъ, обращались къ этимъ свидѣтелямъ, въ увѣренности, что они не забыли, гдѣ проходить граница, запечатлѣнная въ ихъ памяти болью, ими испытанной.

²⁾ У лошадей она, какъ кажется, гораздо лучше, чѣмъ у людей.

и не может говорить,—или зрительные образы, не может читать и писать, или наконец утрачивает и зрительные, и звуковые образы, — как нельзя болѣе убѣждает насъ въ томъ, что кора головного мозга служить органомъ, такъ сказать, мѣстомъ сохраненія представленій. Въ клѣткахъ (такъ какъ волокноне болѣе, какъ проводники) различныхъ участковъ мозга сохраняются различныя представленія; въ однихъ зрительныя, въ другихъ — слуховыя, въ третьихъ — обонятельныя. Въ мозговой корѣ около 600 милліоновъ клѣтокъ, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что каждое представленіе можетъ сохраняться отдѣльно. Самостоятельность представленій и обособленность каждой клѣтки, представляющей изъ себя какъ бы отдѣльное цѣлое, допускаютъ предположеніе, что эти клѣтки суть носители представленій. Удивительное богатство мозговой коры клѣтками объясняетъ намъ громадное количество сохраняемыхъ представленій даже людьми съ слабо-развитою памятью.

Сохранять пережитыя состоянія, какъ было уже сказано,—свойство всей органической матеріи; не только животныя, но и растенія навсегда сохраняютъ слѣды того, что было съ ними; нѣкоторыя животныя обладаютъ удивительной памятью, изъ домашнихъ — лошадь, уступающая, по уму, собакѣ.

Второе свойство памяти—это способность воспроизведенія; воспринятое и пережитое не только сохраняется въ сознаніи, но, рано или поздно, снова появляется въ сознаніи, т. е. *воспроизводится*. Сохраненное памятью можетъ, цѣлыя годы, оставаться въ безсознательной сферѣ, и, лишь только при нѣкоторыхъ условіяхъ, снова появляется въ сознаніи—воспроизводится. Воспроизведеніе бываетъ пассивное, т. е. помимо нашего желанія и воли, и активное; образы прошлаго часто воспроизводятся въ нашемъ сознаніи совершенно самопроизвольно; мы обладаемъ способностью воспроизводить пережитое, конечно, если оно сохранено, когда мы того хотимъ и даже въ томъ объемѣ,—какой мы находимъ нужнымъ; очевидна громадная разница между пассивнымъ и активнымъ воспроизведеніемъ; на это существенное различіе указалъ Аристотель. Эпикуръ, доказавъ глубокое пониманіе человѣческой души, утверждая, что память зависитъ отъ воли. Пассивное воспроизведеніе сохраненнаго чаще всего происходитъ, когда сознаніе ничѣмъ не поглощено,—какъ это извѣстно каждому по собственному опыту. Когда мы ничѣмъ не заняты, вниманіе ни на что не направлено—воспринятое и пережитое, иногда за много лѣтъ назадъ, воскресаетъ передъ

нами, произвольно всплываетъ на поверхность сознанія то, что казалось совершенно позабытымъ.

Чаще всего произвольно воспроизводится то, что, при воспріятіи, было сочетано съ живѣйшими чувствованіями, и рѣже всего то, что сохраняется только путемъ многократнаго повторенія; напр., весьма рѣдко произвольно появляются въ сознаніи слова иностраннаго языка, какъ бы хорошо мы ихъ ни заучили.

Наиболѣе обычный способъ произвольнаго воспроизведенія представлений—это воспроизведеніе по ассоціаціи; воспріятіе обычно вызываетъ въ сознаніи представленія, съ нимъ сходныя, или же вообще стоящія съ ними въ той связи, которая, какъ мы увидимъ ниже, обуславливаетъ сочетаніе представлений.

У людей, привыкшихъ къ умственному труду, наибольшую роль играютъ произвольное воспроизведеніе представлений.

Наконецъ третье свойство памяти—это *узнаваніе* (recognition) уже бывшихъ его состояній. Когда мы видимъ домъ, прежде когда-то нами видѣнный, то кромѣ того процесса, который составляетъ собственно воспріятіе, сознаніе производитъ сужденіе, въ немъ происходитъ своеобразный процессъ, въ силу чего сознаніе узнаетъ, что настоящее воспріятіе этого дома есть повтореніе уже бывшаго воспріятія. Благодаря тому, что сознаніе *узнаетъ* все бывшее въ немъ,—является различіе между первымъ и вторымъ воспріятіемъ предмета. Сознаніе не только сохраняетъ свои состоянія, не только ихъ воспроизводитъ, но и узнаетъ ихъ за таковыя, почему почти всегда отличаетъ новыя состоянія отъ бывшихъ раньше; это узнаваніе часто такъ совершенно, что сознаніе даже точно опредѣляетъ,—когда и послѣ чего было данное состояніе.

И такъ, память сохраняетъ намъ многое изъ воспріятого, почему въ сознаніи почти всегда, рядомъ съ представленіями воспріятія, или первичными, сосуществуютъ воспроизведенныя представленія, или вторичныя. Суть ли эти первичныя и вторичныя представленія явленія однородныя или совершенно различныя между собою? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вторыя относятся къ первымъ, какъ портреты къ оригиналамъ, что вторыя всегда, болѣе или менѣе точно, воспроизводятъ первыя; внутренній опытъ каждаго говоритъ ему, что воспроизведенныя представленія содержатъ въ себѣ меньше, чѣмъ представленія воспріятія; имъ всегда не достаетъ той непосредственности, той живости, которая характеризуетъ представленія воспріятія; какъ бы

точно память ни сохранила воспріятіе во всѣхъ мельчайшихъ его подробностяхъ,—всегда въ воспроизведенномъ представленіи будетъ меньше, чѣмъ въ первичномъ. почему мы, вообще, хорошо непосредственно различаемъ вторичныя представленія отъ первичныхъ. Мы смѣшиваемъ первичныя воспріятія съ вторичными, когда представленіе воспріятія очень слабо, воспринято не ясно; мы тогда дополняемъ недостатокъ воспріятія воспроизведеннымъ представленіемъ; такія ошибки, вообще, очень часты у людей невнимательныхъ, при утомленіи, при воспріятіи, насъ не интересующемъ; въ такихъ случаяхъ—обыкновенно при воспріятіи сложныхъ явленій и предметовъ—люди не ясно отдаютъ себѣ отчетъ, что собственно они воспринимаютъ и что припоминаютъ по поводу этого воспріятія; но такое смѣшеніе возможно лишь при недостаткѣ вниманія, доходящемъ до того, что настоящаго воспріятія не происходитъ; напр., осматривая надѣваемое платье, иногда мы не замѣчаемъ, что оно разорвано, запачкано и т. п.; тутъ, конечно, первичное воспріятіе было замѣнено, или, по крайней мѣрѣ, дополнено воспроизведеннымъ представленіемъ платья за тотъ моментъ, когда оно было еще чисто. Такія ошибки бываютъ очень часты, но онѣ вовсе не доказываютъ, что мы не можемъ различать представленія воспріятія отъ воспроизведеннаго.

Воспроизведенное представленіе ошибочно принимается за представленіе воспріятія лишь въ состояніи болѣзни, когда, въ силу болѣзни, воспроизведенныя представленія достигаютъ необычайной живости—становятся галлюцинаціями, и помраченное болѣзнью сознание смѣшиваетъ галлюцинаціи съ представленіями воспріятія. Мы знаемъ, однако, что, только при значительномъ помраченіи сознания, происходитъ такое смѣшеніе, что, конечно, указываетъ на громадное различіе между первичными и вторичными воспріятіями. Нельзя отрицать, что Reid ¹⁾ имѣлъ много основаній утверждать, что первичныя и воспроизведенныя представленія суть явленія разной природы; впрочемъ, наша задача исчерпывается выясненіемъ глубокаго различія между ними, и тѣхъ условій, при которыхъ возможно приниманіе однихъ за другихъ.

Какъ уже было сказано выше, сознание постоянно сочетаетъ между собою отдѣльные его элементы; дѣйствительно, ни первичное, ни вторичное представленіе никогда не остается одинокимъ въ сознаниі; помимо нашей воли, всегда въ сознаниі происходитъ смѣна предста-

¹⁾ An Inquiry into the human mind. 1804.

ставлений; одно представление непременно замѣняется въ сознаниі другомъ; разница лишь въ томъ, что одно представление дольше, другое короче — остается въ сознаниі. Если мы предоставимъ смѣну представлений самой себѣ, устранимъ всякое вмѣшательство нашей воли, — случай, или какіе либо законы будутъ управлять этой смѣной. Не подлежитъ сомнѣнію, что самаяслучайная, прихотливая смѣна представлений происходитъ по опредѣленнымъ законамъ. Послѣдовательное, пассивное сочетаніе представлений или пассивная ассоціація управляется, такъ называемыми, законами ассоціаціи ¹⁾.

Самая обыкновенная форма сочетанія представлений—это сочетаніе по ихъ сходству; первичное представление всегда вызываетъ въ сознаниі сходныя съ нимъ изъ сохраненныхъ сознаниемъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно воспроизведенныхъ представлений. Понятно, сходство между представлениями, обуславливающее ихъ сочетаніе, бываетъ весьма разнообразно; самое грубое сходство—это просто сходство словъ, —создаетъ ассоціацію по созвучію; она—основа поговорокъ, каламбуровъ, остротъ и т. д. Уже болѣе высшей формой сочетанія будетъ сочетаніе по внѣшнему сходству предметовъ—внѣшняя форма ассоціаціи; и наконецъ, когда человѣку доступно пониманіе внутренняго сходства, и поскольку оно доступно, сочетаніе происходитъ въ силу внутренняго сходства предметовъ и явленій. Сходство между предметами до такой степени многообразно, что одно представление, въ силу сходства, можетъ вызвать безконечное число представлений.

Гораздо рѣже происходитъ сочетаніе по контрасту; но нужно согласиться съ Фрезе ²⁾, что, при непринужденномъ ходѣ представлений, сочетанія по контрасту не происходитъ; сочетаніе по контрасту обыкновенно бываетъ произвольное, или, по крайней мѣрѣ, въ силу живыхъ чувствованій, сопряженныхъ съ представлениями, и потому управляющихъ сочетаніемъ, какъ это выяснилъ Horwicz ³⁾.

¹⁾ Лучше всего изучать пассивное сочетаніе при засыпаніи; иногда, пробуждаясь еще въ моментъ засыпанія, можно вполне точно прослѣдить смѣну представлений, начиная съ того, которое было при началѣ засыпанія до бывшаго въ моментъ пробужденія. Желающимъ основательно познакомиться съ законами сочетанія представлений и значеніемъ этого явленія можно рекомендовать Ferri. La psychologie de l'association.

²⁾ Op. cit. стр. 43.

³⁾ Psychologische Analysen, Bd. 2.

Вторая форма сочетанія представленій—это сочетание по сосуществованію; слова, заученныя вмѣстѣ (поговорки, стихи), часто вызываютъ другъ друга; это, конечно, внѣшняя ассоціація; то-же слѣдуетъ сказать, если сосуществованіе предметовъ чисто внѣшнее или въ пространствѣ—мы ихъ видѣли вмѣстѣ (рельсы, шпалы), или во времени—мы восприняли ихъ одинъ за другимъ (историческія событія). Внутренняя форма сочетанія по сосуществованію—это такое сочетаніе, когда сосуществованіе для насъ дано отношеніями предметовъ, если для насъ они сосуществуютъ вмѣстѣ; въ силу ихъ внутреннихъ свойствъ; напр., красота—истина; сюда же слѣдуетъ отнести сосуществованіе какъ причины и слѣдствія, какъ рода и вида, потому что для насъ предметы сосуществуютъ вмѣстѣ, не только потому, что они случайно находятся другъ около друга, но и потому, что мы знаемъ, что одинъ безъ другого быть не можетъ, что существованіе одного невозможно безъ сосуществованія другого.

Однако, какъ сходство, такъ и сосуществованіе—эти двѣ причины сочетанія представленій суть двѣ формы выраженія одного болѣе общаго закона; всѣ условія сочетанія представленій могутъ быть сведены къ одному общему закону, а именно—къ отношенію цѣлаго къ частямъ, и наоборотъ—частей къ цѣлому; не трудно убѣдиться, что въ основѣ всякой ассоціаціи лежитъ этотъ принципъ; всякое сочетаніе представленій непременно основано на томъ, что представленіе отчасти вызываетъ представленіе о цѣломъ, или наоборотъ, или наконецъ представленіе одной части вызываетъ представленіе о другой,—вслѣдствіе чего всегда получается въ результатъ болѣе общее.

Ассоціація представленій—не только замѣна одного представленія другимъ, но и обобщеніе представленій, такъ какъ рядъ даже совершенно пассивно сочетанныхъ представленій составляетъ одно цѣлое, элементы котораго отдѣльныя представленія. Слѣдовательно, и въ этой пассивной дѣятельности души проявляется ея основная способность обобщенія,—синтеза всѣхъ ея отдѣльныхъ элементовъ. Легко видѣть, что сочетаніе сходныхъ представленій, въ концѣ концовъ, ведетъ къ образованію общаго представленія, или сходныхъ между собою отдѣльныхъ представленій; всѣ сочетанныя между собою представленія могутъ, такимъ образомъ, разсматриваться какъ бы частями одного цѣлаго—общаго представленія; при сочетаніи по сосуществованію, еще очевиднѣе, что сосуществующіе между собою предметы и явленія составляютъ одно общее цѣлое.

Такимъ образомъ, и при воспріятіи, и при пассивномъ, произвольномъ мышленіи, состоящемъ въ сочетаніи представленій по сходству и сосуществованію, сознание проявляетъ свою объединяющую дѣятельность; и тотъ, и другой психическій процессъ суть синтезъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ произвольная умственная дѣятельность. Безъ участія воли, человекъ можетъ только воспринимать, при указанныхъ выше условіяхъ, и сочетать между собою представленія. Болѣе сложные психическіе процессы, вырабатывающіе болѣе высшіе, совершенные продукты, возможны лишь при участіи вниманія, т. е. воли, обращенной внутрь ¹⁾.

Наиболѣе общее опредѣленіе вниманія слѣдующее: вниманіе—это активное сознание; оно—всегда проявленіе нашей энергіи и потому основа понятія нашего единства и сознания личности. Это активное сознание, воля, направленная внутрь, если вызывается случайно сильнымъ раздраженіемъ, тогда вниманіе называется пассивнымъ; понятно, однако, что, въ сущности, вниманіе не можетъ быть пассивнымъ, такъ какъ оно есть активное сознание, а потому, говоря о вниманіи, мы будемъ имѣть въ виду самопроизвольное вниманіе, т. е. активное сознание,—сознание, въ которомъ проявляется наша энергія, или, говоря иначе, для насъ вниманіе—воля, направленная на внутренніе процессы.

Мотивы вниманія, какъ воли—вообще чувствованія; вниманіе можетъ быть возбуждено случайно какимъ нибудь отдѣльнымъ представленіемъ и сопряженнымъ съ нимъ чувствованіемъ, и тогда это представленіе будетъ случайнымъ исходнымъ пунктомъ многихъ процессовъ, вызванныхъ вниманіемъ. Напр., при пассивномъ сочетаніи представленій возникаетъ представленіе, относящееся къ уtratѣ дорогого лица; съ этимъ представленіемъ сопряжено живѣйшее чувствованіе, которое становится мотивомъ для воли, т. е. вниманія, направляющаго уже всю умственную дѣятельность на воспоминанія объ этомъ событіи, на соображенія о томъ; что мы потеряли съ его смертью, на разборъ нашихъ отношеній къ нему, и т. д. Точно также, при пассивномъ воспріятіи внѣшняго міра, какое либо представленіе, сопряженное съ болѣе сильнымъ чувствованіемъ, вызываетъ вниманіе, сосредоточивающее воспріятіе на подробномъ разсматриваніи предмета.

¹⁾ Такъ понималъ вниманіе еще Maine-de Biron (Oeuvres inédites, T. II); совершенно-же полного развитія этотъ взглядъ достигъ у Вундта и теперь получилъ, такъ сказать, право гражданства.

Очевидно, что существуют безконечные переходы от совершенно пассивнаго состоянія сознанія до активнаго, такъ что мы часто не можемъ сами опредѣлить,—было ли воспріятіе совершенно пассивно, или при участіи вниманія, чѣмъ было вызвано вниманіе, по отношенію къ чему оно обратило пассивное состояніе сознанія въ активное.

Гораздо больше имѣеть вниманіе, мотивированное общими, постоянными интересами даннаго лица, т. е. произвольное вниманіе. Мотивы тутъ не случайны, на первомъ планѣ, конечно, стоятъ высшія чувстваванія—любовь къ знанію, чувствованіе гармоніи, честолюбіе. Вниманіе, вызванное этими мотивами, состоящими, вообще, въ стремленіи къ болѣе полному знанію внѣшняго и внутренняго міра, постоянно и одинаковымъ образомъ руководить умственными процессами, обращая ихъ на то, что необходимо для достиженія избранной цѣли; такимъ образомъ, эти умственные процессы не случайны для нашего сознанія (какъ пассивные процессы, обусловленные или внѣшнимъ міромъ, или свойствомъ самихъ представленій), такъ какъ обусловлены, одною, постоянною причиною; другое ихъ отличіе отъ пассивныхъ то, что въ каждомъ активномъ умственномъ актѣ безусловно выражается вся личность, все я субъекта, потому что какъ мотивы, такъ и цѣли вниманія суть результаты всей личности, всего сознанія. Во вниманіи, кромѣ того, что выражается все содержаніе сознанія, находитъ себѣ полное выраженіе его единство и нераздѣльность.

Процессы пассивнаго сознанія отличаются отъ активныхъ тѣмъ, что они происходятъ помимо нашей воли, въ нихъ не проявляется наша личность, индивидуальность, воспріятіе, насколько оно зависитъ отъ строенія органовъ чувствъ и воздѣйствія на нихъ внѣшняго міра, сохраненіе полученныхъ, такимъ образомъ, знаковъ внѣшняго міра и постоянная замѣна однихъ знаковъ другими въ силу свойствъ самихъ этихъ знаковъ—вотъ все, что можетъ происходить въ сознаніи, помимо нашей воли. Особенность всѣхъ этихъ процессовъ та, что они могутъ совершаться и безсознательно, какъ тому насъ учитъ ежедневный опытъ. Мы часто воспринимаемъ внѣшній міръ, вовсе того не сознавая; также часто одно представленіе замѣняется другимъ и смѣна эта можетъ продолжаться долго; когда же сознаніе освѣщаетъ эту смѣну, то, зная то представленіе, которое было исходнымъ пунктомъ и послѣднее, уже освѣщенное сознаніемъ, мы можемъ лишь догадываться, — какіе посредствующіе члены связали начало и конецъ.

Процессы активные, управляемые вниманіемъ, всегда сознательны, потому что бессознательнаго вниманія быть не можетъ.

Вниманіе увеличиваетъ интенсивность и ясность представленій ¹⁾— это первое и очень важное значеніе вниманія; благодаря волѣ, мы можемъ представленіе, сколько угодно, оставлять въ сознаніи и по произволу воспроизводить (воспоминать), сколько мы находимъ нужнымъ, одно и тоже представленіе; поэтому, сознаніе—уже не поле для случайныхъ представленій, возникающихъ и исчезающихъ, помимо его участія, а само опредѣляетъ значеніе представленій, придавая интенсивность и ясность тѣмъ, которыя имѣютъ значеніе для общихъ, основныхъ цѣлей. Вниманіе дѣлаетъ нашу духовную жизнь самостоятельной и независимой; поскольку мы обладаемъ вниманіемъ—постолько наши умственные процессы направлены къ назначеннымъ нами цѣлямъ, постолько эти умственные процессы не случайны, а представляютъ изъ себя одно непрерывное цѣлое.

Дѣятельность разума и фантазіи въ психологическомъ отношеніи совершенно сходна съ тѣмъ, что принято называть произвольными поступками ²⁾, и какъ произвольные поступки не мыслимы безъ воли, которая ихъ и объясняетъ, такъ же не возможна, безъ воли, высшая умственная дѣятельность. Но уже, много вѣковъ, привыкли видѣть проявленіе воли во внѣшнихъ поступкахъ, между тѣмъ какъ внутренняя дѣятельность воли гораздо болѣе обширная, чѣмъ внѣшняя, лишь недавно обратила на себя вниманіе ³⁾. Между тѣмъ, для всѣхъ насъ непосредственно извѣстно глубокое различіе между пассивною и активною умственною дѣятельностью; всѣ мы сознаемъ, что, для совершенія однихъ умственныхъ операцій, мы совершаемъ усиліе, дѣлаемъ напряженіе, другія же протекаютъ безъ малѣйшаго напряженія, безъ всякаго усилія—сами по себѣ.

Такое пониманіе предмета, т. е. ясное пониманіе различія между

¹⁾ Извѣстно, что, усиленно фиксируя все вниманіе на одномъ представленіи, нѣкоторые придаютъ ему живость первичнаго представленія,—обращаютъ въ галлюцинацію.

²⁾ Отношеніе воли къ умственной дѣятельности прекрасно изложено у Wundt. System der Philosophie, s. 562—576.

³⁾ Французскимъ спиритуалистамъ (весьма опредѣленно высказался о значеніи вниманія Laromignière), принадлежитъ честь этого открытія; Вундтъ вполне послѣдовательно развилъ это ученіе и сдѣлалъ его общеизвѣстнымъ.

пассивною и активною дѣятельностью, имѣеть громадное значеніе и въ практическомъ отношеніи, потому что силу умственныхъ способностей слѣдуетъ опредѣлять отношеніемъ активной дѣятельности къ пассивной; преобладаніе второй — есть вѣрнѣйшій признакъ умственного ничтожества.

Воспріятіе, управляемое вниманіемъ, отличается отъ пассивнаго тѣмъ выборомъ, которое дѣлаеть сознаніе относительно безконечнаго внѣшняго міра. При активномъ воспріятіи, воспринимается лишь то, что необходимо для данной цѣли, а не все, что воздѣйствуетъ на органы чувствъ. Только благодаря активному воспріятію возможно точное, научное наблюденіе, — наблюденіе, производимое согласно заранѣе составленному плану.

Если вниманіе направлено только на опредѣленные предметы, — то все остальное не попадаетъ въ сознаніе; самыя ужасныя картины смерти и разрушенія совершенно не существуютъ для полководца все вниманіе котораго направлено на общее движеніе частей его войскъ и войскъ непріятеля, и онъ постолько великъ, поскольку видитъ лишь то, на что обращено его вниманіе; насъ нисколько не удивляетъ, что шумъ и движеніе на бойкихъ улицахъ городовъ для насъ не существуютъ, пока мы случайно не обратимъ на нихъ вниманіе.

При такомъ громадномъ проявленіи нашей самостоятельности, при активномъ воспріятіи, — внѣшній міръ существуетъ для нашего сознанія не только, поскольку онъ воздѣйствуетъ на наши органы чувствъ, но поскольку наше вниманіе на него направлено. Конечно, трудно сказать, — пассивное или активное воспріятіе даетъ больше матеріала для сознанія, но безспорно, что чѣмъ богаче психическая жизнь человека, тѣмъ болѣе онъ воспринимаетъ активно и тѣмъ меньше внѣшній міръ для него существуетъ случайно; дѣти, дикари, напротивъ того, видятъ и слышатъ лишь то, что, вслѣдствіе внѣшнихъ для сознанія причинъ, т. е. случайно для него, является сильнѣйшимъ раздраженіемъ для ихъ органовъ чувствъ. Случайно вызванное вниманіе для нихъ есть высшее проявленіе ихъ духовной силы; а такъ какъ все новое, сильно контрастирующее предъидущему, сочетается тѣмъ самимъ, съ живѣйшими чувствованіями, то оно бываетъ у нихъ высшимъ мотивомъ для вниманія; вотъ почему дикари, дѣти, неразвитые люди такъ любятъ все новое; это единственно, что вызываетъ въ нихъ активные процессы и связанныя съ ними интеллектуальныя чувствованія.

Также безспорно, что научное наблюдение состоитъ въ активномъ воспріятіи, ибо сознание останавливается на предметѣ, или одномъ его свойствѣ такъ долго, какъ то требуется для возникновенія вполне яснаго представленія. Но, конечно, самое главное то, что въ отличіе отъ того, какъ дѣло происходитъ при пассивномъ воспріятіи,— при научномъ наблюдении мы располагаемъ раздраженія въ желательной для насъ послѣдовательности,—почему ощущенія, а слѣдовательно и представленія слагаются не въ томъ порядкѣ, какъ это дано самою природою вещей, а какъ то необходимо въ цѣляхъ изученія. Научное наблюдение и состоитъ именно въ томъ, чтобы видѣть съ полною ясностью отдѣльные, нужные для данной цѣли, предметы, и видѣть ихъ въ томъ порядкѣ, какой данъ не случайно, а составленъ согласно данной цѣли. Ботаникъ и отдѣльныя растенія, и цѣлый лѣсъ будетъ изучать, разсматривать совсѣмъ не такъ, какъ ребенокъ, а потому увидитъ гораздо больше, а главное—съ полною ясностью и въ извѣстномъ порядкѣ разсмотритъ лишь то, что можетъ имѣть значеніе для болѣе вѣрнаго пониманія предмета изученія.

Само собою разумѣется, что между чисто пассивнымъ воспріятіемъ и вполне активнымъ существуетъ безконечный рядъ переходовъ, такъ какъ, и по отношенію къ психическимъ явленіямъ, природа не дѣлаетъ скачковъ; такое раздѣленіе и изученіе особенностей обоихъ формъ воспріятія, взятыхъ въ ихъ наиболѣе рельефно выраженной формѣ, необходимо лишь съ дидактической цѣлью, почему сама природа была, и будетъ нашимъ самымъ лучшимъ учителемъ; однако, къ сожалѣнію, лишь немногіе избранныки годятся въ ея ученики; большинство же, конечно, будетъ почерпать знаніе изъ вторыхъ рукъ. Гораздо легче учиться по книгамъ, потому что въ нихъ изложено лишь то, что должно быть намъ извѣстно; природа же безконечна, и если мы почти все знаемъ, что именно нужно выбирать въ ней для своего изученія, то далеко не все можемъ такъ напрягать вниманіе, чтобы воспринимать лишь то, что соответствуетъ заранѣе составленной цѣли, а разбираемся во все стороны.

Первый результатъ активной умственной дѣятельности относительно представленій есть образованіе общихъ представленій и понятій.

Уже всякія конкретныя представленія объ отдѣльномъ лицѣ, отдѣльной вещи есть сумма многихъ отдѣльныхъ представленій, но слагаются эти элементы въ одно цѣлое помимо нашей воли; образованіе же общихъ представленій положительно немислимо безъ активнаго

самостоятельнаго разложенія и соединенія элементовъ, составляющихъ конкретныя представленія, такъ какъ общія и типическія представленія возможны лишь потому, что мы въ-силахъ концентрировать вниманіе на отдѣльныхъ элементахъ конкретныхъ представленій, оставляя какъ бы не освѣщенными остальные элементы.

Только общія и типическія представленія могутъ быть матеріаломъ мышленія, такъ какъ конкретныхъ представленій о каждомъ отдѣльномъ предметѣ такъ много, что сознаніе не могло бы ихъ сохранить. Обращая же вниманіе лишь на нѣкоторые, существенные признаки предметовъ, мы образуемъ все болѣе и болѣе общія представленія; въ сущности, процессъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторые элементы конкретныхъ представленій не входятъ, (напр., цвѣтъ волосъ у лошади) въ общее представленіе, на другіе же элементы, принимаемые за главные, обращено все вниманіе, и потому только эти главные элементы всѣхъ конкретныхъ представленій составляютъ изъ себя общее представленіе.

Наконецъ, образуются понятія—какъ самыя общія представленія; процессъ ихъ образованія, въ сущности, тотъ же, какъ и при образованіи общихъ представленій. Разлагая представленія на его элементы, сознаніе соединяетъ въ одно нѣкоторые элементы всѣхъ отдѣльныхъ представленій и выдѣляетъ, отбрасываетъ ненужное для данной цѣли. Глубокое различіе между общимъ представленіемъ и понятіемъ состоитъ въ томъ, что общія представленія суть знаки существующаго реально, и мы не можемъ представить себѣ дерева вообще, но непременно представляемъ себѣ извѣстное дерево, изъ когда-либо видѣнныхъ нами; понятіе же о деревѣ соответствуетъ идеальному дереву, въ природѣ вовсе несуществующему. Соединяя въ себѣ существенные и общіе признаки всѣхъ извѣстныхъ намъ деревьевъ, понятіе не можетъ соответствовать вполнѣ ни одному изъ нихъ, отдѣльно взятому; въ понятіи о деревѣ, въ число его свойствъ, входятъ и иглы, и листья, хотя въ природѣ нѣтъ дерева, обладающаго и тѣми, и другими вмѣстѣ.

По содержанію своему, понятія раздѣляются на двѣ группы: на вещественныя,—предметныя, и на невещественныя,—отвлеченныя или абстрактныя. Предметныя понятія относятся къ предметамъ, когда либо воспринятымъ нами въ видѣ отдѣльныхъ представленій; отвлеченныя же понятія выражаютъ собою отношенія, устанавливаемыя нами, между предметными понятіями. Слѣдовательно, образованіемъ

понятій человѣкъ уже обнаруживаетъ вполне свое самостоятельное отношеніе къ міру: онъ не только отражаетъ измѣненія внѣшняго міра, но изъ этихъ знаковъ онъ самъ уже слагаетъ совершенно новое, чему ничего непосредственно въ природѣ не соответствуетъ; всѣ абстрактныя понятія выражаютъ лишь отношенія, установленныя нами; напр., абстрактное понятіе о чести получается по сравненіи и обобщеніи извѣстныхъ отношеній между собою—сама по себѣ честь не существуетъ,—это есть лишь представленіе человѣка объ извѣстныхъ отношеніяхъ, оцѣнка этихъ отношеній съ извѣстной точки зрѣнія, примѣненіе къ этимъ отношеніямъ извѣстной мѣрки, извѣстнаго масштаба. Въ зависимости отъ этой мѣрки и отъ силы ума, выражающейся въ умѣннѣ отличить главное отъ несущественнаго, у каждаго изъ насъ абстрактныя понятія нѣсколько различны.

Если количество и ясность отдѣльныхъ конкретныхъ представленій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, т. е. отъ того,—много ли видѣлъ и слышалъ данный субъектъ, то количество, и что главнѣе,—ясность и точность понятій, а тѣмъ болѣе абстрактныхъ, вполне обусловлена степенью нашего внутренняго душевнаго развитія, силою нашего разума, почему, въ этомъ отношеніи, между людьми, живущими приблизительно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, существуютъ безконечныя различія. Даже предметныя понятія далеко неодинаковы у всѣхъ людей, и напр. понятіе о животномъ, у изучавшаго зоологію, не совпадаетъ съ понятіемъ о томъ-же предметѣ человѣка, не изучавшаго этой науки; чѣмъ больше мы знаемъ, и, главное, чѣмъ больше мы думаемъ о предметѣ, тѣмъ наши понятія становятся полнѣе и точнѣе. Даже при приблизительно одинаковой суммѣ представленій, дающихъ матеріалъ для образованія понятій,—абстрактныя понятія, напр., о чести, не совсѣмъ одинаковы, потому что одни обращаютъ вниманіе на болѣе существенныя, входящія въ него, представленія, другіе же—на случайныя, напр., въ понятіи о чести—на внѣшнія отличія, служащія лишь выраженіемъ уваженія къ этой добродѣтели, и, поэтому, всю свою честь полагаютъ въ приобрѣтеніи этихъ отличій. Только разумъ можетъ служить руководителемъ человѣку при выборѣ элементовъ для составленія понятія; поэтому, ясными и точными понятіями обладаютъ далеко не всѣ люди; у многихъ же онѣ такъ неточны и неясны, что не могутъ быть формулированы, потому что элементы, составляющіе понятія, не слились въ одно неразрывное цѣлое.

У каждаго изъ насъ извѣстныя понятія о нашихъ отношеніяхъ къ людямъ, къ природѣ, къ себѣ сливаются въ тѣсную группу, составляютъ болѣе или менѣе неразрывное цѣлое, составляютъ часть нашей личности,—нашего я. Эти понятія, какъ результатъ всей нашей умственной жизни, служатъ какъ бы ядромъ, фокусомъ, къ которому примакаютъ другія понятія, родственныя къ составляющимъ это ядро; противорѣчащія, совершенно чуждыя, какъ бы, отталкиваются, имѣютъ мало шансовъ на долю завладѣть сознаниемъ; мы знаемъ, что все, чуждое основнымъ понятіямъ даннаго времени, какъ бы не существуетъ для большинства, и что нужно много времени, пока новыя отношенія, выработанныя жизнью, завладѣютъ сознаниемъ людей, послужать къ выработкѣ ясныхъ понятій объ этихъ отношеніяхъ. Обыкновенно, совершенно ошибочно не обращаютъ вниманія, судя о понятіяхъ такъ же, какъ о представленіяхъ,—на громадное различіе понятій по степени ихъ ясности и прочности. Степень ясности какъ конкретныхъ, такъ и общихъ представленій, совершенно не имѣетъ того значенія для насъ, какъ степень ясности понятій, которыя или остаются пустыми, мертвыми, теоретическими, или живыми, ясными, смотря потому,—выработаны онѣ нами самостоятельно изъ представленій, или заучены, восприняты готовыми, напримѣръ—для насъ совершенно пусты, мертвы понятія о природѣ древнихъ грековъ, о семейныхъ добродѣтеляхъ китайцевъ, хотя мы и хорошо знаемъ—въ чемъ состоятъ эти понятія, между тѣмъ какъ для древнихъ грековъ ихъ понятія о природѣ были живыми, ясными, составляли сущность всей ихъ личности; они выработывали сами эти понятія въ продолженіе всей жизни, это было для нихъ ихъ собственныя понятія; для насъ-же, получившихъ ихъ готовыми, онѣ, чуждыя нашимъ основнымъ живымъ понятіямъ, остаются какими-то пустыми схемами. Понятіе имѣетъ значеніе насколько оно выработано нами самими; даже относительно тѣхъ понятій, которыя мы получаемъ чтеніемъ, т. е. посредственно, только тѣ сливаются въ одно прочное ядро, становятся неразрывной частью нашей личности, которыя заучены нами послѣ, или вмѣстѣ съ изученіемъ всѣхъ отдѣльныхъ представленій, вошедшихъ въ составъ этого понятія, когда мы сами продѣлали тѣ разложенія на элементы представленій и тѣ сочетанія, которыя первоначально продѣланы были для образованія этихъ понятій. Вотъ почему, для многихъ, все, усвоенное въ школѣ, остается чуждымъ для нихъ въ продолженіе всей ихъ жизни; это не ихъ собственныя понятія, не результатъ ихъ умствен-

ной дѣятельности, поэтому—не составная часть ихъ личности, а мертвый матеріалъ, сохраняемый памятью, и по мѣрѣ надобности вызываемый на поверхность сознанія, чтобы потомъ опять на-долго, если не на всегда, исчезнуть въ сферѣ безсознательнаго.

Логическое мышленіе, т. е. не случайная смѣна представленій, а ведущая къ извѣстной заранѣ опредѣленной цѣли, возможно только, когда выработаны понятія, какъ нѣчто опредѣленное, неизмѣнное.

Сужденіе есть связь въ одно высшее, цѣлое—двухъ или нѣсколькихъ понятій; умственный процессъ состоитъ въ болѣе точномъ опредѣленіи или анализѣ понятія, составляющаго подлежащее сужденія и выдѣленія изъ него нѣкоторыхъ элементовъ, которые и ставятся въ связь съ этимъ понятіемъ. Сказуемое существуетъ только по отношенію къ подлежащему, какъ дальнѣйшее опредѣленіе понятія, содержащагося въ подлежащемъ. Сужденіе, слѣдовательно, устанавливаетъ связь, обобщеніе, такъ какъ сознаніе, выдѣливъ изъ одного понятія извѣстные элементы, создавъ изъ нихъ понятіе, затѣмъ образуетъ изъ этихъ понятій сужденіе, т. е. одно непосредственное цѣлое, утверждаетъ, что, въ данномъ понятіи, содержатся извѣстные элементы, утверждаетъ тождество, единство между подлежащимъ и выдѣленными изъ него элементами. Въ сужденіи: порокъ вреденъ,—прежде всего выдѣляется то, что относится къ послѣдствіямъ порока, и, затѣмъ, утверждается, что порокъ и вредъ, имъ причиняемый, стоятъ въ неразрывной связи, составляютъ одно цѣлое.

Такъ что, если сужденія и не увеличиваютъ нашихъ знаній, то онѣ служатъ къ закрѣпленію, къ точной формулировкѣ понятій, анализируя которыя мы устанавливаемъ, что самаго существеннаго содержится въ этихъ понятіяхъ. Всѣ наши знанія, все наше умственное богатство состоитъ въ томъ или другомъ развитіи сужденій изъ понятій, и напримѣръ,—сужденія: порокъ вреденъ, порокъ наказуемъ на небѣ и землѣ, порокъ позоренъ, и т. п., составляющія анализы одного и того же понятія, указываютъ на нѣсколько различное отношеніе къ понятію, на то, что различные элементы понятія считаются за главные и обращаютъ на себя вниманіе, которое, обращаясь къ тѣмъ или другимъ элементамъ понятія, выдѣляетъ ихъ въ предикатъ. Образованіе тѣхъ, а не другихъ сужденій изъ одного и того же понятія характеризуетъ собою всю умственную дѣятельность, напримѣръ,—почти каждый изъ насъ имѣетъ различныя сужденія о счастьи; мало того, эти сужденія у каждаго неодинаковы въ разные возрасты жизни.

Сужденіе есть актъ воли, произвольное разложеніе понятій; каждый, по-своему, изъ понятій выработываетъ сужденія, проявляя этими сужденіями свою волю, сумму своихъ понятій и, слѣдовательно, всю свою индивидуальность.

Сужденія служатъ основаніемъ для заключенія—этой самой ясной формѣ чистаго мышленія. Заключеніемъ обосновывается сужденіе, если возникаетъ какое либо сомнѣніе и нѣтъ возможности провѣрить его непосредственнымъ воспріятіемъ. Основаніемъ для заключенія служитъ принципъ тождества; безъ этого принципа невозможно логическое мышленіе. Всякое заключеніе возможно только въ силу принципа тождества, который и есть высшій законъ мышленія,—постулатъ всего знанія.

Впрочемъ, ученіе о заключеніи—дѣло логики, но чтобы показать, какая громадная разница между заключеніемъ, основаннымъ на принципѣ тождества, и продуктами пассивной ассоціаціи,—можно указать на глубокое различіе между научнымъ міровоззрѣніемъ и тѣми мифологическими фантазіями дикихъ, которыя возникли вслѣдствіе пассивнаго сочетанія представленій, гдѣ для связи двухъ представленій достаточно сходства, сосуществованія. Насколько велика разница между произвольною ассоціаціею представленій и заключеніемъ, основой котораго служитъ полное тождество двухъ понятій— $A=A$,—настолько велика разница между сновидѣніемъ и научнымъ произведеніемъ одного и того же лица. Почти всѣ суетвѣрія, предразсудки основаны на одномъ сходствѣ явленій и предметовъ, или же имѣютъ своимъ основаніемъ случайное совпаденіе явленій, соответственныя представленія которыхъ и сочетаются между собою.

Высшая дѣятельность ума проявляется въ фантазіи, въ совершенно свободной комбинаціи понятій и образовъ, не составляющей подражанія природѣ. Чѣмъ самостоятельнѣе мысль, тѣмъ болѣе неожиданны, повидимому, неестественны эти комбинаціи; но такъ какъ основаніемъ этихъ сопоставленій служитъ законъ тождества, а не одно сходство или случайное сосуществованіе явленій, то эти продукты фантазіи, выработанные творческою дѣятельностью ума, оказываются вѣрнымъ разъясненіемъ вѣчныхъ законовъ, управляющихъ міромъ, недоступныхъ для непосредственнаго воспріятія.

Продукты же произвольной ассоціаціи представленій не могутъ создать чего либо новаго, такъ какъ элементы этой дѣятельности не болѣе какъ снимки съ природы, сдѣланные помимо нашей воли и всту-

пившіе между собою въ соединеніи также помимо нашей воли—этой единой въ мірѣ творческой силы. Какъ въ научномъ, такъ и въ художественномъ творествѣ человѣкъ проявляетъ свою свободу, свою независимость отъ чувственного міра. Изъ одного и того-же матеріала—изъ представлений, воспринятыхъ органами чувствъ, люди создаютъ самыя разнообразныя, какъ научныя, такъ и художественныя, произведенія, благодаря тому, что одни останавливаются съ бѣльшимъ вниманіемъ на одной, избранной произвольно, группѣ представлений, другіе же скользятъ по всѣмъ представленіямъ безразлично, и потому для нихъ нѣтъ ничего, кромѣ чувственного міра. Образованіе заключеній, основанныхъ на тождествѣ, какъ это доказано и экспериментально ¹⁾,—самая трудная задача для нашего ума, требуетъ полного развитія умственныхъ силъ, почему только немногіе богаты собственными заключеніями; большинство же ограничивается или заучиваніемъ чужихъ, или же невѣрными, неполными заключеніями, потому что, вслѣдствіе недостаточности анализа элементовъ понятій, принимаетъ сходство за тождество.

Само собою разумѣется, что къ творчеству способны очень немногіе, потому что только заключенія, основанныя на тождествѣ, могутъ вести къ раскрытію основныхъ законовъ природы, къ разъясненію вѣчныхъ идеаловъ человѣчества.

ГЛАВА VI.

Болѣзненные разстройства умственной дѣятельности.

Приступая къ изложенію болѣзненныхъ разстройствъ въ сферѣ умственной дѣятельности, прежде всего, необходимо замѣтить, что мы, вообще, не обладаемъ какими-либо, строго-научными, объективными методами для опредѣленія состоянія умственныхъ силъ, вслѣдствіе чего многое должно ускользать отъ нашего наблюденія; лишь нѣкоторыя болѣзненные измѣненія намъ извѣстны достаточно точно; поэтому, отрицательные результаты изслѣдованія душевно-больныхъ, поведение которыхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія о ихъ болѣзни, не должны имѣть абсолютнаго значенія. Между тѣмъ, вообще принято думать, что

¹⁾ См. мое изслѣдованіе „Объемъ сознанія у здоровыхъ и душевно-больныхъ“. Архивъ психіатріи. 1887.

душевная болѣзнь состоитъ въ измѣненіи умственной дѣятельности, и, поэтому, когда этихъ измѣненій не находятъ, многіе юристы готовы считать такого изслѣдуемаго за совершенно здороваго.

Душевная болѣзнь должна проявляться измѣненіями всѣхъ умственныхъ процессовъ безъ исключенія, и никоимъ образомъ—только нѣкоторыхъ, почему галлюцинаціи и идеи бреда лишь только два, среди многихъ другихъ, проявленія душевной болѣзни.

Необходимое измѣненіе умственной дѣятельности при душевныхъ болѣзняхъ—это измѣненіе процесса воспріятія.

Гораздо чаще наблюдается ослабленіе воспринимающей дѣятельности, какъ пассивной, такъ и активной. Только немного по сравненію съ тѣмъ, что воспринималось до болѣзни, воспринимается изъ окружающаго міра; только или очень сильныя раздраженія, или совершенно новыя неожиданныя—вызываютъ ощущенія, почему больной не можетъ даже ориентироваться среди окружающаго. Эта анестезія—невосприимчивость къ раздраженіямъ можетъ поразить какой либо одинъ органъ чувствъ, напр. при анестезіи осязанія, больной не ощущаетъ прикосновенія, не можетъ его локализовать, не различаетъ температуры, и тогда, конечно, правильнѣе допускать болѣзненное измѣненіе въ самихъ чувствующихъ нервахъ; если же всѣ органы чувствъ, въ одинаковой степени, въ состояніи анестезіи, тогда, конечно, причина лежитъ въ корѣ головного мозга. Эта пониженная, ослабленная восприимчивость, въ ея весьма различныхъ степеняхъ, можетъ также служить выраженіемъ того, что сознаніе поглощено нѣкоторыми идеями, которыми болѣзнь придавала крайнее напряженіе. Естественно, что человѣкъ всецѣло поглощенный своими мыслями, заботами, опасеніями—мало, или даже ничего, не видитъ и не слышитъ.

Общее ослабленіе умственныхъ силъ—слабоуміе, какъ врожденное, такъ и вторичное, какъ послѣдствіе другихъ душевныхъ болѣзней, непремѣнно сопровождается пониженной восприимчивостью. Это ослабленіе восприимчивости вообще такъ значительно, что, даже при средней степени слабоумія у больныхъ, время воспріятія въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ у здоровыхъ, также въ нѣсколько разъ уменьшено и количество воспринимаемаго въ данный моментъ ¹⁾ Этою уменьшеною, во всѣхъ отношеніяхъ, восприимчивостью объясняется та бѣдность

¹⁾ См. мое изслѣдованіе: «Широта воспріятія у душевно-больныхъ». Архивъ психіатріи. 1890 г.

умственной жизни, которая характеризуетъ слабоуміе. Хотя и въ данномъ отношеніи, какъ и вообще относительно всѣхъ психическихъ явленій, трудно провести границу между нормальнымъ и не нормальнымъ, между простою ограниченностью умственныхъ способностей и слабоуміемъ,—однако, практически, выработанъ извѣстный масштаб, и вмѣстѣ съ другими измѣненіями душевной дѣятельности, обыкновенно, бываетъ возможно установить, когда притупленіе воспримчивости есть выраженіе болѣзни.

Повышенная воспримчивость наблюдается гораздо рѣже. При маніи, она бываетъ болѣе или менѣе повышена и больной легче замѣчаетъ измѣненія, кругомъ его происходящія. Значительное, а иногда просто невѣроятное повышеніе воспримчивости бываетъ у нѣкоторыхъ, страдающихъ истеріей ¹⁾. Малѣйшія колебанія температуры, самая ничтожная складка въ бѣльѣ, малѣйшій шорохъ въ дальнихъ комнатахъ—все это вызываетъ въ нихъ совершенно отчетливыя, интенсивныя ощущенія. Извѣстно,—что путемъ продолжительнаго упражненія вообще можно, въ высокой степени, развить свою воспримчивость, какъ то доказываютъ фокусники.

Но, вообще, какъ пониженіе, такъ и усиленіе воспримчивости, сами по себѣ, не имѣютъ значенія въ судебно-психиатрическомъ отношеніи; гораздо больше, можно сказать, выдающееся значеніе имѣетъ расстройство памяти—этой основы душевной дѣятельности. Строго говоря, всякая душевная болѣзнь сопровождается измѣненіями въ сферѣ памяти, хотя бы, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что

¹⁾ Я видѣлъ, въ 1885 и 1888 г., слѣдующій опытъ, неоднократно производимый Шарко надъ нѣкоторыми истеричками. Больной, находящейся въ гипнотическомъ состояніи, даютъ въ руки 20—30 совершенно одинаковыхъ восьмушекъ чистой, толстой бумаги. Заставляя ее, поочередно, разсматривать эти бумажки и отдавать другому лицу, когда она доходитъ, положимъ, до восьмой бумажки, ей *внушаютъ*, что на этой бумажкѣ изображена фотографія кого либо изъ ея знакомыхъ. Затѣмъ, больная, пересмотрѣвъ всѣ бумажки и не найдя на нихъ никакихъ изображеній, передаетъ всѣ другому лицу, которое тщательно ихъ перетасовываетъ, замѣчая, гдѣ, по порядку, лежитъ бумажка, на которой больная видѣла фотографическое изображеніе, и, черезъ нѣсколько минутъ, передаетъ ихъ больной, которая перебираетъ бумажки до тѣхъ поръ, пока не находитъ именно той, на которой она видѣла изображеніе. Это было-бы чудо, если бы мы не знали,—какъ воспримчивы истерички; вѣроятно, больная замѣтила неумовимое для насъ отличіе этой бумажки отъ другихъ.

нѣкоторыя представленія ея сохраняются съ болѣею отчетливостію, тѣмъ другія.

Мы должны внимательно рассмотреть ослабленіе памяти, ослабленіе способности воспроизведенія и временную потерю памяти.

Ослабленіе памяти наблюдается, конечно, при всѣхъ степеняхъ слабоумія, хотя и въ весьма различной степени. Вообще можно принять за правило, что полное возстановленіе памяти доказываетъ полное выздоровленіе послѣ душевной болѣзни; если же замѣтны нѣкоторые дефекты памяти, какъ способности сохраненія и воспроизведенія представленій,—выздоровленіе нельзя считать полнымъ. Само собою разумѣется, что, прежде всего, забывается то, что было слабо воспринято, что не укрѣпилось многократнымъ повтореніемъ. Необходимо имѣть въ виду громадное вліяніе чувствованій на умственную дѣятельность вообще, и на процессъ воспріятія вообще; представленія, сочетанныя съ живыми чувствованіями, всегда воспринимаются живѣе и дольше сохраняются съ полною ясностію. Воспринятое же безъ интереса, т. е. когда ощущенія и представленія были сочетаны съ слабыми чувствованіями, не имѣетъ шансовъ съ полною ясностію запечатлѣться въ сознаніи и быть сохраненнымъ. Поэтому, всегда нужно различать—почему данныя представленія совершенно утрачены, а другія, между тѣмъ, сохранены съ полною ясностію; меланхоликъ, конечно, сохранить лишь имѣющее отношеніе къ его настроенію, и онъ вовсе не обманываетъ, если утверждаетъ, что не помнитъ ничего остального. Это замѣчаніе я почелъ необходимымъ сдѣлать потому, что, еще до сихъ поръ, нѣкоторые раздѣляютъ взглядъ Casper'a, что слѣдуетъ считать притворщикомъ всякаго испытуемаго, если онъ увѣряетъ, что не помнитъ совершеннаго преступленія, между тѣмъ какъ помнитъ другіе факты.

Самое обыкновенное явленіе,—что утрачивается память о недавнихъ событіяхъ, между тѣмъ какъ давно пережитое, съ поразительною легкостью, сохранено сознаніемъ. При глубокой старости, такое пораженіе памяти рѣдко отсутствуетъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что, прежде всего, утрачиваются болѣе сложныя представленія, все, что имѣетъ

¹⁾ Я зналъ старца 92 лѣтъ, который не узнавалъ лицъ, видѣнныхъ имъ нѣсколько дней тому назадъ, но съ мельчайшими подробностями помнившлаго весь походъ 1812-го года; даже имена и отчества главныхъ генераловъ и товарищей не были имъ забыты.

мало непосредственнаго отношенія для даннаго лица. Такъ какъ ослабленіе памяти идетъ, обыкновенно, параллельно съ ослабленіемъ способности воспріятія, то для слабоумнаго, все меньше и меньше, остается въ окружающемъ мірѣ матеріала для душевной жизни. Лишь самыя простыя отношенія къ людямъ, самыя главныя событія, и то внѣшнимъ образомъ, становятся достояніемъ сознанія и сохраняются памятью.

Гораздо чаще наблюдается общее пораженіе памяти, но извѣстны случаи, когда утрачивались, и, притомъ, совершенно, лишь нѣкоторыя ряды представленій—напр., какой либо изъ извѣстныхъ болному иностранныхъ языковъ—при сохраненіи всѣхъ остальныхъ представленій. Память словъ, вообще, представляетъ много своеобразнаго, и, какъ я уже говорилъ, наблюдались случаи полной потери всѣхъ словъ, при сохраненіи памяти вообще. Это зависитъ оттого, что звуковые образы словъ сохраняются въ опредѣленномъ участкѣ мозговой коры; при пораженіи этого участка, утрачивается память словъ. Впрочемъ, вообще слова забываются всего легче, какъ это извѣстно каждому; при утомленіи, послѣ безсонной ночи и т. п., обыкновенно, крайне трудно, а иногда совершенно невозможно припомнить нѣкоторыя названія.

Ослабленіе памяти не нужно смѣшивать съ затрудненіемъ процесса воспроизведенія — репродукціи. Въ состояніяхъ психическаго истощенія вообще, при мрачномъ помѣшательствѣ, процессъ воспроизведенія бываетъ до такой степени затрудненъ, что каждый актъ припоминанія требуетъ громаднаго напряженія, требуетъ нѣсколько минутъ времени. Такое затрудненіе можетъ перейти въ настоящее ослабленіе способности воспроизведенія, когда уже никакія усилія не въ состояніи вызвать воспріятаго.

Большаго вниманія заслуживаетъ особый видъ слабости памяти—это неполная вѣрность воспроизведенія; воспроизведенное представленіе оказывается только сходнымъ съ первоначальнымъ, а больной считаетъ его за тождественное, что свидѣтельствуетъ и о разстройствѣ воспроизведенія и узнаванія. Вслѣдствіе этого, больной невольнo становится лжецомъ, такъ какъ передаетъ факты въ искаженномъ видѣ. Обыкновенно, всѣ факты оказываются извращенными въ смыслѣ, соответствующемъ настроенію и преобладающимъ идеямъ больного. Вѣроятно, путемъ безсознательнаго сочетанія представленій, воспріятыя представленія, вступая въ различныя новыя сочетанія съ господствующими представленіями и понятіями видоизмѣ-

няются подъ влияніемъ этихъ послѣднихъ ¹⁾. Это патологическое явленіе, къ сожалѣнію, мало выясненное, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ обуславливаетъ безсознательную невольную лживость и наблюдается почти у всѣхъ страдающихъ нравственнымъ слабоуміемъ ²⁾.

Обманъ воспоминанія, двойственное воспріятіе (*Doppelwahrnehmung* ³⁾) состоитъ въ томъ, что у человѣка, при какомъ-нибудь воспріятіи, появляется неясное представленіе,—какъ будто это самое воспріятіе, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и настоящее, было уже воспріято когда-то раньше,—что оно уже знакомо. У нормальныхъ людей эта неувѣренность длится не долго и скоро: по соображеніи обстоятельствъ, его замѣняетъ увѣренность въ ошибкѣ. У душевно-больныхъ этотъ обманъ воспоминанія можетъ быть источникомъ бреда ⁴⁾; больному, относительно многого, кажется, что онъ уже пережилъ все это,—что это повторяется во второй разъ. Очевидно, что за тождественность двухъ явленій здѣсь, по ошибкѣ, принимается только сходство воспріятій данной минуты съ образами воспоминанія. Эта аномалія памяти указываетъ, что вышеприведенный анализъ памяти совершенно вѣренъ; и сохраненіе, и воспроизведеніе у этихъ лицъ нисколько не разстроены, но узнаваніе не такъ ясно и точно, какъ это бываетъ обыкновенно,—является неувѣренность, субъектъ неправильно узнаетъ сходство и даже тождество настоящаго воспріятія съ когда-то, будто-бы, бывшимъ. При предъидущей аномаліи памяти больной не узнаетъ, что воспроизведенное представленіе не тождественно съ представленіемъ воспріятія, при двойственномъ воспріятіи измѣненіе ограничивается только измѣненіемъ въ актѣ узнаванія.

Полная потеря памяти, какъ сохраняющей и воспроизводящей

¹⁾ Значеніе этого порока памяти мною указано въ моей работѣ „О нравственномъ помѣшательствѣ“. Вѣстникъ Судебной Медицины. 1888 г.

²⁾ Весьма важно провѣрить интересное предположеніе д-ра Корсакова (Болѣзненные разстройства памяти. 1890), „что при нравственномъ слабоуміи мы имѣемъ дѣло съ амнезіей душевнаго чувства“ (стр. 67).

³⁾ Это весьма интересное, въ психологическомъ отношеніи, явленіе прекрасно описано: Iensen. Allg. Zeitschrift. f. Psychiatrie. Bd. 25 и Sander: Archiv f. Psychiatrie, Bd. III, IV.

⁴⁾ Краепелин, въ своей интересной работѣ Ueber Erinnerungsfalschungen, (Archiv fur Psychiatrie. B. XVII) выяснилъ значеніе двойственнаго воспріятія въ образованіи идей бреда, а также значеніе ложныхъ воспоминаній.

способности, бываетъ при весьма разнообразныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Какъ я уже говорилъ, патологическій аффектъ характеризуетъ потерю памяти въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; хотя субъектъ и воспринимаетъ окружающее—послѣ у него не остается никакихъ слѣдовъ воспріятого и пережитаго. Изъ вышеприведеннаго описанія сознанія слѣдуетъ заключить, что потеря памяти и потеря сознанія—одно и тоже. Никто не сомнѣвается въ потерѣ сознанія и памяти при обморокѣ, тяжелыхъ мозговыхъ болѣзняхъ, когда сознаніе не реагируетъ на внѣшній міръ, когда нѣтъ ни малѣйшаго проявленія воли. Между тѣмъ, безспорно, что больной можетъ, правда, отчасти реагировать на внѣшній міръ, совершать цѣлый рядъ, повидимому, весьма послѣдовательныхъ, сложныхъ поступковъ и быть въ безсознательномъ состояніи, и, потомъ, по возвращеніи сознанія,—не сохранить никакихъ слѣдовъ пережитаго. Такія состоянія измѣненнаго, потраченнаго сознанія весьма обыкновенны у эпилептиковъ и часто бываютъ у алкоголиковъ ¹⁾.

Вообще, всякое сильное помраченіе сознанія ведетъ къ потерѣ памяти и какъ сохраняющей, и какъ воспроизводящей способности; поэтому, мы не можемъ сомнѣваться въ болѣе или менѣе полной потерѣ памяти, или, лучше сказать, бездѣйствіи ея всегда, когда какая либо душевная болѣзнь производитъ такое помраченіе сознанія. Само собою разумѣется, что одно заявленіе подсудимаго, что онъ ничего не помнить за извѣстный промежутокъ времени, не должно быть принимаемо на-вѣру. Во-первыхъ, должно быть доказано, что испытуемый страдаетъ болѣзнью, однимъ изъ припадковъ которой бываетъ потеря сознанія и памяти. Такія состоянія весьма обыкновенны у эпилептиковъ; если у подсудимаго были судорожные припадки, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, въ данный моментъ, онъ былъ въ состояніи безпамятства. Еще большимъ подтвержденіемъ такого предположенія будутъ показанія свидѣтелей, что подсудимый, и раньше, былъ въ

¹⁾ Magnan (Congrès international des sciences medicales. 1878) описалъ это состояніе у алкоголиковъ; больной совершаетъ поступки, разговариваетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, часовъ, дней, и, затѣмъ, ничего не помнить; все онъ дѣлаетъ машинально, и, въ этомъ случаѣ, напоминаетъ животное, лишонное мозговыхъ полушарій. Это состояніе называется „алкогольный автоматизмъ“; оно имѣетъ громадное значеніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи, такъ какъ, безспорно, много преступленій совершается алкоголиками въ такомъ состояніи.

такомъ болѣзненномъ состояніи. Наконецъ, если будетъ установлено, что больной совершилъ совершенно безразсудные поступки, что его дѣйствія были не мотивированы, что онъ не старался скрыть слѣдовъ преступленіе—едва ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ дѣло съ несчастнымъ эпилептикомъ, а не съ симулянтъ. Приступы полной потери сознанія также нерѣдко бываютъ у лицъ, перенесшихъ тяжкіе ушибы головы. Необходимо имѣть въ виду, что такіе приступы могутъ появиться много лѣтъ послѣ ушиба головы.

Усиленія памяти, въ строгомъ смыслѣ этого слова, при душевныхъ болѣзняхъ не бываетъ; при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напримѣръ, — при маніи, иногда наблюдается облегченная способность воспроизведенія; больной очень легко воспроизводитъ бывшія въ сознаніи представленія; ему не нужно тѣхъ усилій, съ помощью которыхъ, прежде, происходилъ процессъ воспроизведенія. Такое состояніе, однако, не длится болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и переходитъ въ болѣе или менѣе продолжительное истощеніе.

Болѣзненные измѣненія въ теченіи представленій состоятъ или въ замедленіи этого процесса, или въ его ускореніи, или, наконецъ, въ разстройствѣ способа сочетанія представленій.

Замедленіе въ смѣнѣ представленій, вообще, составляетъ проявленіе психической слабости, упадка умственной дѣятельности. Степень слабости, вообще, довольно точно опредѣляется степенью замедленія въ ходѣ представленій, и, при глубокомъ слабоуміи, у больныхъ, подолгу, въ сознаніи остается одно представленіе, не вызывая другого на поверхность сознанія. При меланхолии, замедленіе въ теченіи представленій зависитъ отъ господствующаго мрачнаго настроенія: непріятныя чувствованія медленно смѣняются другъ друга; сочетанныя съ ними представленія также надолго овладѣваютъ сознаніемъ.

Ускореніе хода представленій свойственно всѣмъ состояніямъ болѣзненнаго психическаго возбужденія. Въ легкихъ степеняхъ это болѣзненное возбужденіе состоитъ въ излишней болтливости, скорыхъ, нелишонныхъ остроумія, отвѣтахъ; больной быстро переходитъ отъ одного предмета къ другому, не останавливаясь ни на чемъ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ удалось („Измѣреніе времени элементарныхъ психическихъ процессовъ у душевно-больныхъ“, Вѣстникъ психіатріи. 1885) точными опытами доказать и опредѣлить ускореніе въ сочетаніи представленій при нѣкоторыхъ психическихъ разстройствахъ.

Въ болѣе сильныхъ степеняхъ болѣзненное возбужденіе проявляется непрерывною, быстрою смѣною представлений; при такомъ вихрѣ, сочетаніе обусловлено лишь вышнимъ сосуществованіемъ, и, наконецъ, наступаетъ ассоціація по созвучію; больной съ необычайной быстротою произноситъ начальные слоги словъ, сходныхъ между собою, не обращая вниманія на смыслъ словъ, и даже болѣе или менѣе сильно ихъ измѣняя; при сильномъ возбужденіи, они успѣваютъ лишь произносить только начало словъ. Этотъ вихрь идей непрѣнно ведетъ къ спутанности сознанія, вслѣдствіе чего воспоминаніе объ этомъ періодѣ болѣе или менѣе утрачено.

Если опредѣлить болѣзненное возбужденіе, вообще, не трудно, когда оно достигло высокой степени, то легкія степени возбужденія весьма часто принимаются за нормальное явленіе; между тѣмъ, ускореніе въ сочетаніи представлений непрѣнно ведетъ къ болѣе поверхностному сочетанію представлений; не останавливаясь ни на одномъ представленіи, увлекаемый болѣзненнымъ процессомъ къ быстрымъ переходамъ мысли, больной, естественно, не можетъ остановиться и достаточно подробно обсудить свои намѣренія, почему нерѣдко совершаетъ поступки, которыхъ не сдѣлалъ бы, если бы былъ здоровъ. Вслѣдствіе легкости, съ которой происходитъ у него сочетаніе представлений, больной можетъ легко найти благовидное объясненіе, оправданіе своимъ безразсуднымъ, нелѣпымъ поступкамъ,—вслѣдствіе чего они, при поверхностномъ изученіи, могутъ казаться вполне обдуманными, разумными съ точки зрѣнія ихъ совершившаго. При поверхностномъ изслѣдованіи, кажется непонятнымъ,—какъ субъектъ, разсуждающій такъ прекрасно, можетъ поступать такъ нелѣпо, такъ безумно. При внимательномъ изслѣдованіи, обыкновенно не трудно убѣдиться, что логическое мышленіе у больного замѣнено произвольнымъ, ускореннымъ сочетаніемъ представлений, что вмѣсто тождества—этой основы логическаго мышленія,—основаніемъ всѣхъ заключеній больного служить сходство. Ускореніе сочетанія идей всегда ведетъ къ пониженію качества продуктовъ мышленія; вмѣсто вѣрныхъ продуманныхъ заключеній, получаютъ, въ лучшемъ случаѣ, остроумныя сравненія.

Вообще, я старался доказать ¹⁾, что, при многихъ душевныхъ болѣзняхъ, произвольное мышленіе замѣняется, въ болѣе или меньшей

¹⁾ Анперцентивные процессы у душевно-больныхъ. (Архивъ психіатріи. 1886).

степени, произвольнымъ сочетаніемъ представлений. Едва ли можно сомнѣваться, что, у душевно-больныхъ, пассивная ассоціація играетъ гораздо большую роль, чѣмъ у нормальныхъ людей. Неспособность душевно-больныхъ къ какому-либо творчеству является лучшимъ подтвержденіемъ моего взгляда.

Такъ-называемыя навязчивыя идеи являются лучшимъ доказательствомъ независимости отъ воли—сочетанія представлений у душевно-больныхъ ¹⁾.

Навязчивыми или насильственными идеями (Zwangsvorstellungen) называются представленія, помимо и даже противъ воли, безъ всякаго повода, возникающія и остающіяся въ сознаніи, несмотря на всѣ усилія вытѣснить ихъ оттуда. Иногда эти представленія возникаютъ въ сознаніи самостоятельно, безъ всякаго повода, напр., у больного, среди правильнаго логическаго, размышленія о какомъ либо предметѣ, вдругъ въ сознаніе вторгается представленіе, не имѣющее никакого отношенія къ наполнявшимъ сознаніе мыслямъ; или же хотя вторгнувшееся въ сознаніе представленіе и имѣетъ отношеніе къ наполняющимъ сознаніе представленіямъ, или наполнявшимъ его прежде, но, болѣею частью, по контрасту; значеніе этого явленія рѣзко выражается тою стойкостью, съ которою оно завладѣваетъ сознаніемъ. Всѣ усилія воли часто бываютъ бесплодны, чтобы признать эти представленія. Больные очень ясно понимаютъ ненормальность, въ нихъ происходящую, такъ какъ понимаютъ, что эти представленія совершенно имъ чужды и что, по своей силѣ, стойкости, эти навязчивыя идеи рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ представлений.

Содержаніе навязчивыхъ идей довольно разнообразно, но всегда онѣ чужды данному лицу, и, потому, кажутся или смѣшными, или отвратительными. Особенно онѣ своимъ содержаніемъ причиняютъ живѣйшее страданіе, когда, по содержанію, составляютъ контрастъ съ господствующими мыслями больного; напр. у многихъ больныхъ, въ церкви, среди молитвы, въ сознаніи вдругъ возникаютъ представленія объ адѣ, о самыхъ циническихъ предметахъ; вмѣсто представленія о божествѣ, у больного возникаетъ представленіе чорта; сознаніе наполняется ругательными словами по отношенію ко всему святому, возникаетъ мысль, что нужно разбить образъ, плюнуть въ дарохрани-

¹⁾ Лучшія изслѣдованія этого явленія: Le Grand du Saule. La folie du doute, 1875, и Westphal. Berl. klinis. Wochenschrift. 1877.

тельницу ¹⁾ и т. п. Понятно,—как мучительно для больного как бесиліе подавить эти идеи, так и отвратительность их содержанія. Такъ же тягостны навязчивыя идеи объ умерщвленіи наиболѣе близкихъ лицъ, о томъ, что хорошо столкнуть въ воду стоящаго на берегу, и т. п.

Навязчивыя представленія могутъ сочетаться въ формѣ вопросовъ; вопросы эти, вообще, нисколько не интересуютъ больного, совершенно ему чужды, безконечны и, наконецъ, часто совершенно бессмысленны. Эти больные постоянно страдаютъ оттого, что сознание ихъ занято вопросами, ненужность которыхъ очевидна, напр., почему яблоко кругло? сколько оконъ въ домѣ? Такіе вопросы, буквально, не даютъ покоя больному, который изнемогаетъ отъ безконечныхъ вопросовъ, и не можетъ ничѣмъ заняться. Однимъ изъ видовъ навязчивыхъ идей слѣдуетъ считать невольное стремленіе производить постоянно вычисленія, такіе больные постоянно заняты ненужными вычисленіями, напр., при разговорѣ съ кѣмъ либо они сосчитываютъ число буквъ въ фразахъ собесѣдника, проходя по улицамъ—число оконъ каждаго дома, производятъ постоянно сложеніе, вычитаніе, и т. д. съ полученными цифрами.

Нѣкоторые больные, чаще женщины, невольно и неосновательно сомнѣваются въ правильности многихъ своихъ поступковъ. Напримѣръ, бросивъ письмо въ почтовый ящикъ, они впадаютъ въ отчаяніе отъ мысли, что адресъ написанъ невѣрно, что въ письмѣ вкралась ошибка и т. п., хотя письмо было прочитано много разъ, адресъ неоднократно проверенъ. Такое сомнѣніе также слѣдуетъ причислить къ навязчивымъ идеямъ, потому что оно возникаетъ самостоятельно, не обусловлено предъидущимъ содержаніемъ сознанія и не можетъ быть уничтожено, также какъ всякое разумное сомнѣніе. Такіе больные постоянно опасаются дурныхъ послѣдствій своихъ ошибокъ ²⁾ или

¹⁾ У одного моего больного—самою мучительною, навязчивою идеей была мысль о томъ, что хорошо было бы плюнуть въ дарохранительницу; помимо воли, создавалась картина—какъ это нужно сдѣлать, что при этомъ произойдетъ въ церкви, и т. д.

²⁾ Я зналъ купца, проводившаго ночи безъ сна подъ вліяніемъ навязчивой идеи, что онъ дурно заперъ свою кладовую; онъ хорошо понималъ неосновательность такого предположенія; неоднократныя проверки состоянія задоровъ, замковъ, производимыя по ночамъ, конечно, его не успокоивали.

же опасаются, опять-таки невольно, оскверненія отъ прикосновенія разныхъ предметовъ.

Эта болѣзнь,—страхъ прикосновенія—можетъ влечь къ тому, что больной ведетъ совершенно замкнутую жизнь, имѣя массу причудъ, напр., онъ (чаще она) или ни за что не сядетъ на бархатную мебель, или, посидѣвши на ней, будетъ долго чистить свое платье, мыть руки и т. д.

Кромѣ своего теоретическаго интереса, навязчивыя идеи заслуживаютъ особаго вниманія и въ судебно-психиатрическомъ отношеніи; страдающіе навязчивыми идеями могутъ совершать преступленіе подъ вліяніемъ того отчаянія, той тоски, которая обусловлена какъ сознаниемъ своей безпомощности въ борьбѣ съ этими чуждыми представленіями и мыслями, такъ и содержаніемъ навязчивыхъ идей. Сами по себѣ, навязчивыя идеи весьма часто постоянно остаются чисто теоретическими; но такъ какъ, по справедливому выраженію Fouillée ¹⁾, «Il n'y a pas d'idée sans quelque désir, l'idée dilettante et purement contemplative: toute idée est un mouvement vers l'objet pensé»,—то и навязчивыя идеи нерѣдко переходятъ въ болѣе или менѣе сильныя стремленія. Больной хочетъ осквернить икону, сбросить человѣка въ воду, хотя понимаетъ нелѣпность, безнравственность такого поступка; нѣкоторые больные обращаются къ посторонней помощи, чтобы побѣдить эти навязчивыя насильственные желанія, но иногда вся ихъ воля не можетъ бороться противъ этихъ желаній, и они, съ глубокимъ отвращеніемъ, совершаютъ поступки, совершенно несвойственные ихъ основному характеру, для нихъ же вредные ²⁾.

По поводу навязчивыхъ идей, я еще разъ считаю необходимымъ напомнить, что никогда одно явленіе не составляетъ болѣзни; поэтому, если подсудимый увѣряетъ, что онъ совершилъ преступленіе помимо воли, подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей,—слова его заслуживаютъ довѣрія лишь тогда, когда будетъ доказано, что въ его психической организаціи есть и другія аномаліи; необходимо всестороннее изслѣ-

¹⁾ Revue philosophique. 1880, p. 392.

²⁾ Я зналъ одну истерическую дѣвушку, которая, послѣ долгой борьбы, подойдя потихоньку сзади къ своей старшей замужней сестрѣ, замѣнявшей ей мать, отрѣзала сразу почти половину косы; женихъ, отъ котораго скрывали странности характера его невесты, но не могли скрыть такой дикой выходки, взялъ свое предложеніе назадъ. Отецъ этой дѣвушки кончилъ жизнь самоубійствомъ.

дованіе испытываемаго, ознакомленіе со всею его жизнью, съ состояніемъ здоровья его родителей и родственниковъ, и только, на основаніи такого изученія, можно дѣлать какія-либо заключенія. И психологія, и психіатрія совершенно одинаково учатъ насъ, что въ единой нераздѣльной душѣ не можетъ быть разстройства какого-либо одного процесса; измѣненіе, вызванное болѣзнію, выражается неправильностью всей душевной дѣятельности; не имѣя точныхъ объективныхъ методовъ, намъ очень часто приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что мы находимъ только нѣкоторые измѣненія, не имѣя возможности раскрыть и доказать всѣ; но мы никогда не должны забывать, что болѣе полустолѣтія тому назадъ, Herbart доказалъ свое положеніе: «Die Gesetzmässigkeit im menschlichen Geiste gleicht vollkommen der am Sternenhimmel». Поэтому, теоретически, мы не можемъ допустить, чтобы такое значительное измѣненіе сочетательной дѣятельности, какое бываетъ при навязчивыхъ идеяхъ, могло быть при цѣлости всѣхъ другихъ умственныхъ силъ; очевидно, что вниманіе, произвольно направляющее теченіе представленій въ ту или другую сторону, у этихъ больныхъ очень слабо. Но главные доказательства тому, что навязчивыя идеи—лишь одно изъ проявленій болѣзни, конечно, должно намъ дать наблюденіе; и дѣйствительно, тщательное изслѣдованіе лицъ, страдающихъ навязчивыми идеями, всегда обнаруживаетъ много аномалій, болѣзненныхъ неправильностей, какъ въ строеніи ихъ нервной системы, такъ и въ ихъ психической организаціи.

Какъ уже было сказано выше, и пассивное воспріятіе, и пассивное сочетаніе представленій могутъ происходить безсознательно. У душевно-больныхъ нерѣдки помраченія сознанія разной степени, причемъ какъ воспріятіе, такъ и сочетаніе представленій не прекращаются.

Различаютъ «сумеричныя состоянія сознанія» и «сновидныя состоянія сознанія», характеризующіяся временнымъ омраченіемъ сознанія съ обманами чувствъ, причемъ какъ воспріятіе, такъ и сочетаніе представленій продолжается; больной въ такомъ состояніи можетъ совершать весьма сложныя движенія; понятно, что въ такихъ состояніяхъ воспріятіе неполно—лишь нѣкоторыя, преимущественно новыя, раздраженія оставляютъ слѣды въ сознаніи. Наблюдаются такія состоянія у эпилептиковъ и хроническихъ алкоголиковъ.

Отупѣніемъ (stupor) называется состояніе, когда всѣ психическіе процессы затруднены, замедлены, но не прекращены совершенно; со-

знаніе помрачено, воспріятіе ограничено, смѣна представленій совершается медленно.

Весьма трудно опредѣленіе разстройствъ высшей умственной дѣятельности; мы совершенно не имѣемъ какихъ-либо эмпирическихъ, выработанныхъ житейскою испытностью, масштабовъ для опредѣленія состоянія высшихъ умственныхъ способностей, для опредѣленія того, насколько правильно совершаются высшіе умственные процессы: образованіе, понятій, сужденій, заключеній,—однимъ словомъ, произвольное сочетаніе представленій. Въ обыденной, жизни мы, обыкновенно, ограничиваемся тѣмъ, что, такъ или иначе, опредѣляемъ силу памяти, быстроту сочетанія интересующаго насъ лица, и, на основаніи такихъ поверхностныхъ знаній, дѣлаемъ заключеніе о силѣ умственныхъ способностей. Даже педагоги, обыкновенно, не идутъ дальше, и потому часто жизнь вовсе не оправдываетъ предсказаній самыхъ опытныхъ педагоговъ. Даже очень умные, опытные въ житейскихъ дѣлахъ, люди, нерѣдко, въ продолженіе многихъ лѣтъ, считаютъ выдающимся умомъ жалкую туницу съ хорошею памятью и живою пассивною ассоціаціей, или, наоборотъ, удивляются, когда человѣкъ, долго принимаемый ими за глупаго, оказывается крупною умственною силою. Психіатрія пока еще не выработала болѣе совершенныхъ, чѣмъ житейская опытность, методовъ наблюденія и опредѣленія состоянія высшихъ процессовъ, и, поэтому, мы должны ограничиться самыми бѣглыми замѣчаніями о патологическихъ разстройствахъ этой дѣятельности.

При слабости психическихъ силъ, какъ это бываетъ при врожденномъ и вторичномъ слабоуміи, вообще, отдѣльныя представленія не сливаются между собою; дѣло ограничивается тѣмъ, что память сохраняетъ ихъ въ ихъ послѣдовательности, причемъ они не сливаются въ одно со всѣмъ содержаніемъ сознанія. Поэтому, отдѣльныя представленія сохраняютъ свою самостоятельность и, главное,—свой чувственный характеръ; дальнѣйшей переработкѣ они не подвергаются, почему главное остается неотдѣленнымъ отъ несущественнаго, постоянное—отъ случайнаго. Отдѣльныя представленія не перерабатываются въ понятія, или же, если образованіе понятій еще и возможно, то понятія очень узки, ограничены; самыя высшія понятія о добрѣ, чести, справедливости, отечествѣ и т. п. или совершенно отсутствуютъ, или, вмѣсто нихъ, имѣются на-лицо лишь неясныя, неполныя понятія, или же ихъ замѣняютъ просто слова. Такая неспособность выработать изъ чувственныхъ представленій понятія ведетъ къ тому, что почти

все духовное богатство состоитъ изъ отдѣльныхъ представлений; міровоззрѣніе такого лица ограничивается лишь непосредственно до него относящимся; міръ ему данъ всецѣло постолько, поскольку отдѣльные предметы вызываютъ соотвѣтствующіе имъ знаки въ сознаниі. Ничего самостоятельнаго, доказывающаго, что воспринятое слилось со всѣмъ прежнимъ матеріаломъ сознания, такіе больные не обнаруживаютъ; мысль ихъ ограничена чувственными воспріятіями, дальше которыхъ для нихъ ничего не существуетъ.

Повторяю еще разъ, что такъ какъ наши способы изслѣдованія весьма грубы, то составить сужденіе о состояніи высшей умственной дѣятельности весьма трудно; для этого требуется и большая опытность, и обширныя свѣдѣнія по психологіи и логикѣ, безъ чего, конечно, нельзя въ каждомъ конкретномъ случаѣ, — выяснить, насколько несовершенно образованіе понятій, какъ грубы логическія ошибки. Поэтому, вообще лучше и не вдаваться въ подробный анализъ этихъ психическихъ процессовъ, тѣмъ болѣе, что, обыкновенно, налицо имѣются болѣе рѣзкія патологическія расстройства, распознаваніе и выясненіе которыхъ вполне достаточно для доказательства того, что подсудимый боленъ. Если же, по состоянію своихъ умственныхъ способностей, подсудимый стоитъ, такъ сказать, въ промежуткѣ между тѣмъ, что считается глупостью, дураковатостью и тѣмъ, что признается *слабоуміемъ*, слѣдовательно, болѣзнью, то только весьма опытный и хорошо образованный психіатръ можетъ, и то не всегда, со всею точностью выяснить — имѣемъ ли мы дѣло съ дѣйствительно больнымъ, или только съ глупымъ, тупымъ субъектомъ.

Необходимо только имѣть въ виду, что отсутствіе, неполнота высшихъ, т. е. наиболѣе сложныхъ, понятій, есть симптомъ врожденнаго слабоумія; при вторичномъ слабоуміи, нѣкоторыя понятія могутъ оставаться, другія же оказываются совершенно разрушенными, или лишенными содержанія, — символами безъ значенія; не трудно, при изслѣдованіи, убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ остатками прежде ясныхъ, прочныхъ понятій; между тѣмъ какъ, при врожденномъ слабоуміи, очевидно, что больной просто не можетъ выработать себѣ многихъ понятій.

Весьма важно, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, недоразвитіе или разрушеніе нравственныхъ понятій, характеризующее нравственное помѣшательство, или, правильнѣе выразиться, — нравственное слабоуміе.

Когда мы имѣемъ дѣло съ разрушеніемъ нравственныхъ понятій, то, обыкновенно, не трудно установить, что испытуемый психически боленъ. Неполное выздоровленіе, т. е. возстановленіе всѣхъ умственныхъ процессовъ, кромѣ наиболѣе сложныхъ, результатомъ дѣятельности которыхъ и являются нравственныя понятія, доказывается теченіемъ душевной болѣзни, перенесенной испытуемымъ, и потому всегда можетъ быть доказано. Если распаденіе нравственныхъ понятій появляется задолго до того момента, когда можно доказать существованіе другихъ признаковъ болѣзни, то только продолжительное наблюденіе можетъ выяснитъ дѣло; къ счастью, такіе случаи не часты ¹⁾.

Весьма трудно распознаваніе болѣзни въ случаяхъ неполнаго, несовершеннаго развитія умственныхъ силъ, слѣдовательно, — отсутствія нравственныхъ понятій. Есть субъекты, умственное развитіе которыхъ недостаточно именно настолько, насколько это необходимо для образованія нравственныхъ понятій; для нихъ понятія о справедливости, о долгѣ, о чести, о самоуваженіи и т. д. просто слова, лишены смысла; они не понимаютъ и никакъ не могутъ понять, что составляютъ для всѣхъ насъ эти понятія. Напрасны всѣ воспитательныя усилія развить въ нихъ эти понятія; умъ ихъ неспособенъ къ такимъ сложнымъ понятіямъ, каковы нравственныя, и потому самое большее, что они знаютъ о безнравственномъ — это то, что оно запрещено. Они знаютъ, что одни дѣйствія запрещены и наказуемы, другіе же, наоборотъ, считаются прекрасными, благородными, но рѣшительно не понимаютъ, — почему это такъ; у нихъ нѣтъ внутренняго принужденія къ справедливости, къ состраданію, внѣшнее же принужденіе, конечно, оказывается недостаточнымъ, чтобы удержать отъ безнравственныхъ и преступныхъ поступковъ.

Эти больные, съ самаго ранняго дѣтства, рѣзко отличаются отъ своихъ сверстниковъ, потому что дѣлаютъ дурное безъ всякой выгоды для себя; они неблагодарны къ старшимъ, равнодушны къ товари-

¹⁾ Я наблюдалъ одного морского офицера, просрочившаго, безъ всякаго повода, срокъ своего отпуска и ударившаго часового при гауптвахтѣ матроса; онъ совершенно спокойно ожидалъ приговора суда и довольно разумно объяснялъ какъ причину просрочки отпуска, такъ и удара, нанесеннаго часовому; одно, что удивляло въ его поведеніи — это, что онъ нисколько не стыдился своего положенія и не сожалѣлъ о томъ, что испортилъ свою карьеру. Только черезъ 8 мѣсяцевъ обнаружались несомнѣнные признаки прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ.

щамъ, жестокосерды, безстыдны; съ наступленіемъ періода половой зрѣлости, когда пробуждаются новыя страсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно, человѣкъ начинаетъ жить самостоятельно, отличіе ихъ отъ нормальныхъ людей становится еще рѣзче. Они не могутъ пристроиться къ какому-либо дѣлу, къ какому-либо занятію, не имѣютъ друзей, да и не ищутъ ничьей дружбы, не выносятъ труда и потому такъ или иначе живутъ на чужой счетъ; при полной обеспеченности, они, все-таки, постоянно нарушаютъ законы чести и нравственности, постоянно опускаясь все ниже и ниже какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ общественномъ положеніи. Праздность, пьянство, развратъ—вотъ въ чемъ проходитъ ихъ жизнь; преступленіе, при такомъ образѣ жизни—лишь простой эпизодъ, такъ какъ вся жизнь этихъ лицъ есть нарушеніе нравственныхъ законовъ, для нихъ совершенно непонятныхъ. Если эти «пасынки природы»—люди обеспеченные, изъ хорошаго семейства, то ненужность, вредъ для нихъ самихъ ихъ поступковъ черезъ-чуръ очевидны для того, чтобы не замѣтить ихъ отличія отъ обыкновенныхъ преступниковъ; но когда правосудіе имѣетъ дѣло съ нравственно слабоумнымъ изъ низшаго класса общества,—внѣшнихъ отличій отъ преступника легко не замѣтить.

По этому поводу необходимо сказать, что я уже повторялъ нѣсколько разъ, а именно, что никогда не слѣдуетъ дѣлать окончательныхъ заключеній на основаніи одного факта, а тѣмъ болѣе—на основаніи характера преступленія. Распознаваніе нравственного слабоумія должно быть антропологически-индивидуальное, т. е. для его распознаванія нужно привести доказательства наследственнаго расположенія къ заболѣванію душевными болѣзнями или серьезныхъ поврежденій головного мозга и черепа, перенесенныхъ въ дѣтствѣ; указать признаки вырожденія; установить болѣзненные растройства нервной системы, наприм., ненормальную реакцію нервной системы къ спиртнымъ напиткамъ и, наконецъ, найти различныя болѣзненные растройства психической организаціи, одно изъ которыхъ—отсутствіе нравственныхъ понятій. Только такое распознаваніе нравственного слабоумія можетъ считаться научно-обоснованнымъ; заключеніе же эксперта, основанное на разборѣ самого факта преступленія и на психологическомъ анализѣ, уже потому не удовлетворяетъ своей цѣли, что такое-же заключеніе можетъ дать и юристъ, и всякій образованный человѣкъ.

Нравственное слабоуміе такъ близко къ той психической органи-

зации, которую представители криминальной антропологии приписывают врожденному преступнику, что только самая строгая послѣдовательность въ судебно-психіатрическихъ заключеніяхъ можетъ убѣдить общество, что психіатры вовсе не смѣшиваютъ душевно-больнымъ съ преступниками, вовсе не считаютъ всѣхъ преступниковъ душевно-больными. Психіатры должны постоянно помнить слова Ideler: «Медицинская экспертиза не должна походить на итальянскія церкви, въ которыхъ всякій бандитъ находитъ вѣрное убежище».

Какъ ни мало совершенны наши свѣдѣнія о нравственномъ слабуміи ¹⁾, все-таки онѣ представляютъ громадный прогрессъ въ пониманіи нравственной природы человѣка, особенно, если мы сравнимъ съ тѣмъ, что до сихъ поръ намъ извѣстно объ умственной организациі преступника не случайнаго, а привычнаго, или какъ называютъ его представители криминальной антропологии,—врожденного.

Самое вѣрное и глубокое опредѣленіе несовершенства умственной организациі преступника далъ Déspine ²⁾. Онъ считалъ главнымъ недостаткомъ умственныхъ способностей преступниковъ — непредусмотрительность (*imprévoyance*) и неблагоразуміе (*imprudence*). Garofalo ³⁾ вполне раздѣляетъ взглядъ Déspine. Ломброзо ⁴⁾, кромѣ непредусмотрительности, приписываетъ преступникамъ легкость (*légèreté*) и подвижность ума.

Легко видѣть, что это вовсе не опредѣленіе элементарныхъ аномалій, какъ это дѣлаетъ психіатрія, опредѣляющая дѣйствительно основныя, простыя разстройства, обусловленныя болѣзью.

Предусмотрительность—весьма сложный психическій процессъ, и пока намъ не докажутъ, что элементы, изъ которыхъ слагается столь

¹⁾ Литература нравственнаго помѣшательства весьма велика; главнѣйшія работы по этому вопросу слѣдующія: Prichard. Treatise on insanity, 1842. (Prichard называлъ эту болѣзнь нравственнымъ помѣшательствомъ—moral insanity). Morel. Traité des maladies mentales, 1860. Krafft-Ebing. Friedreich's Blätter, 1871. Falret. Etudes cliniques sur les maladies mentales et nerveuses, 1890. Въ высшей степени поучительно сочиненіе Spitta. Die Willesbestimmungen. 1881, посвященное психологии нравственнаго помѣшательства и импульсивныхъ актовъ.

²⁾ Psychologie morbide. 3 Vol.

³⁾ La criminologie, pp. 73—119.

⁴⁾ L'homme criminel, pp. 422—448.

сложный актъ, какъ предусмотрительность, недоразвиты, неправильны, пока намъ не укажутъ,—почему именно, въ силу какихъ элементарныхъ разстройствъ, преступники непредусмотрительны,—до тѣхъ поръ это грубое опредѣленіе преступника для насъ будетъ лишь указаніемъ на случайный признакъ. Дѣйствительно, преступники непредусмотрительны и неблагоразумны, но почему—мы не знаемъ. Повидимому, они вовсе не ниже, по своему уму, честныхъ людей,—почему же они лишены предусмотрительности? На этотъ существенный вопросъ мы вовсе не имѣемъ удовлетворительнаго отвѣта. Столь же несовершенно опредѣленіе Lombroso; въ самомъ дѣлѣ,—что такое легкость и подвижность ума?

Общій смыслъ всѣхъ этихъ опредѣленій, поскольку я понимаю его изъ тѣхъ объясненій и примѣровъ, которые приводятъ вышеуказанные авторы,—тотъ, что у преступниковъ весьма слабо развита комбинирующая дѣятельность ума. Они не могутъ себѣ представить съ достаточною живостью, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ; происходитъ это, главнымъ образомъ, вслѣдствіе врожденной слабости вниманія; они не могутъ продолжительно останавливаться на представленіяхъ, несочетанныхъ съ живыми чувствованіями. Только непосредственное воспріятіе, сопряженное съ живыми чувствованіями, завладѣваетъ ихъ сознаніемъ; произвольно же, они, повидимому, не могутъ вызвать и удерживать въ сознаніи продолжительное время тѣ, а не другія представленія, комбинировать эти представленія,—однимъ словомъ, такъ же обстоятельно обсудить предметъ, какъ это дѣлаютъ нормальные люди. Я думаю, что врожденные, не случайные преступники—люди съ весьма ограниченными умственными способностями; если иногда они и производятъ впечатлѣніе людей съ большими способностями, то это лишь потому, что хорошую память принимаютъ за доказательство ума ¹⁾. Только крайнею слабостью умственныхъ способностей можно объяснить себѣ тотъ поразительный фактъ, что большинство приговоренныхъ къ смертной казни, прежде, присутствовали при этой ужасной экзекуціи. Такъ ²⁾, изъ 167 приговоренныхъ къ смертной казни въ Англии—

¹⁾ Обыкновенно указываютъ, что Бэконъ, этотъ великій геній, былъ преступникомъ; но, въ то время, взяточничество не считалось глубоко безнравственнымъ дѣломъ; его осужденіе было результатомъ побѣды его политическихъ враговъ.

²⁾ Lombroso, *op. cit.*, p. 334.

164 уже присутствовали въ качествѣ зрителей при совершении смертной казни.

Во всякомъ случаѣ, преступникъ, по своей умственной организаціи, долженъ глубоко отличаться отъ честныхъ людей, для которыхъ просто непонятно,—какъ можетъ человекъ быть покоенъ, когда его ждетъ суровое наказаніе. Изученіе аномалии умственной организаціи преступника представляетъ самую интересную задачу, и меня только удивляетъ,—какъ мало сдѣлано въ этой области. Почти все, что сдѣлано, сдѣлано психіатрами (Déspine, Lombroso, Marro) и я не сомнѣваюсь, что когда юристы, вооруженные знаніемъ психіатріи, займутся изученіемъ умственной организаціи преступниковъ,—наши свѣдѣнія и по психологіи, и по социологіи обогатятся самыми важными открытіями.

Г Л А В А VII.

Обманы чувствъ и идеи бреда.

Я нарочно выдѣлилъ въ особую главу ученіе объ обманахъ чувствъ и объ идеяхъ бреда, чтобы разсмотрѣть эти патологическія явленія вмѣстѣ, съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуетъ важность самого предмета. Обманы чувствъ почти всегда, а идеи бреда безусловно—составляютъ безспорное доказательство душевной болѣзни того, у кого они замѣчены,—почему вовсе не нужно глубокихъ свѣдѣній по психіатріи, чтобы опредѣлить душевную болѣзнь въ томъ случаѣ, когда имѣются эти болѣзненные явленія. Это такіе рѣзкіе признаки душевной болѣзни, что по нимъ не трудно ее распознать, потому что существованіе ихъ доказываетъ глубокое болѣзненное нарушеніе психической жизни.

Нѣкоторые думаютъ, что только обманы чувствъ и идеи бреда суть единственные признаки душевной болѣзни, но такое неправильное пониманіе свидѣтельствуетъ о слабыхъ познаніяхъ по психологіи, и ничего больше. Кто имѣетъ ясное представленіе о психической дѣятельности, тотъ, конечно, не можетъ допустить, чтобы могли существовать изолированныя измѣненія только нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ, чтобы болѣзнь измѣнила только нѣкоторые процессы.

Обманы чувствъ—патологическое явленіе, наиболѣе тщательно изученное, наиболѣе намъ извѣстное. Уже Esquirol далъ прекрасное опи-

саніе обмановъ чувствъ, и дальнѣйшія изслѣдованія лишь разъяснили и дополнили ученіе Esquirol'я, ¹⁾ который раздѣлилъ обманъ чувствъ на галлюцинаціи и иллюзіи.

Галлюцинаціями или мнимоощущеніями (правильнѣе—мнимовоспріятіями) мы называемъ воспріятіе безъ предмета; иллюзіями называются ложное, извращенное воспріятіе предмета. «Иллюзія относится къ галлюцинаціи»,—по остроумному сравненію Lasègne, — «какъ злословіе къ клеветѣ. Иллюзія опирается на фактъ, но его извращаетъ; галлюцинація сочиняетъ все до мелочей, въ ней нѣтъ ни одного слова правды».

Галлюцинація есть ясное появленіе, т. е. отнесеніе во внѣшній міръ субъективно возникшаго образа,—почему вмѣстѣ съ Virchow'ымъ можно сказать: галлюцинантъ воспринимаетъ не внѣшній міръ, но самого себя, т. е. процессы, протекающіе въ его центральной нервной системѣ. Галлюцинанту не кажется, что онъ видитъ, слышитъ и т. д., а онъ дѣйствительно видитъ, слышитъ съ такою-же живостью, ясностью какъ и вообще, когда его органы чувствъ воспринимаютъ предметы внѣшняго міра.

Галлюцинаціи рѣзко отличаются отъ нормальныхъ психическихъ явленій, такъ какъ ничего подобнаго въ насъ не происходитъ и мы даже не можемъ представить себѣ,—какъ человѣкъ-можетъ видѣть предметъ, котораго нѣтъ у него передъ глазами, слышать звуки, когда ихъ нѣтъ въ данное время.

Иллюзія, какъ ложно истолкованное воспріятіе, напротивъ того, весьма обычное для насъ явленіе. Представленіе воспріятія, обыкновенно, такъ прочно сливается съ воспроизведеннымъ представленіемъ даннаго предмета, что нужно особое вниманіе, чтобы воспринять предметъ каковъ онъ есть, не дополняя его прежними представленіями. Хорошіе наблюдатели очень рѣдки, потому что трудно подавить въ себѣ, при воспріятіи, соотвѣтствующія предмету представленія; весьма обыкновенно, напримѣръ, что мы, нѣсколько часовъ проговоривши съ нашимъ знакомымъ, вполне увѣрены, что онъ былъ одѣтъ такъ, какъ мы привыкли его видѣть, и не замѣтили, что на этотъ разъ онъ въ другомъ платьѣ. Конечно, такая ошибка произошла оттого, что мы не обратили вниманія на туалетъ; люди, обращающіе вниманіе на платье, конечно, увидятъ малѣйшія измѣненія въ туалетѣ, но могутъ

¹⁾ Литература обмановъ чувствъ весьма велика; главнѣйшія работы: Hagen. „Die Sinnestauschungen, 1838. Brierre de Boismont. „Des hallucinations“, 1852. Кандинскій. „О псевдогаллюцинаціяхъ. 1890“.

не замѣтить, что говорящей съ нимъ едва сдерживаетъ слезы и т. п. Когда трусливая суевѣрная женщина ночью проходитъ черезъ лѣсъ, ничего нѣтъ мудренаго, если пень ей покажется разбойникомъ, если шелестъ листовъ воспримется ею, какъ крикъ. Она, отъ страха и темноты, не можетъ хорошенько разсмотрѣть предметовъ, и дополняетъ воспріятіе въ направленіи, соотвѣтствующемъ занимающимъ ея сознание представленіямъ. Отъ недостаточнаго вниманія при воспріятіи оттого, что, подъ вліяніемъ аффекта, сознание всецѣло поглощено опредѣленнымъ рядомъ представленій, которыя сливаются съ воспріятіемъ,—мы постоянно живемъ въ мірѣ иллюзій. Кто не удивлялся, какъ мѣнялись для него люди, предметы, когда онъ, при другихъ обстоятельствахъ, болѣе трезво, т. е. объективно снова ихъ разсматривалъ.

Другой источникъ иллюзій лежитъ въ строеніи нашихъ органовъ чувствъ и составляетъ неизбежную ошибку многихъ воспріятій; напр., вдалькѣ квадратъ намъ кажется кругомъ. Эти ошибки, вообще, легко исправимы ¹⁾.

Провести черту, разграничить нормальныя иллюзіи отъ патологическихъ весьма трудно; разница лишь въ степени, въ постоянствѣ; конечно, если кто-либо принимаетъ посторонняго человѣка за своего близкаго родственника,—нѣтъ сомнѣнія, что такая ошибка воспріятія обнаруживаетъ глубокое расстройство умственной дѣятельности, но какъ больной, такъ и здоровый могутъ принять за саркастическую улыбку простую гримасу,—ничего не выражающее движеніе губами. Разница между патологическими и нормальными иллюзіями лишь та, что здоровый легко убѣждается въ своей ошибкѣ, если къ тому даны ему средства, большой-же упорствуетъ въ своемъ заблужденіи. Впрочемъ, и это различіе весьма условно; стоитъ обратиться къ исторіи, чтобы убѣдиться,—какъ люди упорствуютъ въ своихъ иллюзіяхъ; напримеръ, карьера Мануэля Годоа (князя Мира) свидѣтельствуетъ, что Карлъ IV, и особенно его супруга, положительно, не могли контролировать своихъ иллюзій.

Галлюцинаціи и иллюзіи, однако, иногда трудно отличимы другъ отъ друга, а въ сферѣ органовъ обонянія, вкуса и осязанія положи-

¹⁾ Вундтъ («Основанія физиологической психологіи») въ XIV главѣ весьма подробно описалъ и объяснилъ эти неправильности воспріятія; я согласенъ съ нимъ, что ихъ нельзя считать иллюзіями, но большинство авторовъ—другого мнѣнія.

тельно неразличимы, не смотря на существенное различіе процессов ихъ создающихъ; поэтому оба эти явленія удобнѣ всего изучать вмѣстѣ.

Лучше всего изучать галлюцинаціи и иллюзіи каждаго органа чувствъ отдѣльно; описавши ихъ въ отдѣльности, я перейду къ ихъ общей характеристикѣ и изложу значеніе ихъ въ душевныхъ болѣзняхъ.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ насчетъ того, — какой органъ чувствъ наиболѣе часто поражается обманами чувствъ — слухъ или зрѣніе; по моимъ наблюденіямъ, если страдающихъ острымъ, запойнымъ бредомъ, рѣдко помѣщаемыхъ въ заведенія для душевно-больныхъ, считать въ общемъ числѣ душевно-больныхъ, то наиболѣе частыя галлюцинаціи и иллюзіи, безспорно, въ органѣ зрѣнія.

Зрительныя галлюцинаціи весьма разнообразны. Элементарныя, простыя галлюцинаціи состоятъ въ воссозданіи, проэцированіи наружу отдѣльныхъ ощущеній; больной видитъ искры, тѣни; болѣе сложныя галлюцинаціи — это уже цѣлые предметы, т. е. уже цѣлая сумма ощущеній; больной видитъ предметы, лица; однако, часто этимъ образомъ не достааетъ еще окраски, что показываетъ объ отсутствіи проэцированныхъ цвѣтовыхъ ощущеній; весьма часто галлюцинаціи имѣютъ видъ картинъ; предметы представляются какъ-бы нарисованными, лишены тѣлесности. Кромѣ того, весьма часто проэцированныя во внѣшній міръ представленія не имѣютъ той связности, живости, какъ обыкновенныя предметы, кажущіеся какъ-бы въ туманѣ, что свидѣтельствуеетъ о крайней сложности зрительныхъ представленій, почему далеко не всегда всѣ ощущенія, входящія въ составъ представленія, проэцируются наружу; нѣкоторыя изъ ощущеній, менѣе прочно слитыя, не всегда сочетанныя съ основными даннаго предмета, выпадаютъ изъ представленія, которое, проэцируясь во внѣшній міръ, остается лишоннымъ этихъ деталей; такъ, напримѣръ, цвѣтотыя ощущенія могутъ выпасть изъ представленія.

Галлюцинаціи зрѣнія могутъ быть настолько сложными и живыми, что больной видитъ передъ собою, вполне живыми, цѣлыя группы людей, всю обстановку до мельчайшихъ подробностей. Но такія сложныя живыя галлюцинаціи бываютъ, сравнительно, рѣже, чѣмъ отрывочныя, неясныя образы.

Галлюцинаціи зрѣнія, болѣею частію, появляются внезапно и быстро исчезаютъ, или, по крайней мѣрѣ, одни образы скоро замѣняются другими.

У однихъ галлюцинаціи возникаютъ только въ темнотѣ, у другихъ,—напротивъ, лишь при свѣтѣ.

По содержанію своему, галлюцинаціи зрѣнія крайне разнообразны, и, вообще, соответствуютъ настроенію больного; меланхоликъ видитъ преслѣдователей и палачей, маниакъ видитъ фантастическіе замки. Весьма своеобразны галлюцинаціи страдающихъ запойнымъ бредомъ (*Delirium tremens*); почти всегда они видятъ мелкіе подвижные предметы—мышей, пауковъ, чертиковъ и т. п., притомъ—всегда эти созданные образы появляются въ большомъ числѣ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что у алкоголиковъ не бываетъ другихъ галлюцинацій, но упомянутыя галлюцинаціи исключительно бываютъ у алкоголиковъ. Галлюцинаціи эпилептиковъ—обыкновенно угрожающаго характера; что особенно характерно для этой болѣзни—галлюцинаціи появляются сразу, внезапно. Эпилептики видятъ пожаръ, адъ, страшныхъ животныхъ и т. п., почему эти больные вообще очень опасны.

Иллюзіи зрѣнія также весьма разнообразны и не всегда могутъ быть отличены отъ галлюцинацій, но, вообще, если обманъ чувствъ вызванъ дѣйствительнымъ воспріятіемъ,—мы его считаемъ иллюзіей. Смотря по состоянію умственныхъ силъ, ошибки сужденія могутъ быть весьма грубы; напримѣръ, больной *Esquirol*'я отказывался пить вино изъ бутылки, потому что не хотѣлъ проглотить своего брата: бутылка отражала его собственную фигуру, воспріятіе этого отраженія переработалось въ образъ брата. Больной *Гризингера*, смотря въ зеркало, видѣлъ голову свиньи ¹⁾. Еще грубѣе ошибки слабоумныхъ, считающихъ простые камушки и всякій соръ драгоценными камнями. Весьма обыкновенно, что душевно-больные принимаютъ директора заведенія для душевно-больныхъ за смотрителя тюрьмы, служителей—за тюремную стражу, нѣкоторыхъ изъ больныхъ—за своихъ родственниковъ или враговъ и т. п. Сильные аффекты, сосредоточенность на нѣкоторыхъ представленіяхъ, слабость всѣхъ умственныхъ силъ—все это обуславливаетъ безчисленныя иллюзіи.

Галлюцинаціи слуха имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ галлюцинаціи зрѣнія, потому что живая рѣчь—этотъ источникъ самыхъ абстрактныхъ нашихъ знаній—всѣмъ, и съ самого дѣтства, доступна лишь черезъ органъ слуха; письменное изображеніе словъ, вообще, играетъ

¹⁾ Прекрасно изображена подобная иллюзія Гоголемъ въ „Ревизорѣ“ (последняя сцена).

ничтожную роль въ жизни душевно-больныхъ,—настолько ничтожную, что я не знаю ни одного случая галлюцинацій или иллюзій, въ строгомъ смыслѣ этого слова, по поводу написаннаго и напечатаннаго ¹⁾. Элементарныя слуховыя галлюцинаціи—это шумъ, стукъ и тому подобныя простыя звуки, слышимыя больными. Уже болѣе сложны галлюцинаціи, когда больной слышитъ шаги, выстрѣлы, неясный говоръ. Обыкновенно, въ началѣ, бываютъ эти элементарныя галлюцинаціи, которыя, мало по малу, переходятъ въ болѣе сложныя; больной уже слышитъ отдѣльныя слова, фразы и, наконецъ, цѣлыя рѣчи, или даже разговоръ т. е., слышитъ нѣсколько голосовъ. Иногда больной узнаетъ голосъ своего знакомаго, иногда же—ему слышится совершенно незнакомый голосъ. Звуки слышатся какъ бы происходящіе или вблизи, или издалека, или сверху, или же, наконецъ, больной совершенно не можетъ опредѣлить мѣсто, откуда онъ слышитъ звуки. Чаще мѣсто происхожденія звука для больного все время остается однимъ и тѣмъ же ²⁾, но, нерѣдко, голоса слышатся съ разныхъ сторонъ.

Крайне рѣдко, что больные слышатъ мелодіи, звуки какихъ-либо музыкальныхъ инструментовъ; самая частая галлюцинація слуха—это членораздѣльная рѣчь; весьма рѣдко больные слышатъ слова на иностранномъ языкѣ; извѣстны случаи, когда больные слышали слова на томъ языкѣ, на которомъ говорили въ дѣтствѣ, хотя, потомъ, цѣлыя десятки лѣтъ жили среди общества, говорящаго на другомъ языкѣ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о томъ, что только прочно усвоенныя, живыя, ясныя представленія могутъ достигать той напряженности, которая необходима для того, чтобы проэцироваться наружу. Усвоеніе чужихъ языковъ рѣдко бываетъ настолько совершенно, чтобы звуко-

¹⁾ Гоголь (Записки сумасшедшаго), описавъ плювию—лай собакъ, принимаемый за разговоръ, затѣмъ приводитъ невозможный случай: никогда больные *не читаютъ* несуществующихъ писемъ или книгъ.

²⁾ Я описалъ больного (Къ судебной-психіатрической казуистикѣ. Вѣстникъ Судебной Медицины“ 1889 г.), который, находясь въ одиночномъ заключеніи, слышалъ голоса, которые приписывалъ своимъ сотоварищамъ въ заключеніи. Когда его везли въ каретѣ въ больницу, находящуюся отъ тюрьмы верстъ за десять, онъ слышалъ, на томъ же разстояніи, тѣ же самые голоса; это его крайне удивило, такъ какъ онъ понималъ, что нельзя на улицѣ кричать такъ громко и про дѣла, которыя должны быть тайной. Первое сомнѣніе въ вѣрности своихъ воспріятій возникло у него во время этого переѣзда.

вые образы этого языка достигали полной ясности; обыкновенно, они остаются чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ.

Содержаніе слуховыхъ галлюцинацій или рѣчей, слышимыхъ больными, также какъ и содержаніе зрительныхъ галлюцинацій, вообще соотвѣтствуетъ настроенію больного, —наиболѣе занимающимъ его сознаніе представленіямъ.

Галлюцинаціи слуха чаще наблюдаются у хроническихъ больныхъ и, вообще, доказываютъ крайне серьезное страданіе головного мозга; сложныя галлюцинаціи, конечно, гораздо опаснѣе элементарныхъ.

Иллюзіи слуха весьма разнообразны и весьма часты у душевнобольныхъ. Иллюзіей слуха мы должны считать, когда больной—стукъ маятника воспринимаетъ какъ шаги идущихъ къ нему людей; разговоръ сосѣдей, который онъ не можетъ слышать, воспринимаетъ, какъ рѣчи про его личность, хлопанье дверей—какъ удары грома или выстрѣлы и т. п. Такъ какъ идеальнаго отсутствія какого либо шума, полной тишины, особенно въ городахъ, почти никогда не бываетъ, то всегда имѣется какое либо раздраженіе слуховаго аппарата, которое вызываетъ воспріятіе, ложно истолкованное, дополненное представленіями, наиболѣе наполняющими сознаніе,—почему всегда есть причины для слуховыхъ иллюзіи, которыя, вообще, очень трудно иногда отличить отъ галлюцинацій. Напримѣръ, больной рассказываетъ, что онъ ясно слышалъ, что лица, помѣщающіяся въ сосѣдней, комнатѣ, его бранятъ, рассказываютъ про него разныя сплетни—и т. п., дѣйствительно же, нѣкоторые изъ больныхъ въ сосѣдней комнатѣ говорили между собою, но ни слова не было сказано про того, который жалуются; притомъ же, отдѣльныя слова черезъ стѣну не могутъ быть слышаны; будетъ ли это иллюзія или галлюцинація?

При отсутствіи раздраженій, вызывающихъ ощущенія, у нѣкоторыхъ больныхъ галлюцинаціи слуха ослабѣваютъ и даже совершенно исчезаютъ; въ тишинѣ, они отъ нихъ свободны, у другихъ же больныхъ, напротивъ того, въ тишинѣ, въ одиночествѣ, галлюцинація становится живѣе, всецѣло поглощаетъ ихъ сознаніе. Въ такихъ случаяхъ легко убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ чистыми галлюцинаціями слуха, безъ примѣси иллюзіи.

Одинокое тюремное заключеніе, когда заключенный долго не слышитъ человѣческой рѣчи, часто бываетъ одной изъ причинъ, обуславливающихъ галлюцинаціи слуха. Наиболѣе частыя галлюцинаціи въ тюрьмахъ одиночнаго заключенія—это галлюцинаціи слуха. Эти галлю-

цинаціи слуха заключенныхъ обыкновенно очень скоро достигаютъ крайней живости; при своевременномъ переводѣ заключенныхъ изъ одиночной камеры въ лазаретъ, гдѣ помѣщаются нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, галлюцинаціи весьма быстро прекращаются.

Галлюцинаціи вкуса и обонянія почти всегда возникаютъ вмѣстѣ, вслѣдствіе постоянно совмѣстной дѣятельности этихъ органовъ чувствъ, обусловленной ихъ строеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ никакой возможности отличить галлюцинаціи этихъ органовъ чувствъ отъ иллюзій; даже когда больной жалуется, что онъ чувствуетъ трупный запахъ во всемъ домѣ, нельзя быть увѣреннымъ, что это не зависитъ отъ какого-либо болѣзненнаго пораженія полости носа. Весьма часто больные увѣряютъ, что имъ подаютъ отравленную, дурно пахнущую пищу, что они ясно различаютъ горькій или кислый вкусъ тамъ, гдѣ его дѣйствительно нѣтъ. Нѣкоторые больные отказываются даже отъ пищи, потому что говядина имъ представляется человѣческимъ мясомъ, молоко и хлѣбъ отравленными, и т. п.

Обманы чувствъ вкуса и обонянія, конечно, крайне однообразны, вообще чаще наблюдаются въ началѣ болѣзни; сколько могъ я убѣдиться,—они гораздо чаще бываютъ у неинтеллигентныхъ больныхъ.

Гораздо чаще и разнообразнѣе обманы чувства осязанія. Также и тутъ мы не можемъ различать галлюцинацій отъ иллюзій. Больные ощущаютъ прикосновенія, удары, толчки, жалуется, что ихъ прижимаютъ каленымъ желѣзомъ, но я не помню ни одного случая, чтобы больной жаловался, что до него дотрогиваются льдомъ или чѣмъ нибудь очень холоднымъ. Уже болѣе сложными галлюцинаціями слѣдуетъ считать мнимыя воспріятія больныхъ, что по нимъ ползаютъ мурашки, что у нихъ подъ кожею иголки и т. п. Само собою разумѣется, что такіе обманы чувствъ весьма раздражаютъ больныхъ, крайне для нихъ убѣдительны.

Въ наше время, особенно часты жалобы больныхъ на то, что ихъ электризуютъ; даже лица, не имѣющія яснаго понятія объ электричествѣ, увѣряютъ, что ихъ жгутъ, толкаютъ электричествомъ, что ихъ электризуютъ снизу или сверху. Кромѣ того, все необъяснимое, напр., голоса родныхъ, живущихъ въ другомъ городѣ, сваливается на «электрическія машины». Замѣчательно, что знаніе законовъ электричества вовсе не предохраняетъ больныхъ отъ самыхъ нелѣпыхъ заключеній. Одинъ больной, ученикъ высшаго учебнаго заведенія, по цѣлымъ часамъ стоялъ неподвижно на деревянномъ полу, потому что, при дви-

женіи, его «электризовали» черезъ полъ во многихъ мѣстахъ; значитъ, думалъ онъ, если онъ будетъ ходить, «въ него больше попадетъ электричества». Другого больного, архитектора по профессіи, я долго напрасно убѣждалъ, что черезъ деревянный полъ электричество проникать не можетъ. Онъ отвѣчалъ, что его ощущенія—лучшія для него доказательства.

Ощущенія, возникающія при дѣятельности мышцъ, ощущенія, возбуждаемая дѣятельностью внутреннихъ органовъ, также могутъ возникать въ сознаніи безъ вѣшняго раздраженія и относиться наружу. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ органы движенія, такъ и вообще всѣ внутренніе органы постоянно вызываютъ въ сознаніи ощущенія, особенно настойчивыя при всякомъ заболѣваніи или просто ненормальномъ состояніи этихъ органовъ, и что ощущенія этого рода, вообще, неясны, неотчетливы. Поэтому, мы никогда не можемъ, въ этой области, отличать галлюцинаціи отъ иллюзіи, и галлюцинаціи какъ мышечнаго, такъ и общаго чувства, вообще очень неясны, неотчетливы. Больные рассказываютъ, что ихъ что-то подымало къверху, что они летали; источникомъ такого разсказа слѣдуетъ, конечно, считать галлюцинаціи мышечнаго чувства. Немногіе больные увѣряютъ, что у нихъ увеличена голова, выросли или высохли руки, что внутри ихъ сидятъ звѣри, что сами они превратились въ то или другое животное. Послѣдней формы галлюцинаціи теперь едва-ли наблюдаются, но, въ древности и средніе вѣка, были извѣстны такіе случаи; теперь еще попадаются больные, конечно, необразованные, увѣряющіе, что внутри ихъ сидятъ змѣи, лягушки и т. п. Какое-либо страданіе внутреннихъ органовъ трансформируется больнымъ мозгомъ въ такое воспріятіе.

Особое судебно-медицинское значеніе имѣютъ галлюцинаціи половыхъ органовъ. Онѣ не такъ рѣдки, какъ это принято думать; больные только нечасто рассказываютъ объ нихъ вслѣдствіе стыдливости, часто еще не утраченной. Они жалуются, что имъ электризуютъ половые органы; электричествомъ, или они не знаютъ сами чѣмъ, возбуждаютъ сладострастіе, напрягаютъ членъ, выбрасываютъ сѣмя. Больныя женщины увѣряютъ, что, по ночамъ, ихъ трогаютъ за половые органы и даже прямо обвиняютъ кого-либо въ половыхъ сношеніяхъ. Убѣдительность—съ какою рассказываютъ больные о такихъ съ ними поступкахъ, можетъ ввести въ заблужденіе очень многихъ, если нѣтъ доказательствъ невозможности такого преступленія. Особенно опасны галлюцинаціи половыхъ органовъ захлороформированныхъ женщинъ, такъ какъ не-

рѣдко, подъ хлороформомъ, совершенно здоровыя, психически, женщины испытываютъ мнимоощущенія полового совокупленія. Если женщина пользуется хорошей репутаціей, а врачъ или дантистъ не успѣлъ еще составить репутаціи совершенно честнаго человѣка, а тѣмъ болѣе, если онъ сомнительной репутаціи,—то мужъ, родные, администрація и судъ могутъ быть введены въ заблужденіе настойчивыми увѣреніями обвинительницы; она, дѣйствительно, испытывала ощущенія совокупленія, потому что галлюцинаціи такое-же живое воспріятіе, какъ и воспріятіе дѣйствительности; поэтому честная женщина, глубоко возмущенная мнимымъ оскорбленіемъ чести, настойчиво будетъ требовать наказанія. Бывше уже случаи ложнаго обвиненія и даже наказанія должны служить указаніемъ,—какъ осторожно нужно относиться къ подобнымъ заявленіямъ, несмотря даже на большую вѣроятность.

Различныя страданія половыхъ органовъ у женщинъ весьма часто бываютъ исходнымъ пунктомъ разнообразныхъ обмановъ чувствъ. Ощущенія, обусловленныя болѣзненнымъ состояніемъ этихъ органовъ, воспринимаются больнымъ сознаніемъ неправильно, и, затѣмъ, дополняются, соотвѣтственно настроенію, преобладающими представленіями. Поэтому, нерѣдко, по излеченіи страданія половыхъ органовъ, прекращаются и обманы чувствъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и вообще о вѣсхъ органахъ чувствъ; болѣзни органа слуха особенно часто у душевно-больныхъ вызываютъ галлюцинаціи слуха. Ощущенія и сочетанная съ ними боль въ рукахъ и ногахъ, обусловленная страданіемъ нервной системы, воспринимаются душевно-больными какъ удары, прижиганія и т. п. Во всякомъ случаѣ, мѣстныхъ страданія различныхъ органовъ и органовъ чувствъ не болѣе какъ подкладка, поводъ для обмановъ чувствъ, потому что тѣ-же страданія психически-здоровыхъ не обусловливаютъ обмановъ чувствъ; опредѣленіе этихъ мѣстныхъ страданій имѣетъ большое значеніе для леченія обмановъ чувствъ и, потому, здѣсь, говорить болѣе подробно объ этомъ предметѣ нѣтъ надобности.

Галлюцинаціи многихъ органовъ чувства, само собою разумѣется, крайне убѣдительно для больного, такъ какъ онъ уже не можетъ воспріятіями здороваго органа чувствъ контролировать ошибки больныхъ. Чаще всего галлюцинаціи слуха и зрѣнія наблюдаются вмѣстѣ; больной видитъ воображаемыхъ людей, слышитъ ихъ рѣчи, обращенныя къ нему или по поводу его.

Гораздо рѣже случаются галлюцинаціи всѣхъ органовъ чувствъ вмѣстѣ ¹⁾. У одного и того-же больного могутъ быть сперва галлюцинаціи зрѣнія и слуха вмѣстѣ, потомъ—появляются галлюцинаціи вкуса и обонянія и, наконецъ, осязанія. Такіе больные—во власти своихъ обмановъ чувствъ и воспріятіе дѣйствительности у нихъ отодвинуто на второй планъ.

Переходя къ общей характеристикѣ обмановъ чувствъ, прежде всего нужно отмѣтить, что они бываютъ постоянные и измѣнчивые. Постоянными галлюцинаціями называются тѣ, которыя долгое время остаются одного содержанія; напр., больной постоянно видитъ однихъ и тѣхъ-же лицъ, слышитъ одни и тѣ-же голоса. Измѣнчивыя галлюцинаціи—это когда передъ больнымъ возникаютъ все новыя и новыя картины, онъ слышитъ все новые голоса, говорящіе ему все про новыя предметы. Постоянныя галлюцинаціи крайне убѣдительны для больного, потому что постоянно являются новыя подтвержденія; измѣнчивыя же галлюцинаціи хотя не столь убѣдительны, но значеніе ихъ также весьма велико, потому что онѣ своимъ разнообразіемъ, внезапностью своего появленія и исчезновенія вносятъ спутанность въ сознание; больной плохо ориентуруется среди своихъ воспріятій какъ реальныхъ, такъ и мнимыхъ.

Содержаніе обмановъ чувствъ, какъ уже сказано, въ высокой степени разнообразно; нѣтъ чего-либо, что не могло бы быть пред-

¹⁾ Я зналъ больного, морского офицера, который, однажды вечеромъ, зимою 1889 года, когда общество было напугано слухами о чумѣ, читая библію, почувствовалъ толчокъ въ правое плечо; поднявъ голову и осматриваясь съ удивленіемъ, онъ былъ еще болѣе пораженъ пріятнымъ ароматомъ наполнявшимъ всю его комнату; черезъ нѣсколько минутъ, вся комната озарилась свѣтомъ, передъ его глазами предсталъ ангелъ и передалъ ему что нужно дѣлать, чтобы спасти Россію отъ чумы; видѣніе длилось пятьдесятъ минутъ, затѣмъ все исчезло. Въ продолженіе ночи, больной написалъ о всемъ имъ видѣнномъ и слышанномъ и изложилъ тѣ мѣры, которыя ему были продиктованы (въ каждомъ домѣ постоянно жечь керосиновую лампу опредѣленнаго рисунка и размѣра), и на другой день, раннимъ утромъ, одѣвшись въ мундиръ, отправился во дворецъ, гдѣ настойчиво требовалъ, чтобы объ немъ тотчасъ-же доложили, такъ какъ Богъ избралъ его спасителемъ Россіи, причемъ показалъ написанныя правила для предупрежденія чумы. Его настойчивость, гордое обращеніе, крайняя нелѣпность предлагаемыхъ правилъ убѣдили дежурныхъ, что они имѣютъ дѣло съ душевно-больнымъ, почему его отправили въ больницу на испытаніе, гдѣ скоро выяснилось, что это душевно-больной.

метомъ галлюцинацій. Содержаніе ихъ только въ общемъ опредѣляется настроеніемъ и преобладающими представленіями больного. Въ этомъ отношеніи, галлюцинаціи сходны съ сновидѣніями; часто больной видитъ и слышитъ имѣющее отношеніе къ наиболѣе занимающимъ его мыслямъ, соответствующее его настроенію, но не рѣдко возникаютъ видѣнія, не имѣющія никакого отношенія къ его мыслямъ какъ настоящимъ, такъ и прошедшимъ за долгое время передъ тѣмъ. Совершенно забытыя картины, совершенно забытыя слова вдругъ, по непонятной причинѣ, съ необычайной яркостью возникаютъ въ сознаниіи и проэцируются наружу. Само собою разумѣется, что содержаніе галлюцинацій исчерпывается извѣстнымъ больному, и то, что ему неизвѣстно, не можетъ быть создано сознаниемъ; но образы, крайне блѣдные при воспріятіи, могутъ сдѣлаться поразительно живыми вслѣдствіе болѣзненного процесса ¹⁾. Иногда содержаніе галлюцинацій обусловлено глубоко продуманнымъ, или какимъ либо событіемъ, сильно повліявшимъ на данное лицо. Какъ примѣръ галлюцинаціи, содержаніе которой есть наиболѣе продуманныя мысли, обычно приводятъ извѣстныя галлюцинаціи Лютера: дьяволъ въ спорѣ съ нимъ высказалъ идеи, по убѣжденію Лютера крайне глубокомысленныя, опровергнуть которыя для Лютера было крайне трудно. Конечно, матеріаломъ для этой галлюцинаціи послужили мысли, долго занимавшія Лютера, которыя, въ формѣ возраженій, и были высказаны ему дьяволомъ.

Романисты и лица, незнакомые съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ, вообще думаютъ, что содержаніе галлюцинацій дается событіемъ, сильно поразившимъ больного, что заболѣвшій преступникъ видитъ свои жертвы, пораженная смертью мужа вдова постоянно видитъ своего мужа и т. п. Въ дѣйствительности, такого содержанія галлюцинаціи крайне рѣдки,—такъ рѣдки, что не всякій психіатръ можетъ привести подобныя случаи изъ своей практики.

¹⁾ Одинъ хроническій алкоголикъ, видѣвшій чертиковъ въ продолженіе своей болѣзни, увѣрялъ меня, что никогда ни въ книгахъ, ни на иконахъ онъ не разсматривалъ изображеній чертей, что онъ воспитывался въ семьѣ, гдѣ не вѣрили въ чертей,—онъ самъ не вѣрилъ въ ихъ существованіе и никогда не интересовался этимъ предметомъ. Другой больной, видѣвшій львовъ и тигровъ только на рисункахъ, во время болѣзни видѣлъ ихъ съ поразительной для него живостью. Но такіе случаи крайне рѣдки, и напр. невѣрующіе въ чертей алкоголики обыкновенно ихъ, во время болѣзни, не видѣтъ, а видятъ насѣкомыхъ лягушекъ, мышей и т. п.

Отношеніе сознанія къ своимъ галлюцинаціямъ весьма различно; лишь всегда и во всѣхъ случаяхъ галлюцинаціи производятъ тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, особенно въ началѣ всякій галлюцинантъ бываетъ ошеломленъ, испуганъ этимъ непривычнымъ, неестественнымъ явленіемъ.

Галлюцинація всегда есть дѣйствительное воспріятіе, въ томъ смыслѣ, что галлюцинирующій дѣйствительно видитъ, слышитъ, осязаетъ и т. д., а не только ему кажется, что будто онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ. Галлюцинаціи отличаются отъ самыхъ живыхъ образовъ фантазіи своею объективностью; онѣ существуютъ не только, какъ представленіе, но и какъ настоящее воспріятіе; онѣ всегда тѣлесны, составляютъ часть внѣшняго, чувственного міра. Поэтому, галлюцинирующій, прежде всего, бываетъ ошеломленъ, испуганъ появленіемъ галлюцинацій, такъ какъ онъ тотчасъ-же замѣчаетъ, что съ нимъ творится что-то новое, до сихъ поръ не бывавшее; онъ ни на минуту не смѣшиваетъ галлюцинаціи съ образами фантазіи, съ грезами; для него не остается никакого сомнѣнія, что онъ испытываетъ новое состояніе, рѣзко отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ. Если галлюцинаціи появляются у человѣка образованнаго, знакомаго теоретически съ этимъ явленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ онъ легко убѣждается въ болѣзненномъ своемъ состояніи и легко отличаетъ эти мнимоощущенія отъ воспріятій дѣйствительности. Притомъ-же, далеко не всѣ галлюцинаціи обладаютъ тою-же живостью, тою-же полнотою, какъ воспріятія дѣйствительности, почему для галлюцинирующаго еще легче отличить эти мнимоощущенія, выдѣлить ихъ въ особую группу; необразованныя лица такіа мнимоощущенія прямо считаютъ видѣніями, посланными небомъ или адомъ, не смѣшиваютъ ихъ съ воспріятіями дѣйствительности, и галлюцинаціи, не обладающія полнотою и живостью воспріятій дѣйствительности, никогда не принимаются за дѣйствительность; это—болѣзненные продукты для человѣка образованнаго и видѣнія, откровенія—для необразованнаго, что-то неестественное, фантастическое. Такія неполныя галлюцинаціи отличаются отъ вполне законченныхъ, прежде всего, тѣмъ, что галлюцинирующій никогда не смѣшиваетъ такихъ мнимоощущеній съ внѣшнимъ міромъ, для него они всегда остаются видѣніями, фантастическими голосами; больной видитъ и слышитъ не-существующее во внѣшнемъ мірѣ, но это остается для него непохожимъ на воспріятія дѣйствительности.

Вполнѣ живая галлюцинація, сама по себѣ, неотличима отъ вос-

пріятія дѣйствительности; если галлюцинаціи—въ одномъ органѣ чувствъ, сознание вполне ясно, то, конечно, возможенъ контроль со стороны другихъ органовъ. Наконецъ, невозможность, невѣроятность, указываютъ здоровому сознанию, что оно принимаетъ мнимыя воспріятія за дѣйствительныя; напр., галлюцинирующій можетъ придти къ заключенію, что онъ принимаетъ мнимыя воспріятія за дѣйствительныя, если онъ видитъ друга, слышитъ его голосъ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній находится за много верстъ отъ него.

Но такъ, какъ вообще, для насъ нѣтъ ничего убѣдительнѣе свидѣтельства органовъ чувствъ, то, обыкновенно, очень скоро галлюцинаціи становятся столь-же убѣдительны, какъ и воспріятія виѣшняго міра; поэтому, если другіе стремятся разумными доводами доказать больнымъ, что они ошибаются, то они отвѣчаютъ приблизительно то же, что отвѣтилъ Leuret'у одинъ его больной. «Я слышу голоса, потому что слышу ихъ; какъ это дѣлается, я не знаю, но они для меня такъ-же явственны, какъ и вашъ голосъ; если я долженъ вѣрить въ дѣйствительность вашихъ словъ, то позвольте-же мнѣ вѣрить и въ дѣйствительность словъ, которыя я слышу, потому что какъ тѣ, такъ и другія для меня, въ равной степени, осязательны»¹⁾.

Когда больной не отличаетъ своихъ галлюцинацій отъ воспріятія дѣйствительности, тогда нарушается правильность отношеній субъекта къ объективному міру,—онъ становится игрушкой субъективныхъ чувственныхъ образовъ, которые переносятся во виѣшний міръ, и, такимъ образомъ, дѣлаются объективными и дѣйствительными. Такой больной рѣзко отличается отъ нормальнаго человѣка, потому что у него нарушена основная способность нашей души—различать представленія воспріятія отъ репродуцированныхъ представленій; онъ смѣшиваетъ свои субъективные образы съ отпечатками, знаками виѣшняго міра, почему онъ не только впадаетъ въ многочисленныя ошибки, что, конечно, свойственно, въ меньшей степени, нормальнымъ людямъ, но главное—онъ не можетъ контролировать своихъ ошибокъ.

Очевидно громадное судебно-психіатрическое значеніе галлюцинацій. Больной, подъ вліяніемъ, галлюцинацій можетъ совершить самыя ужасныя преступленія. Многіе совершаютъ различныя преступныя дѣянія, повинуваясь прямому приказанію голосовъ, слышимыхъ съ неба; другіе

¹⁾ Цитировано по Гризингеру, „Душевныя болѣзни“, стр. 91.

же,—мстя за оскорбленія, будто-бы имъ нанесенныя; если больной слышитъ, какъ его поносить, угрожаетъ ему кто-либо,—видитъ, какъ онъ улыбается или плюетъ, глядя на него,—онъ можетъ ранить, убить этого, считаемаго понапрасну, за оскорбителя. Внезапно возникающія, ужасающія галлюцинаціи могутъ повести къ тому, что больной въ аффектъ страха, подъ вліяніемъ ужаса и вызваннаго имъ помраченія сознанія, или, наконецъ, въ видахъ самообороны совершитъ рядъ безразсудныхъ и преступныхъ дѣяній.

Перечислить—какъ и почему, подъ вліяніемъ галлюцинацій, совершаются преступленія—нѣтъ никакой возможности; такъ разнообразно содержаніе галлюцинацій, различно отношеніе къ нимъ.

Судебно-психіатрическое значеніе галлюцинацій необходимо требуетъ выясненія того—служать ли галлюцинаціи доказательствомъ душевной болѣзни, при какихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ возникаютъ обманы чувствъ.

Обманы чувствъ появляются при крайне повышенной возбудимости нервной системы, вслѣдствіе сильнаго переутомленія, продолжительной бессонницы, крайняго истощенія, отъ потери крови или голода—однимъ словомъ, вслѣдствіе анэмїи головного мозга. Чѣмъ-бы ни было вызвана эта анэмїя—сильнымъ-ли утомленіемъ или продолжительною тѣлесною болѣзью,—она можетъ стать причиною появленія галлюцинацій. Конечно, не у всякаго, при повышенной, на почвѣ истощенія, возбудимости центральной нервной системы, возникаютъ галлюцинаціи; насколько до сихъ поръ извѣстно, тѣ, у которыхъ сильно развита фантазія,—музыканты, художники и т. п. болѣе другихъ предрасположены къ галлюцинаціямъ.

Галлюцинаціи возникаютъ при отравленіи нѣкоторыми ядами—(опій, красавка, гашишъ, алкоголь), яды эти измѣняютъ возбудимость центральной нервной системы. Всѣмъ извѣстно, что при высокой температурѣ тѣла, обусловленной нѣкоторыми болѣзнями, весьма часто возникаютъ галлюцинаціи, преимущественно, зрѣнія.

Наконецъ галлюцинаціи составляютъ весьма частое явленіе при душевныхъ болѣзняхъ; измѣненіе возбудимости головного мозга при душевныхъ болѣзняхъ можетъ достигать самой крайней степени.

Такимъ образомъ, галлюцинаціи, сами по себѣ, еще не составляютъ безспорнаго признака душевной болѣзни, и утверждать, что каждый, принимающій свои галлюцинаціи за дѣйствительность, есть душевно-больной,—мы не имѣемъ права. Галлюцинаціи—это явленіе, свидѣтель-

ствующее о болѣзненномъ состояніи,—могутъ быть скоро проходящими; если галлюцинаціи становятся болѣе частыми, становятся болѣе сложными, очевидно, возбудимость нервной системы настолько повышена, что остается одинъ шагъ до серьезной душевной болѣзни.

Но, если мы не имѣемъ права считать душевно-больнымъ всякаго галлюцинанта, то мы обязательно должны заподозрить его въ томъ, что онъ страдаетъ душевною болѣзью, и галлюцинирующий подсудимый непремѣнно долженъ быть подвергнутъ тщательному изслѣдованію и наблюденію; во всякомъ случаѣ, галлюцинаціи у психически-здоровыхъ такъ рѣдки, что такіе случаи могутъ считаться исключеніемъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, очевидно, что многочисленныя, сложныя, давно-существующія галлюцинаціи не оставляютъ сомнѣнія о душевной болѣзни; случайныя, простые обманы чувствъ не допускаютъ такого категорическаго заключенія.

Какъ бы то ни было, галлюцинаціи составляютъ весьма очевидный признакъ, или, по крайней мѣрѣ, указаніе на душевную болѣзнь. Это такое патологическое явленіе, которое даетъ намъ сразу разгадку поведенія, настроенія больного, —легко распознается. Однако, хотя очень часто распознаваніе обмановъ чувствъ не представляетъ трудностей, но бываютъ случаи, когда больные удачно скрываютъ свои галлюцинаціи; нерѣдко бываетъ, что даже ближайшіе родные не замѣчаютъ, что у больного, уже нѣсколько лѣтъ, обманы чувствъ, и только, случайно, какой-либо поступокъ обнаруживаетъ галлюцинаціи, которыя больной, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, скрываетъ. Такъ что, съ положительностью, отрицать существованіе обмановъ чувствъ можно, да и то не всегда, лишь послѣ всесторонняго и тщательнаго изученія больного. Заявленія же больного, даже самымъ настойчивымъ, объ отсутствіи у него обмановъ чувствъ, мы довѣряемъ, вообще, не должны.

Распознаваніе галлюцинацій, какъ и вообще всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ, слѣдуетъ дѣлать на основаніи объективныхъ признаковъ, на основаніи объективнаго изслѣдованія и всесторонняго наблюденія больного. Увѣренія больного могутъ лишь служить однимъ изъ подтвержденій заключенія, составленнаго на основаніи объективныхъ данныхъ; даже, если мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ словахъ больного,—основывать свои заключенія на однихъ его показаніяхъ можетъ лишь тотъ, кто не понимаетъ психіатріи. Особенное

значеніе имѣть точное распознаваніе обмановъ чувствъ у подсудимыхъ, потому что само собою разумѣется, что, во многихъ случаяхъ, мы можемъ сомнѣваться въ правдивости ихъ показаній, или даже прямо быть увѣренными въ притворствѣ, въ желаніи обмануть; между тѣмъ, изъ вышензложеннаго ясно, насколько важно рѣшить—есть-ли, или нѣтъ у испытуемаго обманы чувствъ. Арестанты иногда прикидываются душевно-больными, жалуются, что у нихъ «видѣнія», что имъ слышатся «голоса», съ тѣмъ, чтобы ихъ перевели въ больницу. Поэтому, объективные признаки галлюцинацій заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія, хотя само собою разумѣется, что, какъ и во всѣхъ случаяхъ, лучшимъ подтвержденіемъ словъ испытуемаго будетъ полная гармонія между всѣми психическими явленіями, т. е. соотвѣтствіе между его мыслями, настроеніемъ и поступками.

У большинства галлюцинантовъ наблюдаются странности поведенія, которыя могутъ быть весьма разнообразны, какъ само содержаніе галлюцинацій, но, чаще всего, галлюцинаціи ведутъ къ тому, что больные уединяются, избѣгаютъ общества, смѣются про себя, тихо что-то шепчутъ или даже плачутъ; столь-же подозрительно бываетъ боязнь одиночества у нѣкоторыхъ больныхъ; они упорно избѣгаютъ одиночества, потому что боятся оставаться одни съ своими обманами чувствъ. Еще болѣе подозрительно, если больные дѣлаютъ отрывистые вопросы или даютъ такіе-же отвѣты. Когда мы не можемъ объяснить рѣзкой перемѣны въ настроеніи больного какою-либо разумною причиною,—весьма вѣроятно, что такая перемѣна вызвана галлюцинаціями; обманами чувствъ также объясняется, повидимому, безпричинная вражда къ кому-либо. Обманы чувствъ, особенно органовъ—обонянія и вкуса, ведутъ къ отказу отъ пищи; больные могутъ умереть отъ голода, если не кормить ихъ насильно; чаще всего упорный отказъ обусловленъ обманами чувствъ—больные или слышатъ голоса, заурещающіе имъ ѣсть, или въ подаваемыхъ имъ кушаньяхъ они ощущаютъ отраву, запахъ падали и т. п. Наконецъ, чисто внѣшними признаками галлюцинацій можно считать затыканіе, завязываніе ушей, завязываніе глазъ, устремленный неподвижно на одну точку взглядъ, позы челоуѣка, внимательно что-либо слушающаго и т. д.

Конечно, ни одинъ изъ этихъ признаковъ не доказателенъ самъ по себѣ; даже самый упорный отказъ отъ пищи можетъ быть ловкою уловкой настойчиваго притворщика. Душевная болѣзнь есть сумма многихъ болѣзненныхъ симптомовъ; поэтому, и распознаваніе ея

никогда не должно основываться на существовании одного симптома. Совокупность известных симптомов, изменение некоторых с течением времени, исчезновение одних и появление других согласно типам, выработанным наблюдением над многими больными, — вот что доказывает нам душевную болезнь у данного лица.

Как видно из вышеизложенного, обманы чувств могут быть при всех душевных болезнях, при некоторых нервных и даже, как кратковременное болезненное явление, — у психически здоровых. В некоторых душевных болезнях, напр., прогрессивном параличе помешанных, галлюцинации крайне редки, в других — они бывают лишь иногда, напр., при мани; наконец, есть душевная болезнь, (первичное галлюцинаторное помешательство), при которой обманы чувств составляют главное, или по крайней мере, наиболее бросающееся в глаза наблюдателя явление. Галлюцинации отсутствуют при глубоком слабоумии, когда умственные силы ослабли настолько, что воспроизведение живых отчетливых представлений уже невозможно. Страдание органов чувств вовсе не исключает возможности появления в них самых живых обманов; напротив того, различные болезни глаз, органа слуха, зрительного и слухового нервов служат причиной живых, но, большей частью, элементарных галлюцинаций; даже при полной слепоте бывают живые галлюцинации зрения.

Как обманы чувств суть самое резкое болезненное изменение процесса восприятия, изменение не только формальное, но и по содержанию, — так идеи бреда, бредовые идеи суть продукт самого резкого изменения процесса мышления; болезнь не только изменяет форму мышления, но и самое его содержание.

Идеи бреда, или нелпыи идеи помешанных резко отличаются от нелпых идей, грубых ошибок, самых диких заблуждений психически здоровых, и потому, название — «идеи бреда» гораздо предпочтительнее названия — «нелпыи идеи». Прежде всего, они отличаются от ошибок и заблуждений нормальных людей своей стереотипностью, однообразием по существу. Нет никакой возможности перечислить ошибки суждения душевно-здоровых, классифицировать их; между тем, типы бредовых идей строго установлены, и всякий конкретный случай легко подвести под один из этих типов. Только, при поверхностном изучении, бред душевных больных кажется крайне разнообразным, в сущности же нет ничего однообразнее бреда душевных больных. Изменяемы лишь детали бреда, но, зато, боль-

ные различнаго воспитанія, происхожденія, національности, какъ бы сговорившись, говорятъ одно и то же.

Впрочемъ, лучше всего это выяняется изученіемъ типовъ бреда. Весьма однообразенъ *бредъ величія* душевно-больныхъ. Больные увѣряютъ, что они крайне здоровы, крайне сильны, неутомимы, особенно часто говорятъ о необычайной своей силѣ въ половомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что, смотря по образованію больного, они дѣлаютъ нѣсколько различныя опредѣленія своего прекраснаго здоровья, своей силы. Столь же однообразенъ бредъ богатства—больной считаетъ себя обладателемъ, или надѣется владѣть тѣмъ, что для него раньше казалось богатствомъ; крестьянка увѣряетъ, что у ней 100 коровъ и 1000 рублей, потому что для нея это—баснословное богатство; богатый человѣкъ говоритъ, что онъ имѣетъ, или получить милліоны, домъ и т. п. Разница лишь въ интенсивности бреда; одни больные остаются еще въ границахъ вѣроятнаго, другіе же—доходятъ до самыхъ невозможныхъ идей бреда: билліоны для нихъ ничто—имъ принадлежать цѣлыя страны, весь міръ, небо, звѣзды и то, что надъ звѣздами, и т. п.; однимъ словомъ, тутъ проявляется столь характерное отношеніе человѣчества къ богатству. Бредъ величія весьма часто состоитъ изъ идей о собственной знатности, высококомъ официальном положеніи и т. п. И тутъ лишь различіе въ томъ, что каждый начинаетъ себя считать тѣмъ, что для него раньше казалось великимъ; солдатъ бредитъ тѣмъ, что онъ офицеръ, чиновникъ—что онъ тайный совѣтникъ и т. п. Бредъ имѣетъ много степеней, и нѣкоторые больные доходятъ до невѣроятныхъ крайностей—онъ царь, царь царей, богъ, богъ надъ богами и т. п. ¹⁾

Однимъ словомъ, бредъ величія, горделивыя идеи бреда весьма однообразны—больной считаетъ себя обладателемъ того, что, когда онъ былъ здоровъ, онъ считалъ желательнымъ, что ему казалось заманчивымъ. Степень болѣзни выражается степенью нелѣпости идей бреда и, обыкновенно, въ началѣ болѣзни больные, если можно такъ выразиться, высказываютъ скромныя идеи бреда.

¹⁾ Ни одинъ изъ моихъ больныхъ не высказывалъ бредовыхъ идей дѣйствительнаго, нравственнаго величія; самое большое, если они говорятъ, и то рѣдко, о богатыхъ подаркахъ, будто-бы сдѣланныхъ ими бѣднымъ, но никогда, въ одинъ больной, не увѣрялъ меня въ своей скромности, истинномъ великодушіи, самоотверженности и т. п.;—фактъ, достойный вниманія.

Бредъ величія наблюдается у маниаковъ, у страдающихъ прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ—въ первомъ періодѣ болѣзни и, наконецъ, при первичномъ помѣшательствѣ. У паралитиковъ бредъ величія весьма часто достигаетъ крайнихъ степеней; при первичномъ помѣшательствѣ, бредъ величія почти никогда не достигаетъ тѣхъ крайностей, какъ у паралитиковъ.

Вообще бредъ величія наблюдается гораздо рѣже, чѣмъ бредъ отрицанія, бредъ депрессивный, къ различнымъ типамъ котораго мы перейдемъ.

Бредъ отрицанія, въ чистомъ видѣ, рѣдокъ; только въ нѣкоторые періоды болѣзни немногіе больные высказываютъ, что у нихъ ничего нѣтъ, что тѣло ихъ не существуетъ, что они умерли, что «ничего нѣтъ» и т. д.

Гораздо чаще наблюдается *ипохондрическій бредъ*; ложныя сужденія о состояніи собственнаго здоровья вообще нерѣдко и у психически-здоровыхъ; разница лишь въ нелѣпости заключеній, въ ихъ богатствѣ, въ томъ, что у душевно-больного все сознаніе поглощено ипохондрическими бредовыми идеями; разубѣдить больного въ этомъ нѣтъ никакой возможности.

Бредовыя идеи самообвиненія, свойственныя меланхоликамъ, также весьма однообразны; больные или придаютъ громадное значеніе ничтожнымъ ошибкамъ¹⁾, или неправильно приписываютъ себѣ различныя грѣхи, позорныя поступки, ожидаютъ наказаній, раззоренія, лишенія чести и т. п.

Чаще всего наблюдается *бредъ преслѣдованія*; несмотря на кажущееся разнообразіе, и тутъ мы встрѣчаемъ поразительную стереотипность; прежде, преслѣдователи были: инквизиція, массоны, теперь—полиція, нигилисты,—смотря по общественному положенію больного. Преслѣдователи дѣлаютъ или покушаются дѣлать различное зло больному; конечно, одинъ больной жалуется, что «враги», «злодѣи» ему дѣлаютъ «лихое», другой, болѣе развитой, съ большими подробностями

¹⁾ Одна больная, съ ужасомъ, призналась, что ее всѣ имѣютъ право считать за воровку, и что она въ дѣйствительности воровка,—почему для нея нѣтъ уже ничего радостнаго, какъ для потерявшей честь: выходи съ большимъ волненіемъ, вмѣстѣ съ матерью, послѣ пріема у одного высокопоставленнаго лица, она нечаянно перемѣнила свои калоши на чужія—лучшія, и лишь дома замѣтила ошибку.

описываетъ, — какъ его враги хотѣли испортить его общественное положеніе, покушались на его жизнь и т. п., но, въ сущности, остается одно и тоже — преслѣдованіе, стремленіе нанести зло и нанесеніе зла. Весьма интересно, что почти всегда рядомъ съ бредомъ преслѣдованія, уживается бредъ величія; многіе больные считаютъ себя преслѣдуемыми врагами, потому что они сами или обладаютъ богатствомъ, или очень знатны, или, вообще, выше, лучше окружающей среды. Идеи величія тутъ какъ бы объясняютъ идеи преслѣдованія; больного преслѣдуютъ потому, что онъ лучше, благороднѣе, богаче другихъ; враги хотятъ лишить его богатства, репутаціи, потому что завидуютъ его превосходству.

Вотъ основные типы, формы бреда.

Бредовыя идеи въ началѣ бываютъ отрывочны, несвязаны между собою; съ теченіемъ времени, число идей бреда увеличивается; идеи входятъ въ связь между собою, бредъ кристаллизуется, но у нѣкоторыхъ больныхъ, въ продолженіе всей болѣзни, имѣются лишь отрывочныя бредовыя идеи или даже одна идея бреда ¹⁾.

Степень нелѣпости, безсвязности, отрывочности бреда, конечно, характеризуетъ собою состояніе умственныхъ силъ, почему, при переходѣ въ слабоуміе, постоянно наблюдается распадъ бреда, — идеи бреда становятся отрывочными, безсвязными. Систематическій, настойчиво доказываемый бредъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно хорошемъ состояніи умственныхъ способностей, или, по крайней мѣрѣ, о живой сочетательной дѣятельности.

Изъ перечисленія типовъ бреда не трудно вывести общее заключеніе о бредовыхъ идеяхъ, характеризовать идеи бреда.

Всякая идея бреда стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ личности больного; вполне объективныхъ идей бреда, какъ это было видно изъ вышеприведеннаго перечисленія типовъ бреда, — нѣтъ; нелѣпыя, ложныя сужденія, все безъ исключенія, имѣютъ своимъ объектомъ интересы больного; или больной ложно утверждаетъ о своемъ богатствѣ, величіи, силѣ, здоровьѣ, или-же, наоборотъ, ложно заключаетъ о своей болѣзни, слабости, грѣховности, преступности, объ опасностяхъ, ему угрожающихъ. Въ этомъ отношеніи, идеи бреда легко

¹⁾ Я помню больного, который увѣрялъ, что онъ проглотилъ большую иглу и что она ходитъ по его тѣлу; мало по малу, больной бросилъ всякую работу и весь сосредоточился на этой мысли.

отличаются от самых грубых ошибок, от самых нелѣпых заключеній нормальныхъ людей. Идеи бреда эгоистичны по существу; все въ бредѣ имѣеть самое непосредственное отношеніе къ выгодамъ больного. Поэтому, идеи бреда имѣютъ и другое, существенное отличіе отъ ошибокъ, заблужденій нормальныхъ людей. Всегда, — правда это иногда очень трудно — мы можемъ доказать здоровому его ошибку, конечно не задѣвая его самолюбія, и рано или поздно, когда ему будутъ даны всѣ данныя для такого исправленія, онъ сознается, по крайней мѣрѣ самому себѣ, въ своей ошибкѣ. Совершенно невозможно доказать душевно-больному ложность, ошибочность его идей бреда, до тѣхъ поръ, пока не измѣнялось его болѣзненное состояніе; до этого момента никакіе аргументы не могутъ заставить больного отказаться отъ его бредовыхъ идей ¹⁾. Такъ что не степень нелѣпости, а ближайшее отношеніе къ собственной личности, невозможность опровергнуть заблужденіе — вотъ что отличаетъ идеи бреда душевно-больного отъ ошибочныхъ сужденій психически-здороваго. Идеи бреда могутъ быть довольно правдоподобными, вовсе не безусловно нелѣпыми, тѣмъ не менѣе это будутъ идеи бреда, продукты мозга, пораженнаго болѣзью ²⁾.

Весьма ошибочно мнѣніе, что только идеи бреда суть доказательства болѣзни; не менѣе ошибочно мнѣніе, что возможны идеи бреда при полной цѣлости умственныхъ способностей. Очевидно, что, при полномъ обладаніи умственными силами, всякая ошибка можетъ

¹⁾ Извѣстный психіатръ Trélat, чтобы доказать одному изъ больныхъ ошибочность его нелѣпой идеи — изобрѣтенія *regretium mobile*, отправился съ нимъ къ Араго, причемъ больной заранѣе увѣрялъ, что онъ беззапелляціонно подчинится авторитету этого великаго ученаго. Араго тотчасъ же доказалъ больному, что онъ ошибается; больной былъ глубоко потрясенъ и заплакалъ, сожалься о разбитой иллюзіи. Но едва больной оставилъ Араго, какъ успокоился, и съ глубокимъ убѣжденіемъ заявилъ Trélat: это все равно, Араго ошибается, а я правъ. (Carran. Conscience; p. 62, 63).

²⁾ Одинъ больной врачъ (описанный мною въ работѣ «О нравственномъ помѣшательствѣ» Вѣстникъ Судебной Медицины, 1888 г.) въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ совершенно увѣренъ, что одинъ военно-окружной медицинскій инспекторъ прислалъ другому «бурдюкъ вина», чтобы за эту взятку онъ, по его убѣженію, совершенно здоровый психически, былъ признанъ душевно-больнымъ. Я, не колеблясь, признаю такое сужденіе больного идеей бреда, потому что такое утвержденіе съ стороны врача просто нелѣпо; конечно, ничто не могло разубѣдить больного.

и должна быть исправлена, но лучшим доказательствомъ, что идеи бреда всегда суть продукты глубоко-поражающаго болѣзнью мозга, служить путь ихъ возникновенія, способъ ихъ развитія.

Нерѣдко идеи бреда суть попытки объясненія, возникаютъ и развиваются путемъ размышленія. Меланхоликъ, удрученный тоской, постоянно испытывающій мрачныя чувствованія, старается найти причину, объясненіе, — почему для него все измѣнилось, все стало мрачнымъ, почему онъ тоскуетъ; объяснить это измѣненіемъ питанія коры головного мозга больной не можетъ, потому что онъ непосредственно знаетъ, что мрачныя чувствованія вызываются или несчастіями, или сдѣланными позорными поступками, и вотъ больной начинаетъ дѣлать предположенія объ угрожающихъ ему опасностяхъ, припоминать, что онъ сдѣлалъ дурного въ своей жизни, и какой-нибудь ничтожный поступокъ для него становится страшнымъ преступленіемъ; всѣ знаютъ о его позорѣ, надъ нимъ всѣ смѣются, ему угрожаетъ наказаніе, казнь и т. д.

Точно также усиленная окраска всего пріятными чувствованіями ведетъ къ идеямъ величія, къ экспансивному бреду. Движенія тѣла вызываютъ ощущенія, сопряженныя съ пріятными чувствованіями, все, что воспринимаетъ больной, сопряжено съ пріятными чувствованіями, больной сознаетъ себя сильнымъ, здоровымъ — является переоцѣнка собственныхъ силъ, собственнаго значенія, богатства. Радость, которая наполняетъ все сознаніе больного, обычно обусловлена здоровьемъ, богатствомъ, высокимъ положеніемъ въ обществѣ, — однимъ словомъ, достиженіемъ всего того, что хорошо, по мнѣнію даннаго лица, и вотъ больной, въ видѣ объясненія измѣненнаго своего настроенія, мало по малу приходитъ къ убѣжденію, что онъ необычайно силенъ, здоровъ, богатъ, уменъ, знатенъ и т. п.

Идеи бреда нерѣдко возникаютъ изъ обмановъ чувствъ; само собою разумѣется, что всякій неисправленный обманъ чувствъ ведетъ къ образованію нелѣпой идеи¹⁾.

¹⁾ Я излагаю происхожденіе идей бреда согласно ученію, принятому большинствомъ авторовъ; я развилъ въ специальной работѣ какъ, по моему убѣжденію, происходятъ идеи бреда; несовершенство принятаго ученія лучше всего видно изъ того, что нелѣпыя идеи, возникающія изъ обмановъ чувствъ, совершенно непонятны, потому что непонятно, — почему же появляются тѣ а не другіе обманы чувствъ.

Идеи бреда возникают путем аллегоризирования сознаниемъ доходящихъ до него ощущеній, вызванныхъ болѣзненнымъ состояніемъ органовъ тѣла; бредъ объ исчезновеніи, подмѣнѣ нѣкоторыхъ частей тѣла имѣетъ своимъ источникомъ ихъ анестезію; бредъ беременности часто бываетъ при различныхъ страданіяхъ половыхъ органовъ. Также происходитъ бредъ супружеской невѣрности у алкоголиковъ; какъ извѣстно, бредъ этотъ наблюдается нерѣдко и ведетъ иногда къ преступленію; чтобы понять происхожденіе этого бреда, нужно имѣть въ виду столь частыя аналгезіи половыхъ органовъ у алкоголиковъ.

Сонныя грезы, при значительномъ слабоуміи, принимаются за дѣйствительность, и, такимъ образомъ, порождаютъ идеи бреда.

Само собою разумѣется, что, при глубокомъ слабоуміи, идеи бреда составляютъ прямое послѣдствіе полного разстройства умственныхъ силъ; насъ гораздо болѣе должны удивлять идеи бреда у больныхъ съ относительно сохранившимися умственными силами.

Идеи бреда развиваются самостоятельно, безъ всякой связи съ остальною умственною дѣятельностью, въ силу самого болѣзненного процесса; это—*первичный бредъ* (Primordialdelir) Гризингера. Идеи бреда неожиданно образуются въ сознаніи больного, въ началѣ даже удивляя его; потомъ, больной какъ-бы свыкается съ ними; бредъ является какъ-бы откровеніемъ для больного; такимъ образомъ, происшедшія идеи бреда напоминаютъ навязчивыя идеи.

Гораздо чаще идеи бреда являются субъективнымъ объясненіемъ внѣшняго міра; больной всюду ищетъ и находитъ непосредственно относящееся къ его личности, и, вслѣдствіе слабости критики, преобладанія пассивнаго сочетанія представленій, находитъ искомое отношеніе. Такія идеи бреда напоминаютъ суетвѣрія, но отличаются тѣмъ, что въ суетвѣріяхъ люди создавали объясненіе явленій природы по отношенію къ человѣчеству вообще; идеями-же бреда больной устанавливаетъ невѣрныя отношенія внѣшняго міра только къ своей личности. Ничтожное обстоятельство, объясненное въ желательномъ для больного смыслѣ, дѣлается безспорнымъ доказательствомъ цѣлаго ряда предположеній.

Конечно, важнѣе всего отношеніе больного къ его идеямъ бреда, насколько онѣ слились со всѣмъ содержаніемъ его сознанія, насколько онѣ вліяютъ на его поступки. Въ этомъ отношеніи наблюдается безконечное разнообразіе. Есть больные, у которыхъ иногда появляются отрывочныя идеи бреда, крайне блѣдныя, въ видѣ предположеній, неясно-формулированныя и, затѣмъ, исчезаютъ. Другую противополож-

ность составляют тѣ случаи, когда все сознание больного поглощено идеями бреда, когда больной чувствуетъ, поступаетъ соответственно содержанию своего бреда, когда онъ, какъ-бы, перерождается въ другую личность.

Идеи бреда могутъ быть постоянными (*idées fixes*), или измѣнчивыми; само собою разумѣется, что влияние на поступки тѣхъ и другихъ нѣсколько различно.

Когда больной высказываетъ систематизированный бредъ, тогда ни у кого не возникаетъ сомнѣнiя, что это душевно-больной; но если дѣло ограничивается немногими идеями бреда, а тѣмъ болѣе, если эти идеи не абсолютно нелѣпы, нѣкоторыя, даже хорошо образованныя лица, склонны считать такого больного психически-здоровымъ; недостаточное знакомство съ психологiей вело къ тому, что даже психiатры признавали «частичное помѣшательство», предлагали частичную вмѣняемость для такихъ больныхъ. Для насъ очевидно, что если больной упорствуетъ въ нѣкоторыхъ идеяхъ бреда, то весь психическiй механизмъ болѣзненно разстроены и разстроены глубоко, такъ какъ иначе невозможно понять, — почему больной не исправляетъ своихъ нелѣпыхъ идей, какъ это дѣлаютъ психически-здоровые.

Судебно-психиатрическое значенiе бредовыхъ идей громадно, потому что эти идеи нерѣдко руководятъ поступками больныхъ.

Впрочемъ, если бываетъ доказано существованiе идей бреда у подсудимаго, — рѣдко возникаютъ сомнѣнiя въ дѣйствительности душевной болѣзни, почему болѣе подробное изложенiе значенiя идей бреда представляется излишнимъ.

ГЛАВА VIII.

О произвольной дѣятельности.

Разсмотримъ, — какъ отвѣчаетъ наше сознание на движенiя, происходящiя во внѣшнемъ мiрѣ, и то, какъ отгнѣляетъ эти измѣненiя наше сознание, намъ остается изучить — какъ сознание производитъ измѣненiя во внѣшнемъ мiрѣ. Мы не только познаемъ внѣшнiй мiръ, не только страдаемъ или наслаждаемся при измѣненiяхъ сознания, производимыхъ внѣшнимъ мiромъ, но и сами производимъ многочисленныя измѣненiя во внѣшнемъ мiрѣ.

Изученіе этихъ послѣднихъ измѣненій, прежде всего, должно установить тѣ формы движеній, съ помощью которыхъ производить чело-вѣкъ измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. Само собою разумѣется, что единственный способъ произвести измѣненія во внѣшнемъ мірѣ—это движеніе (mouvement). Всѣ наши движенія, въ сущности, довольно однообразны (я не говорю здѣсь о самой механикѣ движеній); между тѣмъ, результаты этихъ движеній въ высшей степени разнообразны; въ самомъ дѣлѣ, разницы между «слабымъ маніемъ руки» Карла XII при Полтавской битвѣ и такимъ-же движеніемъ, совершаемымъ всѣми столь часто, по механизму,—никакой нѣтъ; между тѣмъ; это «маніе руки» измѣнило ходъ исторіи двухъ обширныхъ государствъ. Очевидно, что не самый механизмъ движеній имѣетъ право на преиму-щественное наше вниманіе, а то,—почему одни движенія производятъ громадныя измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, а другія—ничтожныя; чело-вѣкъ физически такъ слабъ, что движеніе, само по себѣ, не можетъ произвести большого измѣненія во внѣшнемъ мірѣ.

По той причинѣ, которая вызываетъ движенія, мы должны ихъ раздѣлить на нѣсколько категорій; зная причину, вызывающую движеніе, мы тѣмъ самымъ узнаемъ его цѣль, т. е. выяснимъ себѣ его значеніе.

Здѣсь, лишь въ самыхъ краткихъ словахъ, будетъ сказано о движеніяхъ, поскольку они не имѣютъ значенія въ судебно-психіатри-ческомъ отношеніи, только поскольку это необходимо для пониманія предмета вообще.

Самыя простыя движенія, по значенію, т. е. цѣли—это движенія рефлекторныя.

Рефлекторнымъ движеніемъ называется движеніе, вызванное раздраженіемъ чувствительнаго нерва. Чувствительный нервъ, воспринявъ раздраженіе, проводитъ его къ центру—сѣрое вещество въ спинномъ или головномъ мозгу, который передаетъ раздраженіе двигательному нерву, результатомъ чего будетъ сокращеніе мышцы. Рефлексы дѣлятся на простыя,—если возбужденіе извѣстнаго чувствительнаго нерва вызываетъ движеніе одной мышцы или одной небольшой группы мышц—и распространенныя, цѣлесообразныя; послѣдніе характери-зуются тѣмъ, что, вслѣдъ за возбужденіемъ чувствующаго нерва, на-ступаютъ сложныя движенія различныхъ мышечныхъ группъ; дви-женія эти носятъ характеръ цѣлесообразности (напр., стираніе кислоты съ лапки у обезглавленной лягушки) и потому думали, что они со-вершаются подъ вліяніемъ воли.

Несмотря на такое разнообразіе рефлексовъ, начиная съ самого простаго сокращенія мышцы и кончая самымъ сложнымъ, не трудно пайти ихъ общіе признаки, на основаніи которыхъ рефлекторное движеніе можетъ быть узнано, какъ таковое, и главные, которые выясняютъ намъ ихъ значеніе.

Первый признакъ всякаго рефлекса—это то, что они протекають въ точно опредѣленное время; при цѣлости всѣхъ частей аппарата, при соблюденіи всѣхъ условій точнаго опыта время даннаго рефлекса всегда одно и тоже. Правда, продолжительность нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ тоже одинакова, напр., время ассоціаціи, но тутъ безконечная разница; дѣло въ томъ, что мы опредѣляемъ и знаемъ минимумъ продолжительности психическихъ процессовъ; продолжительность рефлекса всегда одна и та-же; между тѣмъ, какъ продолжительность психическихъ процессовъ безконечно различна. Рефлексъ—явленіе, подчиненное чисто физиологическимъ закономъ, и потому, при *тѣхъ же* физиологическихъ условіяхъ, *всегда* протекаетъ въ тоже самое время.

Второй признакъ рефлекса—величина движенія—*всегда* соотвѣтствуетъ величинѣ раздраженія. Пока мы не знаемъ точно, — въ какомъ соотношеніи стоитъ сила раздраженія къ величинѣ эффекта, но, вообще, непремѣнность этого соотношенія не подлежитъ сомнѣнію.

Эти два свойства рефлексовъ можно дополнить третьимъ—хотя оно вытекаетъ само собою изъ этихъ двухъ—движеніе неизмѣнно слѣдуетъ за раздраженіемъ. Это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что если рефлексъ вызванъ одинъ разъ, то, *не измѣняя условій*, мы получимъ его во второй, въ третій и т. д. разы, пока не послѣдуетъ измѣненіе аппарата, производящаго рефлексы.

Попытки объяснить всѣ движенія, дѣйствія и поступки человѣка, какъ сложные рефлексы, была сдѣлана еще Lamettrie, доказывавшаго что *l'homme—machine*.

Но такой взглядъ, невѣрный по существу, никогда не былъ полезенъ, даже какъ гипотеза, для развитія нашихъ знаній по физиологіи и психологіи.

И такъ, много движеній совершаются подъ вліяніемъ раздраженія, которое непосредственно переходитъ въ движеніе; вызываетъ ли раздраженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ощущеніе—вопросъ въ высшей степени трудный; убѣдительнымъ доказательствомъ того, что обезглавленное животное не имѣетъ сознанія, и, потому, неспособно воспринимать *посте-*

ненно нарастанія раздраженія т. е. неспособно приводить возникшее въ данный моментъ ощущение въ связь съ предшествовавшими ощущениями—служить извѣстный опытъ Гольца ¹⁾).

Вторую категорію движеній составляютъ автоматическія движенія, т. е. безсознательныя происходящія непосредственно отъ возбужденія двигательныхъ центровъ.

Эти движенія иногда нельзя отличить отъ рефлекторныхъ, потому что не всегда можно, съ положительностью, исключить раздраженіе чувствующаго нерва, но, вообще, автоматическія движенія легко отличить отъ волевыхъ; автоматическія движенія безсознательны и потому или безцѣльны (какъ многія движенія дѣтей и больныхъ), или, имѣютъ значеніе только для даннаго момента. Вообще, наши свѣдѣнія объ автоматическихъ движеніяхъ весьма неполны уже въ силу невозможности ихъ произвольно вызывать и наблюдать. Все таки, мы должны автоматическими движеніями считать тѣ, которыя совершаются и безъ внѣшняго раздраженія, и безъ участія воли.

Волевые акты, т. е. движенія, вызванныя волею, съ внѣшней стороны, ничѣмъ не отличаются отъ рефлекторныхъ и автоматическихъ; но по причинѣ, ихъ производящей, и по цѣли, ими достигаемой, они рѣзко, кореннымъ образомъ, отличаются отъ рефлекторныхъ. Выраженіемъ этого существеннаго отличія являются слѣдующіе четыре признака.

Первый признакъ — это непостоянство, времени начала произвольныхъ движеній; движеніе можетъ послѣдовать послѣ раздраженія тотчасъ-же, т. е. мѣнѣе, чѣмъ черезъ секунду и черезъ нѣсколько лѣтъ, при тѣхъ-же внѣшнихъ условіяхъ.

Второй признакъ—это то, что они не составляютъ обязательнаго послѣдствія раздраженій; рефлекторные акты непремѣнно слѣдуютъ за раздраженіями, если не нарушена цѣлость нервной системы; волевые же акты могутъ быть послѣ раздраженія, могутъ и не быть—по этому

¹⁾ Въ одинъ и тотъ-же сосудъ, наполненный водой, помѣщаютъ обезглавленную лягушку и лягушку съ выколотыми глазами. При повышеніи температуры до 25 С., вторая лягушка начинаетъ беспокоиться и стремится выскочить, что продолжается до самой смерти, наступающей около 42° при проявленіяхъ сильной боли; первая же лягушка продолжаетъ сидѣть неподвижно, пока не наступаетъ смерть отъ околѣніи мышцъ, т. е. у ней нѣтъ даже чувствованія боли—этой непремѣнной реакціи на всякое измѣненіе сознанія (Functionen der Nervencentren des Frosches, S. 127).

признаку можно отличать волевые акты от рефлекторных. Человѣкъ во снѣ, въ задумчивости, ударить руку или вскрикнетъ, если ее слегка уколоть—мы можемъ сказать, по всей вѣроятности, это было рефлекторное движеніе; когда человѣкъ защищается отъ угрожающей ему опасности, мы говоримъ, что онъ совершаетъ волевые акты, потому что знаемъ, что онъ можетъ этого и не дѣлать. Слѣдовательно, волевые акты бываютъ послѣ внѣшнихъ или внутреннихъ раздраженій, но эти движенія не суть непремѣнные послѣдствія раздраженій.

Третій признакъ волевыхъ актовъ—это то, что ихъ объемъ и сила не стоятъ въ какомъ-либо соотношеніи съ внѣшними воздѣйствіями; самыя незначительныя внѣшнія раздраженія могутъ производить громадныя послѣдствія, и, наоборотъ, самыя сильныя раздраженія вызываютъ, очень часто, самыя слабыя волевые акты; при видѣ самой ужасной битвы, храбрые остаются неподвижны, менѣе мужественные слегка егубаются при пролетѣ пуль и ядеръ.

Четвертый весьма важный признакъ—это то, что совершающій сознаетъ, что онъ дѣлаетъ; если мы не можемъ убѣдиться, что содѣявшій сознавалъ, что онъ дѣлалъ, мы готовы думать, что онъ былъ въ состояніи безпамятства, разсѣянности и т. п. Волевые акты непремѣнно сознательны.

Эти существенныя внѣшнія признаки волевыхъ актовъ указываютъ намъ на ихъ необычайно сложный механизмъ, на то, что они составляютъ самое высшее, чудное проявленіе человѣческой души.

Обращаясь къ тому, какъ совершаются волевые акты, анализируя ихъ механизмъ, мы, прежде всего, должны установить, что для всякаго перехода одного состоянія въ другое, должна быть причина въ томъ, что настоящее наше состояніе абсолютно или относительно хуже будущаго, или, по крайней мѣрѣ, оно намъ кажется хуже. Слѣдовательно, должно произойти болѣе или менѣе сложное сужденіе; на примѣръ, для того, чтобы пойти, необходимо сужденіе, что идти лучше, чѣмъ стоять. Естественно, что дѣйствія, совершаемыя безъ этихъ представленій, не могутъ быть названы волевыми. Но однѣ представленія еще, какъ извѣстно, далеко недостаточны для совершенія дѣйствій; мало знать, что настоящее наше положеніе хуже будущаго, для того, чтобы приступить къ достиженію его; необходимы живыя чувствованія неудовлетворенности настоящимъ и живыя чувствованія пріятнаго, связанныя съ представленіями о будущемъ нашемъ положеніи.

Только живыя, сильныя чувствованія, сопряженныя съ представленіями, могутъ быть условіями поступковъ.

Всѣхъ этихъ психическихъ актовъ далеко недостаточно для совершенія волевыхъ дѣйствій; кто не знаетъ, что весьма мало чувства неудовлетворенности настоящимъ и яснаго представленія, что переменна для насъ полезна и пріятна, надо для того, чтобы къ достиженію этой перемены нами было что-либо сдѣлано. Очень, очень многое для каждаго изъ насъ лучше настоящаго, но пониманіе этого не служить причиною нашихъ дѣйствій. Для того, чтобы мы могли дѣйствовать, мы должны понимать, что цѣль достижима; если у насъ нѣтъ этого убѣжденія, мы не можемъ дѣйствовать, мы остаемся при теоретическомъ желаніи; желать мы можемъ всего, но это чисто пассивное состояніе, для активнаго нужно пониманіе возможности, т. е. вообще весьма сложное сужденіе; хотѣть мы можемъ только возможнаго.

Наконецъ, необходимо сужденіе о средствахъ, пока мы не нашли средствъ для достиженія желаемой перемены, мы не станемъ дѣйствовать. Другое дѣло, что наши сужденія о средствахъ часто бываютъ ошибочны, но сужденія эти непремѣнно происходятъ.

Когда всѣ эти психическіе акты совершились, только тогда наступаетъ волевой актъ, какъ проявленіе нашей энергіи, нашей внутренней силы, проявленіе активной, дѣятельной способности нашей души; такимъ образомъ, волевой актъ заканчиваетъ сложный психическій процессъ, или, правильнѣе говоря, сумму психическихъ процессовъ, является вѣнцомъ, плодомъ всего предыдущаго, выраженіемъ нашей личности, нашего я, нашей индивидуальности. Послѣдствіемъ этого акта будутъ поступки, какъ средства къ достиженію желаемой перемены.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какъ совершаются волевые акты; понятно, что сложность предшествующихъ поступкамъ процессовъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, неодинакова; въ нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствахъ, мы цѣлыя годы обдумываемъ намъ поступокъ; часто мы постушаемъ, лишь весьма мало обдумывая свой поступки, какъ обыкновенно выражаются, — совѣмъ не думая.

И такъ, для волевыхъ актовъ необходимы чувствованія, представленія, связанныя въ болѣе или менѣе сложныя сужденія; поэтому произвольные акты — суть конечный результатъ многихъ психическихъ процессовъ, волевой актъ — не болѣе, какъ явленіе одно изъ ряда

многихъ; сознательная воля не можетъ быть изолирована отъ другихъ психическихъ процессовъ, не можетъ проявляться отдѣльно, независимо отъ этихъ процессовъ; активная способность нашей души существуетъ всегда вмѣстѣ съ другими и не можетъ проявляться независимо отъ нихъ; проявленію ея всегда предшествуетъ дѣятельность другихъ способностей души; воля—явленіе послѣднее по времени въ проявленіи душевной жизни; ему всегда предшествуютъ чувствованіе, мышленіе.

Вотъ почему волевыми дѣйствіями называются такія, въ которыхъ опредѣлена, т. е. признана цѣль; поэтому волевые акты, очевидно, не могутъ быть безсознательными, сознание и воля нераздѣлимы; нѣтъ признанія безъ воли, нѣтъ воли безъ признанія — положеніе, весьма важное въ практическомъ отношеніи. Безсознательная воля непонятна для психолога; всѣ попытки доказать, что воля можетъ быть безсознательна вели лишь къ путаницѣ понятій; кто имѣетъ волю, тотъ признаетъ цѣль; пока не доказано, что природа признаетъ цѣль, мы не можемъ себѣ представить, что ею руководитъ воля, представить себѣ волю отдѣльно отъ цѣли мы не можемъ, а что такое безсознательная цѣль? — фикція для построенія болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ.

Крайнюю спутанность въ понятіяхъ вводитъ ученіе о побужденіяхъ (Triebe) и инстинктивныхъ движеніяхъ. Я вполне согласенъ съ Мейнертомъ ¹⁾, что между рефлексомъ и сознательнымъ движеніемъ не существуетъ ничего средняго. Голодный новорожденный ребенокъ,— какъ справедливо разсуждаетъ этотъ оригинальный мыслитель и великій анатомъ,— кричитъ не потому, что онъ имѣетъ побужденіе къ пицци или обладаетъ инстинктомъ самосохраненія, а потому, что чувствуетъ голодь. «Пусть 10 кормилицъ окружаютъ этого ребенка, онѣ не спасутъ его отъ голодной смерти; гдѣ же тутъ инстинктъ самосохраненія. Но если мы этого безпомощнаго, голоднаго ребенка приложимъ къ грудному соску, то онъ начинаетъ сосать. Актъ сосанія есть также не болѣе какъ простой рефлексъ». Нужно безусловно согласиться съ Мейнертомъ и не вводить категоріи инстинктивныхъ движеній.

И такъ, мы имѣемъ рефлекторныя, автоматическія и произвольныя или волевыя движенія. Не смотря на то, что, по существу, онѣ весьма

¹⁾ Op. cit., стр. 185.

различаются между собою, въ жизни онѣ всегда такъ часто неразрывно соединены другъ съ другомъ, что только, отдавая себѣ ясный отчетъ о прошломъ, мы можемъ различить,—какое движеніе было произвольнымъ, какое—рефлекторнымъ или автоматическимъ. Вообще, можно принять за правило, что человѣкъ, по мѣрѣ своего развитія, все менѣе и менѣе совершаетъ произвольныхъ движеній, такъ какъ, вслѣдствіе привычки, произвольныя движенія становятся безсознательными, т. е., автоматическими или рефлекторными, и, такимъ образомъ, воля какъ бы сохраняется для внутренней дѣятельности. Вполнѣ развитой человѣкъ произвольно только начинаетъ, даетъ первый толчокъ для движенія, которое уже совершается помимо воли и, слѣдовательно, сознания; напримѣръ, такъ происходитъ дѣло у умѣющаго танцовать, плавать, ѣздить верхомъ и т. д. Онъ долженъ сознательно начать, и, затѣмъ, лишь иногда, при новыхъ затруднительныхъ положеніяхъ, нужно участіе воли для управленія движеніями.

Однако, какъ ни трудно различить движенія волевая отъ рефлекторныхъ или автоматическихъ,—мы имѣемъ одинъ постоянный, весьма важный объективный признакъ для отличія волевыхъ движеній—всѣ новыя движенія, всѣ движенія, совершаемыя для данной цѣли въ первый разъ—непремѣнно волевая. Какъ ни сложны рефлекторныя движенія, особенно для которыхъ наша нервная система приспособлена наслѣдственно, все-таки, всякое новое движеніе должно быть сознательно, т. е. произвольное. Правда, иной разъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ страха, человѣкъ совершаетъ движенія столь удачныя, что никогда онъ ихъ сознательно сдѣлать, какъ ему кажется, не можетъ. Но это едва ли такъ: опытъ всего человѣчества учитъ, что, въ новыхъ, опасныхъ для насъ, обстоятельствахъ гораздо выгоднѣе дѣйствовать сознательно, а не отдаваться на произволъ рефлекторныхъ движеній. Акробаты и фокусники намъ служатъ доказательствомъ, что воля, направленная наружу, т. е. на движенія, производитъ чудеса.

Когда мы говоримъ о волѣ, никогда не нужно объяснять что-либо въ психологіи наблюденіями надъ животными. Человѣкъ рождается самымъ беспомощнымъ существомъ по сравненію съ другими животными, а между тѣмъ, благодаря волѣ, онъ становится самымъ ловкимъ существомъ на землѣ; воля, направленная на его движенія, дѣлаетъ ихъ самыми разнообразными, самыми цѣлесообразными. Человѣкъ—на это не обращаютъ вниманія—въ отличіе отъ животныхъ обладаетъ волею,

которая, — направленная внутрь изъ матеріала, который, повидимому, имѣется и у высшихъ животныхъ, создаетъ логическое мышленіе и творческую фантазію, — обращенная же на движенія, т. е. наружу, создаетъ разнообразнѣйшіе рефлексы (напримѣръ, движенія при исполненіи ручныхъ работъ) и движенія, скомбинированныя въ поступки, соотвѣтствующія каждый разъ именно данной цѣли.

Значеніе воли относительно произвольныхъ движеній, т. е. рефлекторныхъ и автоматическихъ не исчерпывается тѣмъ, что она выучиваетъ имъ двигательный аппаратъ и обращаетъ ихъ на пользу въ видахъ, сознаниемъ, намѣченныхъ цѣлей; она не только производитъ движенія, но и прекращаетъ ихъ; почти всѣ движенія нашихъ мышцъ могутъ произвольно быть останавливаемы. Точно доказано, что нѣкоторые могутъ самопроизвольно останавливать сердцебіеніе ¹⁾. Всѣ мы можемъ прекращать рефлекторныя и автоматическія движенія. Еще сильнѣе проявляется воля относительно произвольныхъ движеній, бывшихъ прежде произвольными, напр., на самомъ сильномъ разбѣгѣ всякій можетъ произвольно остановиться. Движенія, начатыя и совершаемыя, такъ сказать, полусознательно, напр., оборона при нечаянномъ нападеніи, когда человекъ дѣйствуетъ подѣ влияніемъ одного мотива (боли, страха, злобы), мало сознавая, что онъ дѣлаетъ, — при проясненіи сознанія (напр., разсмотрѣвъ, что напавшій безопасенъ), а слѣдовательно, и возможности проявленія воли, подѣ влияніемъ вполнѣ сознательной цѣли, усиленіемъ воли тотчасъ-же могутъ быть прекращены. Какъ при совершенно ясномъ сознаніи воля производитъ движенія для достиженія опредѣленной нами цѣли, такъ точно она прекращаетъ всѣ движенія, мѣшающія достиженію этой цѣли. Дѣло другое, при помраченіи сознанія, подѣ влияніемъ аффекта, страсти, разсѣянности — тутъ движенія и начинаются случайно и воля не можетъ владѣть движеніями, потому что гдѣ нѣтъ яснаго сознанія, тамъ нѣтъ и воли во всемъ ея объемѣ.

Съ развитіемъ духовной жизни, мы обогащаемся представленіями и чувствованіями, почему въ каждый отдѣльный моментъ нашего существованія, въ нашемъ сознаніи является много мотивовъ для дѣйствій, т. е. много чувствованій и много цѣлей, т. е. представленій.

Повторяю, что ни чувствованія, ни представленія сами по себѣ не суть причины для воли, а только непремѣнныя условія для ея проявленія.

¹⁾ Напр. извѣстный генераль Ермоловъ обладалъ этой способностью.

Естественно, что, при появлении въ сознаниі многихъ мотивовъ, наступаетъ борьба между этими мотивами, долженъ быть сдѣланъ выборъ; мотивы имѣютъ какъ объективное значеніе, такъ и субъективное; любовь къ истинѣ въ глазахъ всѣхъ могущественный, высокій мотивъ, но для даннаго лица, на примѣръ, любовь къ деньгамъ, можетъ быть сильнѣйшимъ мотивомъ; человѣкъ можетъ хорошо понимать, что лучше, благороднѣе, полезнѣе руководствоваться любовью къ истинѣ; но онъ, въ тоже время, не въ силахъ подавить жадности къ деньгамъ, т. е. это послѣднее чувство для него имѣетъ большее значеніе, чѣмъ любовь къ истинѣ. Понятно, что для каждаго отдѣльнаго лица важно субъективное значеніе мотивовъ. Наконецъ, весьма важно въ практическомъ отношеніи различать, что не всегда одинъ и тотъ-же мотивъ для насъ имѣетъ одинаковое значеніе и не всегда важнѣйшій, по существу, для насъ мотивъ оказывается наиболѣе сильнымъ въ данный моментъ—на примѣръ, трусъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ оказать чудеса храбрости.

Значеніе мотивовъ для каждаго изъ насъ обуславливается не только всею нашею предъидущею жизнью, но и предъидущею жизнью нашихъ предковъ, всѣмъ нами пережитымъ, прочувствованнымъ, продуманнымъ. Изъ наиболѣе серьезно продуманнаго, глубоко прочувствованнаго, мало-по-малу, отлагается группа ясныхъ, прочно между собою связанныхъ представлений и живыхъ чувствованій, составляющихъ сущность личности человѣка, основу его я, опредѣляющихъ преимущественное значеніе для даннаго лица тѣхъ, а не другихъ мотивовъ. Личность, характеръ опредѣляются тѣмъ,—какіе мотивы имѣютъ наибольшее значеніе; въ значеніи тѣхъ, а не другихъ мотивовъ выясняется намъ вся личность человѣка, все ея прошлое, все ея развитіе и, до извѣстной степени, все ея будущее. Не трудно обогатить человѣка знаніями, измѣнить его убѣжденія, но сдѣлать сильными мотивы, бывшіе прежде слабыми, сдѣлать слабыми бывшіе сильными, ввести въ сознаніе новые мотивы,—требуетъ много работы,—необходимо пересоздать человѣка, измѣнить его. Проанализировать—почему одинъ мотивъ для даннаго лица сильнѣе другого мы можемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; почему одно представленіе подѣйствовало сильно на насъ, почему одно чувство сильнѣе другого—мы обыкновенно не знаемъ.

Какъ я уже сказалъ, не всегда наиболѣе глубокіе, вытекающіе изъ всей духовной жизни человѣка, мотивы оказываются сильнѣйшими въ данный отдѣльный моментъ; не всегда мы и поступаемъ въ силу силь-

нѣйшихъ, по существу, мотивовъ; нерѣдко, мы даже нарочно поступаемъ не такъ, какъ-бы слѣдовало, въ силу этихъ глубокихъ мотивовъ; на примѣръ, условія жизни, приличія требуютъ, чтобы мы скрывали нашу личность, воспрещаютъ намъ руководствоваться главнѣйшими мотивами; приличія требуютъ, чтобы люди были одинаковы, не отличались другъ отъ друга, не проявляли своей индивидуальности, и часто въ обществѣ мы держимъ себя не такъ, какъ дома.

Выборъ между многими мотивами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ ослѣпленъ страстью, т. е. когда всѣ мысли и чувствованія, все сознание поглощено однимъ предметомъ, направлено на достиженіе одной цѣли, происходитъ при участіи разума, оцѣнивающаго значеніе мотивовъ, тѣ средства, которыя необходимы для достиженія назначенной цѣли.

Слѣдовательно, для выбора мотива необходимо сужденіе, и, само собою разумѣется, что богатство и, еще болѣе, сила ума болѣе выражается въ умѣнші одобрить мотивъ, выбрать цѣль,—въ оцѣнкѣ средствъ. Выборъ—дѣло разсудка и твердость характера—последовательность мышленія; нерѣдко, люди, считающіеся выдающимися по уму, въ выборѣ своихъ цѣлей и своихъ мотивовъ, обнаруживаютъ свою умственную бѣдность. Чѣмъ болѣе развитъ разсудокъ, чѣмъ болѣе онъ руководитъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе получаютъ значеніе объективно важнѣйшіе мотивы. Въ этомъ выборѣ проявляется дѣйствительное, настоящее развитіе разума, дается лучшая провѣрка степени богатства и силы ума.

Такимъ образомъ, при многихъ мотивахъ для акта воли необходимо еще сложный психическій процессъ выбора между многими мотивами, что, понятно, еще болѣе усложняетъ весь механизмъ волевыхъ актовъ. Всѣ эти акты постоянно наполняютъ наше сознаніе; они составляютъ непремѣнные элементы душевной жизни, постоянно смѣняютъ другъ друга, не разрывно связаны между собою; человѣкъ постоянно воспринимаетъ, чувствуетъ, хочетъ, выбираетъ, проявляетъ волю.

Весьма важно въ практическомъ отношеніи, что чувствованія составляютъ настоящіе мотивы для воли. Всякое чувствованіе по своей натурѣ импульсивно, т. е. вызываетъ дѣйствія; представленія-же только даютъ форму движеніямъ, выбираютъ болѣе цѣлесообразныя относительно мотивовъ. Чѣмъ болѣе развиты у человѣка чувствованія, чѣмъ меньшую роль въ его жизни играетъ мышленіе, тѣмъ

человѣкъ подвижнѣе, возбудимѣе, тѣмъ легче онъ принимаетъ рѣшенія; наоборотъ, лица съ сильно развитымъ мышлениемъ, при слабо выраженныхъ чувствованіяхъ, обладаютъ хотя и твердою волею, но они не дѣятельны, мало проявляютъ свою волю, медленно принимаютъ рѣшенія, долго колеблются въ выборѣ; богатый ихъ умъ подискиваетъ имъ все новыя цѣли, указываетъ на недостаточность средствъ; они всюду видятъ невозможность достиженія цѣли, находятъ, что цѣль не стоитъ тѣхъ жертвъ, которыя требуются для ея достиженія, а мотивы у нихъ недостаточно сильны, импульсивны, чтобы подавить сомнѣнія.

Теперь необходимо опредѣлить волю, какъ элементъ нашего сознанія и значеніе его въ актѣ выбора.

Нѣтъ главы болѣе трудной въ психологіи, какъ глава о волѣ, такъ какъ воля есть самое первое и самое послѣднее въ развитіи душевной жизни. Дѣятельность есть основное свойство сознанія; эта дѣятельность обусловливается силою, связующею отдѣльные элементы сознанія въ одно цѣлое. Вотъ основное, главное проявленіе воли, ея основная форма. Дѣятельное начало нашего сознанія, направленное къ синтезу элементовъ въ одно цѣлое—вотъ воля, какъ она намъ дана непосредственно. Вундтъ ¹⁾ вполне вѣрно говоритъ, что «волю такъ же трудно опредѣлить, какъ и сознаніе. Если мы скажемъ, что воля есть воспринимаемая сознаніемъ дѣятельность, частью опредѣляющая теченіе нашихъ внутреннихъ состояній, частью вызывающая соответственныя этимъ состояніямъ движенія, то это будетъ не опредѣленіе, а описаніе, потому что представленіе дѣятельности взято нами отъ проявленія нашей воли и перенесено на внѣшніе предметы». И такъ, воля—дѣятельное начало, дѣятельная сторона нашей души. Это наиболѣе общее опредѣленіе; безъ этого дѣятельнаго начала психическая жизнь невысказима, такъ какъ во всѣхъ явленіяхъ психической жизни проявляется это дѣятельное начало; всѣ элементы сознанія безъ воли представляли бы изъ себя хаосъ, не было бы никакой связи между этими элементами. «Сознаніе своимъ существованіемъ обязано дѣятельности воли», говоритъ Hoffding ²⁾; безъ дѣятельнаго начала невысказима никакая жизнь, а тѣмъ болѣе сознаніе.

Понимая волю, какъ дѣятельность, опредѣляемую чувствованіями

¹⁾ Основанія фізіологической психологіи, стр. 938.

²⁾ Op. cit., S. 398.

и представлѣніями, мы, тѣмъ самимъ, признаемъ, что въ волевыхъ актахъ вся психическая жизнь находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе.

Я считаю необходимымъ оговориться, что ученіе о волѣ далеко не совершенно; пониманіе сущности воли весьма различно и нѣтъ вопроса во всей психологіи болѣе спорнаго, какъ вопроса о сущности воли.

Впрочемъ, для насъ не имѣетъ существеннаго значенія эта незаконченность и разногласіе въ ученіи о волѣ, такъ какъ мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ, самымъ общимъ, того, какъ совершаются волевые акты, ограничиваясь данными нашего внутренняго опыта, всѣмъ намъ извѣстными и не подлежащими сомнѣнію, а затѣмъ—вовсе не затрогивать, принципиально, вопроса о сущности воли.

Для пониманія болѣзненныхъ измѣненій психической жизни совершенно достаточно то общее опредѣленіе воли, какое положено въ основу этого изложенія; а затѣмъ, изученіе и анализъ фактовъ психической жизни какъ нельзя болѣе убѣждаетъ насъ, что всѣ психическіе процессы составляютъ одно цѣлое, что всегда и во всемъ проявляются всѣ основныя силы души.

Когда еще признавали способности души, какъ нѣчто самостоятельное, тогда опредѣленіе этихъ способностей имѣло большое значеніе; теперь же, когда мы разсматриваемъ душу, какъ цѣлое, изучаемъ ея различныя состоянія, для насъ имѣетъ главное значеніе выяснитъ послѣдовательность и связь этихъ состояній; поэтому, ограничимся и мы изученіемъ волевыхъ актовъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о сущности воли вообще.

Выше было описано, какъ происходитъ актъ выбора между мотивами; въ сознаніи, какъ единомъ цѣломъ, все сочетающемся въ одно, всѣ мотивы сохраняются и постоянно имѣются на-лицо, и потому руководятъ поступками не послѣдніе, по времени, возникновенія, а дѣйствительно наиболѣе сильныя. Мы уже видѣли — отъ чего зависитъ сила тѣхъ или другихъ мотивовъ для даннаго лица; чѣмъ данныя представленія болѣе занимали собою сознаніе, чѣмъ сочетанныя съ этими представленіями чувствованія сильнѣе, тѣмъ данныя мотивы для даннаго лица окажутся сильнѣе, и, потому, при борьбѣ многихъ мотивовъ побѣдятъ не объективно-сильнѣйшіе мотивы, а наиболѣе сильныя субъективно.

Напримѣръ,—для Муція Сцеволы любовь къ родинѣ, желаніе до-

казать мужество своихъ согражданъ было самымъ сильнымъ мотивомъ, побѣдившимъ чувствованіе ужаснѣйшей боли, почему онъ и сдѣлалъ данный выборъ, принявъ то рѣшеніе, которое увѣковѣчило его поступокъ. Способность дѣлать выборъ состоитъ только въ томъ, что въ сознаніи сохраняется и имѣется на-лицо цѣлый рядъ мотивовъ, взаимное отношеніе силы которыхъ и опредѣляетъ рѣшеніе. Даже психіатры, напримѣръ, Р. Désirée допускаетъ, что, при выборѣ между многими мотивами, свободная воля усиливаетъ собою нравственные мотивы и, потому, эти послѣдніе, не смотря на свою относительную слабость, побѣждаютъ мотивы низшаго порядка; непоследовательность этого ученія видна уже изъ того, что, такимъ образомъ, у многихъ необходимо отрицать свободу воли. Неправильное пониманіе воли ведетъ къ тому, что волю смѣшиваютъ съ актомъ выбора.

Думали, что если-бы только относительная сила мотивовъ опредѣляла выборъ, то, при равной силѣ мотивовъ, никакое рѣшеніе не могло бы быть принято.

Эта идея выражена извѣстнымъ парадоксомъ Бурридана объ ослѣ, умершемъ съ голоду между двумя одинаково роскошными лугами, потому что сѣно, съ обѣихъ сторонъ, было на одномъ къ нему разстояніи и одинаково хорошо. Еще Лейбницъ указалъ на несостоятельность этого парадокса, такъ какъ никогда въ сознаніи не бываетъ представленій абсолютно равныхъ, наконецъ, и ежедневный нашъ опытъ и гениальнѣйшіе знатоки человѣческой души насъ учатъ, что, при приблизительномъ равенствѣ силы мотивовъ, выборъ совершается при большомъ колебаніи, или же, наконецъ, мы бываемъ окончательно не въ-силахъ сдѣлать какой-либо выборъ.

Вовсе не нужно допускать особой способности для объясненія акта выбора, такъ какъ онъ опредѣляется взаимнымъ соотношеніемъ мотивовъ. Изъ этого, отнюдь, не слѣдуетъ выводить, что человѣкъ игрушка своихъ мотивовъ; во-первыхъ, мотивы и составляютъ наше я, во-вторыхъ, способностью выбирать въ вышеуказанномъ смыслѣ между многими мотивами, мы обязаны волѣ, такъ что не мотивы опредѣляютъ выборъ, выбираютъ рѣшеніе, а человѣкъ дѣлаетъ выборъ между мотивами, но воля управляетъ выборомъ не въ томъ смыслѣ, что, съ ея помощью, слабые мотивы преодолеваютъ сильные. Дѣло въ томъ, что наше сознаніе—вовсе не поле борьбы между отдѣльными представленіями, между отдѣльными мотивами; мы постоянно воспринимаемъ въ себѣ силу, способность производить усиліе; это воспріят-

тіе усилій, которыя мы совершаемъ, образуетъ самосознаніе. Эта воспринимаемая постоянно нами энергія, сила, направленная внутрь, на теченіе нашихъ представленій, есть вниманіе. Благодаря этой силѣ, мы можемъ сосредоточивать свои мысли на извѣстномъ предметѣ, можемъ вызывать въ сознаніи тѣ образы, тѣ понятія, которыя намъ необходимы. Поэтому, мы, направляя наше вниманіе на тѣ или другіе ряды понятій, можемъ, путемъ болѣе прочнаго сочетанія этихъ понятій, путемъ частаго ихъ появленія въ полѣ сознанія, соединить въ прочную, постоянную группу желаемый рядъ понятій. Мы, благодаря нашей волѣ, можемъ вызывать въ себѣ тѣ или другія чувствованія, воспроизводя сочетанныя съ ними представленія; такимъ образомъ, мы часто и въ желаемомъ сочетаніи можемъ возсоздавать въ сознаніи тѣ мотивы, которые мы желаемъ имѣть наиболѣе сильными на случай предстоящей борьбы мотивовъ для принятія нужнаго рѣшенія. Точно также — мы можемъ, тою-же волею, изгонять изъ сознанія тѣ мотивы, которые желаемъ ослабить; не допуская, чтобы сознаніемъ завладѣвали представленія, составляющія эти мотивы; избѣгая всего того, что можетъ вызывать чувствованія, сопряженныя съ этими представленіями, — мы тѣмъ самымъ ослабляемъ мотивы, слагающіеся изъ этихъ представленій и сопряженныхъ съ ними чувствованій. Такимъ образомъ, наша воля усиливаетъ одни мотивы и ослабляетъ другіе; но самая воля безъ мотивовъ не направляется въ ту или другую сторону; для проявленія воли нужны мотивы; такимъ образомъ у добраго человѣка, подъ вліяніемъ мыслей о страданіи ближнихъ, чувствованій сожалѣнія, воля будетъ направлена на идеи о благѣ человѣчества; эти идеи будутъ достигать все болѣе ясности, все больше будутъ занимать собою сознаніе; сопряженныя съ этими идеями чувствованія будутъ все сильнѣе и, конечно, когда возникнетъ борьба мотивовъ для выбора рѣшенія, побѣдятъ мотивы высшаго порядка.

Во время самого выбора, вниманіе, т. е. воля, направленная внутрь, также имѣетъ значеніе въ выборѣ рѣшенія. Вниманіе вызываетъ въ сознаніи разнообразныя мотивы; у человѣка съ слабою волею, т. е. съ мало развитымъ вниманіемъ, самымъ сильнымъ мотивомъ будетъ послѣднее воспріятіе, но у людей съ хорошо развитымъ вниманіемъ самыя сильныя, непосредственныя мотивы, напр., самыя живѣйшія чувствованія физической боли не завладѣваютъ вниманіемъ; душевная энергія этихъ людей такъ велика, что можетъ, при жесточайшихъ физическихъ страданіяхъ, въ видѣ вниманія, вызвать самыя разнооб-

разныя воспоминанія, сосредоточить всё помыслы на томъ, что для человѣка было всего дороже. Сила воли выражается самымъ лучшимъ образомъ тѣмъ, что ничто въ мѣрѣ не можетъ завладѣть сознаниемъ, кромѣ того, что составляло самое существенное въ жизни даннаго я; эта сила воли, напр., у Яна Гусса была такъ велика, что вмѣсто криковъ боли, онъ могъ воскликнуть «O sancta simplicitas!» — старухѣ, подбросившей дровъ на его костеръ. Очевидно, что наиболѣе сильный мотивъ у этого героя была любовь къ человѣчеству и сожалѣніе къ его заблужденіямъ, но только благодаря, непонятной обыкновеннымъ людямъ, силѣ воли, эти идеи, а не чувствованія физическаго страданія могли наполнять его сознание въ послѣднія, ужасныя минуты его жизни.

Эти замѣчанія имѣли цѣлью выяснитъ, что человѣкъ вовсе не игрушка разнообразныхъ мотивовъ, наполняющихъ его душу, что собственная наша воля играетъ большую роль въ развитіи нашего характера, нашей личности; при слабой волѣ, при слабой внутренней энергіи, только тѣ представленія будутъ, подолгу, завладѣвать сознаниемъ, которыя соотвѣтствуютъ сильнымъ внѣшнимъ раздраженіямъ. При слабой волѣ, человѣкъ становится игрушкой обстоятельствъ, такъ какъ только то, что случайно въ силу внѣшнихъ причинъ западаетъ въ сознание, остается тамъ, пока не вытѣсняется новыми представленіями, вызванными, опять-таки, внѣшними причинами. Внутренняя жизнь неизбѣжно будетъ слабо развита, собственные внутренніе мотивы будутъ въ зачаточномъ состояніи, такъ какъ человѣкъ мало будетъ сосредоточиваться на переживаемомъ, и потому его поступки будутъ опредѣлены мотивами, сила которыхъ совершенно случайна, зависить отъ случайно сильно-подѣйствовавшаго впечатлѣнія. Люди съ слабою волею дѣйствуютъ или подражая другимъ, или подъ вліяніемъ обстоятельствъ, почему нѣтъ послѣдовательности въ ихъ поступкахъ: то они добры, то они злы, смотря потому, какъ складывается ихъ жизнь. Послѣдовательность поступковъ, внутреннее наше единство образуется волею, и чѣмъ слабѣе воля тѣмъ, меньше внутренняго единства, цѣльности личности, связи и послѣдовательности поступковъ.

Наконецъ, рѣшеніе принято, выборъ сдѣланъ, проявляется наша энергія, дѣятельная способность нашей души. Способность выбирать — есть привиллегія человѣка, наиболѣе драгоцѣнная. Эта способность есть лучшее, высшее, благороднѣйшее, чѣмъ владѣть человѣкъ. Одинъ человѣкъ способенъ выбирать, т. е. не быть рабомъ сильнѣйшаго, въ

данный моментъ, мотива и поступать сообразно мотиву, по его организации, по его жизни, наиболѣе могущественному, такъ что его поступки зависятъ не отъ обстоятельствъ, въ данный моментъ его окружающихъ, а суть проявленія всей его личности.

Такъ какъ каждый волевой актъ есть проявленіе личности чело-вѣка, какъ мы видѣли, результатъ всего духовнаго существа чело-вѣка, не зависитъ отъ внѣшнихъ вліяній,—то совершеніе ихъ сопровождается сознаниемъ самостоятельности; эти акты — источникъ самосознанія сознанія своего *я*,—отличія себя отъ всего остального міра.

Въ самомъ дѣлѣ,—чѣмъ люди отличаются другъ отъ друга—своими дѣйствіями; въ своихъ сознательныхъ поступкахъ проявляетъ себя чело-вѣкъ; многіе мыслятъ одинаково, но поступаетъ каждый по-своему.

И такъ, чело-вѣкъ опредѣляетъ свои дѣйствія сознательными мотивами, сознательно выбираетъ цѣль, слѣдовательно,—воля чело-вѣка *разумна*. Это опредѣленіе цѣлей, этотъ выборъ—не дѣло случая, не результатъ какого-либо непосредственнаго внѣшняго раздраженія, внѣшней силы, а результатъ всей прошлой жизни совершающаго дѣянія; причина этого дѣянія—наша личность во всей ея совокупности; слѣдовательно, причина волевыхъ актовъ лежитъ въ насъ самихъ, а не въ чемъ-либо другомъ. То, а не другое рѣшеніе, тотъ, а не другой выборъ обуславливается нашимъ характеромъ, зависитъ отъ насъ самихъ. Поэтому, способность производить выборъ, безъ всякаго внѣшняго побужденія, порождаетъ сознаніе свободы; сознаніе свободы порождаетъ отвѣтственность, потому что, само собою разумѣется, что тотъ, кто причина поступковъ, долженъ нести и послѣдствія этихъ поступковъ,—таковъ законъ природы: и причина, и слѣдствія неразрывны между собою, ничѣмъ нераздѣлимы.

Мы не можемъ себѣ представить причины безъ слѣдствія; причина и слѣдствіе стоятъ всегда другъ къ другу въ неизмѣнномъ постоянномъ отношеніи. Отвѣтственность необходима; такъ какъ чело-вѣкъ самъ причина своихъ сознательныхъ поступковъ, онъ самъ и долженъ непременно нести послѣдствія этихъ поступковъ; чело-вѣчество тысячелѣтіями убѣдилось въ непреложности знаковъ природы. Силы природы господствуютъ надъ нами и подчиняютъ насъ себѣ; мы, въ свою очередь, господствуемъ надъ вѣчными, непреложными законами природы, потому что мы ихъ понимаемъ а они насъ не разумѣютъ, но наше величіе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наше несчастіе, такъ какъ что можетъ быть ужаснѣе—по-

нимать свое безсиліе и не—быть въ состояніи освободить себя изъ этого положенія.

И такъ, эмпирически, мы не обладаемъ свободною волею, наши поступки подчинены закону причинности; они суть необходимыя послѣдствія нашего характера, который, въ свою очередь, обусловленъ многими причинами: характеромъ нашихъ предковъ, воспитаніемъ, физическою организаціею, тѣмъ, что мы видѣли въ нашей жизни, среди какихъ обстоятельствъ мы жили, въ какомъ климатѣ мы живемъ и т. д., и т. д. Характеръ есть конечный результатъ безконечнаго ряда причинъ, и, въ свою очередь,—причина нашихъ поступковъ. Теоретически, наши поступки могутъ быть предказаны, какъ и всѣ явленія въ мірѣ; разъ они подчинены закону причинности, то, зная причины, можно предвидѣть ихъ за много времени впередъ. Они не случайные, потому что человекъ, въ силу той, а не другой своей психической организаціи, непременно поступитъ такъ, а не иначе. И дѣйствительно, хорошій наблюдатель, нерѣдко за нѣсколько лѣтъ впередъ, предугадываетъ, что совершитъ человекъ, имъ изученный.

Если тѣ, а не другіе поступки обязательны для насъ, то, спрашивается,—какое имѣетъ значеніе отвѣтственность, зачѣмъ наказанія, зачѣмъ награды; все равно, мы не можемъ поступать иначе, какъ поступаемъ. Да,—но мы поступаемъ такъ, а не иначе потому, что на то есть именно данныя причины, и, между прочимъ, причиною, сдерживающей насъ отъ многихъ поступковъ, является страхъ наказанія; введеніе въ сознаніе человека новаго мотива—страха наказанія—измѣняетъ его поступки; этотъ страхъ является причиною того, а не другого его поведенія и, дѣйствительно, мы поступаемъ такъ, какъ должны поступать въ силу страха наказанія.

И такъ, свобода воли, по ученію психологіи—это отсутствіе непосредственныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, выборъ поступка нами самими.

Понимая такимъ образомъ свободу воли, остается еще выяснить—въ какой степени, и всегда-ли люди ею обладаютъ. Всякій можетъ обладать свободой воли въ указанныхъ границахъ; нѣкоторые обладали ею въ такой степени, что ничто въ мірѣ не могло заставить ихъ дѣлать того, чего они не хотѣли. Только по прекращеніи сознанія—исчезаетъ свобода воли; поэтому, Гуссъ, пока былъ живъ, поступалъ такъ, какъ онъ полагалъ за лучшее. Далекое не всѣ люди обладаютъ свободой воли столь безусловно; отъ обыкновенныхъ людей ожидаютъ

свободныхъ поступковъ далеко не при всѣхъ условіяхъ; мало того, только за нѣкоторые поступки—тѣ, которые приносятъ ближнимъ или продолжительный вредъ, или продолжительное удовольствіе, мы подлежимъ отвѣтственности,—всѣ же остальные, обычно, совершаются подъ вліяніемъ случайныхъ мотивовъ или по привычкѣ.

Свобода выбора между многими мотивами, очевидно, возможна только при наличности многихъ мотивовъ,—почему слабое умственное развитіе исключаетъ свободный выборъ, и всѣ законодательства болѣе или менѣе смягчаютъ наказаніе за преступленія, совершенныя по глупости или крайнему невѣжеству ¹⁾).

Точно также большинство людей, въ состояніи даже фізіологическаго аффекта, теряютъ свободу выбора; поступокъ ихъ опредѣляется не всѣмъ я, а случайнымъ мотивомъ; человекъ, находящійся въ сильномъ волненіи, не владѣетъ своимъ вниманіемъ, не можетъ произвольно, руководясь общими, заранѣе выработанными правилами, сконцентрировать свою умственную дѣятельность на обсужденіи всѣхъ мотивовъ,—почему сильнѣйшее въ данный моментъ, но, вообще, слабое у него чувствованіе, напримѣръ,—злоба у добраго, завладѣваетъ всѣмъ сознаніемъ и опредѣляетъ поступокъ.

Такимъ образомъ составляется безконечный рядъ отъ полной свободы въ выборѣ поступковъ до полного отсутствія свободы, когда человекъ безусловно во власти внѣшнихъ обстоятельствъ, когда поступокъ не болѣе, какъ сознательный рефлексъ. Тутъ уже нѣтъ индивидуальности, потому что каждый поступаетъ, такъ же какъ и всѣ, при тѣхъ-же условіяхъ, между тѣмъ произвольные поступки по существу индивидуальны, такъ какъ, при абсолютно одинаковыхъ условіяхъ, каждый поступаетъ по-своему.

При всемъ нежеланіи, я долженъ затронуть вопросъ, неизбежно возникающій у cadaго, допускающаго хотя бы нѣкоторую достовѣрность въ ученіи Ломброзо и другихъ представителей позитивной школы права. Если врожденные преступники не имѣютъ нравственныхъ чувствованій, неспособны къ тѣмъ умственнымъ процессамъ, которые нормальныхъ людей удерживаютъ отъ преступленій, если воля ихъ такъ слаба, что онѣ всегда во власти послѣднихъ, по времени возникновенія, мотивовъ—то, очевидно, они не обладаютъ свободой выбора—они необходимо должны совершать преступленія. Совершенно вѣрно,—

¹⁾ Ст. 134 Улож. о наказ.

но, вѣдь, и всѣ мы дѣлаемъ то, что должны дѣлать въ силу нашей психической организаціи,—и отвѣтственны за поступки, обусловленные всѣмъ нашимъ я, всею совокупностью нашихъ чувствованій, представленій всей нашей воли; за поступки же случайные, подъ вліяніемъ чуждаго намъ, вообще, мотива, мы отвѣтственны значительно менѣе, иногда лишь насколько не предупредили коллизіи, въ которой не могли поступать въ силу своего характера.

Такъ какъ отвѣтственность есть непремѣнное послѣдствіе нашихъ поступковъ,—такъ сказать, ихъ составная часть, то чѣмъ глубже мотивы поступка, тѣмъ болѣе мы считаемъ себя причиною этихъ поступковъ и потому тѣмъ болѣе мы должны нести всѣ послѣдствія этихъ поступковъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о невмѣняемости врожденныхъ преступниковъ; признавая ихъ преступленія необходимыми проявленіями всей ихъ психической а вмѣстѣ съ тѣмъ и физической организаціи, а не случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ нищетою, дурнымъ примѣромъ и т. п.,—мы должны требовать полной ихъ отвѣтственности, а потому и полного вмѣненія. Мало того, признавая, что врожденные преступники *должны*, въ силу своей организаціи, совершать преступленія, мы, необходимо, приходимъ къ заключенію, что только самыя строгія наказанія, постоянное заключеніе ихъ въ тюрьмѣ можетъ заставить ихъ не дѣлать преступленія. Врожденный преступникъ, какъ учатъ представители криминальной антропологіи, не можетъ не дѣлать преступленій, потому что не обладаетъ высшими чувствованіями, неспособенъ къ труду, однимъ словомъ—рѣзко отличается отъ честныхъ людей; какъ тѣ, такъ и другіе несутъ отвѣтственность за свои поступки—какъ одни должны быть исключены изъ общества, такъ другіе—пользоваться всѣми преимуществами жизни среди людей.

Представители криминальной антропологіи, напр., Garofalo, требуютъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, потому что не допускаютъ исправленія; по ихъ ученію, врожденный преступникъ всегда будетъ врагомъ общества.

Безспорно, что такое заключеніе вполне послѣдовательно, и детерминизмъ всегда велъ и ведетъ къ такимъ заключеніямъ, возмущающимъ наши нравственные чувствованія—состраданіе и справедливость. Несостоятельность детерминизма, а слѣдовательно,—и научнаго пониманія явленій нравственнаго міра, всегда заставляла мыслящее чело-вѣчество обсуждать вопросъ о свободѣ воли въ непосредственной связи съ вопросомъ о причинѣ и цѣли нашего существованія въ этомъ мірѣ.

Какъ понимаетъ философія свободу воли, и обладаемъ-ли мы свободой воли метафизически?— вопросы, какъ извѣстно, старые, по настоящее время неразрѣшенные, и, нужно думать, недоступные для разрѣшенія силами нашего ума.

Свобода воли есть способность изъ двухъ противоположныхъ рѣшеній выбирать одно, безъ всякаго внѣшняго принужденія; такимъ образомъ, выборъ не опредѣляется ни организаціей человѣка, ни его характеромъ.

Слѣдовательно, актъ свободной воли остается ничѣмъ неопредѣленнымъ до самого его совершенія, т. е. до этого момента противоположный актъ остается возможнымъ; такимъ образомъ, актъ свободной воли, никоимъ образомъ, не можетъ быть предсказанъ, т. е. онъ случаенъ, не имѣетъ признаковъ необходимости. Это первый и существенный признакъ актовъ свободной воли, какъ безусловленный чѣмъ-либо предъидущимъ, не зависящій отъ чего-либо; актъ свободной воли—дѣло случая и, какъ таковой, никоимъ образомъ не можетъ быть предсказанъ. Естественно, что если бы выборъ зависѣлъ отъ характера, то, до извѣстной степени, онъ могъ бы быть предсказанъ, какъ и всякое явленіе, обусловленное причиною, намъ извѣстною.

Второй существенный признакъ этихъ актовъ то, что они произвольны; они зависятъ только отъ того, кто ихъ совершаетъ, и ничѣмъ, кромѣ его, обусловлены; совершать тотъ, а не другой актъ вполне зависитъ отъ произвола, такъ какъ никакая внѣшняя или внутренняя сила не вліяетъ въ пользу совершенія того, а не другого акта. Если бы выборъ, хотя отчасти, зависѣлъ отъ физической организаціи человѣка, то онъ уже не былъ-бы свободенъ, и то, а не другое дѣйствіе опредѣлялось-бы не свободною волею, а организаціей человѣка; тоже нужно сказать и о независимости выбора отъ характера; если-бы выборъ зависѣлъ отъ характера, то, само собою разумѣется, человѣкъ совершалъ-бы тѣ, а не другія дѣйствія непременно въ силу своего характера. Дѣйствія, опредѣленные характеромъ, не могутъ быть свободны, потому что они необходимы, т. е. необходимыя послѣдствія характера. Если что-либо опредѣляетъ волю, то, очевидно, она подчинена закону причинности: или воля подчинена необходимости, или она произвольна, т. е. воля есть сама себѣ причина, она ни отъ чего не зависитъ, сама себѣ причина и, въ то-же время, причина и начало новыхъ явленій.

Третій признакъ актовъ свободной воли тотъ, что существо, ода-

ренное свободною волею, сознаетъ совершаемые имъ акты, сознаетъ, что оно свободно, понимаетъ, почему оно совершаетъ тотъ, а не другой—слѣдовательно, эти акты разумны.

Такъ понимаетъ свободу или независимость воли все человѣчество такъ же понимало ее и большинство мыслителей, работавшихъ надъ этимъ вопросомъ.

Вопросъ о томъ, —свободенъ ли человѣкъ въ своихъ поступкахъ, или эти послѣдніе суть только послѣдствія причинъ, т. е. необходимы,—съ самого начала жизни человѣчества былъ самымъ жгучимъ вопросомъ. Непосредственно затрогивая каждого, каждому, повидимому, доступный, связанный неразрывно съ главнѣйшими принципами, лежащими въ основѣ человѣческаго общежитія,—этотъ вопросъ игралъ выдающуюся роль въ духовной жизни человѣчества, и то или другое его толкованіе всегда характеризовало степень развитія умовъ.

Резюмируя все то, что философская мысль, въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей, выработала для выясненія этого вопроса, мы получаемъ пять разнорѣчивыхъ толкованій.

Признавая законъ сохраненія силъ во вселенной, то, что всё явленія подчинены закону причинности, что все совершающееся въ мірѣ необходимо должно совершаться, мы, тѣмъ самымъ, приходимъ къ отрицанію свободы воли; въ мірѣ ничего нѣтъ свободнаго, все необходимо, ничто не можетъ совершиться, не бывъ опредѣлено предъидущимъ, а слѣдовательно,—человѣкъ не обладаетъ свободною волею. Такъ думали стоики, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ и большинство философовъ нашего вѣка ¹⁾).

Но отрицаніе свободной воли всегда противорѣчило нашимъ нравственнымъ возрѣніямъ, и что, можетъ быть, еще важнѣе—чувствованіямъ, а онѣ, по прекрасному выраженію Paulsen ²⁾, «Sind nicht wahr oder falsch; sie sind Thatsachen».

Такое явное противорѣчіе между нашими нравственными и научными понятіями приводило нѣкоторыхъ мыслителей къ заключенію, что такъ какъ то, что мы свободны—для насъ внѣ всякаго сомнѣнія, что такъ какъ отрицаніе свободы воли ведетъ къ отрицанію всякой нравственности, то правильнѣе—допустить неточность научныхъ выво-

¹⁾ Желаящимъ ближе ознакомиться съ исторіею ученія о свободѣ воли, рекомендую: Fonsegrive. Essai sur le libre arbitre. 1887.

²⁾ System der Ethik, S. 219.

довъ; если наука отрицаетъ столь ясный и необходимый фактъ, какъ существованіе свободы воли, то, значитъ, наука неточна, ошибочна,—говорятъ нѣкоторые мыслители. Если выводы науки и нравственныя потребности противорѣчатъ другъ другу, то ошибается наука; она должна служить нравственности, а не наоборотъ, и тѣмъ хуже для нее, если она опровергается нравственными потребностями. Вступая въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія силъ, эти мыслители признаютъ, что, благодаря свободѣ воли, мы можемъ, безъ всякой причины, кромѣ этой воли, совершать акты—слѣдовательно, вносить въ міръ новое, до сего момента не существовавшее. Таково ученіе эпикурейцевъ, Скотъ Эригена, Renouvier и др.

Громаднѣйшія усилія человѣческаго ума были потрачены на то, чтобы примирить, согласовать между собою и ученіе о свободѣ воли, и ученіе о законмѣрности, необходимости всего совершающагося въ мірѣ. Самые великіе умы трудились надъ разрѣшеніемъ этой задачи. Начиная съ Аристотеля и кончая знаменитымъ французскимъ физикомъ De-Saint-Venant и философомъ Fongsegrive, не прекращались попытки согласовать между собою эти два ученія. Аристотель, св. Августинъ, Ravaisson примиряли эти два отрицающія другъ друга ученія въ высшемъ единствѣ; свобода и необходимость, думали они, не исключаютъ другъ друга; въ мірѣ царствуютъ свобода и разумная необходимость. Едва-ли есть проблема, для разрѣшенія которой было потрачено столько усилій, написано столько трактатовъ, какъ задача примирить свободу воли съ причинностью, царящею во вселенной. Теперь для насъ это противорѣчіе еще болѣе ясно, чѣмъ во время Аристотеля. Недавнія изслѣдованія Boussinesq, Cournot, de-Saint-Venant, въ которыхъ они пытались, научнымъ путемъ, доказать возможность свободной воли въ мірѣ, подчиненномъ закону причинности, какъ нельзя болѣе убѣждаютъ насъ, что дальнѣйшія попытки также не приведутъ къ положительнымъ результатамъ.

Наконецъ невозможность согласовать необходимость, царствующую въ природѣ, и свободу, необходимую для осуществленія нравственнаго міра, можно, какъ это дѣлалъ Юмъ, обходить отрицаніемъ той и другой—т. е. признается, что въ мірѣ существуетъ только послѣдовательность явленій.

Невозможность согласовать понятіе о свободѣ воли съ научными истинами ясно была опредѣлена еще Bossuet. Такъ же смотрѣлъ на этотъ предметъ и Кантъ. Наболѣе ясно и послѣдовательно доказалъ не-

разрѣшимость задачи согласованія понятій о свободной волѣ съ ученіемъ о законмѣрности явленій въ мірѣ знаменитый фізіологъ Du Bois Reymond ¹⁾. Согласовать между собою эти понятія, по его убѣжденію, человѣческой умъ не въ состояніи. Эта задача неразрѣшима для нашего ума—трансцендентна по существу. Я раздѣляю взглядъ этого философа-натуралиста. Человѣческому уму недоступно пониманіе гармоніи между необходимостью въ жизни природы и свободой въ жизни духовной; между тѣмъ, реальность этихъ двухъ явленій одинаково убѣдительно и непреложна для нашего ума.

И такъ, мы обладаемъ свободною волею—это столь же непреложная для насъ истина, какъ и то, что мы мыслимъ — слѣдовательно, существуемъ. Убѣжденіе въ томъ, что мы обладаемъ свободою волею, самое непреложное, существенное изъ нашихъ убѣжденій. Galiani опредѣляетъ человѣка какъ существо, считающее себя свободнымъ. Для человѣка невозможно забыть, что онъ свободенъ, представить себя несвободнымъ; а лучшей критерій правильности нашихъ воззрѣній—это то, что мы не можемъ ясно себя представить противоположнаго; болѣе точнаго мы не имѣемъ.

Въ практическомъ отношеніи совершенно одинаково,—можно ли согласовать съ научными воззрѣніями наше убѣжденіе о нравственной свободѣ, или нельзя. Человѣкъ потому свободенъ, что онъ твердо убѣжденъ въ своей свободѣ—это убѣжденіе приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и самое существованіе свободы. Наше убѣжденіе въ томъ, что мы свободны, есть непреложный фактъ, основа всей морали; изъ этого сознанія вытекаетъ понятіе о справедливости, о возмездіи, о наградѣ. Если бы человѣкъ не былъ глубоко убѣжденъ въ своей свободѣ, вся нравственная жизнь человѣчества сложилась бы иначе.

Болѣе или менѣе ясное сознаніе собственной нравственной свободы составляетъ коренное, существенное различіе степени развитія и духовнаго богатства народовъ. Намъ совершенно чужды понятія о фатумѣ, о судьбѣ—идеяхъ, играющихъ столь большую роль въ жизни восточныхъ народовъ и подавляющихъ ихъ энергію и духовную свободу. Чѣмъ характеризуется высшее духовное развитіе, какъ неяснымъ, полнымъ убѣжденіемъ абсолютной нравственной свободы, т. е. категорическимъ отрицаніемъ вліянія какихъ-либо силъ на нашу нравственную жизнь

¹⁾ Op. cit.

Мы не сваливаемъ нашихъ проступковъ на вліяніе злыхъ геніевъ не нуждаемся въ добрыхъ феяхъ.

И такъ, метафизически, мы обладаемъ свободою воли. Такое полное противорѣчіе между ученіемъ психологіи, философскимъ пониманіемъ міра и непосредственно намъ даннымъ сознаніемъ нашей свободы, непризнаніе которой ведетъ къ уничтоженію всего самаго дорогого человѣчеству—фактъ, съ которымъ нужно мириться; талантливый психологъ Dumont категорически утверждаетъ: «Здравая философія должна признавать вмѣстѣ и самую строгую физическую необходимость, и самую абсолютную метафизическую свободу» ¹⁾. Полное это противорѣчіе не можетъ быть примирено въ смыслѣ Ланге; онъ говоритъ: «свобода воли, какъ фактъ субъективнаго сознанія, столько же мало противорѣчитъ необходимости, какъ факту объективнаго изслѣдованія, какъ мало противорѣчатъ между собою цвѣтъ и музыкальный тонъ». Дѣло въ томъ, что для насъ свобода воли не только фактъ субъективнаго сознанія, а принципъ, управляющій жизнью человѣчества; мы не можемъ понимать всей исторіи человѣчества, смысла нашей жизни, отрицая свободу воли; мы не только въ себѣ сознаемъ свободу, но считаемъ свободными и другихъ—слѣдовательно, свобода воли для насъ фактъ объективнаго изслѣдованія.

Я почелъ необходимымъ нѣсколько долѣе остановиться на ученіи о свободѣ воли въ виду глубокой важности знакомства съ вопросомъ для пониманія причинъ невмѣняемости душевно-больныхъ. Для правильного примѣненія закона о невмѣняемости душевно-больныхъ, конечно, необходимо понимать,—почему душевно-больные невмѣняемы, почему они лишены свободы воли и эмпирически, и метафизически.

Г Л А В А IX.

Болѣзненные разстройства произвольныхъ движеній.

Необходимо оговориться, что этотъ отдѣлъ во всѣхъ руководствахъ всегда разработанъ весьма неудовлетворительно, что, конечно, объясняется крайнею сложностью задачи и трудностью наблюденія столь субъективнаго явленія, какъ проявленіе нашей воли; только чисто субъективное воспріятіе усилія, нами производимаго, даетъ намъ воз-

¹⁾ Dumont. Theorie scientifique de la sensibilité. 1881, p. 14.

возможность судить о напряжении воли. Въ самомъ дѣлѣ,—какъ трудно судить о поступкахъ другого, можно видѣть по самому простому примѣру: больной остается пѣлый день въ кровати; у него нѣтъ нервныхъ расстройствъ, нѣтъ идей бреда и галлюцинацій; спрашивается,—почему онъ лежитъ; потому ли что у него нѣтъ представлений о тѣхъ состояніяхъ, которыя послѣдуютъ за переменой положенія, потому-ли что у него нѣтъ неприятнаго чувствованія отъ постоянного лежанія или, наконецъ, потому что у него нѣтъ энергіи, онъ не способенъ сдѣлать усилія? Зная, что такое сознание—мы должны отвѣчать, что его неподвижность можетъ зависѣть какъ отъ одной изъ этихъ причинъ, такъ и отъ ихъ совокупности, и само собою разумѣется, что крайне трудно даже хорошему наблюдателю проанализировать свое собственное состояніе; а такъ какъ люди, больше всего, обращаютъ вниманіе на мысли и чувствованія, то о состояніи воли мы, вообще, имѣемъ самыя неполныя свѣдѣнія.

Патологическія расстройства рефлекторныхъ движеній, строго говоря, составляютъ объектъ изученія невропатологій, а не психіатріи и изучены довольно подробно. Гораздо менѣе совершенны наши свѣдѣнія о патологій автоматическихъ движеній.

Для пониманія душевныхъ болѣзней достаточно лишь указать главнѣйшее—о патологическихъ измѣненіяхъ произвольныхъ движеній, т. е. рефлекторныхъ и автоматическихъ.

Прежде всего, нужно установить, что, вообще, при ослабленіи психическихъ способностей, сумма произвольныхъ движеній *относительно* становится больше, т. е. когда человекъ заболѣваетъ психически, то по сравненію съ тѣмъ, что было до болѣзни, отношеніе между произвольными и волевыми движеніями измѣняется насчетъ уменьшенія послѣднихъ. Особенно часто, надолго, остаются когда-то произвольныя и цѣлесообразныя движенія (напр. гримасы, жесты); совершенно произвольныя, не имѣющія никакого значенія, въ данное время, для больного, онѣ лишь служатъ доказательствомъ, что ослабѣвшая воля оставляетъ внѣ своего контроля многія движенія, прежде бывшія въ ея власти. Больные совершаютъ движенія, сами не зная почему и зачѣмъ, или повторяя когда-то заученныя и имѣвшія значеніе движенія, или подражая другимъ, или, наконецъ, по непонятнымъ намъ причинамъ. Эти произвольныя и бессмысленныя движенія, однако, не имѣютъ особаго интереса въ судебно-психіатрическомъ отношеніи.

Точно также автоматическія движенія, при маніи, рѣдко могутъ имѣть значеніе въ судебно-психіатрическомъ отношеніи. При маніи, при буйствѣ вообще, больные совершаютъ много движеній, вообще несложныхъ и однообразныхъ (скачутъ, бѣгаютъ, кричатъ, ломаютъ окружающее и т. д.). Очевидно, тутъ и не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ эти движенія произвольныя—человѣкъ просто не можетъ, такъ быстро, намѣтить такъ много цѣлей для движенія, особенно при томъ помраченіи сознанія, какое обычно бываетъ въ такихъ состояніяхъ—очевидно, что извѣстная часть этихъ движеній совершается въ силу патологическаго возбужденія двигательныхъ центровъ въ корѣ головного мозга.

Гораздо болѣе имѣютъ значенія, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, автоматическія движенія эпилептиковъ и алкоголиковъ. Эпилептический припадокъ можетъ состоять изъ весьма разнообразныхъ автоматическихъ движеній, начиная отъ самого ничтожнаго движенія рукой ¹⁾ (автоматическимъ возбужденіемъ центровъ коры головного мозга мы должны объяснять блѣдность или красноту лица, отдѣленіе пота и т. п., составляющіе или сопровождающіе припадокъ) до самыхъ сложныхъ поступковъ, напр., убійства, поджога ²⁾. Въ высшей степени поучительно, что никогда больной въ состояніи автоматизма не сдѣлаетъ чего-либо благороднаго, хорошаго.

Автоматическія движенія эпилептиковъ и алкоголиковъ часто бываютъ крайне опасны, а такъ какъ припадки иногда появляются внезапно, вслѣдъ за сравнительно яснымъ состояніемъ сознанія, то многіе не хотятъ видѣть въ такихъ поступкахъ выраженіе болѣзни. Однако, вообще нетрудно, въ большинствѣ случаевъ, установить состоя-

¹⁾ Одинъ мой больной имѣлъ припадки, состоявшіе въ томъ, что онъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ секунды блѣднѣлъ и сгибалъ правую руку въ локтевомъ суставѣ.

²⁾ Сколько мнѣ позволяютъ судить мои собственные наблюденія,—для того, чтобы эпилептикъ могъ совершить сложные поступки, необходимо, чтобы сознаніе его было или несовершенно потеряно, или хотя бы на секунды проявлялось; при абсолютномъ отсутствіи сознанія дѣло ограничивается простыми бессмысленными движеніями. Я неоднократно наблюдалъ, что эпилептики, въ припадкѣ, наносятъ вредъ именно тѣмъ, на кого они были сердиты раньше; тутъ, вѣроятно, происходятъ тоже, что у крѣпко спящаго человѣка, котораго можно разбудить лишь словами, имѣющими для него особое значеніе, напр. извѣстно, что фельдъегерей нельзя было иначе разбудить какъ словами: „лошади поданы“; слѣдовательно, даже въ самомъ глубокомъ снѣ сознаніе не утеряно окончательно.

ніе автоматизма, доказать, что поступки больного были произвольные, что воля и сознание отсутствовали. Психиатръ долженъ всегда помнить, что гдѣ нѣтъ сознания,—тамъ не можетъ быть и воли, что безсознательной воли быть не можетъ; какъ не трудно объяснить многія движенія, многіе поступки безъ участія воли—все-таки не слѣдуетъ допускать столь нелѣпой гипотезы, что воля можетъ быть безъ сознания.

Кромѣ относительнаго увеличенія автоматическихъ движеній, необходимо отмѣтить и усиленіе рефлекторныхъ движеній. Особо важное значеніе имѣють рефлекторныя движенія меланхоликовъ, когда эти несчастные, подъ вліяніемъ мучительной тоски, страха, ужасающихъ галлюцинацій, совершаютъ разрушительныя и безцѣльныя дѣйствія. По своей безцѣльности ихъ можно отнести къ рефлекторнымъ движеніямъ, но въ виду того, что сознание не утрачено окончательно, правильнѣе ихъ считать импульсивными дѣйствіями; во всякомъ случаѣ, часть движеній активной меланхолиі рефлекторны и сознание, т. е. воля, не овладѣваетъ всѣми движеніями больныхъ. О другихъ рефлекторныхъ движеніяхъ при душевныхъ болѣзняхъ тутъ говорить не представляется надобности.

Громадное значеніе, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, имѣють, такъ называемые, импульсивные акты, ученіе о которыхъ далеко не разработано, пониманіе которыхъ, въ высшей степени, трудно вслѣдствіе введенія въ психіатрію понятій о побужденіяхъ (Triebe) и инстинктахъ.

Всякое сознательное, т. е. волевое дѣйствіе имѣетъ причину и цѣль; послѣдняя, однако, можетъ быть опредѣлена неясно и, главное, часто въ данный моментъ цѣль бываетъ совсѣмъ не та, которая, въ дѣйствительности, достигается даннымъ поступкомъ, а просто неясное представленіе о томъ, что настоящее состояніе необходимо измѣнить, такъ какъ оно невыносимо. Измученный жаждой, съ потемненнымъ отъ утомленія и жары сознаниемъ, бросается къ водѣ даже съ опасностью для жизни, потому что чувствуетъ мучительную жажду, а все не потому, что, вслѣдствіе инстинкта самосохраненія, стремится спасти жизнь; цѣль его прекратить непріятныя чувствованія; тутъ нѣтъ никакого побужденія, никакого проявленія инстинкта, а поступокъ подъ вліяніемъ одного безконечно-сильнаго въ данный моментъ, по сравненію съ другими, мотива,—т. е. чувствованія ¹⁾.

¹⁾ До какой степени неправильны понятія даже у образованныхъ людей насчетъ причинъ поступковъ, можно судить по тому, что почти всѣ думаютъ,

Психически здоровый и правильно развитой человекъ никогда, при ясности сознания, не бываетъ во власти одного мотива—за исключеніемъ сильной физической боли (нѣкоторые могутъ превозмогать даже физическую боль). Чѣмъ мотивовъ меньше, чѣмъ мотивы болѣе высшаго порядка слабѣе, тѣмъ болѣе шансовъ, что одинъ какой-либо мотивъ нисшаго порядка окажется, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сильнѣе всѣхъ остальныхъ и опредѣлитъ направленіе воли. Само собою разумѣется, что у душевно-больного, при непремѣнномъ ослабленіи мотивовъ высшаго порядка, при различныхъ патологическихъ измѣненіяхъ умственной дѣятельности, при ослабленіи воли, отдѣльные мотивы могутъ пріобрѣтать громадную силу, дѣлаться обязательными для больного,—т. е. импульсами.

Особо важное значеніе тутъ имѣетъ ослабленіе воли, направленной внутрь, т. е. вниманія; такъ какъ это обстоятельство, вообще, мало оцѣнено, то считаю необходимымъ выяснить значеніе ослабленія воли нѣсколько подробнѣе.

Libertas consilii предполагаетъ непремѣнно *libertas iudicii*, какъ это признается всѣми, но *libertas iudicii* возможна только при извѣстной степени развитія вниманія. Если возникаетъ мотивъ, т. е. чувствованіе и представленіе, имѣется цѣль, т. е. представленіе, то для того, чтобы мотивъ не овладѣлъ волею, нужно произвольное, т. е. управляемое вниманіемъ, направленное къ опредѣленной цѣли сужденіе, чтобы противоставить этому мотивы другіе, или доказать самому себѣ недостижимость данной цѣли, дурныя послѣдствія поступка и т. п.

Полагаться на одну ассоціацію—это значить отдать себя на произволъ случая—если путемъ пассивнаго сочетанія случайно возникнетъ другой мотивъ, вызовется въ поле яснаго сознания другая цѣль, поступокъ не будетъ совершенъ; между тѣмъ, мы знаемъ, что наши поступки (по крайней мѣрѣ главнѣйшіе) совершаются не въ силу тѣхъ или другихъ мотивовъ данной минуты, а обусловлены всѣмъ нашимъ характеромъ. Только управляемое вниманіемъ мышленіе можетъ вызвать въ сознаніи рядъ существеннѣйшихъ для даннаго лица мотивовъ, удерживать въ сознаніи эти мотивы и, такимъ образомъ, сдѣлать возможною

что они дѣдаютъ для того, чтобы жить, что цѣль принятія пищи—сохраненіе жизни; между тѣмъ, мотивъ принятія пищи—непріятное чувствованіе голода, цѣль—прекращеніе этого чувствованія. Тутъ нѣтъ никакого побужденія, никакого инстинкта, а просто поступки, мотивированные живыми чувствованіями.

libertas judicii; какъ-бы много ни было мотивовъ у даннаго лица, какъ-бы разнообразны ни были эти мотивы, если вниманіе не развито,—у него всегда, въ данный моментъ, одинъ мотивъ, случайно завладѣвшій сознаниемъ, опредѣлитъ волю; вотъ у такихъ людей мотивы, а не они сами, управляютъ волею. Совѣтъ не то у человѣка, активно относящагося къ представленіямъ, воспринимаемымъ и воспроизводимымъ въ силу пассивнаго сочетанія—онъ всякій возникшій мотивъ освѣтитъ вѣтъ своимъ я, опредѣлитъ его значеніе для всей своей жизни, и если-бы даже кругъ его понятій былъ узокъ, онъ всегда найдетъ въ своемъ умѣ достаточно матеріала, для опредѣленія полезности или вредности поступка.

И такъ, ослабленіе воли—необходимое условіе для того, чтобы поступки стали импульсивными.

Едва-ли нужно доказывать, что бѣдность мотивовъ, когда сознаніе не имѣетъ изъ чего выбирать, ведетъ къ тому, что одинъ мотивъ обязательно опредѣляетъ волю. Если у идіота развиты только чувствованія, сопряженные съ ощущеніями, вызываемыми процессами организма, то понятно, что голодъ импульсивно опредѣляетъ его волю и онъ дѣлаетъ то, что ведетъ къ прекращенію голода, а сытый, подъ вліяніемъ полового чувствованія, импульсивно удовлетворяетъ свою половую похоть.

Гораздо труднѣе понять, — какъ совершаются импульсивные акты при сравнительно высокомъ умственномъ развитіи ¹⁾, если больной не былъ въ состояніи глубокаго душевнаго волненія; само собою разумѣется, что сильное душевное волненіе, ужасная психическая боль, вызываемая болѣзненнымъ процессомъ въ корѣ головного мозга, не допускаютъ возможности обсужденія мотивовъ, и больной сознательно можетъ сдѣлать то, что, по его собственному сужденію, *въ данный моментъ*, вредно и безнравственно, такъ какъ чувствованія отвращенія къ данному поступку безконечно слабы сравнительно съ болѣзненно возникшимъ мотивомъ. Отнюдь не слѣдуетъ, въ такихъ случаяхъ, переносить результаты собственнаго внутренняго опыта на больныхъ: физическая и психическая боль, испытываемая здоровыми и не мѣшающая намъ руководить нашими мыслями и поступками, ничтожна по сравненію съ тѣмъ, что испытываютъ больные.

¹⁾ Такой случай, весьма поучительный, описанъ мною въ работѣ „Объ импульсивныхъ актахъ“. Вѣстникъ Судебной Медицины. 1886.

Возвращаясь, однако, къ трудности объясненія импульсивныхъ актовъ при сравнительно ясномъ сознаниіи и достаточномъ умственномъ развитіи,—прежде всего, врачъ, какъ естествоиспытатель, долженъ установить, что такое явленіе дѣйствительно наблюдается, а затѣмъ представить его объясненіе, причѣмъ, разумѣется, неудовлетворительность объясненія не можетъ поколебать самого факта. Самые осторожные наблюдатели единогласно утверждаютъ, что импульсивные акты совершаются при пониманіи больнымъ того, что онъ дѣлаетъ то, чего, по его собственному сужденію, дѣлать не слѣдуетъ. Также установлено, что такіе акты бываютъ у лицъ или наследственно или вслѣдствіе перенесенной душевной болѣзни съ несовершенной психической организаціей. Психическое вырожденіе — вотъ почва, на которой, какъ показываютъ наблюденія, возможны импульсивные акты. Несовершенство — мы должны пока, за неимѣніемъ болѣе точныхъ свѣдѣній, ограничиваться этимъ весьма общимъ выраженіемъ—головного мозга состоитъ въ томъ, что мотивъ непосредственно переходитъ въ дѣйствіе, причѣмъ не совершаются тѣ сложные процессы, которые опредѣляютъ выборъ у здороваго человѣка. Относительно этихъ больныхъ, можно согласиться съ Motel, что ихъ дѣйствія инстинктивны, такъ какъ импульсивные акты — сознательные рефлексы, чего у здоровыхъ людей не бываетъ. Больной сознаетъ, что онъ дѣлаетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его поступокъ опредѣляется не имъ самимъ, а мотивомъ—живымъ чувствованіемъ. Слѣдовательно, весь тотъ сложный механизмъ, который у всѣхъ насъ опредѣляетъ сознательные поступки, у этихъ больныхъ бездѣйствуетъ.

Мы не можемъ себѣ выяснить,—какимъ образомъ, почему, до такой степени могутъ упрощаться волевые акты у вырождающихся; мы должны лишь довольствоваться предположеніемъ, что у этихъ лицъ или наследственно, или отъ перенесенной болѣзни, въ строеніи головного мозга должны быть аномаліи, допускающія рефлекторные сознательные акты, вмѣсто произвольныхъ; тѣ отдѣлы мозговой коры, которые завѣдуютъ произвольными движеніями, у этихъ лицъ, должно быть, функционируютъ въ высшей степени недостаточно.

Импульсивное пьянство хроническихъ алкоголиковъ должно быть объяснено такимъ-же образомъ; то же самое слѣдуетъ сказать объ импульсивномъ пьянствѣ нѣкоторыхъ потомковъ алкоголиковъ; эти несчастные унаследуютъ такое строеніе головного мозга, такую психическую организацію, что *не могутъ* побѣдить мотива и обязательно

напиваются; мотивъ — тоска, тяжелое настроеніе рефлекторно, при полномъ сознаниі, ведетъ къ дѣйствию.

Очень трудно объяснить себѣ импульсивныя кражи, поджоги, убійства и самоубійства; такіе импульсивныя поступки наблюдаются у лицъ съ глубоко несовершенною психическою организаціею,—или же въ началѣ нѣкоторыхъ болѣзней и, вообще, невысказанны безъ значительныхъ болѣзненныхъ разстройствъ въ сферѣ чувствованія, умственной дѣятельности и воли.

Повторяю еще разъ, что если изслѣдованіе легко обнаруживаетъ повышенную болѣзненную возбудимость чувствованій (усиленіе мотива), или значительное ослабленіе умственныхъ процессовъ и притупленіе высшихъ чувствованій (ослабленіе задерживающихъ мотивовъ), тогда импульсивность поступка объясняется и доказывается легко; но если на-лицо этихъ разстройствъ не имѣется, а между тѣмъ есть солидныя основанія допустить, что поступокъ совершонъ импульсивно, тогда только тщательныя изслѣдованіе и наблюденіе и анализъ явленія опытнаго и хорошо образованнаго психіатра могутъ разъяснить дѣло ¹⁾.

Едва-ли нужно, послѣ всего вышесказаннаго, доказывать, что для признанія импульсивности поступковъ, нужно представить несомнѣныя доказательства болѣзненнаго состоянія, обусловленнаго или происхожденіемъ отъ болѣзныхъ родителей, или перенесенной душевной болѣзнию, или же, наконецъ, травмою головы. У психически здоровыхъ импульсивныхъ актовъ быть не можетъ. Только на основаніи всесторонняго изученія подсудимаго, можно допускать, съ большою вѣроятностью, что актъ дѣйствительно совершонъ импульсивно; сами по себѣ, импульсивныя акты ничѣмъ не отличаются отъ произвольныхъ, за исключеніемъ своей стереотипности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и потому намъ остается только довѣрять, или нѣтъ испытываемому; но такъ какъ судебно-психіатрическое заключеніе должно быть основано на объективныхъ данныхъ, то всегда должно быть выяснено—насколько,

¹⁾ Съ точки зрѣнія, многократно высказанной мною на сущность душевной болѣзни, импульсивныя акты объясняются вполне удовлетворительно; ослабленіе воли—вотъ первый по времени и главнѣйшій признакъ душевной болѣзни; при ослабленіи воли, активныя умственныя процессы превращаются въ пассивныя,—тоже самое и въ сферѣ поступковъ; какъ сочетаніе представленій, такъ и переходъ раздраженія въ дѣйствіе происходятъ чаще, чѣмъ у здоровыхъ помимо воли, т. е. личности, я.

по крайней мѣрѣ, вѣроятно, что преступленіе совершено импульсивно. Остается добавить весьма важное, въ практическомъ отношеніи, замѣчаніе—импульсивные акты, самые разнообразныя, весьма нерѣдки у беременныхъ, даже вообще пользующихся, относительно, удовлетворительнымъ здоровьемъ; импульсивные поджоги, чаще всего, совершаются лицами въ періодъ полового созрѣванія.

Импульсивные акты, что едва-ли можно оспаривать, суть явленія того-же происхожденія и значенія, какъ и насильственные представленія; ослабленіе воли, ея бездѣйствіе, ведетъ и къ насильственнымъ представленіямъ, и къ импульсивнымъ актамъ.

Импульсивные акты имѣютъ для насъ тотъ особый интересъ, что они представляютъ наиболѣе рѣзкое измѣненіе произвольной дѣятельности, наблюдаемое при душевныхъ болѣзняхъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что вся, вообще, произвольная дѣятельность бываетъ непременно глубоко измѣнена при душевной болѣзни, потому что ослабленіе воли и разнообразныя болѣзненные разстройства, въ сферѣ умственной дѣятельности и со стороны чувствованій, неизбѣжно должны выражаться измѣненіемъ произвольныхъ дѣйствій.

Весьма давно замѣчено психiatрами, что больной можетъ правильно рассуждать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поступать совершенно безумно. Теоретически, однако, съ этимъ можно согласиться только отчасти; дѣйствительно, поступки человѣка—лучшее и полнѣйшее выраженіе его личности, а потому, нѣтъ сомнѣнія, что малѣйшее болѣзненное измѣненіе психической дѣятельности, прежде всего должно выразиться въ безумныхъ, или, по крайней мѣрѣ, несвойственныхъ данному лицу, поступкахъ; однако, если мы не можемъ констатировать болѣзненныхъ измѣненій въ умственной дѣятельности, въ сферѣ чувствованій и со стороны воли, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что этихъ измѣненій нѣтъ, а лишь то, что вслѣдствіе несовершенства нашихъ методовъ изслѣдованія, мы не умѣемъ ихъ найти. Въ практическомъ отношеніи, никогда не слѣдуетъ забывать, что измѣненіе поведенія, т. е. суммы поступковъ, весьма часто (нужно думать всегда) есть первый симптомъ начинающейся душевной болѣзни, а слѣдовательно,—и непремѣнный признакъ всѣхъ вырождающихся, всѣхъ, у кого душевная болѣзнь не достигла еще той интенсивности, когда мы, съ нашими несовершенными методами изслѣдованія, можемъ констатировать болѣзненные измѣненія сознанія. Нельзя допустить, чтобы ненормальные поступки не имѣли причинъ—такое допущеніе явно без-

смысленно, а слѣдовательно, — если мы не находимъ этихъ причинъ, то просто потому, что не умѣемъ искать.

Я нѣсколько разъ обращаю вниманіе на это весьма важное обстоятельство — несовершенство нашихъ методовъ изслѣдованій, на крайнюю неполноту нашихъ свѣдѣній о нормальныхъ и патологическихъ состояніяхъ сознанія, потому что, въ большинствѣ учебниковъ психіатріи, эта мысль не высказана достаточно категорически, чѣмъ, конечно, и объясняется допущеніе того, что ненормальные поступки могутъ быть при непораженной болѣзною умственной дѣятельности. Наблюденіе надъ вырождающимися, надъ лицами съ несовершенною психическою организаціей учатъ насъ, что несовершенство психической организаціи полнѣе всего выражается страннымъ — какъ ни научно это выраженіе, а имъ приходится пользоваться — поведеніемъ. Блестящія умственные способности, приписываемыя этимъ лицамъ, даже хорошими наблюдателями, возвышеннѣйшія чувствованія, живая энергія, проявляемая ими по-временамъ, — все это не ведетъ ни къ чему; въ лучшемъ случаѣ, это — невредные неудачники; обыкновенно, они не доводятъ никакого дѣла до конца, въ ихъ поведеніи нѣтъ послѣдовательности, самыя сумасбродныя, безумныя или прямо преступныя поступки у нихъ чередуются съ разумными и прекрасными. Слово у нихъ всегда расходится съ дѣломъ, да, наконецъ, они постоянно мѣняютъ и свои убѣжденія, и свою дѣятельность. Талантливѣйшіе психіатры дали много описаній такихъ субъектовъ ¹⁾, причемъ, однако, не было обращено достаточно вниманія на весьма важное обстоятельство — а именно, недостаточно изучено состояніе воли у этихъ субъектовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ изъ этихъ вырождающихся умственные силы никакъ не ниже средняго уровня, что чувствованія у нѣкоторыхъ развиты полнѣе, чѣмъ у многихъ здоровыхъ, у которыхъ жизнь и нужда или не дали развиваться, или притупили самыя важныя соціальныя чувствованія, — а между тѣмъ, поведеніе этихъ психопатовъ рѣзко отличается, и въ невыгодную для нихъ сторону, отъ того, что принято считать хорошимъ; или, по крайней мѣрѣ, допустимымъ.

Такіе больные представляютъ собою самый поучительный опытъ, дѣлаемый самой природой, и можно только сожалѣть, что, до настоя-

¹⁾ Ясно изложено много интересныхъ наблюденій въ сочиненіи Cullèrge. „Границы помѣшательства“ (переводъ 1887 г.).

шаго времени никто, не посвятилъ себя разъясненію этого опыта; правда, для разрѣшенія такой задачи нужны и хорошая наблюдательность, и весьма широкое образованіе.

Я весьма далекъ отъ мысли вполне разъяснить это болѣзненное разстройство; укажу лишь на выдающуюся его особенность, мало оцѣненную. Дѣло въ томъ, что первая реакція сознанія на всякое болѣзненное состояніе организма, вообще, и головного мозга въ частности— это ослабленіе воли. Бессонная ночь, утомленіе, голоданіе, легкое опьяненіе, — я уже не говорю о серьезныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ организма, — раньше всего выражаются ослабленіемъ вниманія и энергіи, какъ силы задерживающей, и какъ силы, производящей сознательныя движенія. Всякій, по опыту, знаетъ, что, проведя бессонную ночь, можно сохранить способность разсуждать, дѣйствовать привычнымъ образомъ, но вниманіе ослаблено до такой степени, что обычное число часовъ дѣлать дѣло, требующее вниманія, онъ не можетъ.

Тоже самое и относительно поступковъ: у однихъ лицъ, съ живымъ рефлексамъ, является облегченный переходъ мотивовъ въ дѣйствія, у другихъ, съ менѣе сильной физической организаціей, напротивъ, появляется крайняя вялость; у тѣхъ и другихъ сумма произвольныхъ, глубоко мотивированныхъ поступковъ, относительно, уменьшается; они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ мотивовъ данной минуты. Наблюденія надъ вырождающимися, надъ заболѣвающими психозомъ, надъ выздоравливающими послѣ душевной болѣзни (и тифа) всегда указываютъ, что ослабленіе воли непременно есть первое проявленіе болѣзни. Правда, въ высшей степени трудно констатировать это ослабленіе воли, анализируя одни поступки больного, потому что, обычно, аномаліи поведенія зависятъ и отъ измѣненія умственныхъ процессовъ, и отъ измѣненія со стороны чувствованій; но наблюдая состояніе вниманія, мы непременно найдемъ, что первое проявленіе болѣзни— это ослабленіе вниманія. Наблюдательные больные всегда заявляютъ, что у нихъ раньше всего ослабѣваетъ вниманіе, а выздоравливающіе жалуются, что они неспособны такъ напрягать своего вниманія, какъ до болѣзни. Память, сочетательная дѣятельность, работаетъ прекрасно ¹⁾, человѣкъ чувствуетъ какъ прежде, а между тѣмъ, онъ живо сознаетъ,

¹⁾ Я доказалъ экспериментально ускореніе ассоціаціи въ началѣ слабоумія и объяснилъ этотъ фактъ ослабленіемъ воли (т. е. активной апперценціи) въ изслѣдованіи: „Измѣненіе времени элементарныхъ психическихъ

что вниманіе его ослаблено, а слѣдовательно, — болѣзненно поражена воля. Да и можетъ-ли быть иначе, — вѣдь сущность нашего я (какъ психическаго, такъ и физическаго) есть воля ¹⁾. Не понимая, не отдавая себѣ яснаго отчета о сущности воли, нельзя понимать душевной болѣзни въ наиболѣе неясныхъ ея проявленіяхъ.

Мы, никогда, не должны забывать, что воля создаетъ единство личности, а слѣдовательно, — и единство поступковъ, что насколько развита воля, поступки человѣка дѣйствительно обусловлены всею его личностью, обусловлены характеромъ, а не случайнымъ мотивомъ. Прибѣгая къ приему Кондиньяка, представимъ себѣ больного, лишеннаго совершенно вниманія, но обладающаго всѣми другими силами души (такихъ случаевъ не наблюдали); такой больной, роковымъ образомъ, будетъ поступать подъ вліяніемъ случайныхъ для него мотивовъ. Случайно завладѣвшее сознаніемъ представленіе, сопряженное съ живымъ чувствованіемъ, непременно будетъ исходнымъ пунктомъ его поступка; до извѣстной степени такое состояніе характеризуетъ аффектъ — и въ аффектѣ человѣкъ совершаетъ дѣйствіе не въ силу главнѣйшихъ для него мотивовъ, а руководимый случайно завладѣвшимъ его сознаніемъ.

Разъ воля слаба, человѣкъ — игрушка случайныхъ для него мотивовъ, потому что онъ не можетъ, въ видахъ разъ навсегда поставленной цѣли, вызвать въ сознаніе соотвѣтствующія представленія и оставить ихъ въ полѣ наиболѣе яснаго сознанія. Только произвольное вниманіе, т. е. вниманіе, мотивированное главнѣйшимъ изъ всего содержанія сознанія, можетъ всегда вызвать въ сознаніе тѣ мотивы, которые должны, по убѣжденіямъ даннаго лица, руководить его поступками; разъ человѣкъ къ этому неспособенъ, или способенъ въ ограниченной мѣрѣ, — естественно, что только имѣющееся, въ данный моментъ содержаніе сознанія можетъ быть мотивами для его поступковъ. Человѣкъ,

процессовъ у душевно-больныхъ“ (Вѣстникъ психіатріи. 1885). Д-ръ Валицкая подтвердила результаты моего изслѣдованія въ работѣ «Contribution à l'étude des mensurations psychométriques chez les aliénés» (Revue philosophique, 1889).

¹⁾ Wundt прекрасно выразился: „Nicht das geistige Leben ist ein Erzeugniss der physischen Organisation, sondern diese ist eine geistige Schöpfung“. Logique. II Bd, S. 471. Изъ психіатровъ глубже всѣхъ понималъ волю Heinrich; онъ говоритъ: Der Wille liegt in dem Menschen als unbebaute Kraft da: der Wille ist es aber, aus welchem Alles geschaffen wird“ (Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens. 1818. S. 50).

лишенный возможности произвольно измѣнять содержание своего сознания, т. е. лишенный воли, само собою разумѣется, не можетъ поступать сколько нибудь послѣдовательно; сегодня—одно представленіе, или по его интенсивности, или въ силу контраста завладѣло сознаниемъ и мотивировало поступокъ, завтра—тоже представленіе; прежде чѣмъ мотивировать поступокъ, вызвало, путемъ пассивнаго сочетанія, другое, ставшее мотивомъ поступка — понятно, что поступки могутъ рѣзко противорѣчить другъ другу. Очень часто и здоровые люди поступаютъ такимъ образомъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ни размышленія, ни напряженія не нужно, когда можно дѣйствовать по заученнымъ образцамъ и приемамъ, т. е. происходитъ тоже, что при повтореніи уже разъ созданныхъ разсужденій; но когда нужно принять серьезное рѣшеніе, сдѣлать что либо влекущее большія послѣдствія, всякій углубляется въ себя, насколько онъ способенъ, и производитъ напряженіе ему доступное.

Только обративъ должное вниманіе на вышесказанное, намъ становится понятной непослѣдовательность, эксцентричность поведения многихъ заболѣвающихъ, многихъ вырождающихся. Поступки ихъ, и, притомъ, самые важные—весьма часто случайны для нихъ самихъ; какъ нельзя предсказать поступка человѣка, находящагося въ сильномъ аффектѣ, такъ нельзя предсказать поступковъ человѣка съ болѣзненно-ослабленной волею, какъ бы хорошо мы ни знали всего его прошлаго.

Относительно болѣзненныхъ измѣненій воли, управляющей нашими поступками, мы знаемъ очень мало, и даже, можно сказать, ничего не знаемъ. Обыкновенно, этотъ важный отдѣлъ или совершенно пропускается въ учебникахъ психіатріи, или излагается крайне бѣгло, и притомъ, вслѣдствіе крайней сбивчивости въ понятіяхъ о волѣ, обыкновенно главнѣйшее совершенно пропускается.

Прежде всего нужно установить, что патологическіе процессы коры головного мозга, насколько они выражаются душевными болѣзнями, могутъ только вести къ ослабленію воли, но никакъ къ ея усиленію. Все вышеизложенное должно привести къ заключенію, что собственно усиленіе психическихъ процессовъ при душевныхъ болѣзняхъ иначе какъ однихъ на-счетъ другихъ—не бываетъ и быть не можетъ, что болѣзнь ничего новаго не создаетъ, что, вообще, происходитъ ослабленіе, уменьшеніе сознательной дѣятельности, а потому говорить объ усиленіи, объ увеличеніи воли мы не имѣемъ никакого права. Въ са-

момъ дѣлѣ, на-счетъ чего можетъ быть усилена эта высшая, творческая сила нашей души. Впрочемъ, даже авторы, тракующіе объ усиленіи воли, напримѣръ Крафтъ-Эбингъ ¹⁾, готовы согласиться, что дѣло сводится лишь на усиленіе рефлексовъ, вслѣдствіе ослабленія регулирующей, задерживающей дѣятельности воли, однимъ словомъ, тоже, что какъ доказалъ я ²⁾, происходитъ при ослабленіи психическихъ силъ и въ процессѣ сочетанія представленій.

Весьма трудно анализировать, въ конкретномъ случаѣ, болѣзненное ослабленіе воли, такъ какъ поступки суть результатъ всей психической дѣятельности, а не одной воли, а потому мы всегда въ крайнемъ затрудненіи, что отнести на счетъ пораженія умственной дѣятельности, что на-счетъ измѣненія чувствованія, и что на-счетъ ослабленія воли ³⁾. Я уже много разъ говорилъ о несовершенствѣ нашихъ методовъ изслѣдованія; къ тому же, мы, психіатры, обыкновенно имѣемъ дѣло съ больными, у которыхъ имѣются расстройства и въ умственной дѣятельности, и въ сферѣ чувствованій, а потому ослабленіе воли замаскировано, затемнено болѣе грубыми явленіями, но всегда были больные, изучать которыхъ психіатры должны были въ качествѣ экспертовъ, по требованію суда,—не представляющіе извѣстныхъ намъ расстройствъ умственной дѣятельности, но поступки которыхъ, какъ это очевидно было для всѣхъ, доказывали ихъ душевную болѣзнь. Маноманія, Folie lucide, Folie des actes, Manie raisonnante импульсивное помѣшательство—всѣ эти названія были лучшимъ доказательствомъ, что есть большая группа больныхъ, нами совсѣмъ не понимаемая. Лучше другихъ названій, по крайней мѣрѣ по выразительности, это Folie des actes, притомъ-же само названіе болѣзни указываетъ, что основа страданія—болѣзненное пораженіе воли. До тѣхъ поръ пока состояніе воли при душевныхъ болѣзняхъ не будетъ изучено, до тѣхъ поръ всѣ

¹⁾ Op. cit. стр. 122, 123.

²⁾ Въ этой главѣ я, по-неволѣ, долженъ, во многомъ, отклоняться отъ общепринятыхъ взглядовъ; мои изслѣдованія, подтвержденныя работами другихъ авторовъ, (см. наприм., Врачъ, 1890 г., Геникъ и Воротынский: „Психометрическія изслѣдованія надъ лицами, приведеннымъ въ состояніе гипноза“), даютъ мнѣ нѣкоторое право обосновать свой взглядъ на этотъ предметъ.

³⁾ Извѣстное сочиненіе Рибо „Болѣзни воли“ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что такой анализъ крайне труденъ, и можетъ быть, при современномъ состояніи знаній, и совершенно невозможенъ.

больные, къ которымъ примѣнялись эти названія, будутъ непоняты, и, что еще важнѣе, по недостатку психіатрическихъ знаній у самихъ экспертовъ,—присуждаемы къ наказанію.

Пока же, ограничиваясь изученнымъ и общепринятымъ—мы должны ограничиться лишь весьма бѣглыми замѣчаніями.

Душевно-больные лишены свободной воли—душевная болѣзнь есть состояніе, характеризующееся утратою свободной воли—все это аксіомы, выработанныя и практическою жизнью ¹⁾ и научнымъ наблюденіемъ. Поэтому, остается еще разъ формулировать,—почему душевно-больной не можетъ обладать свободой воли.

Для того, чтобы человѣкъ былъ свободенъ въ своемъ выборѣ, т. е. могъ бы совершать поступки лишь по опредѣленію всей своей личности, своего характера—необходимо полное обладаніе умственными способностями. Поступки здороваго человѣка опредѣляются всею суммою его представленій, сужденій и заключеній, а потому вся умственная жизнь выражается въ его поступкахъ. Очевидно, что при болѣзненныхъ разстройствахъ воспріятія, памяти, сочетательной дѣятельности не можетъ быть и рѣчи о томъ самоопредѣленіи поступковъ, къ которому способенъ нормальный человѣкъ.

Не меньшее значеніе въ волевыхъ актахъ, какъ уже было сказано, имѣютъ чувствованія. Недоразвитіе или ослабленіе высшихъ чувствованій, болѣзненное усиленіе низшихъ чувствованій, извращеніе чувствованій—все это необходимо ведетъ къ тому, что число мотивовъ все уменьшается, что нѣкоторые мотивы становятся неизмѣримо сильнѣе всѣхъ остальныхъ, а потому больной лишается своей свободы, поступки его опредѣляются не всею его личностью, а лишь нѣкоторыми,—въ данный моментъ болѣзненно-интенсивными.

То глубокое разрушеніе, которое производитъ душевную болѣзнь, часто ведетъ къ тому, что въ мотивахъ поступковъ, на первый планъ,

¹⁾ Великій знатокъ души человѣческой сказалъ:

„ Но человѣкъ, лишенный ума
Становится не человѣкомъ;
Напрасно рѣчь ему дана—не править
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить....»

выступает чувственная окраска, а представление до такой степени слабо, что не сохраняется памятью; мы уже видѣли, что мотивъ поступка всегда есть представление, сочтанное съ живымъ чувствованіемъ; и у здоровыхъ людей, когда они мало обращаютъ вниманія на свои внутреннія состоянія и поступки, нерѣдко мотивомъ поступковъ бываютъ не совѣмъ сознанныя представленія, какія-то смутныя и неясныя предположенія; чего-то хочется, что-то не такъ—вотъ иной разъ мотивъ для поступка. Понятно, что у душевно-больныхъ, при общемъ ослабленіи умственныхъ процессовъ, при усиленіи низшихъ чувствованій (на-счетъ высшихъ) такіе неясно-сознанные, а потому не сохраняемые памятью мотивы поступковъ играютъ большую роль. Половое чувствованіе, вообще сопряженное съ неясными ощущеніями, и, затѣмъ, сочтанное съ самыми разнообразными представленіями, уже въ силу этой его особенности, обыкновенно часто бываетъ неясно понятнымъ для самого больного (а еще чаще больной) мотивомъ различныхъ поступковъ—кокетства, религіозныхъ подвиговъ, усиленной дѣятельности вообще и т. п.

Только извѣстная гармонія между интенсивностью умственныхъ процессовъ и чувствованіями создаетъ ту постоянную параллельность представленій и чувствованій, которая характеризуетъ психическую организацію нормальнаго человѣка. Всегда, или почти всегда, въ нашемъ сознаніи мы имѣемъ представленія, сопряженные съ чувствованіями, и, потому, всегда наши мотивы слагаются изъ взаимнаго соотношенія представленія и чувствованія. При психической болѣзни, разрушающей эту гармонію, такъ какъ она ослабляетъ, вообще, умственные силы, чувственная окраска представленія, составляющаго мотивъ, нерѣдко совершенно заслоняетъ собою представленіе, а такъ какъ память такихъ мотивовъ сохранить, очевидно, не можетъ, то являются поступки, мотивы которыхъ потомъ неизвѣстны самому больному, или-же онъ едва и не точно припоминаетъ, — чѣмъ былъ мотивированъ данный поступокъ. Необходимо прибавить, что, весьма часто, такіе больные сочиняютъ разумный мотивъ для этихъ поступковъ, и, такимъ образомъ, обманывая себя, могутъ ввести въ заблужденіе и неопытнаго наблюдателя. Нужно оговориться, что, вообще, весьма часто ошибаются даже хорошіе наблюдатели относительно мотивовъ своихъ поступковъ, и нерѣдко считаютъ мотивами какія-либо, уже послѣ поступка составленныя, сужденія, — между тѣмъ, дѣйствительнымъ мотивомъ было какое-либо неясное представленіе, сопряженное съ жи-

вымъ органическимъ чувствованіемъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что такое неправильное мотивированіе поступковъ у душевно-больныхъ весьма обычное явленіе; сплошь и рядомъ, все ихъ поведеніе объясняется неясно воспринятыми ошущеніями, сопряженными съ живыми чувствованіями (напр., при наступленіи половой зрѣлости),— между тѣмъ, они сами подыскиваютъ болѣе разумные мотивы, т. е. тутъ происходитъ приблизительно то-же, что при созданіи идей бреда меланхоликомъ. Особенно рѣзко и потому легко констатируемо это явленіе, если усиленіе нисшихъ чувствованій бываетъ лишь по-временамъ и еще рѣзче при періодическихъ психозахъ. Напр., больной начинаетъ пить—почти всегда онъ мотивируетъ самъ себя свое пьянство или огорченіями, имъ полученными, или случайнымъ, но полезнымъ знакомствомъ съ лицами, увлекающими его и т. п.; между тѣмъ, дѣйствительный мотивъ его пьянства—измѣненное болѣзненнымъ процессомъ настроеніе, тоска, какое-то неясное чувствованіе слабости, неудовлетворенности, утомленія. Рѣзкая переменна въ поведеніи—скромный дѣлается заносчивымъ ²⁾, апатичный—дѣятельнымъ, или наоборотъ, всегда должны внушать серьезное подозрѣніе о глубокомъ измѣненіи со стороны чувствованій и умственной дѣятельности.

Приведенный одинъ примѣръ измѣненія поступковъ, я думаю, какъ нельзя лучше указываетъ,—какъ трудно и пока невозможно перечислить всѣ способы, всѣ измѣненія психическаго механизма, ведущія къ измѣненію поведенія. Мы знаемъ очень немного о болѣзненныхъ состояніяхъ нашей души, многія патологическія состоянія такъ неясны, что мы можемъ лишь догадываться—какъ это болѣзненное состояніе выражается въ поступкахъ.

Да едва-ли и нужно перечислять—какъ всѣ вышеизложенныя из-

¹⁾ Напр., нерѣдко благовоспитанныя и хорошо образованныя лица кричатъ, бранять прислугу, домашнихъ, подчиненныхъ и т. п., объясняя себя такіе неприличные поступки грубостью, дерзостью, дѣтскою и т. п. тѣхъ, на кого они кричали; дѣйствительный же мотивъ такихъ поступковъ часто бываетъ дурное настроеніе, неприяности, переживаемыя въ это время, и т. п.

²⁾ Я описалъ одного больного („Двѣ экспертизы душевно-больныхъ“. Медицинскія Прибавленія къ Морскому Сборнику т. XXI), у котораго черезъ весьма продолжительные промежутки наступало болѣзненное состояніе, выражавшееся однообразно тѣмъ, что онъ, безъ всякаго основательнаго повода, наказывалъ подчиненныхъ, приносилъ на нихъ нелѣпыя жалобы, при недовольствіи которыхъ былъ дерзокъ съ начальствомъ, что все вмѣстѣ привело къ отдавію его подъ судъ.

мѣненія въ умственной дѣятельности и въ сферѣ чувствованій могутъ отражаться на поведеніи больного; природа безконечна, и всегда она создаетъ явленія, особенно въ области психическихъ явленій, не укладывающіяся ни въ какія рамки, ни въ какую классификацію. Только глубокой анализъ конкретнаго случая, при широкомъ пониманіи психическихъ явленій и ихъ взаимной связи, можетъ, и то не всегда, раскрыть намъ причины поступковъ.

Какъ ослабленіе воли вліяетъ на поведеніе заболѣвшаго, мы знаемъ вообще немного. Понимая волю, какъ воспринимаемую сознаниемъ дѣятельность, частью опредѣляющую смѣну нашихъ внутреннихъ состояній, частью вызывающую соотвѣтственныя этимъ состояніямъ движенія,—мы, прежде всего, должны допустить, что поступки больныхъ съ ослабленною волею не соотвѣтствуютъ ихъ внутреннимъ состояніямъ. Мы уже видѣли, что относительно увеличиваются рефлекторныя и автоматическія движенія; нельзя отрицать и того, что, при ослабленіи воли, привычныя, когда-то сознательно мотивированныя, движенія, но теперь не имѣющія значенія, играютъ не мало-важную роль.

Ослабленіе воли выражается, главнымъ образомъ, ослабленіемъ задерживающей дѣятельности, вслѣдствіе чего крайне облегчается и ускоряется переходъ представлений въ движенія; поэтому, можетъ казаться, что заболѣвшій сталъ дѣятельнѣе, энергичнѣе,—между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, вслѣдствіе ослабленія воли, движенія его мотивируются очень слабо и, потому, каждому поступку не предшествуетъ того сложнаго психическаго акта, какъ это бываетъ у здоровыхъ. Особенно важное значеніе можетъ имѣть ослабленіе воли, какъ условіе, ведущее къ подчиненію заболѣвшаго лицамъ съ болѣе сильной волею. Извѣстно, что очень легко управлять душевно-больными, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ослабленія у нихъ воли,—почему становится легко внушать имъ даже чуждые для нихъ мотивы, которые вслѣдствіе указанныхъ причинъ, безъ затрудненія вызываютъ поступки. Нѣтъ сомнѣній, что душевно-больные легко подчиняются чужой волѣ—всякій заболѣвшій душевною болѣзнію непременно теряетъ, болѣе или менѣе, свою самостоятельность (исключеній изъ этого правила не бываетъ; настойчивость и упрямство всегда при душевной болѣзни не достигаютъ интенсивности, характеризующей здоровое состояніе ¹⁾).

¹⁾ Сосредоточенная неподвижность, въ разѣ принятой позѣ, нѣкоторыхъ помѣшанныхъ не можетъ быть разсматриваема какъ произвольный посту-

Это зависит от ослабления вниманія, а потому—и всей активной дѣятельности; естественно, что, такимъ образомъ, облегчается введеніе въ сознаніе новыхъ представленій, чуждыхъ данному я, облегчается возможность наполнить сознаніе представленіями, противорѣчащими прежде занимавшимъ его сознаніе, облегчается возможность давать желательное для насъ направленіе ходу представленій. вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабѣваетъ задерживающая дѣятельность воли; у больного облегченъ переходъ представленій въ движенія и такимъ образомъ случайные, т. е. случайно имѣющіе значеніе, въ данную минуту, мотивы становятся исходнымъ пунктомъ поступковъ. Само собою разумѣется, что, при такомъ состояніи, легче заставить человѣка дѣлать то, что противорѣчитъ его главнѣйшимъ мотивамъ, то, чего онъ самостоятельно не сдѣлалъ-бы. Поступки, при такомъ разстройствѣ, никогда не могутъ быть послѣдовательны, такъ глубоко мотивированы, какъ у здороваго. Воля, какъ дѣятельность данной личности, непремѣнно ослаблена при этомъ, какъ это видно уже изъ того, что какъ состоянія сознанія, такъ и соответствующіе имъ поступки, суть не результатъ этой личной дѣятельности, а даны, вызваны помимо ея, пассивно возникаютъ помимо этой дѣятельности.

Было-бы непоследовательно вдаваться въ болѣе подробный анализъ уменьшенія самостоятельности, производимой душевною болѣзnią, такъ какъ здѣсь необходимо было-бы перейти къ недостаточно обоснованному, къ не всеми принятому. Весьма интересны, обѣщающія важные результаты, изслѣдованія при помощи гипнотизма; я увѣренъ, что онѣ скоро разъяснятъ намъ весьма подробно—какъ происходитъ уменьшеніе самостоятельности личности. Замѣчу кстати, что я избегаю вопроса о вмѣняемости гипнотизированныхъ, о томъ—можно-ли, путемъ загипнотизированія и внушенія (suggestion), заставить сдѣлать преступленіе, такъ какъ, при изученіи этихъ явленій въ клиникахъ Шарко и Люиса, я пришелъ къ заключенію, что эти вопросы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, пока могутъ разрѣшаться лишь немногими изслѣдователями, специально ихъ изучающими.

Нельзя обойти весьма важный вопросъ—бываетъ-ли у душевнобольныхъ ослабленіе воли въ томъ смыслѣ, что ослабѣваетъ дѣятель-

ность; это, сколько мы теперь понимаемъ, такія состоянія не болѣе какъ сознательный рефлексъ; чаще же бываетъ, что сознаніе спутано и помрачено.

ность, вызывающая движенія, соотвѣтствующія состояніямъ сознанія? Или, говоря иначе, бываютъ-ли такія состоянія, когда имѣются мотивы, но они, вслѣдствіе ослабленія воли, не переходятъ въ поступки? Я уже говорилъ, — какъ трудно анализировать разстройство тѣхъ сложныхъ актовъ, послѣдствіемъ которыхъ бываютъ поступки ¹⁾). Едва-ли наблюдение можетъ дать намъ когда-либо отвѣты на эти вопросы. Только опытъ можетъ разъяснить намъ состояніе воли въ различныхъ стадіяхъ душевныхъ болѣзней. Сколько намъ извѣстно, ослабленіе воли непременно отражается на ходѣ умственныхъ процессовъ; ослабленіе воли ведетъ къ уменьшенію умственной дѣятельности, къ тому, что умственная жизнь ограничивается одними пассивными процессами. Такимъ образомъ, ослабленіе воли и умственной жизни идутъ вмѣстѣ; иначе и быть не можетъ; безъ воли нѣтъ развитія психической жизни; ослабленіе воли ведетъ къ разрушенію интеллекта — а потому, мы не можемъ допускать утраты воли при полномъ сохраненіи умственной жизни, а слѣдовательно, не должны допускать того, что мотивы могутъ не переходить въ поступки, вслѣдствіе только ослабленія воли. Ослабленіе воли прежде всего выразится и въ измѣненіи мотивовъ, въ томъ, что мотивы не будутъ достигать той ясности и интенсивности, какъ у здороваго, нормальнаго лица. Ослабленіе воли всегда ведетъ къ тому, что нисшія чувствованія выступаютъ на первый планъ, почему, конечно, измѣняются и мотивы; ихъ становится меньше, сознаніемъ завладѣваютъ представленія, сопряженныя съ нисшими, а потому всегда, въ данный моментъ, сильнѣйшими чувствованіями, а слѣдовательно, заболѣвшій нерѣдко становится болѣе подвижнымъ, болѣе дѣятельнымъ. Присмотрѣвшись ближе въ эту дѣятельность, мы всегда найдемъ, что труднаго, требующаго напряженія, въ ней ничего нѣтъ. Эта суетливая дѣятельность также относится къ дѣятельности дѣйствительно энергическаго субъекта, какъ беспорядочныя движенія руками и ногами ребенка къ нашимъ сознательнымъ поступкамъ.

При ослабленіи всѣхъ психическихъ силъ, уменьшается и сумма

¹⁾ Насколько дѣло мало выяснено, можно видѣть изъ того, что Kraepelin (op. cit., 122) допускаетъ, при полномъ сохраненіи интеллекта, утрату воли—абулію; Крафтъ-Эбингъ (op. cit., стр. 131, 122) совершенно основательно допускаетъ абулію только у слабоумныхъ; у меланхоликовъ онъ признаетъ Апенергіа, т. е. утрату предприимчивости; легко убѣдиться, что объясняетъ онъ это явленіе,—что также совершенно вѣрно,—собственно не ослабленіемъ воли, а другими причинами.

произвольныхъ поступковъ, какъ влѣдствіе ослабленія дѣятельности, вызывающей, соответствующія состояніямъ сознанія, движенія и опредѣляющей теченіе этихъ состояній, такъ и влѣдствіе бѣдности представлений и слабости чувствованій. Больной не можетъ ясно сознать цѣлей поступковъ, не чувствуетъ живо неудовлетворительности своего настоящаго положенія и не можетъ управлять своими движеніями, направленными къ достиженію неясно сознанной цѣли.

Остается еще нерѣшоннымъ вопросъ о томъ—могутъ-ли быть, хотя-бы и кратковременныя, состоянія утраты воли при сохраненіи интеллекта?

Загипнотизированные, какъ больные, такъ и здоровые (я думаю, что совершенно здороваго нельзя загипнотизировать), представляютъ намъ довольно убѣдительно доказательство, что ослабленіе, бездѣйствіе воли непремѣнно связано (правильнѣе сказать,—обусловливаетъ) съ значительными измѣненіями умственной дѣятельности и помраченіемъ всего сознанія. Весьма рѣзкія измѣненія умственной дѣятельности лицъ, находящихся въ состояніи гипноза (напр., нерѣдко наблюдаемое обостреніе воспримчивости) служатъ намъ указаніемъ, что производитъ даже кратковременное ослабленіе воли,—этого дѣятельнаго, активнаго начала нашего сознанія.

Наблюденіе надъ душевно-больными, пока, по крайней мѣрѣ, не дало намъ положительныхъ данныхъ для какого-либо категорическаго заключенія. Я уже говорилъ, что слабость воли, выраженная такъ слабо, что обыкновенно просматривается, ведетъ къ значительному измѣненію поведенія; едва-ли, поэтому, можно допускать временныя ослабленія воли, такъ какъ такое болѣзненное разстройство проявлялось-бы всегда глубокими измѣненіями всего поведенія.

Все вышеозначенное убѣждаетъ, что наши свѣдѣнія о болѣзненныхъ разстройствахъ воли весьма неполны, и что, въ высшей степени трудно констатировать и объяснить значеніе этого патологическаго явленія. Особенно важно въ судебно-психіатрическомъ отношеніи то, что наши свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи воли и о проявленіяхъ пораженной болѣзнью воли, далеко не установлены, что воля меньше другихъ элементовъ сознанія поддается измѣненіямъ и, вообще, точнымъ опредѣленіямъ. Говоря о болѣзненныхъ разстройствахъ чувствованій, я указалъ на крайнюю трудность опредѣленія интенсивности чувствованій за неизмѣнимъ точныхъ масштабовъ; еще труднѣе опредѣлить силу, напряженность воли, какъ по отсутствію какого-либо масштаба

полной субъективности воли, такъ и влѣдствіе слабости нашихъ теоретическихъ свѣдѣній о волѣ.

Во избѣжаніе трудностей, неизбежныхъ при опредѣленіи состояній воли, обычно ограничиваются констатированіемъ и анализомъ разстройствъ лишь одной умственной дѣятельности, какъ поддающейся болѣе точному наблюденію; лишь за отсутствіемъ очевидныхъ и грубыхъ разстройствъ умственной дѣятельности, обращаютъ особое вниманіе на разстройство въ сферѣ чувствованій; въ громадномъ большинствѣ случаевъ, указанія на эти разстройства вполне достаточно, чтобы убѣдить всѣхъ и каждого въ томъ, что испытуемый боленъ, что поступки его—результатъ его болѣзненного разстройства, совершенно не затрогивая вопроса о состояніи его воли.

Понятно, что недостаточное знакомство съ патологіей воли ведетъ къ тому, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненное измѣненіе воли выступаетъ на первый планъ, гдѣ это патологическое состояніе пока не повлекло за собою важныхъ болѣзненныхъ измѣненій умственной дѣятельности и чувствованій,—однимъ словомъ относительно тѣхъ больныхъ, у которыхъ лучшимъ доказательствомъ ихъ болѣзни могутъ служить ихъ поступки, мы не можемъ объяснить тѣхъ патологическихъ разстройствъ, которые повели къ этимъ поступкамъ.

При современномъ состояніи психіатріи, вопросъ о невмѣняемости душевно-больныхъ трактуется весьма различно. Даже не всѣ психіатры признаютъ вѣрнымъ вышеприведенное опредѣленіе душевной болѣзни; между тѣмъ, повидимому, такъ ясно, что мы не можемъ считать кого-либо душевно-больнымъ, если у него сохранена свобода воли, а слѣдовательно,—не можемъ душевно-больного признавать вмѣняемымъ. Душевная болѣзнь есть болѣзнь личности, а поэтому и не можетъ быть сомнѣнія, что личность, измѣненная болѣзнию, можетъ дѣйствовать такъ же, какъ она поступала до болѣзни, а слѣдовательно, не можетъ подлежать той отвѣтственности, которая на нее налагалась прежде.

Для меня весь вопросъ о вмѣняемости душевно-больныхъ представляется весьма простымъ: разъ доказано, что обвиняемый—душевно-больной, то онъ невмѣняемъ, потому что если бы онъ обладалъ-бы свободой воли, то онъ не былъ-бы душевно-больной. Я не буду разбирать обширной литературы о невмѣняемости душевно-больныхъ, такъ какъ, по моему убѣжденію, при ясномъ пониманіи психическихъ явленій, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ, вопросъ, этотъ въ высшей степени, простъ и ясенъ.

Не смотря на крайнюю простоту вопроса въ теоретическомъ отношеніи, практически правильное примѣненіе указанного закона—душевно-больные невмѣняемы—въ высшей степени трудно, а иногда, при современномъ состояніи психіатріи, и совершенно невозможно; но въ этомъ виновата не неполнота и неясность теоретическаго рѣшенія вопроса, а безконечное разнообразіе психическихъ явленій, подлежащихъ нашему изученію, несовершенство нашихъ методовъ изслѣдованія, неполнота нашихъ знаній вообще. Вотъ гдѣ источникъ тѣхъ непобѣдимыхъ иногда затрудненій, которая представляются въ судебной практикѣ.

Безспорно, что единственный вѣрный путь къ возможно правильному примѣненію выработаннаго наукою и житейскою опытностью принципа — душевно-больные невмѣняемы—это распространіе знанія психіатріи между юристами и, вообще, между образованными людьми, солидное образованіе психіатровъ, которые обязаны основательно знать психологию; чѣмъ болѣе будетъ солидно подготовленныхъ психіатровъ, чѣмъ болѣе будетъ юристовъ, знакомыхъ съ основами психіатріи, тѣмъ менѣе будетъ затрудненій при рѣшеніи спора о невмѣняемости подсудимыхъ, страдающихъ душевною болѣзью, и вмѣняемости преступниковъ съ нѣкоторыми болѣзненными признаками психической организаци. Исключая тѣ случаи, когда, по чисто-внѣшнимъ обстоятельствамъ, нельзя имѣть точныхъ свѣдѣній о состояніи подсудимаго во время преступленія, о его предъидущей жизни,—наиболѣе затрудненія представляютъ тѣ случаи, когда на-лицо имѣются (даже при самомъ тщательномъ наблюденіи и изслѣдованіи) только нѣкоторые признаки душевной болѣзни, нѣкоторыя аномаліи психической организаци; но болѣзненныхъ явленій недостаточно для категорическаго утвержденія, что мы имѣемъ дѣло съ душевно-больнымъ, т. е. съ человѣкомъ, лишеннымъ свободной воли. Въ такихъ случаяхъ, много зависитъ отъ наблюдательности и опытности эксперта; Касперъ ¹⁾ говоритъ вполне справедливо: «Психическое разстройство не составляетъ нѣчто цѣлое, ограниченное, предѣльное; напротивъ, предѣлы его тѣсно соприкасаются и сливаются съ нормальнымъ состояніемъ, и только личная опытность и качество психіатра даютъ ему возможность отличить уклоненіе тамъ, гдѣ большинство неопытныхъ психіатровъ не замѣтитъ ничего ненормальнаго. Понятно, что тамъ, гдѣ мы должны основы-

¹⁾ Касперъ. „Руководство къ Судебной Медицинѣ“, стр. 379.

ваться на личных качествах, а не на объективности, легко возможны ошибки; этот вывод оправдывается действительной жизнью: несогласия и даже противорѣчія относительно нормальности и ненормальности умственныхъ отпавленій одного и того-же субъекта встрѣчались, встрѣчаются, и будутъ встрѣчаться даже между лучшими психіатрами. Понятія о помѣшательствѣ не просты, онѣ состоятъ изъ многихъ и различныхъ элементовъ, а потому остается прибѣгать къ множеству средствъ, при помощи которыхъ стараются облегчить, разрѣшеніе этой трудной задачи въ возможно-большемъ числѣ случаевъ».

Слѣдовательно, затрудненія исключительно зависятъ отъ крайней, сложности дѣла, отъ отсутствія объективныхъ мѣрилъ, отъ недостаточности нашихъ свѣдѣній о психическихъ явленіяхъ. Само собою разумѣется, что единственный путь къ возможному устраненію недоразумѣній при судебно-психіатрической экспертизѣ—это увеличеніе нашихъ свѣдѣній о психическихъ явленіяхъ, т. е. процессахъ въ головномъ мозгу.

Впрочемъ, чтобы не измѣнять разъ принятому правилу—излагать, главнымъ образомъ, свѣдѣнія, необходимыя для составленія собственныхъ сужденій, на основаніи этихъ свѣдѣній,—я, и въ данномъ вопросѣ, считаю необходимымъ ограничиться лишь тѣмъ, что намъ извѣстно о вліяніи психическихъ разстройствъ на произвольные поступки заболѣвшаго. Когда вопросъ споренъ, потому что мало изученъ—то, что извѣстно точно и со всѣхъ сторонъ, не можетъ возбуждать споровъ,—то необходимо возможно подробнѣе ознакомиться съ предметомъ, для того, чтобы, на основаніи уже собственныхъ свѣдѣній, руководиться собственнымъ взглядомъ и быть въ силахъ критически относиться къ мнѣніямъ другихъ. Поэтому, я ограничился изложеніемъ намъ точно извѣстнаго о томъ, что такое свобода воли; зная, что такое воля, какъ понимается свобода воли, и, затѣмъ, изучивъ главные элементы душевныхъ болѣзней, всякій составитъ себѣ самостоятельный взглядъ о невмѣняемости душевно-больныхъ. Изученіе предмета, главнымъ образомъ, должно стремиться къ тому, чтобы дать основанія для выработки самостоятельныхъ взглядовъ и, отнюдь, не должно состоять въ навязываніи взглядовъ кому-бы они ни принадлежали. Психіатрія, какъ знаніе, основанное на наблюденіяхъ, тѣмъ болѣе должна избѣгать ссылокъ на авторитеты; нашъ единственный учитель—это природа; поэтому, психіатрія состоитъ не изъ

миѣній, опредѣлений, положеній и т. п., а изъ наблюденій надъ явленіями природы; наша задача—научиться самостоятельно наблюдать природу и понимать результаты этого наблюденія; все, что составляетъ психіатрію, подлежитъ провѣркѣ каждаго: ничего не должно быть принимаемо на-вѣру, никакой авторитетъ не долженъ мѣшать наблюдать природу самостоятельно. Понимая такъ свою задачу, я ни теперь, ни позже не буду всесторонне разбирать вопроса о невмѣняемости душевно-больныхъ, такъ какъ эти теоретическія разсужденія ничему научить не могутъ. Самое обиліе трактатовъ по этому предмету на мой взглядъ, крайне простому, указываетъ, что вопросъ темень, неясенъ, и, главное, не указано на раціональное къ нему отношеніе. Имѣя точныя, опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что такое воля и въ чемъ состоитъ ея свобода, и зная—изъ какихъ измѣненій психической жизни слагается душевная болѣзнь, не трудно составить себѣ сужденіе—дѣйствительно ли душевная болѣзнь влечетъ за собою потерю свободы воли. Поэтому, вмѣсто того, чтобы приводить миѣнія разныхъ авторовъ о невмѣняемости душевно-больныхъ, знакомить съ ихъ взглядами, доказательствами и выводами, я ограничился изложеніемъ главнѣйшихъ данныхъ научной психологіи о волѣ,—въ полной увѣренности, что это лучший способъ выяснитъ сущность дѣла.

Прибавлю нѣсколько словъ объ аномаліяхъ воли у врожденныхъ преступниковъ, насколько это выяснено криминальною антропологіею. Я вполне понимаю громадную важность этой темы, тѣмъ болѣе, что о волѣ преступниковъ было высказано такъ много, что сказать что-либо объ этомъ предметѣ новое,—весьма трудно; предметъ этотъ такъ важенъ, что требуетъ самой подробной разработки; поэтому я, отнюдь не вдаваясь во всестороннее разсмотрѣніе предмета, ограничусь указаніемъ на ту особенность воли, которая не достаточно оцѣнена до настоящаго времени. Талантливый изслѣдователь исторіи нравственности,—Лекки, вполне вѣрно говоритъ, что тотъ, кто найдетъ общіе законы безнравственныхъ поступковъ, установитъ патологию нравственности,—сдѣлаетъ величайшее открытіе. Всѣ усилія немногочисленныхъ работниковъ въ области криминальной антропологіи не привели насъ пока къ уразумѣнію того,—какія аномаліи воли обуславливаютъ не только безнравственные, но даже преступные поступки. Нельзя сомнѣваться, что у большинства преступниковъ воля слабѣе, чѣмъ у честныхъ людей, уже потому, что человѣку несвойственно стремиться къ тому, что

ему вредно, или какъ говорить Bossuet ¹⁾: «Vouloir est une action par laquelle nous poursuivons le bien et fuyons le mal et choisissons les moyens pour parvenir à l'un et éviter l'autre». Безспорно, что у преступниковъ преобладаютъ эгоистическія чувствованія, т. е. злыя чувствованія, но нельзя согласиться, что, будто-бы, есть злая воля. Воля сама по себѣ—ни добра, ни зла, она опредѣляется злыми или добрыми чувствованіями, и можетъ быть только или слабой, или сильной. Но чѣмъ можно доказать слабость воли у привычныхъ преступниковъ? Извѣстно, что большинство преступниковъ крайне непослѣдовательны, не обладаютъ постоянствомъ, выдержкой, настойчивостью въ преслѣдованіи отдаленныхъ цѣлей. Но все это не поддается точнымъ опредѣленіямъ, а тѣмъ болѣе измѣреніямъ. Такое опредѣленіе воли не можетъ считаться строго научнымъ, тѣмъ болѣе, что постоянство, настойчивость—явленія, въ высшей степени, сложныя, и поэтому, даже доказавъ, что преступники непостоянны, не обладаютъ настойчивостью, мы этимъ не укажемъ на аномалію основного элемента психической дѣятельности. Наконецъ, мы вовсе не имѣемъ опредѣленной, научно установленной мѣрки для опредѣленія степени постоянства, и т. д.

Гораздо болѣе имѣетъ значенія, по моему мнѣнію, замѣченная и никѣмъ не оспариваемая особенность большинства преступниковъ—это ихъ лѣность, неспособность къ труду, особенно къ регулярному и усидчивому. Лѣность, положительная неспособность трудиться многихъ преступниковъ обыкновенно бываетъ и главной причиной преступленія. Можетъ ли лѣность считаться доказательствомъ слабости воли? Или же она же зависитъ отъ недоразвитія другихъ психическихъ силъ? Я думаю, что неспособность къ труду,—конечно, къ труду самостоятельному и безъ непосредственного посторонняго понужденія, служить лучшимъ доказательствомъ слабости воли. Въ правильномъ, самостоятельномъ трудѣ воля, какъ наша внутренняя энергія, находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе. Дикари, дѣти не могутъ работать самостоятельно и упорно, ихъ слабая воля выражается порывами, вспышками; они могутъ лишь непродолжительное время проявлять свою энергію. Только способность къ труду, требующему продолжительнаго напряженія и терпѣнія, доказываетъ полное развитіе воли, опредѣляемой постоянными, разъ навсегда выработанными мотивами.

¹⁾ Conn. de Dieu, ch. I, 18.

Наконецъ, регулярный, усидчивый трудъ есть лучшее средство для развитія воли; человѣкъ, никогда не работавшій, не можетъ воспитать въ себѣ воли, онъ навсегда останется неспособнымъ къ послѣдовательности, у него не можетъ выработаться твердость воли. Я не могу допустить, чтобы человѣкъ, одаренный сильной волею, избѣгалъ труда; для него постоянное проявленіе, постоянное упражненіе его внутренней силы, — такая-же глубокая потребность, какъ движеніе для всякаго здороваго человѣка. Въ трудѣ человѣкъ постоянно находитъ способъ для проявленія своей воли, средство примѣнить ее такъ или иначе; правильно развитые, въ психическомъ отношеніи, лица увѣряютъ, что лишеніе возможности трудиться — есть ужасное лишеніе. Поэтому, нельзя не отмѣтить, что любовь къ праздности, неспособность къ труду, свойственныя многимъ преступникамъ — есть существенное уклоненіе отъ правильнаго типа психической организаци. Человѣкъ, здоровый физически, ненавидяшій трудъ, неспособный къ труду, рѣзко отличается отъ нормальныхъ людей; эта неспособность къ труду служить доказательствомъ несовершенства его психической организаци. Мы не имѣемъ права считать врожденныхъ, привычныхъ преступниковъ, какъ это дѣлаетъ *Bénédict*, нейрастениками, но должны согласиться, что, насколько они неспособны къ труду, они суть лица съ несовершенной психической организацией. Какъ-бы ни велика была ихъ энергія, проявляемая на короткое время, для достиженія ближайшихъ цѣлей, все-таки воля ихъ слаба, потому что они не любятъ труда, неспособны къ напряженію, не обладаютъ терпѣніемъ.

Тѣ бѣглыя замѣчанія, которыя были приведены здѣсь о характерѣ врожденныхъ привычныхъ преступниковъ, имѣли цѣлью лишь обратить вниманіе на этотъ предметъ; если-бы все выводы криминальной антропологіи и оказались-бы невѣрными, — знаніе ихъ, все-таки, полезно въ томъ отношеніи, что обращаетъ нашу любознательность на явленія, мало или даже совершенно неизученныя.

Г Л А В А X.

Разстройства организма при душевных болѣзняхъ.

Выражается-ли душевная болѣзнь измѣненіями организма, или, говоря иначе, можно-ли по состоянію организма судить о состояніи психическаго здоровья? Все, что мы знаемъ о соотношеніи духа и тѣла, говоритъ въ пользу предположенія, что всякое уклоненіе психической дѣятельности должно сопутствоваться уклоненіями въ дѣятельности организма; однако, съ настоящаго времени, при многихъ психическихъ болѣзняхъ, не найдено какихъ-либо постоянныхъ измѣненій организма; а потому, мы должны распознавать душевную болѣзнь по тѣмъ измѣненіямъ, которыя она вызываетъ въ психической дѣятельности; только при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ имѣются физическіе признаки, въ видѣ разстройствъ рѣчи, движенія, питанія, мочеотдѣленія и т. д.

По ближайшему соотношенію, которое столь очевидно, между психической дѣятельностью и рѣчью,—уже à priori можно сказать, что главнѣйшее разстройство при душевныхъ болѣзняхъ—это разстройство рѣчи; и дѣйствительно, это единственный соматическій признакъ помѣшательства, хорошо изученный.

Считаю необходимымъ предупредить, что дальнѣйшее изложеніе будетъ скорѣе перечисленіе, чѣмъ описаніе физическихъ признаковъ помѣшательства, потому что самое подробное описаніе не научитъ ихъ различать—необходимо ихъ видѣть, и затѣмъ перечисленіе ихъ можетъ лишь служить къ лучшему сохраненію памяти видѣннаго.

Разстройства рѣчи весьма разнообразны. Собственно нельзя считать самостоятельнымъ разстройствомъ рѣчи какъ абсолютное молчаніе, такъ и необычайно быструю рѣчь; тоже слѣдуетъ сказать и о своеобразныхъ формахъ выраженій и объ иносказательной рѣчи, наблюдаемой у нѣкоторыхъ больныхъ подъ вліяніемъ идей бреда, слабоумія и т. д.; образованіе новыхъ словъ также, болѣею частію, зависитъ отъ чисто-психическихъ причинъ. Едва-ли нужно говорить, что крайнее слабоуміе, какъ приобрѣтенное, такъ и врожденное, выражается скудностью рѣчи: больной знаетъ слова, обозначающія наиболѣе часто встрѣчаемые предметы, или даже повторяетъ слышанныя слова, не понимая ихъ значенія.

Чтобы яснѣе понять связь между разстройствомъ психической дѣятельности и разстройствомъ рѣчи, необходимо формулировать условія,

необходимы для пользованія рѣчью; онѣ слѣдующія: а) слышаніе словъ, какъ звука; б) слышаніе словъ, какъ таковыхъ, т. е. пониманіе ихъ; есть больные, для которыхъ слова—непонятные звуки; в) сочетательная дѣятельность — слышанное путемъ ассоціаціи вызываетъ въ поле сознанія другіе; д) переходъ представленія, составляющаго отвѣтъ, въ слово; есть больные, отлично знающіе, что нужно сказать, но не могишіе припомнить словъ, составляющихъ придуманный отвѣтъ, е) превращеніе звуковыхъ образовъ, т. е. словъ въ соответствующія двигательныя представленія; есть больные, забывшіе тѣ движенія, которыя необходимы для того, чтобы произнести слова, т. е. забывшіе то, что выучено въ раннемъ дѣтствѣ; г) способность иннервировать, т. е. приводить въ движеніе мышцы, дѣятельность которыхъ необходима для произнесенія словъ.

Изъ настоящаго перечисленія того, что необходимо для правильной рѣчи, понятно, что многія уклоненія психической дѣятельности—правильнѣе сказать всѣ—выражаются измѣненіемъ рѣчи: малѣйшее душевное волненіе, какъ извѣстно всѣмъ, вызываетъ измѣненіе рѣчи.

Кромѣ чисто-психическихъ причинъ, обуславливающихъ разстройство рѣчи, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не малую роль играетъ и разстройство двигательной сферы; это разстройство является обыкновенно выраженіемъ тяжелаго мозговаго страданія и указываетъ на неизлечимость болѣзни—*l'embarras de la parole est une signe mortelle*,—сказалъ вполне вѣрно Esquirol.

Эти чисто двигательныя разстройства состоятъ въ измѣненіи координаціи; является *спотыканіе*; необходимо имѣть въ виду, что при данномъ разстройствѣ, имѣющемъ столь важное прогностическое значеніе, затруднено произношеніе словъ, между тѣмъ какъ всѣ отдѣльныя звуки произносятся правильно; при образованіи же изъ нихъ словъ являются всевозможныя неправильности; больной останавливается—спотыкается, не окончивъ словъ; чаще всего, въ длинныхъ словахъ, особенно при переходѣ отъ одного сочетанія звуковъ къ другому, нѣкоторые слоги пропускаются или замѣняются другими; при этомъ, звукъ голоса обыкновенно бываетъ носовой, вслѣдствіе дрожанія языка и мышцъ, окружающихъ ротъ; рѣчь имѣетъ прерывистый характеръ. Само собою разумѣется, что рѣчь становится медленной и, въ концѣ болѣзни, обыкновенно больной долго тянетъ каждый слогъ и произноситъ слова столь неправильно, съ такими остановками, пропусками, замѣной однихъ буквъ и слоговъ другими, что рѣчь боль-

ного становится непонятной. Въ началѣ болѣзни, если больной говоритъ медленно и покойно, только опытный психіатръ подмѣтитъ расстройство рѣчи, которое обнаруживается ярче, когда больной говорить скорѣе и произносить длинные, трудныя для произношенія слова ¹⁾).

Координаторное расстройство рѣчи вообще распознается легко тѣмъ болѣе, что, при этомъ, всегда имѣются на-лицо нижеописанныя двигательныя расстройства языка и мышцъ, окружающихъ ротъ. Только при бѣгломъ изслѣдованіи, координаторное расстройство рѣчи паралитиковъ можно смѣшать съ косноязычіемъ (disarthria litteralis), при косноязычій страдаетъ, въ отдѣльности, тотъ или другой звукъ, при полной цѣлости остальныхъ; только при произнесеніи слова, въ составъ котораго входитъ звукъ, произнесеніе котораго затруднено, обнаруживается косноязычіе; послѣднее, какъ и вообще почти все неправильности и расстройства рѣчи, чаще всего, наблюдается у лицъ съ болѣзненною организаціей, у невропатовъ, у вырождающихся. Какъ ни интересны, въ теоретическомъ отношеніи, многія расстройства рѣчи, однако, мы не можемъ останавливаться на ихъ описаніи, а должны ограничиться изученіемъ весьма важнаго, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, расстройства рѣчи, извѣстнаго подъ названіемъ афазіи (aphasia), весьма нерѣдко сочетаннаго съ психическимъ расстройствомъ въ формѣ слабоумія. Само собою разумѣется, что здѣсь дано будетъ самое общее и сжатое описаніе этого расстройства, знаніе котораго обязательно для практическаго врача и юриста.

Афазіей называется всякое отсутствіе способности произносить слова, зависящее отъ пораженія коры головного мозга, независимо отъ того— потеряна ли способность артикуляціи или дикціи. Потеря способности артикуляціи состоитъ въ невозможности двигательной координаціи словъ; больной не можетъ, при сохраненіи въ цѣлости двигательнаго аппарата рѣчи, совершать необходимыя движенія для произнесенія словъ, или совершаетъ столь неправильно, что, желая произнести какое-либо слово, онъ самъ, сознавая это, произноситъ совсѣмъ другое, или даже просто наборъ слоговъ, т. е. даже не слово. Встрѣчаются случаи полной потери рѣчи, когда больные, сохраняя ясное, пониманіе при цѣлости двигательнаго аппарата рѣчи, помня слова, какъ акустическіе образы, не могутъ воспроизводить

¹⁾ Наприм. „гвардейская артиллерійская бригада.“

эти послѣднія въ соответствующихъ звукахъ. Въ такихъ случаяхъ, больные не могутъ выразить слова звуками, не могутъ повторить, если имъ подсказывать; если даже они слѣдятъ за языкомъ и губами другихъ лицъ, произносящихъ эти слова, то и тогда они не могутъ сдѣлать тѣхъ движеній, которыя необходимы для произнесенія этихъ словъ. Легко убѣдиться, что отсутствіе рѣчи зависитъ не отъ потери памяти словъ, если у больного сохранена письменная рѣчь.

Гораздо чаще способность рѣчи теряется не вполне; больной можетъ произносить короткія, часто употребляемые слова (вода, я, дай, и т. п.), или же, при нѣкоторомъ усилии, можетъ произносить, нѣсколько сходныя съ желаемыми, слова, такъ что рѣчь его для его близкихъ не вполне непонятна. Въ высокой степени тягостно такое состояніе для самихъ больныхъ—не имѣя возможности говорить, или произнося однѣ слова вмѣсто другихъ, они сознаютъ свое положеніе, свою неспособность выразить желаемое, и сердятся, когда, вмѣсто нужнаго слова, у нихъ выходитъ или другое, или не имѣющее никакого значенія. Еще болѣе ужасно положеніе больныхъ, если, вмѣстѣ съ потерей способности словесной рѣчи, укорачивается и письменная рѣчь (аграфія). Такіе больные неспособны изображать буквы; у нихъ выходятъ черточки, палочки, но не буквы, что нѣкоторые больные вполне ясно сознаютъ. Они забываютъ заученныя движенія, которыми мы, безъ всякаго усилія и даже безсознательно, изображаемъ буквы. Аграфія можетъ быть неполной—больной еще можетъ, съ трудомъ, написать свое имя, нѣсколько буквъ, но дѣлаетъ неправильныя движенія, выводитъ каждую черточку съ трудомъ, какъ неумѣющій писать. Наконецъ, извѣстны случаи—они рѣдки,—въ которыхъ больные теряютъ языкъ тѣлодвиженій, способность мимическихъ выразительныхъ движеній; эти несчастные окончательно лишены возможности выражать свои желанія. Афазія, зависящая отъ потери тѣхъ пріемовъ, которые необходимы для произнесенія словъ, называется *атактической*; эта форма афазіи имѣетъ наибольшее значеніе въ судебномедицинскомъ отношеніи, потому что можетъ быть у больныхъ, психическія способности которыхъ вполне сохранены.

Потеря способности рѣчи, состоящая въ утратѣ дикціи словъ, называется *амнестической*. При амнестической афазіи отсутствуетъ внутреннее слово, утрачена способность вызывать въ памяти чувственные образы или акустическіе, звуковые знаки. Больной можетъ прекрасно все помнить, въ сознаніи его могутъ возникать представленія о пред-

метѣ и его свойствахъ, но онѣ забылъ, вполнѣ или отчасти, соответствующіе имъ образы словъ; при этомъ, артикуляція словъ вполнѣ сохранена, въ чемъ легко убѣдиться, подсказавъ больному забытое имъ слово.

Полная амнестическая афазія, вообще, бываетъ при болѣе или менѣе значительномъ разстройствѣ сознанія, и потому изслѣдованіе такихъ больныхъ и опредѣленіе состоянія ихъ психической дѣятельности довольно трудно. Гораздо чаще встрѣчается неполная амнестическая афазія; обыкновенно, существительныя, а особенно имена собственныя забываются легче, чѣмъ глаголы, союзы и т. д. Молитвы, пѣсни, поговорки сохраняются, обыкновенно, лучше всего, или, по крайней мѣрѣ, начальныя фразы ихъ. Письменная рѣчь, въ большинствѣ случаевъ, поражена въ бѣльшей степени, чѣмъ словесная; буквенныя знаки или вовсе забыты, или же не могутъ быть соединены въ слова. Также какъ и при атактической афазіи, и при амнестической—больной многія слова произноситъ неправильно, замѣняетъ ихъ другими, или произноситъ рядъ слоговъ, не имѣющій смысла; при амнестической афазіи больной иногда употребляетъ описательныя выраженія, чтобы объяснить какой предметъ ему нуженъ, если забыто названіе предмета (напр. вмѣсто ножницы,—то чѣмъ рѣжутъ; одинъ мой больной вмѣсто слова: ватерклозетъ, говорилъ: куда ходитъ одинъ). Очевидно однако, даже при поверхностномъ изслѣдованіи, глубокое различіе между атактической и амнестической афазіей; при атактической—забыты тѣ движенія, тѣ приемы, которые нужны для произношенія словъ—больной помнитъ слова, но забылъ, что нужно дѣлать, чтобы ихъ выговорить; при амнестической—забыты самыя слова, но не утрачена память тѣхъ движеній, тѣхъ приемовъ, которые необходимы для произнесенія словъ.

Чтобы понять афазію, ея генезисъ, нужно вдуматься въ то,—какъ дѣти научаются говорить, какъ мы учимся иностраннымъ языкамъ; кромѣ изученія словъ, необходимо еще выучиться ихъ произносить, что, напр., при изученіи англійскаго языка,—дѣло нелегкое. Впрочемъ, выше уже перечислены условія, необходимыя для пользованія рѣчью. Афазія представляетъ громадный интересъ, какъ въ клиническомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніи; кортикальныя, т. е. зависящія отъ пораженія мозговой коры, расстройства рѣчи выясняютъ намъ многое, какъ въ психологіи, такъ и въ физиологіи. Къ сожалѣнію, здѣсь мы должны ограничиться лишь тѣмъ, что имѣетъ особое значеніе въ судебно-психіатрическомъ отношеніи.

Еще разъ обращаю вниманіе, что при афазіи двигательный аппаратъ рѣчи можетъ быть вполне сохраненъ; при цѣлости этого аппарата, во всѣхъ его частяхъ, потеря рѣчи можетъ быть объяснена только афазіей; значительно труднѣе распознать афазію, если поврежденіе захватываетъ двигательный аппаратъ рѣчи, напримѣръ, при параличѣ языка. Дифференціальная діагностика между атактической и амнестической афазіей не представляетъ, вообще, большихъ трудностей, причемъ, однако, нужно имѣть въ виду, что, нерѣдко, потеря памяти словъ и потеря памяти заученныхъ пріемовъ для произнесенія словъ могутъ быть вмѣстѣ. Главное, на что должно быть направлено вниманіе при изслѣдованіи больного, страдающаго потерей способности рѣчи—это на опредѣленіе состоянія его умственныхъ способностей, что если и не трудно, но зато требуетъ большого терпѣнія со стороны изслѣдующаго. Однако, прежде чѣмъ перейти къ описанію судебно-медицинскаго значенія афазіи, считаю необходимымъ упомянуть о патолого-анатомическомъ субстратѣ афазіи, такъ какъ кортикальныя расстройства рѣчи убѣдительно доказываютъ полную гармонію между отправленіями и даже строеніемъ большихъ мозговыхъ полушарій и психическою дѣятельностью.

Извѣстно, что афазія бываетъ только при поврежденіи лѣваго полушарія; парезъ, или параличъ лѣвой половины тѣла обыкновенно не сопровождается афазіей, и, наоборотъ, она бываетъ при парезѣ, или параличѣ правой половины тѣла, т. е. правой руки, ноги. Слѣдовательно, центръ рѣчи находится въ лѣвомъ полушаріи, или, говоря иначе, рѣчь есть функція только лѣваго, а не обѣихъ полушарій. Разрушеніе праваго мозгового полушарія очень рѣдко сопровождается афазіей. Этотъ, въ высшей степени, интересный фактъ недостаточно объясненъ; мы знаемъ, однако, что у громаднаго большинства правая рука сильнѣе лѣвой, что лѣвша—рѣдкое исключеніе; это указываетъ на то, что лѣвое полушаріе, вообще, функционируетъ больше, его функціи обширнѣе, чѣмъ функціи праваго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что афазія бываетъ, главнымъ образомъ, при поврежденіи передней доли лѣваго полушарія. Многочисленныя наблюденія приводятъ къ заключенію, что афазія, чаще всего, бываетъ при поврежденіи задней трети третьей лобной извилины,—слѣдовательно, нужно думать, что способность рѣчи локализуется въ опредѣленномъ участкѣ мозговой коры ¹⁾. Представленія словъ, какъ звуковыхъ

¹⁾ Литература афазіи весьма обширна; обстоятельно изложено ученіе объ афазіи: Кусмауль. Расстройства рѣчи. (Цимсень, Т. XII). Wernike.

и письменныхъ образовъ, представленія тѣхъ движеній, которыя необходимы для произнесенія словъ,—слѣдовательно, двигательные образы словъ отлагаются и сохраняются въ опредѣленныхъ участкахъ мозговой коры лѣваго полушарія. Мозговья клѣтки коры этихъ участковъ, такимъ образомъ, являются какъ-бы хранителями этихъ представленій; при цѣлости клѣтокъ представленія эти сохраняются, и, путемъ сочетанія, всегда могутъ быть вызваны къ жизни, къ дѣятельности; при изолированномъ разрушеніи этихъ участковъ—центровъ рѣчи, вышеупомянутыя представленія погибаютъ, отчасти, или совершенно. Если поврежденіе этихъ участковъ мозга переходитъ въ выздоровленіе—то поскольку сохранены клѣтки, постолько должна возстановиться и утраченная способность рѣчи. Кромѣ того, извѣстно, что въ головномъ мозгу, вообще, здоровые его отдѣлы могутъ функционировать, такъ сказать, брать на себя работу больныхъ; поэтому, рѣчь можетъ возстановиться, если и не вполне, то въ значительной степени, даже при полномъ разрушеніи центровъ рѣчи.

Представляетъ-ли афазія доказательство невмѣняемости или правоспособности больного? Чаще всего такой вопросъ возбуждается при опредѣленіи правоспособности составителя духовнаго завѣщанія. Можетъ-ли больной, страдающій афазіей, совершать гражданскія сдѣлки; могутъ-ли послѣднія быть оспариваемы, только потому, что совершены афатикомъ. Здѣсь я повторю то, что повторялъ многократно по поводу подобныхъ вопросовъ—а именно, ни одно психическое расстройство (исключеніе составляютъ идеи бреда, но и потому, что идеи бреда всегда бываютъ рядомъ съ многими другими болѣзненными измѣненіями психической дѣятельности), само по себѣ, не можетъ служить основаніемъ для полнаго и точнаго заключенія о вмѣняемости или правоспособности изслѣдуемаго; тоже самое слѣдуетъ сказать и объ афазіи. У большинства афатиковъ, болѣе или менѣе, расстроена вся психическая дѣятельность; но изъ этого еще нельзя дѣлать вывода полной неспособности всѣхъ афатиковъ—правильно выражать свою волю; духовное завѣщаніе, обыкновенно, составляетъ конечный выводъ всѣхъ желаній, всѣхъ взглядовъ завѣщателя, планъ его, въ общихъ чертахъ, составленъ за много лѣтъ до того, пока завѣщатель рѣшился окончательно и письменно выразить свою волю. Большинство лицъ, въ моментъ состав-

Lehrbuch der Gehirnkrankheiten. Malachowsky. Versuch einer Darstellung unserer heutiger Kenntnisse in der Lehre von der Aphasie. (Sammlung klinischer Vortrage herausg. von Volkmann, № 324).

ленія духовнаго завѣщанія, не обладаютъ всѣми своими психическими силами—въслѣдствіе старости, физическихъ страданій, страха смерти, скорби объ участи близкихъ и т. п.; однако, это не служитъ причиною неутвержденія этихъ духовныхъ завѣщаній, какъ и вообще предсмертныхъ распоряженій, въ видѣ дарственной записи, выдачи векселей, фиктивной продажи имущества и т. п. Безспорно, что афазія можетъ быть при полной ясности разсудка, при цѣлости всѣхъ психическихъ способностей—слѣдовательно, афазія, сама по себѣ, не можетъ еще служить доказательствомъ неправоиспособности больного.

Нетрудно, путемъ всесторонняго изслѣдованія больного, опредѣлить состояніе его психической дѣятельности и, такимъ образомъ, точно выяснитъ значеніе афазіи; гораздо труднѣе, а иногда и совершенно невозможно дать правильное заключеніе объ отсутствующемъ или умершемъ составителѣ гражданскихъ актовъ. Въ такихъ случаяхъ, только показанія добросовѣстныхъ и наблюдательныхъ свидѣтелей могутъ выяснитъ самое главное—состояніе умственныхъ способностей афагика. Самъ же по себѣ фактъ, что больной не могъ говорить правильно, не имѣетъ рѣшающаго значенія; можно допустить, что больной, объяснивъ знаками свою волю, прочтетъ составленный актъ, признаетъ его правильнымъ и кое-какъ напишетъ свою фамилію—не утвердить такой актъ было-бы неправильно.

Двигательныя разстройства, зависящія отъ болѣзненнаго измѣненія самого двигательнаго аппарата, при душевныхъ болѣзняхъ, весьма разнообразны.

Очень трудно точно разграничить двигательныя разстройства, обусловленныя измѣненіями психической дѣятельности, отъ разстройствъ, зависящихъ отъ болѣзненныхъ измѣненій самого двигательнаго аппарата; далеко не всегда мы, изучая больного, можемъ точно опредѣлить причину ненормальныхъ движеній больного,—напр., скрежетаніе зубами, гримасы и т. п. При нѣкоторыхъ страданіяхъ центральной нервной системы (эпилепсія, истерія, прогрессивный параличъ, слабоуміе въслѣдствіе органическаго пораженія мозга, хроническій алкоголизмъ), вмѣстѣ съ психическими разстройствами, наблюдаются судороги; при всестороннемъ изученіи эпилепсіи и истеріи, оказалось, что судороги вовсе не непремѣнное явленіе, по крайней мѣрѣ не во всѣхъ случаяхъ они бывають, такъ что можно, съ полною точностью, діагностировать эпилепсію у больного, у котораго никогда ихъ не было.

При нѣкоторыхъ болѣзняхъ (прогрессивный параличъ, слабоуміе

вслѣдствіе органическаго страданія мозга, хроническій алкоголизмъ, старческое слабоуміе, эпилепсія, истерія) наблюдается дрожь (tremor), главнымъ образомъ, пальцевъ рукъ, мышцъ, окружающихъ ротъ и языка. Дрожь, вообще, (за исключеніемъ, при обостреніи, хроническаго алкоголизма въ формѣ бѣлой горячки—delirium tremens), признакъ тяжелаго пораженія центральной нервной системы; больные съ рѣзковыраженнымъ дрожаніемъ языка и мышцъ, окружающихъ ротъ (эти подергиванія особенно хорошо видны при движеніи—когда больной говоритъ, свиститъ, поетъ и т. п.), почти безъ исключенія неизлечимы. Практически важное замѣчаніе—если у изслѣдуемаго замѣчено такое дрожаніе, необходимо изслѣдовать состояніе его памяти и, вообще, умственныхъ способностей—почти всегда оказывается ослабленіе умственныхъ способностей, что вмѣстѣ составляетъ начало прогрессивнаго паралича или слабоумія на почвѣ органическаго страданія мозга. Нѣтъ болѣе патогномистическаго признака во всей психіатріи, какъ дрожаніе языка и мышцъ, окружающихъ ротъ, вмѣстѣ съ вышеприведенными расстройствами рѣчи.

Параличи, разной степени наблюдаемые, при тѣхъ-же страданіяхъ, не имѣютъ значенія въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, потому что обычно парезы и параличи появляются уже въ послѣднихъ стадіяхъ болѣзни, когда уже всякому очевидно полное разрушеніе всего организма.

Слѣдуетъ упомянуть о *тетаніи* и *катаlepsіи*; тетанія наблюдается при меланхоліи и при исходныхъ состояніяхъ слабоумія; мышцы напряжены и находятся въ состояніи легкой сгибательной контрактуры; это явленіе ограничивается сгибающими и приводящими мышцами рукъ; при попыткахъ разогнуть руки, больные обыкновенно оказываютъ громадное сопротивленіе. При катаlepsіи нѣтъ ни твердости, ни сгибанія мышцъ, но онѣ не оказываютъ никакого сопротивленія пассивнымъ движеніямъ и остаются, долгое время, въ первоначальномъ, принятомъ ими, или приданномъ имъ, положеніи. Наблюдается катаlepsія при меланхоліи, истеріи, эпилепсіи, маніи и слабоуміи.

При описаніи болѣзненныхъ измѣненій чувствованій, было сказано, что, при глубокихъ пораженіяхъ центральной нервной системы, дѣло можетъ доходить до потери чувствованія боли: больные не чувствуютъ самыхъ сильныхъ болевыхъ раздраженій. напр. обусловленныхъ воспаленіемъ брюшины ¹⁾.

¹⁾ Я помню маньяка, только часа за три до смерти переставшаго неистовствовать, и не жаловавшагося на боль до самой смерти; при вскрытіи, оказался острый, гнойный перитонитъ.

Если таковая потеря чувствительности (аналгезія)—общая, то причина ея лежитъ въ невозбудимости психическаго органа; если-же аналгезія мѣстная, напр., или на одной конечности, то она не стоитъ въ непосредственной связи съ психическомъ разстройствомъ и можетъ служить мотивомъ для бреда, конечно если психическое разстройство достигло до такой степени, что больной (чаще больная) не можетъ правильно оцѣнить неправильнаго функционированія нервной системы.

Повышенная возбудимость чувствованія боли (невралгія) часто сопровождается помѣшательствомъ; невралгія вообще явленіе, сопутствующее помѣшательству, т. е. не стоитъ въ непосредственной связи съ психическимъ разстройствомъ; часто невралгія образуетъ органической субстратъ для идеи бреда, т. е. послѣднія являются ложнымъ объясненіемъ происхожденія и значенія болей.

Ослабленіе или даже полное бездѣйствіе воспримчивости ко всѣмъ или только къ опущеніямъ одной части тѣла, также не рѣдкое явленіе при помѣшательствѣ; причины и значеніе ихъ, на сколько намъ извѣстно, вообще тѣ же, что и аналгезіи; конечно, полная или даже значительная общая анестезія указываетъ на глубокое помраченіе сознанія.

Геперѣстезіи, т. е. состоянія усиленной воспримчивости вообще менѣе часты и важны ¹⁾, чѣмъ анестезіи; чаще всего онѣ наблюдаются въ начальныхъ періодахъ болѣзни и указываютъ на общее временное возбужденіе центральной (сравнительно рѣдко периферической) нервной системы; затѣмъ, обычно, скоро слѣдуетъ истощеніе ея и, потому, болѣе или менѣе значительныя анестезіи.

Ислѣдованія всѣхъ этихъ болѣзненныхъ явленій требуютъ значительной опытности, такъ какъ, во первыхъ, возможенъ умышленный обманъ со стороны ислѣдуемаго, а во вторыхъ, что гораздо чаще, вслѣдствіе болѣзни, больные не могутъ долго напрягать вниманія, а потому даютъ разнорѣчающія показанія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе болевой чувствительности и состоянія кожной воспримчивости обязательно при ислѣдованіи всякаго больного, если только это возможно сдѣлать.

Температура тѣла вообще не стоитъ въ связи съ помѣшательствомъ; т. е. самое тяжелое психическое заболѣваніе можетъ проте-

¹⁾ Крафтъ-Эбингъ („Учебникъ психіатріи“. 1890. стр. 157), напротивъ, считаетъ, что гиперѣстезіи болѣе часты и важны, чѣмъ анестезіи, но я не могу съ нимъ согласиться.

катъ безъ всякихъ измѣненій въ температурѣ тѣла. Лишь въ нѣкоторыхъ періодахъ хроническаго алкоголизма, остраго бреда, прогрессивнаго паралича наблюдаются значительныя уклоненія температуры отъ нормы. Вообще-же, у душевно-больныхъ температура тѣла измѣняется лишь при какихъ-либо осложненіяхъ.

Пульсъ и дыханіе также не представляютъ какихъ-либо постоянныхъ уклоненій въ связи съ психическимъ разстройствомъ; при глубокихъ степеняхъ слабоумія, пульсъ и дыханіе могутъ быть совершенно нормальны. Небольшія уклоненія отъ нормы (въ его формѣ, а не частотѣ) пульса, при нѣкоторыхъ патологическихъ душевныхъ состояніяхъ, могутъ быть опредѣлены лишь весьма опытнымъ изслѣдователемъ и, притомъ, лишь съ помощью дорогихъ, точныхъ аппаратовъ, а потому изслѣдованія больныхъ, въ этомъ отношеніи, необязательны даже въ клиникахъ.

Болѣе характерны измѣненія въ вѣсѣ при помѣшательствѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, измѣненіе вѣса, лучше всѣхъ признаковъ, указываетъ на теченіе болѣзни. Быстрое паденіе вѣса указываетъ на тяжелое психическое состояніе больного; если испытуемый быстро худѣетъ, между тѣмъ, никакихъ измѣненій во внутреннихъ органахъ, объясняющихъ такой упадокъ питанія не констатируется, то безошибочно можно заключить объ ухудшеніи психическаго состоянія; тутъ уже не можетъ быть рѣчи о притворствѣ. Быстрое увеличеніе вѣса можетъ быть при улучшеніи психической болѣзни, и тогда служить указаніемъ наступающаго выздоровленія; если же, рядомъ съ увеличеніемъ вѣса, не замѣчается улучшенія психическаго состоянія—то это очень дурной признакъ, такъ какъ указываетъ на переходъ въ неизлечимое состояніе—слабоуміе; притупленіе и утрата чувствованій, а потому отсутствіе аффектовъ—встѣ главная причина, въ такихъ случаяхъ, улучшенія питанія больного, т. е. увеличенія вѣса.

Относительно мочеотдѣленія, можно ограничиться краткимъ замѣчаніемъ: недержаніе мочи, также какъ и разстройства дефекаціи бывають или при глубокомъ упадкѣ психической дѣятельности, въ безсознательномъ состояніи, при глубокомъ помраченіи сознанія, при полномъ поглощеніи всего сознанія какой-либо идеей бреда, или-же какъ одно изъ проявленій паралича всего двигательнаго аппарата.

Едва-ли нужно что-либо говорить объ аппетитѣ душевно-больныхъ—всякому извѣстно,—въ какой связи стоитъ аппетитъ съ психическимъ состояніемъ.

Разстройство менструаций у душевно-больныхъ женщинъ стоитъ въ непосредственной связи съ психическимъ состояніемъ, въ томъ смыслѣ, что при упадкѣ питанія, при общемъ истощеніи, вызванномъ душевною болѣзью, менструаціи дѣлаются скудны, запаздываютъ или даже совершенно, на-время, прекращаются. У очень многихъ больныхъ, во время менструаций, наступаетъ ухудшеніе болѣзненнаго состоянія, особенно у страдающихъ истеріей и маніей. При прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ, мѣсячныя, обыкновенно, совершенно прекращаются уже въ теченіе перваго года болѣзни.

Половая похоть, также какъ и всѣ остальные чувствованія, гораздо чаще бываетъ притуплена; глубокое слабоуміе ведетъ къ полному угасанію половыхъ чувствованій. Въ началѣ нѣкоторыхъ болѣзней, напр., прогрессивнаго паралича, при старческомъ слабоуміи, при маніи, половыя чувствованія нерѣдко бываютъ повышены, что иногда обусловливаетъ безстыдные поступки, и даже изнасилованіе. Трудно рѣшить, — насколько тутъ повышены половыя чувствованія и насколько притуплены высшія, нравственныя чувствованія.

Нужно остановиться на такъ называемыхъ, анатомическихъ признакахъ вырожденія.

Прежде всего, слѣдуетъ упомянуть объ аномаліяхъ образованія черепа; размѣры черепа на живомъ должны быть опредѣлены слѣдующіе; горизонтальная наибольшая окружность черепа (*circumferentia horisontalis*), на высотѣ наружнаго затылочнаго бугра и надпереносья, средняя у мужчинъ—55 сент., у женщинъ—53; понятно, что только значительныя уклоненія, и то, когда размѣры головы не соответствуютъ, вообще, размѣрамъ всего тѣла, могутъ имѣть наченіе, тоже слѣдуетъ сказать про наибольшій продольный діаметръ (*diameter antero-posterior maximum*); уже самое названіе показываетъ, что для опредѣленія его, нужно найти двѣ самыя отдаленныя точки на черепѣ въ передне-заднемъ направленіи; наибольшій поперечный діаметръ (*diameter transversus maximum*) опредѣляется также, какъ и предъидущій, нахожденіемъ двухъ наиболѣе отдаленныхъ точекъ въ поперечинѣ, понятно, на одной линіи; первый діаметръ у мужчинъ около 18; у женщинъ—17,5; второй—у мужчинъ—15, у женщинъ—14,5.

Число, найденное черезъ дѣленіе наибольшаго поперечнаго діаметра, помноженнаго на 100—на наибольшій продольный—называется показателемъ (*Index cranii*); у мужчинъ онъ около 80, у женщинъ—около 70; величина показателя служитъ основаніемъ для дѣленія чере-

повъ на долихоцефалическія (dolichocéphales) — показатель до 77,76; мезотицефалическія (mesoticephales) — показатель отъ 77,77 до 79,99 ¹⁾ и брахиоцефалическія (brachiocephales) — болѣе 80.

Однако, опредѣленія этихъ размѣровъ не могутъ имѣть практическаго значенія: незначительныя отклоненія ничего не доказываютъ; при большихъ же отклоненіяхъ, всегда психическое разстройство такъ очевидно, что опредѣленіе отклоненій въ размѣрахъ черепа можетъ имѣть только чисто-научное значеніе.

Непропорціональность между собственно головною и лицевою частью черепа, неравномѣрное развитіе обѣихъ половинъ лица могутъ быть подмѣчены опытнымъ глазомъ; тоже слѣдуетъ сказать относительно ненормальнаго положенія и чрезмѣрной величины ушей — непосредственнаго перехода ушной сережки въ кожу щеки. Анатомическими признаками вырожденія слѣдуетъ считать неполное дифференцированіе зубовъ, отсутствіе втораго прорѣзыванія ихъ, очень большой или очень малый ротъ, заячью губу, гипертрофію нижней губы, слишкомъ глубокое и узкое, или весьма широкое и плоское нѣбо, альбинизмъ, очень малый половой членъ, гипертрофію подкожной жировой ткани, слишкомъ малый ростъ и много другихъ отклоненій отъ нормы.

Какъ при констатированіи этихъ признаковъ, такъ и при оцѣнкѣ ихъ нужно соблюдать крайнюю осторожность; только рядомъ съ аномаліями психической организаціи, онѣ являются доказательствомъ вырожденія; безспорно, что есть субъекты съ нѣсколькими изъ перечисленныхъ аномалій и совершенно здоровые психически. До настоящаго времени, мало изучали нормальныхъ лицъ, а потому мы совершенно не знаемъ еще того, что слѣдуетъ считать за норму, и, напри- мѣръ, я, въ продолженіе трехъ лѣтъ, обращая особое вниманіе на симметрію лица, пришелъ къ выводу, что полная симметрія лица встрѣчается крайне рѣдко.

Точно также злоупотребляютъ изслѣдователи при антропологическомъ (собственно антропометрическомъ) изученіи преступниковъ; кто

¹⁾ Вообще принимаютъ только два типа — долихоцефаловъ, съ показателемъ до 80, и брахиоцефаловъ — болѣе 80. Желаящимъ ближе ознакомиться съ предметомъ, слѣдуетъ рекомендовать: Брока, Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій. Переводъ съ примѣчаніями Богданова.

изучалъ антропометрію, тотъ знаетъ, какъ трудно получать цифры, точно опредѣляющія искомое, и какъ часты, лучше сказать — почти неизбежны ошибки.

Криминальная антропология придаетъ большое значеніе всевозможнымъ анатомическимъ неправильностямъ и аномаліямъ. Ломброзо посвятилъ много труда изученію различныхъ уклоненій въ строеніи всего тѣла привычныхъ преступниковъ. Однако, до сихъ поръ не найдено какой-либо аномаліи, характеризующей всѣхъ преступниковъ; можно лишь согласиться съ представителями этой школы въ томъ, что у преступниковъ, чаще чѣмъ у честныхъ людей, встрѣчаются всевозможныя уклоненія отъ правильнаго типа черепа, лица, рукъ и, вообще, во всемъ тѣлѣ. Также, повидимому, вѣрно, что у преступниковъ можно, у cadaго въ отдѣльности, найти больше несовершенствъ, больше уклоненій отъ нормы, чѣмъ у честнаго человѣка; этихъ аномалій у cadaго врожденнаго преступника, вообще, больше, чѣмъ у большинства честныхъ людей. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ уклоненій и способовъ ихъ изслѣдованія — этому можно научиться только въ лабораторіи, подъ руководствомъ опытнаго антрополога — можно ограничиться замѣчаніемъ, что несовершенство организаціи преступниковъ, насколько оно выражается большимъ количествомъ аномалій, находимыхъ почти у cadaго изъ нихъ — болѣе чѣмъ вѣроятно, такъ какъ, только несовершенствомъ всей организаціи, можно объяснить ихъ неспособность жить такъ, какъ это наиболѣе выгодно для громаднаго большинства. Большинство преступниковъ — вырождающіеся, несовершенные во всѣхъ отношеніяхъ субъекты, органически неспособные жить такъ, какъ живутъ другіе; они неспособны трудиться, имъ чужды высшія этическія чувствованія, даже простое состраданіе, — трудно допустить, чтобы такое несовершенство психической организаціи не сопровождалось бы несовершенствомъ физической.

Г Л А В А X I.

Причины душевных болѣзней.

Нельзя понимать явленія, не зная причинъ, его производящихъ; тѣмъ болѣе необходимо знаніе причинъ для выясненія себѣ каждаго отдѣльнаго случая душевной болѣзни — каждаго душевно - больного. Когда, или вслѣдствіе неполноты наблюденія, или вслѣдствіе крайней сложности болѣзни, мы не можемъ высказать какого-либо положительнаго заключенія, то знаніе всей предыдущей жизни испытуемаго, тѣхъ условій, среди которыхъ онъ жилъ, можетъ дать намъ весьма цѣнныя данныя для болѣе полного выясненія его болѣзненнаго состоянія. Зная причины душевныхъ болѣзней, мы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣемъ возможность, сопоставляя причины и слѣдствія, устранить всѣ сомнѣнія о притворствѣ, доказать существованіе и причинъ, и болѣзненныхъ явленій у испытуемаго.

Вотъ почему я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подольше на изложеніи этиологіи душевныхъ болѣзней. Весьма трудно рационально классифицировать причины душевныхъ болѣзней, тѣмъ болѣе, что мы, далеко не во всѣхъ случаяхъ, понимаемъ причинную связь, то, — какъ именно дѣйствуетъ данная причина.

Прежде всего, нужно помнить, что почти всегда душевная болѣзнь есть результатъ многихъ причинъ; въ одномъ случаѣ, сумма многихъ причинъ, слабыхъ въ отдѣльности, своею совокупностью производитъ болѣзнь; въ другомъ — среди цѣлага ряда вредныхъ вліяній, мы можемъ выдѣлить двѣ, три причины, по преимуществу, вредоносно воздѣйствовавшія на здоровье; наконецъ, иногда одна причина, совмѣстно съ цѣлымъ рядомъ многихъ вредныхъ вліяній, произвела болѣзнь, и тогда мы ей приписываемъ болѣзнь. Второе очень важное обстоятельство, которое нужно имѣть въ виду при разборѣ дѣйствія причинъ — это взаимное отношеніе силы причинъ и почвы, на которую они дѣйствуютъ. Повидимому, ничтожныя причины у одного вызываютъ душевную болѣзнь; другой же, безъ всякаго замѣтнаго вреда, переноситъ самыя вредныя вліянія. Можно даже допустить, что есть люди, у которыхъ почти всѣ причины, вмѣстѣ взятыя, не могутъ вызвать душевной болѣзни; другіе же заболѣваютъ безъ всякой причины, т. е. тѣ неблагопріятныя

условія, среди которыхъ прекрасно чувствуютъ себя ихъ близкіе, достаточны, чтобы обусловить душевную болѣзнь.

Такимъ образомъ, правильнѣ всего, сначала, изучать тѣ условія, которыя одинаково вредны для здоровья всѣхъ и каждаго, затѣмъ перейти къ причинамъ, или, говоря правильнѣ, вредоноснымъ вліяніямъ, лежащимъ уже въ самомъ организмѣ заболѣвающаго, и, затѣмъ, рассмотреть самую почву, на которой развивается душевная болѣзнь, рассмотреть организацію, неустойчивую относительно вредоносныхъ условій.

Каждый, заболѣвшій душевной болѣзью, подвергался тѣмъ-же вреднымъ вліяніямъ, какъ и его ближніе, — это *предрасполагающія причины душевной болѣзни*; они, сами по себѣ, не вызываютъ душевной болѣзни, но это условія, вредныя для психическаго здоровья. Кроме того, заболѣвшій душевной болѣзью, почти всегда, въ самомъ своемъ физическомъ организмѣ, носитъ *случайныя или побочныя причины душевной болѣзни*; сюда слѣдуетъ отнести различныя болѣзни, особенно нервныя и отравленія.

Впрочемъ, какъ я говорилъ уже, всякая классификація условна; дѣйствіе причинъ многосторонне; мы не знаемъ пути дѣйствія многихъ причинъ; устанавливая принципъ для дѣленія причинъ, нужно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, облегчить усвоеніе и запоминаніе этиологіи душевныхъ болѣзней.

И такъ, мы сначала займемся внѣшними предрасполагающими причинами, затѣмъ — внутренними, свойственными лишь заболѣвшему организму, и, затѣмъ, перейдемъ къ изученію той психической организаціи, которая не выдерживаетъ обыкновенныхъ жизненныхъ условій, на почвѣ которой развиваются душевныя болѣзни.

1) Цивилизація — это предрасполагающая причина, общая для всѣхъ. Нѣкоторые весьма авторитетные психіатры, особенно-же Guislain, считаютъ доказаннымъ, что цивилизація ведетъ все къ большому и большому числу заболѣваній душевными болѣзнями.

Нужно, однако, сознаться, что мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ ни за, ни противъ такого предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ странахъ съ низкою культурою мало душевно-больныхъ, но потому-ли ихъ насчитываютъ тамъ мало, что ихъ тамъ дѣйствительно немного, или потому только, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія — этого мы рѣшить не можемъ; весьма вѣроятно, что въ нецивилизованныхъ странахъ много душевно-больныхъ умираютъ прежде-

временною смертью, многіе считаются просто нищими, бродягами, юродивыми, блаженными и т. п.

Тамъ-же, гдѣ правительство и общество принимаютъ живое участіе въ судьбѣ душевно-больныхъ, гдѣ регистрація душевно-больныхъ ведется правильно, тамъ всегда оказывается много душевно-больныхъ. Хотя всѣ имѣющіяся у насъ статистическія свѣдѣнія не могутъ считаться безусловно точными, однако, насколько намъ извѣстно, во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ относительное число душевно-больныхъ почти одинаково. Вотъ главные свѣдѣнія изъ весьма почтеннаго труда Koch'a ¹⁾.

Страны.	Годъ счисленія.	На 1000 жителей приходится душевно-больныхъ.
Пруссія	1871	2,23
Швейцарія	1870	2,04
Швеція	1870	2,16
Норвегія	1865	3,05
Данія	1870	2,18
Англія	1871	3,04
Ирландія	1871	3,05
Франція	1872	2,44
Бельгія	1868	1,68

Не имѣя статистическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о вліяніи цивилизаціи на заболѣваемость душевными болѣзнями, мы должны ограничиться теоретическимъ разсмотрѣніемъ вредныхъ, для психическаго здоровья, условій цивилизаціи.

Я никакъ не могу допустить, чтобы съ развитіемъ цивилизаціи увеличивалось число душевно-больныхъ. Безспорно, что въ жизни цивилизованнаго общества много крайне вреднаго для психическаго здоровья. Но если мы исключимъ злоупотребленіе спиртными напитками, столь распространенное во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ—то окажется, что все вредное для здоровья въ цивилизованномъ обществѣ, съ еще болѣшею силою, разрушаетъ здоровье въ нецивилизованныхъ.

Нищета нисшихъ классовъ, необезпеченный кусокъ хлѣба многихъ, непосильный трудъ—все это, въ еще болѣшей степени, сколько намъ извѣстно, составляетъ ужасное зло нецивилизованныхъ обществъ. Го-

¹⁾ Zur Statistik der Geisteskrankheiten in Württemberg.

ворять, что умственный трудъ, запросъ на который увеличивается съ ростомъ цивилизаціи, въ нашемъ обществѣ является одной изъ причинъ душевныхъ болѣзней; но, во-первыхъ, никто еще не доказалъ, что умственный трудъ вреденъ для психическаго здоровья, а во-вторыхъ,—цивилизация, путемъ улучшенія школы, развитія популяризаціи и т. п. дѣлаетъ умственный трудъ болѣе регулярнымъ, болѣе продуктивнымъ. Непосильный умственный трудъ, конечно, можетъ быть вреднымъ, но нѣтъ ничего, что не было бы пагубно для здоровья при злоупотребленіи. Притомъ-же, развитіе умственной жизни, умственныхъ силъ, требуемое цивилизаціей,—моментъ крайне благоприятный для психическаго здоровья.

Я, конечно, далекъ отъ мысли считать мое мнѣніе доказаннымъ, непроверяемымъ; всестороннее разсмотрѣніе вопроса отняло бы много времени, и не имѣетъ особо важнаго значенія. Я настаиваю лишь на томъ, что, не имѣя доказательныхъ данныхъ, считать цивилизацію причиною увеличенія числа душевно-больныхъ—мы не имѣемъ права, такъ какъ цивилизація, напротивъ, улучшаетъ условія жизни, ослабляетъ вредныя для психическаго здоровья условія.

Вообще, нужно быть крайне осторожнымъ при обсужденіи столь сложныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о вліяніи социальныхъ условій на психическое здоровье, иначе—можно придти къ самымъ ненаучнымъ заключеніямъ. Напримѣръ, какое могутъ имѣть значеніе попытки объяснить увеличеніе въ Россіи числа душевно-больныхъ измѣненіями условій жизни, произведенными великими реформами Царя-Освободителя, когда нѣтъ никакихъ доказательствъ такого увеличенія. Просто противно здравому смыслу допускать, что свобода, образованіе, справедливость, которыми было осчастливлено наше отечество этимъ Великимъ Монархомъ, могли оказаться вредными для психическаго здоровья.

Столь-же мало научны разсужденія о вредѣ «материалистическихъ стремленій», угасаніи «идеаловъ», и т. п. въ наше время,—о томъ, что общество, погрязшее въ материализмъ, чуждое идеальнымъ стремленіямъ, даетъ много душевно-больныхъ и т. п.; всѣ такія разсужденія свидѣтельствуютъ лишь о слабомъ образованіи ихъ авторовъ, о непониманіи научной методики, такъ какъ, всегда и всюду, громадное большинство было чуждо идеаловъ, отдавалось всецѣло заботамъ о матеріальныхъ благахъ; главное-же, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ, чтобы рѣшать такіе вопросы. Всегда и всюду, идеа-

листы обличали своихъ современниковъ въ грубомъ материализмѣ, что доказываетъ только то, что въ одномъ и томъ-же обществѣ уживаются различные взгляды, различные люди.

Гораздо поучительнѣе установить отношеніе между безнравственностью и душевными болѣзнями, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что порокъ разрушаетъ здоровье; но такъ какъ мы должны разсматривать порочность съ чисто антропологической точки зрѣнія, то этимъ вопросомъ мы займемся, когда будемъ говорить о наследственности душевныхъ болѣзней.

2) Національность.—Мы не имѣемъ какихъ-либо данныхъ утверждать, что національность имѣетъ вліяніе на число заболѣваній; я вполне согласенъ съ Краепelin, что евреи болѣе другихъ расъ склонны къ заболѣванію психическими болѣзнями, но точныхъ цифръ для такого заключенія у насъ нѣтъ. Вышеприведенныя цифры Кош'а какъ-бы указываютъ, что англичане больше другихъ національностей предрасположены къ душевнымъ болѣзнямъ,—но гораздо правильнѣе сравнительно большее число душевно-больныхъ въ Англіи объяснять тѣмъ, что тамъ болѣе точно регистрируются душевно-больные, такъ какъ законъ требуетъ, чтобы соответственныя власти знали и пеклись о каждомъ душевно-больномъ.

3) Общественное положеніе, занятіе.—Большинство авторовъ согласны относительно вліянія нѣкоторыхъ занятій на психическое здоровье, причѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, играетъ главную роль не само занятіе, а та весьма сложная сумма условій, среди которыхъ приходится жить лицамъ данной профессіи. Напримѣръ, довольно часто заболѣваютъ гувернантки, но причина заболѣванія, конечно, не само занятіе, а вся обстановка, часто весьма безотрадная, среди которой проходитъ жизнь многихъ гувернантокъ. У художниковъ, актеровъ наблюдали частое появленіе психическихъ разстройствъ, что легко объясняется тѣми крайними напряжениями, которыя неизбежны при этихъ профессіяхъ, неправильнымъ образомъ жизни, частою нуждою,—этою спутницею истинныхъ талантовъ. Въ военномъ сословіи психическія заболѣванія какъ будто болѣе часты, тѣмъ въ гражданскомъ населеніи; тоска по родинѣ, дурное питаніе, новыя непривычныя занятія у солдатъ, всевозможныя эксцессы, чрезмѣрное, хотя и рѣдкое, утомленіе, неудовлетворенное самолюбіе у офицеровъ—вотъ, вѣроятно, главнѣйшія причины этого факта. Едва-ли нужно объяснять, что, во время войны и нѣкоторое время послѣ нея, цифры заболѣванія душевными

болѣзнями у военныхъ еще значительнѣе. Особенно часты самоубійства между военными; такъ, по Kaster'у ¹⁾, на 100 самоубійствъ въ гражданскомъ населеніи, между военными въ Пруссіи достигаетъ до 293, во Франціи—253, въ Швеціи—423, а въ Австріи—до 643. Однако нельзя упускать изъ виду, что регистрація душевныхъ болѣзней въ арміи абсолютно точная, а въ населеніи много случаевъ душевной болѣзни остаются незамѣченными, почему, по всей вѣроятности, и обазывается, что между военными помѣшательство чаще, чѣмъ между невоенными.

Нѣкоторыя профессіи совершенно напрасно считаются вредными, такъ какъ вредны собственно не онѣ, а злоупотребленіе спиртными напитками, неизбежное пока, при этихъ профессіяхъ; впрочемъ, нужно оговориться, что наши свѣдѣнія по профессиональной психической гигиенѣ болѣе чѣмъ недостаточны. Напримѣръ, казалось-бы, что можетъ быть губительнѣе, для психическаго здоровья, того образа жизни, на которой обречены публичныя женщины, особенно въ домахъ терпимости,—между тѣмъ, проститутки весьма рѣдко заболѣваютъ душевными болѣзнями. Нѣкоторые авторы считаютъ доказаннымъ, что проститутки чаще честныхъ женщинъ заболѣваютъ психозами, но это положительно невѣрно. За тринадцать лѣтъ моей непрерывной дѣятельности въ разныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, я видѣлъ только одну проститутку. Изучая многочисленные отчеты заведеній для душевно-больныхъ, я не нашелъ ни одного факта въ доказательство того, что, будто-бы, проститутки чаще, чѣмъ честныя женщины, заболѣваютъ душевными болѣзнями; напротивъ того, заболѣванія душевной болѣзнию даже рѣже, чѣмъ у честныхъ женщинъ. Въ заведеніяхъ департамента Сены ²⁾ между 1601 больными женщинами, поступившими въ 1886 г., было только 15 проститутокъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что заболѣвшія психически проститутки, почти безъ исключенія, поступаютъ въ заведенія для душевно-больныхъ.

Распространено въ публикѣ мнѣніе ³⁾, что служба въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ предрасполагаетъ къ заболѣваніямъ душевными болѣзнями, но факты вовсе не подтврждаютъ такого мнѣнія, и между

¹⁾ Jrrrenfreund, 1871.

²⁾ Rapport sur le service des aliénés pendant l'année 1886.

³⁾ Извѣстный психіатръ Bucknill (Mental science. 1877) вполне раздѣляетъ это мнѣніе.

служащими въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ число заболѣвающихъ психозами ничуть не больше, а, вѣроятно, даже меньше, чѣмъ вообще во всемъ населеніи.

Вообще, никакой умѣренный трудъ, самъ по себѣ, не вреденъ для психическаго здоровья; вредно непосильное напряженіе, крайнее утомленіе. На основаніи собственныхъ наблюденій, позволю себѣ утверждать, что *крайне вредна* для психическаго здоровья *ночная работа* — какъ умственная, такъ и физическая. Очень часто я наблюдалъ; — какъ вредно отзывается на здоровьѣ, преимущественно нервной системы, ночная работа у писателей, служащихъ въ типографіи, на заводахъ, фабрикахъ; доказать цифрами моего заключенія я не могу, да едва-ли это и можно сдѣлать; впрочемъ, никто не рѣшится утверждать, что работа по ночамъ можетъ быть безвредной для психическаго здоровья.

Также на основаніи собственныхъ наблюденій, неподтвержденныхъ пока цифрами, я пришелъ къ заключенію, что продолжительная работа надъ вычислениями, со счетами (у инженеровъ, бухгалтеровъ, кассировъ), требующая постоянно крайняго вниманія, вредно отзывается на психическомъ здоровьѣ.

Вообще можно сказать, что нигдѣ, кромѣ заведеній для душевно-больныхъ, не встрѣчается такъ много лицъ безъ опредѣленныхъ профессій, неудачниковъ, лицъ, перепробовавшихъ самыя разнообразныя занятія, но, конечно, не отсутствіе опредѣленныхъ занятій обуславливаетъ душевную болѣзнь, а само врожденное несовершенство психической организациі ведетъ къ тому, что эти пасынки природы не находятъ себѣ дѣла.

Общественное положеніе не имѣетъ никакого вліянія на сохраненіе психическаго здоровья: всѣ классы общества, всѣ сословія даютъ одинаковое число душевно-больныхъ; казалось-бы, что нищета, разрушая психическое здоровье нисшихъ классовъ общества, должна обуславливать болѣе частое заболѣваніе бѣдняковъ; однако, богатые такъ часто, во зло своему здоровью, тратятъ свое состояніе, что число душевно-больныхъ между богачами ничуть не меньше, чѣмъ между нищими.

4. Поль. Между мужчинами помѣшательство вообще чаще, чѣмъ между женщинами, что я думаю объясняется, главнымъ образомъ, сравнительно большимъ злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ мужчинами. Въ пріемный покой при префектурѣ полиціи въ Парижѣ, съ 1872 по 1888 г., поступило 62.572 заболѣвшихъ, изъ нихъ 34.802 мужчинъ

и 27.770 женщинъ ¹⁾). Почти то-же въ Пруссiи — въ 1885 г., въ заведенiя Пруссiи поступило 6.919 мужчинъ и 5.134 женщинъ ²⁾).

5. Семейное состоянiе.—Между холостыми и незамужними заболѣванiя душевными болѣзнями встрѣчаются чаще, чѣмъ между живущими въ брачномъ сожитiи. Объясняется это тѣмъ, что лица, предрасположенныя къ заболѣванiю душевными болѣзнями, рѣже, чѣмъ нормальныя, вступаютъ въ бракъ, а также и тою благопрiятною для здоровья обстановкою, которую создаетъ семейная жизнь.

6. Возрастъ.—Какой возрастъ даетъ наибольшее число душевно-больныхъ?

На этотъ счетъ наши свѣдѣнiя довольно обстоятельны. Душевная болѣзнь, чаще всего, поражаетъ лицъ въ полномъ разцвѣтѣ ихъ психическихъ силъ, и рѣже всего дѣтей.

Tissot ³⁾ даетъ такiе цифры:

Возрастъ.	% больныхъ на 100.000 населенiя въ Бельгiи.
2—5	0,07
5—10	0,64
10—20	4,41
20—30	14,07
30—40	20,00
40—50	22,44
50—60	15,44
60—70	10,57
болѣе 70	5,54

возрастъ неизвѣстенъ 736 лицъ.

Относительно душевно-больныхъ арестантовъ я получилъ слѣдующiя данныя:

Возрастъ.	Число мужчинъ.	Число женщинъ.	Итого.
15—20	12	1	13
20—30	48	11	59
30—40	32	6	38
40—50	14	4	18

¹⁾ P. Garnier. La folie à Paris. 1890.

²⁾ Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. 1890.

³⁾ La Folie, p. 564.

Возрастъ.	Число мужчинъ.	Число женщинъ.	Итого.
50—60	4	1	5
болѣе 60	—	1	1
неизвѣстно	4	2	6
	114	26	140

7. Прежде приписывали значеніе временамъ года, какъ причинамъ душевныхъ болѣзней; что время года не имѣетъ особаго вліянія, можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы:

Статистика пріемнаго покоя парижской полиціи за 1886—88 г. ¹⁾.

Мѣсяцы.	Число поступившихъ.
Январь	635
Февраль	579
Мартъ	692
Апрѣль	750
Май	763
Іюнь	774
Іюль	682
Августъ	658
Сентябрь	663
Октябрь	659
Ноябрь	676
Декабрь	608
	8.139

8. Душевные волненія, умственное утомленіе (психическія или нравственныя причины).—Я отношу эти причины къ предрасполагающимъ, такъ какъ на долю каждаго выпадаютъ страданія: всѣ люди обречены на нравственныя мученія, всѣмъ назначено въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой. Прежде психіатры приписывали большое значеніе душевнымъ волненіямъ, какъ причинѣ душевныхъ болѣзней, ссылаясь на то, что большинство заболѣвшихъ душевной болѣзнью жаловались на перенесенныя душевныя волненія; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что большинство, и весьма значительное большинство человѣчества, съ полнымъ правомъ, можетъ жаловаться на перенесенныя тяжелыя душевныя муки, и едва-ли можно найти многихъ, которые избѣгли душевныхъ бурь.

¹⁾ P. Garnier (op. cit).

Угнетающіе аффекты, горе, страхъ—вотъ самыя вредныя для психическаго здоровья душевныя волненія. Онѣ могутъ явиться одной изъ причинъ душевной болѣзни, вслѣдствіе своего особеннаго вліянія на организмъ ¹⁾. Какъ извѣстно, горе разстраиваетъ питаніе; бессонница, потеря аппетита, измѣненія въ дыханіи и кровообращеніи—все это крайне вредно отзывается сперва на физическомъ, а потомъ уже и на психическомъ здоровьѣ. Особенно вредно, какъ наблюдалъ я, бессонница—почти неизбѣжное послѣдствіе всякаго сильнаго душевнаго волненія. Чѣмъ продолжительнѣе душевное волненіе—тѣмъ оно опаснѣе. Испугъ-же, въ нѣкоторыхъ, правда рѣдкихъ, случаяхъ, сразу вызываетъ психическое разстройство.

Причины тяжелыхъ душевныхъ волненій, конечно, у всякаго свои, и почти невозможно установить, что наиболѣе часто вызываетъ душевную болѣзнь; хорошаго семьянина, болѣе всего, поражаетъ потеря кого-либо изъ членовъ семьи; другого, главной страстью котораго было честолюбіе, убиваетъ обстоятельство, испортившее его карьеру; третьяго, вся жизнь котораго была посвящена скопленію богатства, въ безысходное горе ввергаетъ потеря состоянія; можно только отмѣтить, что у женщинъ весьма сильное душевное волненіе обуславливается потерю чести, и что политическія и религіозныя волненія почти не вліяютъ на психическое здоровье, что, конечно, доказываетъ, какъ мало участіе громаднаго большинства къ судьбамъ своего отечества ²⁾.

Я думаю, что, вообще, психическія причины играютъ второстепенную роль и весьма рѣдко всевозможныя несчастія настолько вредно отзываются на психическомъ здоровьѣ, что развивается душевная болѣзнь, но нельзя сомнѣваться, что постоянныя душевныя волненія, частые и бурные аффекты истощаютъ психическія силы: человѣка, нерѣдко энергическаго, богатаго умственными силами, превращаютъ въ инвалида, неспособнаго къ плодотворной дѣятельности. Постоянная неудовлетворенность умственныхъ потребностей, постоянное оскорбленіе всего, что наиболѣе свято и дорого человѣку, умственное и нравственное одиночество—все это нерѣдко очень скоро подрываетъ энергію, умственныя силы, но едва-ли можетъ обусловить душевную болѣзнь.

¹⁾ Весьма интересныя наблюденія о вліяніи психическихъ процессовъ на состояніе организма собраны Nach Tuke въ его книгѣ: *Le corps et l'esprit*. (traduit de l'anglais. 1886).

²⁾ Это доказано весьма точно *Le Grand du-Saulle*. *De l'état mental des habitants de Paris pendant les événements de 1870—1871*.

Въ наше время, очень авторитетные врачи и педагоги указывают на то разрушеніе здоровья, которое производит переутомленіе въ школьномъ возрастѣ. Сказать что-либо, на основаніи собственныхъ наблюденій, я не могу, за исключеніемъ того, что наиболѣе вредны тѣ волненія, которыя вызываютъ экзамены, особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, дипломы которыхъ даютъ большія права. Практическія соображенія привлекаютъ въ эти заведенія многихъ, для которыхъ серьезный умственный трудъ совсѣмъ не по-силамъ, просто противенъ до такой степени, что они смотрятъ на себя, какъ на мучениковъ. Напротивъ того, для кого умственный трудъ приятенъ, для кого онъ составляетъ потребность, — у тѣхъ онъ не имѣетъ вреднаго для здоровья вліянія.

И такъ, всѣ перечисленныя причины крайне слабы, чтобы, въ отдѣльности, вызвать душевную болѣзнь; всѣ мы живемъ среди общества, на извѣстной степени цивилизаціи, имѣемъ ту или другую профессію, переносимъ различныя душевныя муки, заболѣваютъ жетолько очень немногіе.

9. Тюремное заключеніе.—Я разсматриваю здѣсь вліяніе тюремнаго заключенія, потому что значеніе тюремнаго заключенія, конечно, опредѣляется тѣми душевными волненіями, которое оно вызываетъ.

Выше были приведены данныя о душевно-больныхъ между арестантами; приписывать тюрьмѣ столь большое число заболѣваній мы не имѣемъ никакого права. Каждый тюремный врачъ можетъ подтвердить, что между поступающими въ тюрьму не мало лицъ съ неправильной психической организаціей, въ высшей степени предрасположенныхъ къ заболѣванію психозами и, наконецъ, просто больныхъ, что вполне и объясняетъ, — почему такъ много душевно-больныхъ среди арестантовъ.

Весьма много говорили о вредѣ для психическаго здоровья одиночнаго тюремнаго заключенія, и само собою разумѣется, что простое сравненіе цифры заболѣвшихъ въ тюрьмахъ ничего не доказываетъ, такъ какъ, при одиночномъ заключеніи, надзоръ администраціи за арестантами гораздо лучше, а потому меньше случаевъ заболѣваній проходитъ незамѣченными; при общежитіи арестантовъ, администрація обыкновенно весьма мало обращаетъ вниманія на внутреннюю духовную жизнь каждаго арестанта, и, потому, гораздо меньше, чѣмъ при одиночномъ заключеніи имѣетъ шансовъ своевременно замѣтить душевную болѣзнь заключеннаго. Поэтому, сужденія о вредѣ одиночнаго заключенія основаны отчасти на простомъ исчисленіи, отчасти просто на предположеніяхъ, и далеко несогласны между собою. A. Voisin (въ засѣданіи Парижской медицинской академіи 1 мая 1888)

утверждалъ, что въ Бельгійскихъ тюрьмахъ одиночнаго заключенія число заболѣвающихъ не больше, чѣмъ въ тюрьмахъ общаго заключенія. Однако едва ли можно согласиться съ Voisin'омъ. Неизбѣжная постоянная сосредоточенность въ самомъ себѣ,—все это условія, безспорно небезвредныя для психическаго здоровья. Мрачное помѣшательство, острое первичное помѣшательство, развивающіяся у заключенныхъ въ одиночной кельѣ, иногда не могутъ быть объяснены иначе, какъ вліяніемъ одиночнаго заключенія.

При изученіи вліянія одиночнаго заключенія на психическое здоровье арестантовъ, произведенномъ мною, по порученію Главнаго Тюремнаго Управленія, въ Бельгійскихъ, Германскихъ и Французскихъ тюрьмахъ, я пришелъ къ заключенію, что одиночное заключеніе, въ высшей степени, притупляетъ заключенныхъ, ведетъ къ общему ослабленію психическихъ силъ; послѣ продолжительнаго (3—10 лѣтъ) одиночнаго заключенія, многіе становятся слабоумными; слабоуміе, или, правильнѣе сказать, ослабленіе всѣхъ психическихъ силъ, рѣдко достигаетъ высокой степени; при постоянномъ одиночномъ заключеніи, болѣе чѣмъ десять лѣтъ, это ослабленіе психическихъ силъ поражаетъ очень многихъ. Нужно согласиться съ Гринингеромъ, что особенно вредно заключеніе для женщинъ и неразвитыхъ, необразованныхъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что причину заболѣванія бываетъ, нерѣдко, само одиночное заключеніе, служатъ тѣ случаи, когда, по перемѣщеніи заболѣващаго въ общее помѣщеніе, болѣзнь скоро улучшается и переходитъ въ выздоровленіе.

Гораздо болѣе имѣютъ значенія внутреннія причины душевныхъ болѣзней; подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ понимать различные болѣзненные процессы въ организмѣ, вредныя условія для психическаго здоровья, лежащія въ самомъ организмѣ. Это, такъ называемыя, побочныя или случайныя причины.

Все истощающее организмъ, ведущее къ разстройству питанія, крайне вредно отзывается на психическомъ здоровьѣ и можетъ, вмѣстѣ съ другими вредными вліяніями, быть причиной душевной болѣзни.

1) Острыя конституціональныя болѣзни (тифъ, оспа, перемежающаяся лихорадка, крупозное воспаленіе легкихъ, острый сочленованный ревматизмъ) безспорно крайне вредны для психическаго здоровья, во-первыхъ, потому, что ведутъ къ истощенію всего организма, во-вторыхъ, потому, что сопровождаются повышенной температурой; высокая температура почти всегда вызываетъ помраченіе сознанія, и,

по прекращеніи ея, надолго остается вялость, слабость, неспособность къ умственному труду, какъ это извѣстно почти каждому изъ собственнаго опыта. Насколько вредна для мозга высокая (выше 40° С.) температура, можно судить по тому губительному дѣйствию наружной высокой температуры, которое извѣстно подъ названіемъ «солнечнаго удара». Въ жаркихъ странахъ и даже въ умѣренныхъ, въ крайне жаркіе лѣтніе дни, нѣкоторые изъ подвергающихся дѣйствию солнечныхъ лучей (напр., солдаты), впадаютъ въ безсознательное состояніе, и даже падаютъ мертвыми.

Тифъ иногда сопровождается матеріальными измѣненіями головного мозга, почему, послѣ него, можетъ развиваться душевная болѣзнь; крайняя возбудимость чувствованій, нѣкоторое ослабленіе памяти, неспособность къ продолжительному умственному труду весьма обычныя послѣдствія тифа.

2) Хроническія конституціональныя болѣзни также могутъ быть причиною душевной болѣзни, главнымъ образомъ, потому, что ведутъ къ общему разстройству питанія организма; особо важное значеніе приписываютъ легочной бугорчаткѣ и сифилису.

Сифилисъ весьма часто бываетъ причиною душевной болѣзни; его разрушительное дѣйствіе на организмъ вообще и на головной мозгъ въ частности такъ велико, что онъ можетъ быть единственной причиною душевной болѣзни.

Зараженія сифилисомъ многіе такъ опасаются, что если это несчастіе ихъ постигаетъ, оно вызываетъ продолжительныя и сильныя душевныя волненія. Къ тому же, эта болѣзнь даже образованными людьми считается позорной, ее скрываютъ, на заболѣваніе ею смотрятъ какъ на доказательство безнравственности, какъ на справедливое возмездіе за безнравственную, порочную жизнь. Крайнее огорченіе, стыдъ, угрызенія совѣсти и, что всего важнѣе, неизбѣжное разстройство питанія всего организма, а слѣдовательно, и головного мозга — вотъ весьма частыя послѣдствія зараженія организма сифилисомъ, обусловливающія душевную болѣзнь.

При современномъ способѣ леченія сифилиса, какъ самый шанкеръ, такъ и болѣзненные явленія на кожѣ (сыпи) и слизистыхъ оболочкахъ (папулы) проходятъ довольно скоро и больной возвращается къ прежней жизни, забывая, что онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, парализующую и измѣнившую весь его организмъ, забывая, что онъ уже не тотъ, что былъ до болѣзни, что работа бывшая ему по-силамъ до бо-

лѣзни, теперь можетъ истощать его, такъ какъ мозгъ его уже не тотъ, что былъ раньше. Сифились, чего не слѣдуетъ забывать, болѣзнь крайне продолжительная; отсутствие въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ какихъ-либо болѣзненныхъ явленій вовсе еще не доказываетъ, что зараженный здоровъ, что болѣзнь не проявится опять.

Поэтому, каждый заболѣвшій сифилисомъ долженъ смотрѣть на себя всегда, какъ на больного, въ томъ смыслѣ, что долженъ избѣгать всего вреднаго для своего пошатнушагося здоровья, принимать всѣ мѣры къ сохраненію своихъ силъ. Особенно вредны для каждаго больного сифилисомъ спиртные напитки, усиленные умственные занятія и душевныя волненія.

Зараженіе сифилисомъ, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ къ заболѣванію душевной болѣзнию лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ начала болѣзни, послѣ продолжительнаго періода кажущагося полного здоровья. По излеченіи болѣзненныхъ явленій на кожѣ и слизистыхъ оболочекъ, проходитъ пять, десять и даже двадцать (бываютъ случаи, что и болѣе двадцати) лѣтъ и затѣмъ у больного обнаруживаются признаки душевной болѣзни въ формѣ прогрессивнаго паралича, притомъ той его разновидности, которая бываетъ только у сифилитиковъ, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что главною причиною душевной болѣзни въ данномъ случаѣ является сифились. Какъ часто сифились ¹⁾ бываетъ причиною прогрессивнаго паралича, далеко не одинаково опредѣляется различными авторами, но не подлежитъ сомнѣнію, что между страдающими прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ относительно болѣе сифилитиковъ, чѣмъ между страдающими другими душевными болѣзнями, и что прогрессивный параличъ у сифилитиковъ протекаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ у нестрадавшихъ сифилисомъ. Кроме того, сифились часто ведетъ къ различнымъ болѣзнямъ нервной системы вообще, и головного мозга въ частности, сопровождающимся психическимъ разстройствомъ, обыкновенно, въ формѣ общаго ослабленія психическихъ силъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, сифились одна изъ самыхъ частыхъ причинъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней, и, притомъ, причина, въ большинствѣ случаевъ, настолько могущественная, что многіе случаи мы должны приписывать исключительно сифилису, такъ какъ, во всѣхъ остальныхъ

¹⁾ Въ послѣдней большой работѣ объ отношеніи сифилиса къ душевнымъ болѣзнямъ: Morel Lavallée et Bélièves (Syphilis et Paralyse générale. 1889) приведены какъ мнѣнія многихъ авторитетныхъ авторовъ, такъ и собственныя, весьма хорошо обработанныя, наблюденія.

отношеніяхъ, больной не подвергается сколько нибудь значительнымъ вреднымъ вліяніямъ. Если мы даже согласимся съ Obersteiner'омъ,¹⁾ насчитывающимъ между своими больными очень мало, по сравненію съ другими авторами, сифилитиковъ, а именно: между страдающими прогрессивнымъ параличемъ 21,7% и между всѣми остальными душевно-больными 4,1%,—то и тогда мы должны считать сифилисъ однимъ изъ ужаснѣйшихъ бичей человѣчества.

3. Хроническія мѣстныя болѣзни. Хотя между душевно-больными, по всей вѣроятности, болѣзни желудочно-кишечнаго канала и болѣзни сердца встрѣчаются нѣсколько чаще, чѣмъ между психически здоровыми, но приписывать заболѣванію этихъ органовъ особое непосредственное значеніе въ развитіи душевныхъ болѣзней,—мы не имѣемъ достаточно основаній. Злоупотребленіе спиртными напитками, тяжелыя душевныя волненія, неправильный образъ жизни могутъ отозваться сперва на здоровѣ внутреннихъ органовъ и, затѣмъ, уже на психическомъ здоровѣ. Сами-же по себѣ, страданія этихъ внутреннихъ органовъ могутъ быть вредны для психическаго здоровья лишь посколько онѣ ведутъ къ истощенію нервной системы, къ разстройству ея питанія, и безъ содѣйствія другихъ причинъ никогда не бываютъ причиною душевныхъ болѣзней.

Болѣе важное значеніе имѣютъ болѣзни половыхъ органовъ у женщинъ; у мужчинъ, какъ причина, онѣ играютъ довольно ничтожную роль. Мы не знаемъ—какимъ образомъ различныя страданія матки, яичниковъ, влагалища могутъ быть причиною душевной болѣзни, но наблюденіемъ установлено, что болѣзни женскихъ половыхъ органовъ имѣютъ большое значеніе въ этиологіи психозовъ. Яснымъ доказательствомъ причинной связи между болѣзнями половыхъ органовъ и психозами служатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда удачное леченіе болѣзни половыхъ органовъ сопровождается рѣзкимъ измѣненіемъ къ лучшему въ теченіе психоза, или даже скоро наступающимъ выздоровленіемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что, вообще, крайне преувеличено вліяніе состоянія половыхъ органовъ на нервную систему, и, на примѣръ, истерія, причиною которой всѣ единодушно считали страданіе женскихъ половыхъ органовъ, бываетъ у женщинъ и дѣвушекъ съ вполне здоровыми половыми органами и даже у мужчинъ, какъ это доказано Шарко и многими другими. Не только болѣзни половыхъ органовъ, но и менструаціи, въ

1) Wiener Medicinische Wochenschrift. 1883.

нѣкоторыхъ случаяхъ, отражаются на психическомъ состояніи; прекращеніе ихъ въ климактерическомъ періодѣ можетъ быть одной изъ причинъ душевной болѣзни.

Беременность имѣетъ немаловажное этиологическое значеніе, что весьма просто объясняется тѣми измѣненіями всего питанія, которыя почти всегда наблюдаются у беременныхъ. Во время беременности, помѣшательство встрѣчается, болѣею частію, только въ теченіе трехъ послѣднихъ ея мѣсяцевъ; оно, чаще всего, наблюдается при первой беременности и у многорожавшихъ. Такой авторитетный психіатръ, какъ Крафтъ-Эбингъ, говоритъ, что, преимущественно, заболѣваютъ женщины, забеременѣвшія внѣ брака; я не знаю точныхъ цифръ, подтверждающихъ это положеніе, но оно весьма вѣроятно, такъ какъ неблагоприятная обстановка, среди которой приходится жить многимъ забеременѣвшимъ внѣ брака, тяжелыя душевныя муки—все это не можетъ оставаться безъ вліянія. Беременность бываетъ причиною психоза въ 3% всѣхъ случаевъ заболѣванія душевными болѣзнями ¹⁾. Гораздо чаще бываетъ заболѣваніе у родильницъ, а именно—на общее число заболѣвающихъ душевными болѣзнями, послѣродовое помѣшательство бываетъ въ 6,8 случаяхъ на сто. Чаще всего, заболѣваніе обнаруживается въ первую недѣлю послѣ родовъ, или же на пятой или шестой недѣляхъ, т. е. во время первой, послѣ родовъ, менструаціи.

Помѣшательство, въ періодѣ кормленія грудью, рѣдко наступаетъ ранѣ третьяго мѣсяца, почти исключительно при значительной анеміи кормящей.

Частое заболѣваніе психозами беременныхъ и родильницъ служить лучшимъ доказательствомъ могущественнаго вліянія беременности и родовъ на психическое состояніе. Глубокое измѣненіе общаго питанія, и, въ особенности, питанія центральной нервной системы, крайнее истощеніе, утомленіе и потрясеніе (если можно такъ выразиться) всей нервной системы, вызываемое беременностью и родами,—почти у всѣхъ женщинъ, даже самыхъ здоровыхъ, отражается на ихъ душевной дѣятельности. Умственная вялость, ослабленная душевная энергія, при-

¹⁾ Въ виду особой важности, въ судебнопсихіатрическомъ отношеніи, психозовъ беременныхъ, родильницъ и кормящихъ грудью, этотъ предметъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія. Лучшія работы: Marcé. *Traité de la folie de femmes enceintes*. 1858. Ripping. *Geistesstörungen d. Schwangeren*. 1877. Fürstner. *Arch. für Psychiatrie*, Bd. V.

тупленіе чувствительности, или же, напротивъ, повышенная чувствительность, наблюдается почти безъ исключенія у всякой беременной женщины. Смотри по степени психическаго здоровья, измѣненіе психической дѣятельности у беременныхъ бываетъ весьма различно и нерѣдко достигаетъ до того, что трудно опредѣлить—въ нормальномъ, или ненормальномъ психическомъ состояніи находится беременная. Отъ случаевъ легкаго измѣненія психической дѣятельности до случаевъ полнаго помѣшательства существуетъ, конечно, цѣлый безконечный рядъ переходныхъ степеней, изъ которыхъ ближайшія къ болѣзни представляютъ такія состоянія, гдѣ различные, несвойственные основному характеру, поступки, и въ томъ числѣ преступленія всегда возможны. Ничтожныя причины могутъ вызвать бурные аффекты, вслѣдствіе ослабленія вниманія, притупленія высшихъ нравственныхъ чувствованій. Навязчивыя идеи весьма нерѣдки при беременности, также какъ и бредъ сомнѣнія. Все это вмѣстѣ вполне объясняетъ намъ капризность, вздорность, всевозможныя причуды, различные дѣтскія выходки беременныхъ; какъ извѣстно изъ житейскаго опыта, чаще и сильнѣе всего наступаетъ измѣненіе характера при первой беременности; мы уже видѣли, что, чаще всего, душевная болѣзнь развивается именно при первой беременности.

Однимъ словомъ,—многихъ беременныхъ женщинъ мы должны считать въ ненормальномъ психическомъ состояніи; онѣ находятся, такъ сказать, на границѣ помѣшательства, близки къ помѣшательству; поэтому, всякое преступленіе, не соответствующее характеру подсудимой, или представляющее какія-либо внѣшнія отличія отъ обычныхъ, совершенное беременной женщиной, должно наводить на подозрѣніе о ненормальномъ состояніи преступницы, которая, непременно, должна быть всесторонне изслѣдована и подвергнута наблюденію.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о родильницахъ,—особенно первородящихъ. Преступленія родильницъ, и именно дѣтоубійство—весьма нерѣдкое явленіе, и я позволяю себѣ думать, что многіе изъ этихъ случаевъ совершены въ ненормальномъ, болѣзненномъ состояніи, тѣмъ, конечно, и объясняется—отчего это преступленіе столь часто. Я вполне понимаю,—съ какою осторожностью слѣдуетъ говорить объ этомъ предметѣ. До сихъ поръ мы не имѣемъ правдиваго описанія субъективнаго состоянія роженицы, тѣмъ менѣе мы знаемъ о субъективномъ состояніи тѣхъ несчастныхъ, которыя, скрываясь отъ людей, гдѣ-нибудь въ сараѣ, въ подвалѣ, испытываютъ муки первыхъ родовъ; лишонныя

помощи, онѣ, въ большинствѣ случаевъ, теряютъ много крови. Сильнѣйшая физическая боль, страхъ, стыдъ, потеря крови—все это можетъ самаго здороваго человѣка довести до глубокаго помраченія сознанія, лишить его воли, помрачить умственную дѣятельность, притупить высшія чувствованія. Особенно трудно представить себѣ полное сохраненіе душевныхъ способностей у первородящихъ; всякая родившая женщина знаетъ, что послѣдующіе роды, сравнительно съ первыми, весьма легки (конечно, здѣсь идетъ рѣчь о нормальныхъ родахъ); первородящая, вслѣдствіи неопытности, страха и стыда, никоимъ образомъ не могутъ поступать такъ, какъ женщины, родящія не въ первый разъ, если бы даже самый актъ родовъ не былъ бы такъ труденъ, такъ болѣзненъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ и большихъ цифръ объ относительной частотѣ заболѣванія душевной болѣзью у незамужнихъ первородящихъ, но, какъ выше выяснено, что, чаще всего, душевная болѣзнь развивается у первородящихъ, и что у незамужнихъ родильницъ психозы чаще, чѣмъ у замужнихъ; это обстоятельство вполне подтверждаетъ заключеніе о могущественномъ воздѣйствіи первыхъ родовъ у незамужнихъ на психическую дѣятельность. Если такіе роды, чаще всѣхъ другихъ, вызываютъ продолжительную, тяжкую душевную болѣзнь, то нѣтъ сомнѣнія, что болѣе или менѣе полное умопомраченіе должно быть обычнымъ послѣдствіемъ первыхъ родовъ у скрывающихъ свою беременность. Р. Déspine особенно настаиваетъ, что дѣтоубійство совершаютъ совершенно нравственные дѣвушки. Объяснить весьма часто такое жестокое, противоестественное преступленіе можно только временнымъ помраченіемъ сознанія, временнымъ разстройствомъ психической дѣятельности. Само собою разумѣется, что я вовсе не отрицаю того, что дѣтоубійство совершается родильницами иногда по заранѣ обдуманному плану, при полномъ обладаніи всѣми психическими силами, но я настаиваю лишь на томъ, чтобы во всякомъ случаѣ дѣтоубійства, особенно первородящими, принималось во вниманіе,—какъ сильно было потрясеніе всего организма, вызванное родами.

Теперь намъ нужно выяснитъ вліяніе на психическое здоровье половыхъ излишествъ и онанизма.

Излишества въ половыхъ наслажденіяхъ вліяютъ рѣшительно истощающимъ, ослабляющимъ, и, притомъ, непосредственнымъ образомъ на нервную систему,—у мужчинъ больше, чѣмъ у женщинъ, и особенно рѣзко въ очень юномъ и пожиломъ возрастахъ. Истощеніе нервной

системы можетъ повести къ настоящей душевной болѣзни, и тогда главной причиной заболѣванія мы должны считать половыя излишества. Однако, такіе случаи рѣдки; обыкновенно, лишь нѣкоторое участіе мы можемъ приписать излишествамъ въ половомъ отношеніи; нѣкоторые случаи прогрессивнаго паралича одной изъ своихъ причинъ имѣютъ половыя излишества. Продолжительное воздержаніе въ половомъ отношеніи, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, бываетъ вредно для психическаго здоровья. Считаю необходимымъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, опровергать распространенное мнѣніе, что половое воздержаніе вредно для здоровья. Если мы исключимъ случаи, когда такое воздержаніе обусловлено слабостью организма, ипохондрическимъ настроеніемъ, болѣзненною мнительностью, то окажется, что воздержаніе, вытекающее изъ нравственныхъ побужденій, никогда не бываетъ вредно для здоровья. Лица, никогда не имѣвшія половыхъ сношеній, по чисто нравственнымъ соображеніямъ, пользуются прекраснымъ здоровьемъ, какъ физическимъ, такъ и психическимъ. Что половыя сношенія вовсе не нужны для сохраненія здоровья, — доказываютъ наблюденія надъ животными, напр., надъ лошадьми.

Я глубоко убѣжденъ, что распространенное мнѣніе о вредѣ полового воздержанія, о пользѣ удовлетворенія половой потребности (у неимѣвшихъ половыхъ сношеній такой потребности не существуетъ) страшно вредно, такъ какъ раннія, вообще, неосвященная любовью, половыя сношенія, если и не разрушаютъ здоровья, то губятъ нравственность, уменьшаютъ энергію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство поступающихъ въ заведенія для душевныхъ больныхъ мастурбировали, болѣе или менѣе продолжительное время, передъ заболѣваніемъ. Было-бы совершенно неосновательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ, онанизмъ считать одной изъ причинъ заболѣванія, тѣмъ болѣе, что онанизмъ у очень многихъ арестантовъ не ведетъ къ какимъ-либо послѣдствіямъ. Вредное вліяніе онанизма состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что, болѣею частью, онанизму предаются крайне неумѣренно, во-вторыхъ — обуславливается неестественностью такого удовлетворенія половыхъ потребностей (необходимо согласиться, что все «неестественное» вредно, уже по тому самому, что естественное, указанное природою, есть наиболѣе цѣлесообразное для нашего организма), и въ-третьихъ, — въ тѣхъ душевныхъ волненіяхъ, которыя неизбѣжны у онанистовъ.

Не отрицая вреда, и весьма значительнаго, онанизма, никоимъ обра-

зомъ нельзя въ немъ видѣть причину во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда заболѣванію предшествовалъ онанизмъ; *post hoc* еще не значитъ *propter hoc*; онанизмъ не столь губителенъ для здоровья, чтобы столь часто производить душевную болѣзнь. Дѣло въ томъ, что уже онанизмъ, въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ (когда особенно онъ вреденъ), указываетъ, въ большинствѣ случаевъ, на ненормальность, болѣзненность организаци; бываетъ, конечно, что и совершенно здоровые подростки, подъ вліяніемъ дурного примѣра, при плохомъ надзорѣ, начинаютъ мастурбировать, но, обыкновенно, получивъ возможность нормального удовлетворенія половыхъ потребностей, они забываютъ этотъ порокъ, со стыдомъ и отвращеніемъ вспоминаютъ объ этомъ періодѣ своей жизни. Не то у невропатовъ, у вырождающихся—весьма рано (до 10 лѣтъ) появляется этотъ порокъ, мастурбируютъ такіе подростки неумѣренно, и, затѣмъ, никогда не перестаютъ мастурбировать, даже по вступленіи въ бракъ. Онанизмъ въ этихъ случаяхъ—лишь симптомъ ихъ болѣзненного состоянія, предвѣстникъ грядущей душевной болѣзни, слѣдствіе болѣзненной раздражительности половыхъ органовъ, зависящей отъ болѣзненной раздражительности нервной системы вообще; эта раздражительность, обычно очень рано появляющаяся, вмѣстѣ съ тупостью нравственныхъ чувствованій, слабостью воли, — почему всѣ попытки отбучить отъ онанизма бываютъ безплодны, — есть проявленіе болѣзненной, несовершенной организаци. Конечно, онанизмъ, въ такихъ случаяхъ, еще болѣе подрываетъ здоровье, ухудшаетъ общее питаніе, истощаетъ нервную систему и ускоряетъ развитіе душевной болѣзни.

Принято думать, что мастурбирующихъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, но это едва-ли вѣрно; наблюденія въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ приводятъ къ заключенію, что никакой разницы въ обоихъ полахъ, въ этомъ отношеніи, не существуетъ.

4. Нервные болѣзни. Само собою разумѣется, что душевныя болѣзни, въ сущности, суть нервные болѣзни, но такъ какъ только разлитое заболѣваніе коры головного мозга считается патолого-анатомическимъ субстратомъ психическихъ болѣзней, то всевозможныя пораженія всѣхъ другихъ отдѣловъ нервной системы, и даже нѣкоторыя—мозговой коры, мы должны разсматривать отдѣльно, и выяснить—какое вліяніе имѣютъ всѣ эти болѣзни на заболѣванія коры головного мозга—психическія болѣзни.

Страданія периферическихъ нервовъ, лишь у лицъ съ нервно-психопатической конституціей, могутъ быть причиной психозовъ; кажется, у женщинъ такіе случаи чаще, чѣмъ и мужчинъ.

Душевная болѣзнь нерѣдко наблюдается у страдающихъ спинной сухоткой, базедовой болѣзнию, хореей, истеріей и эпиллепсіей, но мы не должны, въ такихъ случаяхъ, смотрѣть на нервную болѣзнь, какъ на причину, а на психическую,—какъ на слѣдствіе этой причины. Психическое разстройство и страданіе нервной системы суть лишь различныя проявленія одной и той-же болѣзни, которая, въ однихъ случаяхъ, проявляется измѣненіями функцій нервной системы, въ другихъ,—какъ этихъ послѣднихъ, такъ и психическими разстройствами. Такъ, при эпиллепсіи, около половины (точная статистика пока невозможна) больныхъ поражены лишь судорожными припадками, а остальные,—представляютъ, вмѣстѣ съ болѣзненными явленіями со стороны нервной системы, весьма разнообразныя психическія разстройства, главный признакъ которыхъ—отсутствие воспоминанія относительно болѣе или менѣе продолжительныхъ промежутковъ времени—безсознательныя состоянія.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно психическихъ разстройствъ (болѣею частію, и даже можно сказать—исключительно состоящихъ въ ослабленіи памяти и, вообще, всѣхъ психическихъ силъ), сопровождающихъ болѣзнь головного мозга.

Особо важное, въ этиологическомъ отношеніи, имѣютъ травматическія поврежденія головы. Въ тѣхъ случаяхъ,—а они рѣдки,—когда душевная болѣзнь развилась скоро послѣ тяжкаго ушиба головы, конечно, не трудно найти причинную связь между травмою и психозомъ. Гораздо чаще однако, бываетъ, что душевная болѣзнь развивается много лѣтъ спустя послѣ тяжкаго ушиба головы. слѣдуетъ замѣтить, что, по характеру самой травмы, нельзя опредѣлить ея послѣдствія для психического здоровья, можно лишь утверждать, что всякій ушибъ головы, сопровождавшійся хотя-бы самою кратковременною потерю сознанія, можетъ вызвать душевную болѣзнь у самаго здороваго субъекта.

Травматическія поврежденія головы составляютъ исключеніе изъ общаго правила, что душевная болѣзнь—всегда результатъ многихъ причинъ, такъ какъ положительно можно утверждать, что *одна* эта причина можетъ вызвать душевную болѣзнь. Я думаю, что на всякій ушибъ по головѣ, вызвавшій хотя-бы самую кратковременную потерю сознанія, слѣдуетъ смотрѣть какъ на тяжкое увѣче, или важное въ здоровьѣ поврежденіе, потому что отсутствіе какихъ-либо болѣзненныхъ явленій, даже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, ничуть не доказываетъ, что здоровье не надорвано и раненый, со-временемъ, не упадетъ въ тяжкое, почти всегда неизлечимое, помѣшательство.

Если послѣ удара по головѣ, ея ушиба и не развивается душевная болѣзнь, то нерѣдко, однако, бросается въ глаза измѣненіе характера; обыкновенно, такіе субъекты не переносятъ спиртныхъ напитковъ (что служить яснымъ признакомъ скрытаго болѣзненнаго состоянія, если, до травмы, они переносили хорошо спиртные напитки), становятся крайне раздражительны, т. е. чувствительность, вообще, дѣлается повышенной, склонны къ аффектамъ и, что особенно важно, къ патологическимъ аффектамъ; высшія нравственныя чувствованія притупляются, вниманіе ослабляется, почему они хуже усваиваютъ, и потому кажется, что память ослаблена (настоящее ослабленіе памяти бываетъ лишь въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ), утрачивается энергія, они становятся лѣнивыми, бездѣятельными. Понятно, что, при такомъ измѣненіи всей личности, достаточно самой слабой причины, чтобы вызвать полное психическое расстройство.

5 Отравленія. Различныя вкусовыя и лекарственныя вещества, вліяющія на нервную систему, при большомъ, а главное—при частомъ употребленіи, могутъ оказывать крайне вредное вліяніе на психическое здоровье.

Изъ вкусовыхъ веществъ безспорное вліяніе на нервную систему оказываютъ чай и кофе, или, правильнѣе, содержащіяся въ нихъ алколоиды—теинъ и кофеинъ ¹⁾. Однако, мы не имѣемъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно было бы положительно обвинять эти вещества во вредномъ вліяніи на психическое здоровье. Почти тоже самое слѣдуетъ сказать и о табакѣ, не смотря на дѣйствіе содержащагося въ немъ никотина, вредъ куренія такъ невеликъ, что почти во всѣхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ не только разрѣшено курить, но даже многимъ больнымъ табакъ покупается на средства заведенія. Какъ вредно можетъ быть неумѣренное куреніе—видно изъ экспериментальнаго изслѣдованія Щербака ²⁾. Особого вниманія заслуживаетъ отравленіе опіемъ и его алколоидами,—преимущественно морфіемъ ³⁾. Хроническое самоотравленіе морфіемъ въ по-

¹⁾ Алколоидами называются органическія щелочи растительнаго, рѣже животнаго, происхожденія.

²⁾ Къ вопросу о вліяніи никотина и куренія табака на нервныя центры. „Врачъ“. 1887 г.

³⁾ Морфинизмъ заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія; важнѣйшія работы: Levinstein. „Die Morphiumsucht“ 1887. Ieunings. „La morphinomanie“, 1887. Ball. „La Morphinomanie“, 1888. Реньявъ „Умственныя эпидеміи“ (популярное изложеніе).

слѣдніе годы дѣлается явленіемъ все болѣе частымъ, а потому заслуживаетъ изученія.

Морфій имѣетъ громадное вліяніе на нервную систему; главное его дѣйствіе—это полное, или почти полное, прекращеніе болей; въ началѣ, вслѣдъ за пріемомъ внутрь, или подкожнымъ впрыскиваніемъ, появляется сонливость, головокруженіе, потеря сознанія¹⁾, послѣ многократныхъ пріемовъ, дѣйствіе морфія ограничивается уничтоженіемъ или ослабленіемъ болей. Понятно, почему почти всѣ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ (гораздо дѣйствительнѣе подкожныя впрыскиванія) морфія, начинаютъ высоко цѣнить это средство, просятъ, настаиваютъ передъ врачомъ о продолженіи такого способа леченія, и даже прибѣгаютъ къ обману (поддѣлка рецепта), чтобы добыть себѣ морфія. Пока причина, вызывающая боль, не устранена, до тѣхъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, пациенты не оставляютъ употребленія морфія, такъ какъ, безъ подкожныхъ впрыскиваній, боли возобновляются.

Мало-по-малу, организмъ привыкаетъ къ морфію, что выражается, во-первыхъ, тѣмъ, что постепенно нужно увеличивать количество морфія, чтобы вызвать эффектъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, при прекращеніи морфія, развиваются нѣкоторыя болѣзненные явленія. Величина дозы, производящей эффектъ, быстро и прогрессивно возрастаетъ; для неупотреблявшаго морфія, обыкновенно, 0,25 грана, внутрь, вообще достаточно, чтобы ослабить или прекратить боль, вызвать сонъ или, по крайней мѣрѣ, сонливость; у привыкшихъ къ морфію—двухъ и даже пяти гранъ едва достаточно для той-же цѣли. Я зналъ одного морфиниста, который, въ день, впрыскивалъ подъ кожу 40 гранъ. Привычка организма къ морфію, прежде всего, выражается въ томъ, что морфій вызываетъ не сонъ, а напротивъ, нѣкоторое возбужденіе психической дѣятельности. Это еще болѣе привязываетъ пациента къ морфію; каждый разъ послѣ пріема, онъ чувствуетъ себя бодрѣе какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. При прекращеніи пріемовъ морфія, появляется отсутствіе аппетита, бессонница, тоска, пациентъ чувствуетъ себя крайне слабымъ, разбитымъ, больнымъ, недомогающимъ. Такое вліяніе, какъ пріемовъ,

¹⁾ Какія сильныя измѣненія въ нервной системѣ вызываетъ морфій, доказываетъ мое изслѣдованіе: Ueber Veränderungen des Rückenmarkes bei Vergiftung mit Morphium, Atropin, Silbernitrat und Kaliumbromid (Virchow's Archiv Bd. 100).

такъ и прекращенія морфія, ведетъ къ тому, что нѣкоторые уже сами, безъ спеціальнаго леченія, не могутъ разстаться съ морфіемъ, становятся *морфинистами*, какъ ихъ принято называть.

Такая страсть, привычка къ морфію все болѣе и болѣе распространяется въ высшихъ классахъ общества; чаще всего, первое знакомство съ морфіемъ и его демоническими свойствами бываетъ случайное,—а именно при назначеніи морфія, какъ лекарства при различныхъ боляхъ; но нѣкоторые прямо прибѣгаютъ къ морфію, какъ средству противъ скуки, горя, душевныхъ страданій; и они не ошибаются. Дѣйствительно, на первое время, морфій оказываетъ невѣроятное дѣйствіе: горе переносится легко, субъектъ чувствуетъ себя прекрасно, откуда-то берутся новыя силы, все непріятное на него не дѣйствуетъ такъ сильно, какъ прежде; онъ не такъ скоро устаетъ, какъ прежде¹⁾.

Нетрудно объяснить такое чудодѣйственное вліяніе морфія; дѣло въ томъ, что морфій притупляетъ, вообще, чувствованія, и, въ томъ числѣ, чувствованія боли, утомленія, а равно и высшія, какъ, напр., горе, стыдъ и т. п.; человѣку становится легко жить безъ страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивши ихъ интенсивность. Ослабѣваетъ интенсивность и пріятныхъ чувствованій, но это, конечно, небольшая потеря для большинства. Такое дѣйствіе морфія длится недолго—нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ становятся необходимы громадныя дозы для поддержанія бодрости, хорошаго самочувствія, начинается истощеніе всего организма—общее питаніе падаетъ въ высокой степени, въ психической сферѣ наступаетъ притупленіе высшихъ умственныхъ способностей, ослабленіе воли и даже можетъ развиваться душевная болѣзнь²⁾. Галлюцинаціи, иллюзіи, навязчивыя идеи—весьма обычныя явленія у морфинистовъ. Неудержимая страсть къ морфію, вытекающая изъ образовавшейся, вслѣдствіе долгаго его употребленія, потребности организма, можетъ вести морфиниста къ преступленію, такъ какъ онъ готовъ на всѣ жертвы, чтобы достать этого яда.

Отнятіе, прекращеніе морфія у привычныхъ морфинистовъ вызываетъ крайне тяжелое состояніе во всемъ организмѣ, особенно въ

¹⁾ Лучшее описаніе субъективнаго состоянія опіофага дано Th. de Quincey. Confessions.

²⁾ Сколько я могу судить на основаніи собственныхъ наблюденій, обычно развивается прогрессивный параличъ въ атипической формѣ.

нервной системѣ; общій упадокъ силъ доходитъ до степени коляпса; самая страшная тоска, галлюцинаціи, бѣшенство самое дикое, могутъ развиваться вслѣдъ за отнятіемъ морфія; нерѣдко наблюдалось крайнее возбужденіе половой похоти (вообще притупленной при употребленіи морфія), доходящее до того, что больной (или больная) не можетъ удержаться отъ безстыдныхъ поступковъ.

До сихъ поръ морфинисты не обращали на себя особаго вниманія въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, но, судя по быстрому прогрессу въ развитіи морфіоманіи среди высшихъ классовъ, не долго ждать, когда морфинизмъ будетъ играть не послѣднюю роль, какъ причина преступленій.

Главная причина, почему я почелъ нужнымъ остановиться на морфинизмѣ, слѣдующая: врачи совершенно безсильны въ борьбѣ съ этимъ страданіемъ, потому что леченіе возможно только въ специальномъ заведеніи, при лишеніи больного свободы и отнятіи морфія, между тѣмъ нѣтъ законныхъ основаній лишать человѣка свободы только потому, что онъ отравляетъ себя, разрушаетъ свое здоровье. До тѣхъ поръ, пока законъ не разрѣшитъ насильственное помѣщеніе упорныхъ морфинистовъ въ заведенія для душевно-больныхъ, а общество станетъ смотрѣть на такое врачебное мѣропріятіе, какъ на вполне законное и разумное, до тѣхъ поръ ничего противъ распространенія зла сдѣлать нельзя; случаи, когда самъ морфинистъ прибѣгаетъ къ врачебной помощи и имѣетъ мужество выдержать курсъ леченія,—не болѣе какъ крайне рѣдкія исключенія.

Наиболѣе опасный для человѣчества ядъ—это алкоголь. Спиртные напитки погубили гораздо больше людей, чѣмъ войны, революціи, повальные болѣзни; какъ-бы ни была губительна повальная болѣзнь, она уничтожаетъ только одно поколѣніе, спиртные-же напитки разрушаютъ здоровье, подрываютъ благосостояніе, губятъ нравственность и послѣдующихъ поколѣній.

Главное дѣйствующее начало спиртныхъ напитковъ—этиловый алкоголь ¹⁾.

Наиболѣе распространенные у насъ спиртные напитки содержатъ слѣдующее количество, въ ‰, этиловаго спирта.

Водка	40‰
Коньякъ	55‰

¹⁾ Химическая формула этиловаго или виннаго спирта: C_2H_6O ; онъ жадно притягиваетъ воду.

Ромъ	60—70%
Ликеръ	46—52%
Пиво	3,3—5,49%
Эль	8,28%
Портеръ	7,24
Портвейнъ, мадера	20%
Хересъ	17%
Красныя бордо (Лафитъ, Шаго-Ларозъ, Марго)	6,85—13
Бѣлыя бордо (Сотернъ, Барсакъ)	11,—18,7%
Рейнвейны	6,7—16%
Венгерскія вина	9,1—15%
Шампанское	5,8—13% ¹⁾

И такъ, по содержанію алкоголя спиртные, напитки распадаются на три большіе отдѣла: крѣпкіе спиртные напитки (водки, ликеры) виноградныя вина, и пиво. Дѣйствіе ихъ всѣхъ на организмъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ содержанія въ нихъ алкоголя, и весьма различное содержаніе алкоголя напр. въ пивѣ и ромѣ, конечно, обуславливаетъ и различный способъ употребленія и различное значеніе этихъ напитковъ въ житейскомъ обиходѣ.

Во всѣхъ спиртныхъ напиткахъ, кромѣ алкоголя, имѣются еще, въ небольшомъ количествѣ, различныя вещества, опредѣляющія вкусъ напитковъ (напр. въ красныхъ винахъ болѣе дубильныхъ кислотъ, чѣмъ въ бѣлыхъ). Дѣйствіе всѣхъ этихъ веществъ въ неиспорченныхъ подѣлкой спиртныхъ напиткахъ на нервную систему ничтожно. Только два вещества, входящія въ составъ общераспространенныхъ спиртныхъ напитковъ, имѣютъ особо вредное вліяніе на нервную систему—это амиловый спиртъ²⁾ и абсентовое масло ((ol. Absinthii), входящее въ составъ ликера, извѣстнаго подъ названіемъ Абсента. Амиловый спиртъ, (а также пропиловый и бутиловый) содержится въ ничтожномъ количествѣ въ дорогихъ сортахъ водокъ, а въ деше-

¹⁾ Цифры приведены по Ваг'у. Der Alcoholismus. 1878. Кромѣ этого образцоваго сочиненія объ алкоголизмѣ, можно рекомендовать: его-же, Die Trunksucht 1890. Lentz. De l'alcoolisme. 1887, и Vetault, Etude medico-legale sur l'alcoolisme, 1884. Ковалевскій. Пьянство, его причины и леченіе. 1889.

²⁾ Формула амиловыхъ спиртовъ—С₅—Н₁₂О. Собственно при броженіи образуются, такъ называемыя, сивушныя масла, содержащія пропиловый, бутиловый и амилный алкоголь.

выхъ, при плохомъ надзорѣ, особенно въ водкѣ, приготовляемой изъ картофеля, достигаетъ до 2—4%. Крайне ядовитымъ для нервной системы мы должны считать сивушное масло, на основаніи изслѣдованія многихъ авторовъ; дѣйствіе его на нервную систему во много разъ сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе этиловаго спирта ¹⁾, чѣмъ и объясняется болѣе губительное для здоровья дѣйствіе нисшихъ сортовъ водки, употребляемыхъ громаднымъ большинствомъ населенія. Весьма авторитетные ученые, занимавшіеся изученіемъ алкоголизма, единодушно требуютъ самого строгаго правительственнаго надзора за приготовленіемъ спиртныхъ напитковъ, съ тою цѣлью, чтобы содержаніе сивушнаго масла въ водкахъ было возможно меньше. Ваег опредѣляетъ этотъ минимумъ равнымъ 3% всѣхъ примѣсей къ чистому алкоголю.

У насъ, какъ извѣстно, громадное большинство почти исключительно употребляетъ водку; пиво извѣстно всему населенію лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а вино, по своей высокой цѣнѣ, доступно лишь обезпеченнымъ классамъ; поэтому, говоря о вліяніи спиртныхъ напитковъ, мы должны имѣть въ виду исключительно одну водку; пиво и вино лишь очень немногими въ Россіи употребляется въ большомъ количествѣ ²⁾.

Водка вызываетъ у всѣхъ нормальныхъ здоровыхъ людей почти одинаковое дѣйствіе. Нужно оговориться, что количество водки, необходимое для опьяненія, въ высшей степени неодинаково; одинъ пьянѣетъ отъ одной рюмки, другому, для достиженія такого-же опьяненія, нужно 5—10 рюмокъ, — пока мы говоримъ только о непривыкшихъ къ

¹⁾ На основаніи собственнаго изслѣдованія «О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ центральной нервной системѣ собакъ при отравленіи этиловымъ спиртомъ и сивушнымъ масломъ» (Дневникъ третьяго сѣзда общества русскихъ врачей, стр. 61), я пришелъ къ заключенію, что сивушное масло убиваетъ собаку дозами въ 6—8 меньшими, чѣмъ этиловый спиртъ.

²⁾ Въ Европейской Россіи, безъ Финляндіи и западныхъ губерній, по Манухину («О нуждахъ пивовареннаго искусства», 1882), потребленіе пива не достигаетъ и 12 бутылокъ на человѣка въ годъ. Алкоголя потребляется въ формѣ водки около 0,30 ведра, т. е. около 3,70 литра. (Ежегодникъ Министерства Финансовъ, 1884). Чтобы убѣдиться, какъ невелико потребленіе спиртныхъ напитковъ у насъ, стѣитъ сравнить съ тѣмъ, что выпивается; напр., въ Германіи; тамъ, по Ваегу (Trunksucht, S. 27) потребленіе алкоголя достигаетъ до 7,14 литровъ, а пива—до 88 литровъ, т. е. въ три раза больше, чѣмъ у насъ.

водкѣ. Въ большинствѣ случаевъ опьяненія, можно ясно различить два періода: первый періодъ—возбужденія и второй—угнетенія. При легкомъ опьяненіи, второй можетъ отсутствовать; при большомъ приѣмѣ алкоголя, первый періодъ бываетъ весьма кратокъ и опьянѣвшій можетъ весьма скоро впасть въ безсознательное состояніе. Lenz 1) весьма вѣрно замѣчаетъ, что труднѣе всего характеризовать дѣйствіе алкоголя на нервную систему.

Первый періодъ характеризуется ускореніемъ сочетанія представлений, усиленіемъ пріятныхъ чувствованій, ускореніемъ волевыхъ актовъ, такъ какъ алкоголь облегчаетъ переходъ представлений въ движенія 2); поэтому, въ состояніи опьяненія, почти всѣ становятся говорливѣе, подвижнѣе. Опьянѣвшій чувствуетъ себя счастливѣе, бодрѣе, веселѣе, мысли текутъ быстро, онъ стремится къ движенію, становится подвижнымъ, легко принимаетъ рѣшенія. Алкоголь, относительно чувствованій, играетъ такую же роль, какъ нѣкоторыя душевныя болѣзни—происходитъ усиленіе пріятныхъ чувствованій и притупленіе, ослабленіе непріятныхъ, что, по всей вѣроятности, зависитъ отъ тѣхъ измѣненій въ кровообращеніи головного мозга, который вызываетъ алкоголь. Изъ этого слѣдуетъ, что алкоголь вовсе не увеличиваетъ силу, вовсе не придаетъ бодрости, выносливости, какъ это кажется всѣмъ пьющимъ и какъ это думаютъ многія, даже хорошо образованныя лица,—совсѣмъ нѣтъ; многочисленныя изслѣдованія весьма извѣстныхъ ученыхъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что алкоголь вовсе не увеличиваетъ, хотя бы на время, силу организма, что онъ вовсе не улучшаетъ питанія организма, хотя бы косвеннымъ путемъ. Все его, столь высокоцѣнимое, дѣйствіе на нервную систему, что, почти во всѣхъ арміяхъ, во время усиленныхъ походовъ и работъ, положена раздача нижнимъ чинамъ извѣстнаго количества водки,—сводится на то, что, подъ вліяніемъ алкоголя, всѣ непріятныя чувствованія, и, въ томъ числѣ, чувствованіе утомленія, притупляются весьма значительно; человѣкъ дѣйствительно чувствуетъ себя бодрѣе, но это вовсе не доказываетъ, чтобы алкоголь увеличилъ его силу, улучшилъ питаніе,

1) Op. cit., p. 36.

2) Kraepelin экспериментально (Ueber die Einwirkung einiger medicamentöser Stoffe auf die Dauer psychischer Vorgänge. Philosophische Studien. Bd. 1) доказалъ, что время выбора послѣ приѣма алкоголя уменьшается, т. е. ускоряется переходъ представлений въ двигательный импульсъ.

благоотворно повліялъ, тѣмъ или другимъ способомъ, на дѣятельность его органовъ. Извѣстно, что алкоголь до такой степени притупляетъ чувствительность, что, при сильномъ опьяненіи, самыя мучительныя физическія боли переносятся легко, почему, до открытія хлороформа, имъ опьяняли оперируемыхъ¹⁾.

Періодъ угнетенія характеризуется замедленіемъ въ сочетаніи представлений, отупленіемъ чувствительности вообще, слабостью, бездѣятельностью всего двигательнаго аппарата. Уменьшеніе психической дѣятельности можетъ перейти въ полное ея временное прекращеніе, т. е. при потерѣ сознанія утрачивается способность къ какимъ-либо движеніямъ — опьянѣвшій падаетъ и засыпаетъ; обыкновенно, дѣло кончается болѣе или менѣе продолжительнымъ сномъ.

Главное, что нужно имѣть въ виду, — это полное соотвѣтствіе между ослабленіемъ психической дѣятельности и ослабленіемъ двигательнаго аппарата или произвольной мускулатуры. Чѣмъ сильнѣе угнетеніе психической сферы, т. е. чѣмъ болѣе притуплено, ослаблено воспріятіе, замедлено сочетаніе представлений, ослаблена память и какъ способность сохраненія, и какъ способность воспроизведенія, — тѣмъ болѣе ослаблена произвольная мускулатура, тѣмъ болѣе поражена двигательная сфера; вмѣстѣ съ потуханіемъ сознанія вполнѣ утрачивается двигательная способность.

Такъ протекаетъ опьяненіе нормальнаго, здороваго человѣка; конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, можно подмѣтить нѣкоторыя особенности, но, вообще, чѣмъ опьяненіе сильнѣе, тѣмъ скорѣе наступаетъ второй періодъ; при слабомъ опьяненіи, второй періодъ можетъ совсѣмъ отсутствовать; лишь легкая разбитость, нѣкоторая вялость смѣняютъ пріятное субъективное состояніе, характеризующее первый періодъ. Нечувствительность ко всему непріятному, къ горю, къ боли во второмъ періодѣ, какъ извѣстно, еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, почему нѣкоторые предпочитаютъ, выпивая сразу большое количество крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, сразу впадать въ состояніе угнетенія.

При употребленіи виноградныхъ винъ долѣе длится первый періодъ, при опьяненіи же водкою, и, притомъ, дурного количества, — онъ очень непродолжителенъ.

¹⁾ Оскопленіе почти всегда производится при глубокомъ опьяненіи со-
гласившагося оскопиться.

Спиртные напитки употребляются и какъ лекарство въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ; полезное ихъ дѣйствіе противъ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленій отрицать нельзя; напр., алкоголь понижаетъ температуру, бываетъ полезенъ, какъ возбуждающее средство; нельзя отрицать, что алкоголь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возбуждаетъ аппетитъ, но, вообще, крайне преувеличиваютъ это послѣднее дѣйствіе спиртныхъ напитковъ; почти всеми признано полезнымъ, передъ принятіемъ пищи, выпивать небольшое количество того или другого спиртного напитка, между тѣмъ мы рѣшительно не имѣемъ основаній, вполне точно-доказанныхъ, чтобы алкоголь благотворно вліялъ на пищевареніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя привести какихъ-либо доказательствъ полезности постоянного употребленія спиртныхъ напитковъ, хотя-бы въ самомъ умѣренномъ количествѣ; напротивъ того, почти все, пользовавшіеся хорошимъ здоровьемъ и достигшіе глубокой старости, служатъ намъ примѣромъ,—какъ хорошо не прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ ¹⁾. Вообще, мы должны смотрѣть на алкоголь, какъ на ядъ, который можетъ быть полезенъ, какъ лекарственное средство, но употребленія котораго необходимо, по возможности, избѣгать. Большинство ученыхъ, занимавшихся изученіемъ алкоголизма, приходитъ къ заключенію, что наименѣе вредный изъ спиртныхъ напитковъ—это пиво, а самый вредный, — это абсентъ; слѣдовательно, мы должны смотрѣть на пиво, какъ на наименѣе вредный, но никакъ на абсолютно полезный напитокъ. Хорошія красныя вина также могутъ считаться наименѣе вреднымъ спиртнымъ напиткомъ, такъ какъ доказано, что тамъ, гдѣ пьютъ только вино, вредное вліяніе алкоголя обнаруживается весьма рѣдко.

Алкоголь, также какъ и морфій, обладаетъ свойствомъ скоро пріучать къ себѣ организмъ, въ томъ смыслѣ, что организмъ уже не можетъ обходиться безъ алкоголя и *нуждается* все въ большихъ его количествахъ. Всѣмъ извѣстно, что чѣмъ дольше (пока мы не говорили о патологическомъ пьянствѣ) пить субъектъ, тѣмъ больше онъ можетъ выпить. Поэтому, привыкшіе къ употребленію спиртныхъ напитковъ, должны, для своего опьяненія, т. е. для достиженія того пріятнаго состоянія, которое даетъ алкоголь, употреблять

¹⁾ Опытъ Обществъ страхованія жизни (по заявленію М. Drysdale, сдѣланному на международномъ конгрессѣ по алкоголизму въ Парижѣ въ 1889 г.), указываетъ, что продолжительность жизни у непьющихъ—на шесть лѣтъ больше.

все бѣльшія и бѣльшія количества спиртныхъ напитковъ, — слѣдовательно, отравлять себя все бѣльшими и бѣльшими количествами яда. Само собою разумѣется, что такое введеніе большихъ дозъ алкоголя не можетъ безнаказанно переноситься всѣмъ организмомъ вообще и нервной системой въ частности. Наступаетъ такое перерожденіе всего организма, а слѣдовательно и нервной системы, что субъектъ уже не можетъ обходиться безъ алкоголя; нервная система, вслѣдствіе продолжительнаго ея отравленія спиртными напитками, сдѣлалась настолько слабой, что необходимо постоянное ея возбужденіе новыми, все бѣльшими и бѣльшими приѣмами, алкоголя; параллельно съ этимъ, наступаетъ такое притупленіе психическихъ силъ, что человѣкъ уже не въ силахъ бороться съ тою тоскою, съ тѣми мрачными мыслями, которыя у него появляются, если чувствованія его не притуплены большими приѣмами спирта.

Когда субъектъ *не можетъ* обходиться безъ спиртныхъ напитковъ, когда онъ не въ силахъ удержать своего стремленія къ опьяненію, онъ становится больнымъ. Если довольно легко теоретически различать пьянство какъ порокъ, дурную привычку — отъ пьянства, какъ болѣзни, то, на практикѣ, весьма трудно во всѣхъ случаяхъ провести такое различіе. Было-бы въ высшей степени опасно считать всякаго пьяницу больнымъ, еще того опаснѣе, какъ для всего общества, такъ и для самихъ несчастныхъ, страдающихъ этою болѣзнию, не признавать нѣкоторыхъ пьяницъ безусловно - больными. Поэтому, необходимо себѣ выяснить, — какъ происходитъ патологическое пьянство и чѣмъ оно отличается отъ нормальнаго. Всѣ психіатры согласны въ томъ, что пьянство въ формѣ *запой* есть болѣзнь; лица, обычно не употребляющія спиртныхъ напитковъ, обычно вовсе не расположенны къ пьянству, даже ненавидящія спиртные напитки, временами (въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ равные промежутки времени), предаются самому ужасному пьянству; приступъ длится опредѣленное время, и, затѣмъ, больной, оправившись въ продолженіе нѣсколькихъ дней отъ вредныхъ послѣдствій пьянства, возвращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Запой или дипсоманія (*dipsomania*) бываетъ у лицъ съ неправильно, несовершенною организаціею нервной системы, у наследственно предрасположенныхъ къ помѣшательству ¹⁾, вмѣстѣ съ дипсоманіей у этихъ больныхъ наблюдаются

¹⁾ Я зналъ одного купца, страдавшаго запойнымъ пьянствомъ; сестра его умерла въ заведеніи для душевно-больныхъ, страдала мрачнымъ помѣ-

и другія патологическія явленія; предъ началомъ приступа, эти больные чувствуютъ себя дурно, они напрасно борются противъ стремленія къ вину; при отказѣ въ винѣ, они впадаютъ или въ тоску, или въ возбужденіе; во время приступа, они глубоко страдаютъ, какъ отъ болѣзненнаго состоянія, такъ и отъ сознанія своего безсилія. Не подлежитъ сомнѣнію, что дипсоманія—это періодическая душевная болѣзнь; даже извѣстны случаи, когда приступы запоя замѣнялись приступами мрачнаго помѣшательства.

Пьянство, какъ болѣзнь, наблюдается у наследственно-предрасположенныхъ къ душевнымъ болѣзнямъ, у вырождающихся. Еще въ тѣ годы, когда нормальнымъ юношамъ опьяненіе не доставляетъ никакого удовольствія, у этихъ вырождающихся, съ несовершеннымъ, инвалиднымъ мозгомъ, родители съ ужасомъ замѣчаютъ сильнѣйшее стремленіе къ спиртнымъ напиткамъ; если не приняты своевременно необходимы мѣры (далеко не всегда, однако, приводяшія къ хорошему результату), то уже очень скоро эти, предрасположенные къ заболѣваніямъ душевною болѣзью, лица становятся горькими пьяницами; всѣ ихъ помыслы, всѣ ихъ стремленія, сводятся на то, — какъ бы достать средства для пріобрѣтенія водки; очень быстро они спускаются на самыя низшія ступени общественной лѣстницы; самыя грязныя кабаки, ночлежные дома—вотъ гдѣ проходитъ ихъ жизнь. Въ большинствѣ случаевъ, быстрое истощеніе организма, при осложненіи какой-либо соматической болѣзни, сводитъ ихъ въ могилу еще въ ранней молодости ¹⁾).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненная организація выражена не такъ сильно, — эти лица еще могутъ вести образъ жизни, согласно ихъ общественному положенію, но постоянное пьянство не позволяетъ имъ достигнуть совершенства въ избранной профессіи, разрушаетъ ихъ семейное счастье; они неспособны къ жизненной борьбѣ, не могутъ выдержать бремени, возлагаемаго на всѣхъ насъ жизнью. У этихъ пьяницъ постоянно наблюдаются, рядомъ съ неудержимымъ стрем-

пательствомъ; братъ умеръ отъ прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ. Въ другомъ случаѣ дипсоманіи, оказалось, что одинъ братъ больного страдаетъ нѣсколько лѣтъ морфинизмомъ, а другой—окончилъ жизнь самоубійствомъ.

¹⁾ Одинъ мой товарищъ по гимназій, на 16-мъ году, былъ исключенъ изъ нея за пьянство; черезъ три года я его встрѣтилъ, — это былъ уже горькій пьяница, неспособный къ труду; онъ выпрашивалъ у родныхъ, у знакомыхъ деньги, которыя тотчасъ-же пропивалъ; этотъ 18-лѣтній юноша могъ выпить

леніемъ къ вину, другія разнообразныя болѣзненныя аномаліи психической организаціи.

Патологическое пьянство развивается иногда послѣ тяжелыхъ душевныхъ потрясеній, послѣ тяжелыхъ пораненій головы, у перенесшихъ душевныя болѣзни, — слѣдовательно, при выздоровленіи съ дефектомъ, наконецъ—въ начальномъ періодѣ душевной болѣзни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очень легко убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ пьянствомъ, какъ болѣзнию, напр., въ случаяхъ пьянства послѣ ушиба головы; быстро развившаяся переменна указываетъ окружающимъ на ненормальность больного; напр., субъектъ, пившій умѣренно, или даже вовсе неупотреблявшій спиртныхъ напитковъ, оправившись отъ ушиба головы, начинаетъ тотчасъ-же пить много и часто, причѣмъ скоро страсть къ спиртнымъ напиткамъ все увеличивается и увеличивается; кромѣ того, въ большинствѣ такихъ случаевъ, алкоголь вызываетъ нѣсколько другія, чѣмъ у здоровыхъ, явленія опьяненія. Быстро развившееся, неудержимое стремленіе къ спиртнымъ напиткамъ почти всегда бываетъ предвѣстникомъ душевной болѣзни; если субъектъ, пившій умѣренно, вдругъ начинаетъ предаваться жестокому пьянству, можно почти безошибочно предсказать, что онъ уже страдаетъ душевною болѣзнию, которая скоро проявится во всей своей полнотѣ.

Наконецъ, продолжительное злоупотребленіе спиртными напитками можетъ повести къ патологическому пьянству, хотя весьма рѣдко совершенно здоровые субъекты такъ долго злоупотребляютъ спиртными напитками, чтобы довести свою нервную систему до патологическаго состоянія. Нельзя отрицать, что лица, долго и помногу пьющія, подъ вліяніемъ дурного примѣра, или же влѣдствіе скуки, бездѣятельности, или же для поддержанія бодрости, необходимой для перенесенія тяжелаго труда, кончаютъ патологическимъ пьянствомъ.

Какъ я уже говорилъ,—что при патологическомъ пьянствѣ, субъектъ *не можетъ не пить*, что, онъ испытываетъ крайнюю, живую *потребность* въ спиртныхъ напиткахъ всего организма, что, безъ спиртныхъ напитковъ, такіе больные впадаютъ въ тоску, становятся вялыми, неспособными къ какому-либо труду, или же крайне раздражительными; пока пьющій можетъ всегда прекратить употребленіе

чайный стаканъ 95% спирта, нисколько не пьянѣя; какъ я слышалъ, на 20-мъ году жизни, онъ умеръ въ больницѣ. Мать его была душевно-больная.

спиртныхъ напитковъ, пока они для него не составляютъ насущной потребности,—мы должны считать его здоровымъ; такого пьяницу можно вернуть къ трезвости, убѣдивъ его во вредѣ злоупотребленія спиртныхъ напитковъ; при патологическомъ пьянствѣ ничто, кромѣ леченія въ заведеніяхъ для пьяницъ, или въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, не можетъ заставить больного отказаться отъ спиртныхъ напитковъ. Американскія заведенія для пьяницъ дали весьма утѣшительные результаты; патологическое пьянство—явленіе, къ сожалѣнію, весьма частое, а, до сихъ поръ, у насъ нѣтъ никакихъ заведеній для леченія этихъ больныхъ, такъ какъ помѣщать ихъ въ заведеніе для душевно-больныхъ наши законы никому не разрѣшаютъ; притомъ-же, помѣщеніе ихъ въ заведеніе для душевно-больныхъ не вполне цѣлесообразно ¹⁾.

Хотя, въ большинствѣ случаевъ, у лицъ съ врожденнымъ стремленіемъ къ пьянству всегда можно констатировать много психическихъ аномалій, неполноту развитія психическихъ силъ, т. е. главнымъ образомъ,—недоразвитіе нравственныхъ чувствованій, отсутствіе высшихъ умственныхъ стремленій—все-таки, не подлежитъ сомнѣнію, что алкоголь скоро ведетъ къ притупленію психическихъ силъ, къ ослабленію высшихъ чувствованій, высшихъ умственныхъ способностей.

Безспорно, что большинство пьяницъ, при кажущемся еще полнымъ здоровьѣ, страдаютъ уже слабостью воли и ума. Энергія вообще ослаблена, нѣтъ настойчивости, человекъ неспособенъ преслѣдовать отдаленныя цѣли; вниманіе, а потому—вышія интеллектуальныя отправленія постепенно и неудержимо ослабѣваютъ. Почти у всѣхъ, много и долго злоупотреблявшихъ спиртными напитками, скоро является пренебреженіе къ нравственности и приличію, равнодушіе къ тому злу, которое происходитъ отъ ихъ пьянства. Всѣ наблюдавшіе долго пьяницъ, какъ психіатры, такъ и романисты, согласны въ томъ, что злоупотребленіе спиртными напитками ведетъ къ ослабленію нравственныхъ чувствованій, что пьяницы скоро становятся безнравственными; ихъ грубый эгоизмъ всѣмъ хорошо извѣстенъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, предложеніе д-ра Минора (Къ вопросу о пьянствѣ и его леченіи въ спеціальныхъ заведеніяхъ для пьяницъ) устроить у насъ такое заведеніе не было встрѣчено сочувственно даже психіатрами (Труды перваго Съѣзда психіатровъ. 1887).

Конечно, вмѣстѣ съ отравленіемъ нервной системы, происходитъ отравленіе и всего организма, а потому у привычныхъ пьяницъ всегда наблюдаются различныя болѣзненные измѣненія во всемъ организмѣ.

Трудно провести рѣзкую черту между привычнымъ пьяницею и уже больнымъ, вслѣдствіе отравленія алкоголемъ — *хроническимъ алкоголикомъ*. Можно лишь установить нѣкоторые признаки, указывающіе на болѣзненное состояніе нервной системы; основывать же свое заключеніе на степени ослабленія воли, нравственныхъ чувствованій, высшихъ умственныхъ способностей, — весьма рискованно, такъ какъ я уже неоднократно говорилъ, что наши методы изслѣдованія весьма несовершенны. мы не имѣемъ какихъ-либо масштабовъ для опредѣленія совершенства высшихъ психическихъ процессовъ.

Патологическое состояніе нервной системы, прежде всего, проявляется измѣненнымъ отношеніемъ нервной системы къ алкоголю или такъ называемымъ, патологическимъ опьяненіемъ. Многіе алкоголики, рано или поздно, теряютъ способность употреблять спиртные напитки въ большомъ количествѣ и сразу, или, что бываетъ чаще, мало по малу уменьшаютъ привычную дозу, и, наконецъ, доходятъ до того, что глубокое опьяненіе наступаетъ послѣ одной рюмки водки. Тоже самое наблюдается вообще у многихъ страдающимъ пьянствомъ, какъ болѣзною, какого-бы происхожденія она ни была.

Особенно же рѣзко проявляется болѣзненное состояніе организма патологическимъ опьяненіемъ; такимъ слѣдуетъ признавать опьяненіе, рѣзко отличающееся отъ вышеописаннаго, бывающаго у здоровыхъ, нормальныхъ субъектовъ. Отклоненія отъ вышеописаннаго типа бываютъ самыя различныя; у однихъ, тотчасъ же послѣ пріема спиртныхъ напитковъ, наступаетъ глубокій сонъ; другіе становятся крайне раздражительны; самое важное, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, патологическое видоизмѣненіе опьяненія состоитъ въ томъ, что, при полномъ угнетеніи психической дѣятельности, даже при отсутствіи сознанія, возбужденіе двигательной сферы бываетъ выражено въ высшей степени. Понятно, что въ такомъ патологическомъ опьяненіи, къ сожалѣнію весьма часто случающемся, не рѣдко происходятъ преступленія. У наследственно - предрасположенныхъ къ заболѣванію душевными болѣзнями, у лицъ съ врожденною или пріобрѣтенною (или перенесенною душевною болѣзнию, или послѣ долгого отравленія организма алкоголемъ) несовершенной организаціей, опья-

неніе почти всегда протекает совѣмъ не такъ, какъ у нормальныхъ людей; вообще, у нихъ легко наступаетъ потемнѣніе и даже полное помраченіе сознанія, рядомъ съ сильнѣйшимъ возбужденіемъ всей двигательной сферы; нерѣдко, опьяненіе протекаетъ какъ приступъ сильнѣйшаго буйства, причѣмъ воспріятіе происходитъ неправильно, наблюдается полная спутанность сознанія.

Не меньшее значеніе, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, имѣетъ и легкость, съ какою развиваются аффекты при патологическомъ опьяненіи; патологическіе аффекты, вообще, весьма часто наблюдаются у хроническихъ алкоголиковъ; крайняя раздражительность, по истинѣ звѣрская гнѣвливость—одинъ изъ обыкновенныхъ признаковъ хроническаго алкоголизма.

Продолжительное злоупотребленіе спиртными напитками ведетъ къ перерожденію нервной системы, легко констатируемому объективнымъ наблюденіемъ; дрожь (tremor) пьяницъ, какъ извѣстно, наступаетъ иногда очень скоро и въ весьма раннемъ возрастѣ; если болѣзнь оставлена безъ леченія, дрожь все усиливается и, наконецъ, развиваются паретическія явленія. Рядомъ съ болѣзненными измѣненіями двигательной области, констатируются гиперѣстезіи, анестезіи и аналгезіи. Они ограничиваются, болѣею частью, предплечіями, даже только пальцами рукъ, или-же на нижнихъ конечностяхъ до колѣнъ, но могутъ распространяться и на туловище. Особенно важное значеніе имѣютъ аналгезія и анестезія половыхъ органовъ, такъ какъ онѣ служатъ исходнымъ пунктомъ, столь частаго, у алкоголиковъ, бреда супружеской невѣрности. Эквивалентомъ этому бреду можно считать бредовыя идеи о томъ, что окружающія лица предаются самому гнусному разврату; этотъ бредъ, столь часто ведущій къ преступленію, весьма часто принимается за ошибку здороваго человѣка, особенно, если имѣются нѣкоторыя основанія къ такимъ предположеніямъ. Этотъ бредъ часто появляется у хроническихъ алкоголиковъ очень рано, дѣлаетъ ихъ подозрительными, злыми, и, наконецъ, доводитъ до преступленія.

Весьма рѣзкимъ признакомъ патологическаго состоянія головного мозга служатъ обманы чувствъ хроническихъ алкоголиковъ. Элементарныя зрительныя и слуховыя галлюцинаціи весьма нерѣдки; больные видятъ моментально исчезающія мушки, искры, пламень, слышатъ шумъ, звонъ въ ушахъ. Какъ уже сказано, галлюцинаціи зрѣнія бываютъ гораздо чаще, чѣмъ галлюцинаціи слуха. Особенно характерны для хроническаго алкоголизма галлюцинаціи при засыпаніи. Извѣстно,

что живыя, угрожающія сновидѣнія, почти безъ исключенія, бывають у всѣхъ алкоголиковъ; нерѣдко, особенно тяжелыя сновидѣнія являются предвѣстниками появленія галлюцинацій.

Галлюцинаціи у алкоголиковъ появляются эпизодически; обыкновенно, онѣ возникаютъ внезапно, послѣ какого-либо истощающаго момента (бессонныхъ ночей, недостаточнаго питанія) и скоро исчезаютъ. Онѣ всегда непріятнаго содержанія, крайне тягостны для больного. Могнан¹⁾ весьма вѣрно подмѣтилъ, что даже самыя прекрасныя картины, создаваемые больнымъ мозгомъ алкоголика, крайне тягостны для больного, вызываютъ у него удручающее впечатлѣніе.

Наконецъ, у хроническихъ алкоголиковъ развивается иногда душевная болѣзнь въ формѣ запойнаго бреда (*Delirium tremens*).

Запойный бредъ развивается или вслѣдствіе временнаго усиленнаго злоупотребленія спиртными напитками, или-же вслѣдствіе прекращенія употребленія спиртныхъ напитковъ, или-же, наконецъ, вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ неблагопріятныхъ вліяній, напр., бессонной ночи, какой-либо внутренней болѣзни, сильнаго душевнаго волненія и т. п. Запойный бредъ никогда не бываетъ у лицъ, нервная система которыхъ не перерождена продолжительнымъ злоупотребленіемъ спиртными напитками. Бессонница, дрожаніе тѣла, живѣйшія галлюцинаціи зрѣнія, бредъ—вотъ главнѣйшіе симптомы этой болѣзни. Алкогольный автоматизмъ нерѣдко предшествуетъ запойному бреду; больной помнитъ, что съ нимъ было за время, когда онъ страдалъ запойнымъ бредомъ и не сохраняетъ ни малѣйшаго воспомнанія о промежуткѣ между здоровымъ (конечно, лишь относительно) состояніемъ и началомъ запойнаго бреда, потому что въ этотъ промежутокъ онъ былъ пораженъ алкогольнымъ автоматизмомъ.

Хроническій алкоголизмъ, если не приняты врачебныя мѣры, прогрессивно и неудержимо приближается къ окончательному и вполне неизлечимому поражению всего организма; обыкновенно присоединяются разнообразныя пораженія нервной системы²⁾, вообще, имѣющія сходство съ тѣми, которыя наблюдаются при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ. Конечно, когда болѣзнь достигла до такой степени, всѣ уже принимаютъ хроническаго алкоголика за больного; большинство-же

¹⁾ De l'alcoolisme, 1874.

²⁾ Д-ръ Корсаковъ („Объ алкогольномъ параличѣ“, 1887) далъ полное описаніе этого страданія.

преступлений, совершаемых хроническими алкоголиками, конечно, дѣлаются ими, когда болѣзнь еще не достигла полного развитія; вслѣдствіе неправильнаго взгляда на привычныхъ, неудержимыхъ пьяницъ, какъ на здоровыхъ, трудности, а иногда и невозможности доказать патологическое состояніе хроническаго алкоголика, — весьма нерѣдко хроническихъ алкоголиковъ признають здоровыми, просто порочными и, потому, приговаривають къ наказанію.

Злоупотребленіе спиртными напитками весьма часто ведетъ къ заболѣванію самыми разнообразными душевными болѣзнями; многіе психіатры приходятъ къ заключенію, что злоупотребленіе спиртными напитками, — одна изъ главнѣйшихъ причинъ душевныхъ болѣзней, что подтверждается и отчетами заведеній для помѣшанныхъ, напр., по отчету больницы св. Николая Чудотворца за 1886 г., между 554 больными, у 74 злоупотребленіе спиртными напитками было причиной душевной болѣзни; между 3500 больными въ заведеніяхъ департамента Сены (по отчету за 1886 г.), у 750 злоупотребленіе спиртными напитками было причиной душевной болѣзни; въ Англіи и Валлісѣ, съ 1878 по 1887 г., во всѣ заведенія было принято 136.418 больныхъ; злоупотребленіе спиртными напитками было причиной болѣзни въ 13,4%¹⁾; эти цифры, взятые мною для примѣра, показываютъ, что злоупотребленіе спиртными напитками — одна изъ главныхъ, если не самая главная, причина душевныхъ болѣзней. На основаніи собственныхъ наблюденій я пришелъ къ выводу, что, изъ пяти душевно-больныхъ, одинъ — злоупотреблялъ спиртными напитками и только одинъ пилъ меньше, чѣмъ пьетъ большинство.

Установлено многочисленными статистическими изслѣдованіями, что, при возрастаніи пьянства среди населенія, непрерывно увеличивается число зарегистрированныхъ душевно-больныхъ. Но такое доказательство крайне вреднаго вліянія спиртныхъ напитковъ на психическое здоровье не можетъ считаться безусловнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что число душевно-больныхъ почти во всѣхъ странахъ, по официальнымъ отчетамъ, постоянно увеличивается, что, какъ мы видѣли, зависитъ отъ большаго вниманія, съ которымъ относятся къ душевно-больнымъ; но мы имѣемъ болѣе точныя доказательства вреднаго вліянія алкоголя на психическое здоровье: фізіологическій опытъ, клини-

¹⁾ Journal of Mental science. 1889.

ческое наблюдение вполне выясняют нам значение этого яда для психического здоровья, выясняют отношение между злоупотреблением спиртными напитками и душевными болезнями, почему Rian ¹⁾ вполне правъ, называя кабака: «un lieu où l'on vend la folie en bouteille».

Злоупотребление спиртными напитками постоянно и неизбежно ведет къ преступлению, ослаблению нравственной стороны человека; мы уже знаемъ, что продолжительное отравление ведетъ къ анелгезии, къ притуплению чувствований и, главнымъ образомъ, высшихъ; алкоголь, ослабляя умственные способности и волю пьяницы, разрушаетъ, тѣмъ самымъ, высшія нравственные понятія — однимъ словомъ, ведетъ къ безнравственности, преступности, потому что естественно, что пьяница, лишонный руководства нравственныхъ чувствований и понятій, поступаетъ подъ влияніемъ эгоистическихъ мотивовъ и даже чисто животныхъ побуждений. Едва-ли нужно говорить, что алкоголь, понижая выносливость, способность къ труду, (какъ это доказано многими изслѣдованіями, напр., Parkes), тѣмъ самымъ неизбежно ведетъ пьяницъ къ преступлению, не говоря уже о томъ образѣ жизни, который неизбеженъ при пьянствѣ. Опытные преступники отлично знаютъ, что алкоголь притупляетъ состраданіе ²⁾, заглушаетъ стыдъ и страхъ; особая привязанность преступниковъ къ спиртнымъ напиткамъ общезвѣстна; заведывающіе тюрьмами знаютъ, что, болѣе всего, страдаютъ почти все заключенные отъ отнятія спиртныхъ напитковъ.

Убѣдительнѣе всего говорятъ цифры; мнѣ неизвѣстно ни одного изслѣдованія, опровергающаго всеми признаваемою, непосредственную зависимость преступности отъ пьянства; статистическія данныя, подтверждающія эту зависимость, весьма многочисленны; приведу лишь, въ видѣ примѣра, нѣкоторыя, наиболѣе точныя.

Комитетъ Палаты лордовъ для изслѣдованія вреда пьянства, въ своемъ рапортѣ въ 1877 г. (цитировано по Baer. Alcoholismus, s. 344), приводитъ слѣдующій фактъ: между арестованными въ 1872 г. за разныя преступления, въ состояніи опьяненія, было:

¹⁾ L'alcool et le tabac, 3 éd.

²⁾ Шотландскій разбойникъ и убійца Burke рассказываетъ, что, однажды, ему тяжело было поднять руку на спящаго ребенка; чтобы уничтожить въ себѣ это колебаніе, онъ выпилъ стаканъ водки и тогда, безъ всякаго смущенія, преступленіе было совершено.

Въ Манчестерѣ между 19965 64,8%
 > Ливерпулѣ > 30145 62,3%

Баер, на основаніи изученія 32.837 арестантовъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: пьяницъ между преступниками 41,7%; между рецидивистами пьяницъ больше, чѣмъ между осужденными въ первый разъ, а именно между присужденными къ тюремному заключенію пьяницъ:

	Общее число приговоренныхъ.
въ 1-й разъ	62,3 1276
> 2 >	62,0 480
> 3 >	58,0 265
> 4 >	74,6 130
> 5 >	77,6 194

Это относительно мужчинъ; относительно женщинъ этотъ законъ остается неизмѣннымъ, а именно:

между присужденными въ 1 разъ пьяницъ было .	17,0	570
> > > 2 > > > .	21,3	151
> > > 3 > > > .	19,7	152
> > > 4 > > > .	24,2	136
> > > 5 > > > .	46,0	534

Всегда и всюду, при увеличеніи потребления алкоголя въ странѣ, увеличивалось и количество преступленій, и наоборотъ, при уменьшеніи пьянства, уменьшалось и число преступленій. Весьма поучительны цифры, представленныя Yvernés, завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ Французскаго Министерства Юстиціи Парижскому международному конгрессу по алкоголизму въ 1889 г. ¹⁾ Во Франціи, съ 1873 по 1877 гг., въ среднемъ, каждый потреблялъ алкоголя 2,92 литра; съ 1878 по 1882 гг. 3,53 литра и съ 1883 по 1887 гг. 3,83—5 литра. За это время число преступленій за годъ возросло съ 172,000 до 195,000. Въ Бельгіи, съ 1868 по 1882 гг., среднее потребление алкоголя на каждаго возросло съ 7 до 9 литровъ; число преступленій на 100,000 жителей возросло, за это время, съ 1,900 до 2,877. Въ Италіи потребление алкоголя, съ 1872 по 1883 гг., возросло отъ 2,5 до 5 литровъ на каждаго; съ 1879 по 1885 гг. число преступленій отъ 1,400 возросло до 1,500 (на 100,000 жите-

¹⁾ Archives de Neurologie. 1890.

лей). Какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость заключенія о зависимости преступности отъ пьянства примѣръ Норвегii, гдѣ, по заявленію Caudelier, на томъ-же конгрессѣ ¹⁾, съ 1844 по 1875 г., количество алкоголя на cadaго уменьшилось съ 10 до 4 литровъ; за это время число преступленій упало съ 249 (на 100,000 жителей) до 180.

Конечно, можно объяснять такое совпаденіе увеличенія пьянства съ увеличеніемъ преступленія тѣмъ, что оба эти явленія суть результатъ одной причины, одного фактора; можно допустить, что одна и та-же причина—дурное социальное устройство общества—ведетъ къ пьянству и къ увеличенію преступленій. Не затрагивая пока—на сколько справедливо такое толкованіе, слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что приведенныя цифры не болѣе какъ регистрируютъ необходимое послѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками; алкоголь обязательно ведетъ къ такому перерожденію головного мозга, къ такому измѣненію психической организаци, при которыхъ совершеніе преступленій—весьма естественно, можно сказать, необходимо. Алкоголь дѣлаетъ человѣка безнравственнымъ; а для человѣка, ставшаго въ силу органическаго перерожденія мозга безнравственнымъ, сдѣлать преступленіе, или не совершать его—простая случайность.

Хотя мы не имѣемъ права смотрѣть на самоубійство, во всѣхъ случаяхъ, какъ на поступокъ больного, на выраженіе болѣзни, однако несомнѣнно, что, во многихъ случаяхъ, самоубійство—выраженіе душевной болѣзни или, по крайней мѣрѣ, несовершенства психической организаци. Всѣ согласны въ томъ, что увеличеніе потребленія спиртныхъ напитковъ ведетъ къ увеличенію числа самоубійствъ. Въ Петербургѣ (по Статистическому Ежегоднику 1887 г., составляемому весьма обстоятельно) съ 1881—1887 гг. покушеній на самоубійство и самоубійствъ съ выясненными мотивами было 1,980 случаевъ, изъ нихъ 971, т. е. 49,5% случаевъ находилось въ связи съ пьянствомъ.

Нельзя оставить безъ отвѣта вопросъ о причинѣ увеличенія почти всюду (за исключеніемъ Швеціи, Норвегii и Финляндii) потребленія спиртныхъ напитковъ, тѣмъ болѣе, что нужно признать вполне доказаннымъ фактъ, что пьянство, душевныя болѣзни и преступленія возростають и уменьшаются параллельно, что внутренняя

¹⁾ Archives d'antropologie criminelle. 1890.

связь между этими явлениями такъ велика, что мы можемъ считать ихъ частями одного цѣлага, указывающаго намъ состояніе здоровья населенія. Примѣръ Швеціи весьма поучителенъ, такъ какъ показываетъ—насколько законодательство можетъ понизить потребление алкоголя въ населеніи. Блестящій успѣхъ, достигнутый Шведскимъ правительствомъ, выясняетъ, что бѣльшая половина потребляемаго въ странѣ алкоголя идетъ на удовлетвореніе ненужной прихоти, дурныхъ привычекъ и что населеніе легко можетъ обойтись безъ нея; иначе, конечно, правительству Швеціи не удалось-бы такъ легко уменьшить, болѣе чѣмъ вдвое, количество потребляемаго алкоголя. Нѣкоторая часть количества потребляемаго алкоголя можетъ считаться почти безвреднымъ напиткомъ, тѣмъ болѣе, что большинство все-таки пьетъ мало и непостоянно. Но, затѣмъ, остается еще не мало алкоголя, употребляемаго для самоотравленія привычными пьяницами и страдающими пьянствомъ, какъ болѣзнию. При изученіи значенія наследственности, мы еще вернемся къ выясненію увеличенія числа больныхъ пьяницъ, но и теперь своевременно отмѣтить, что самые безпристрастные наблюдатели констатируютъ увеличеніе числа привычныхъ пьяницъ. О причинѣ этого явленія говорилось очень много; совершенно точно мы не можемъ анализировать и отмѣнить всѣхъ причинъ пьянства, но нужно согласиться, что тяжелый, нисколько не возбуждающій интереса, трудъ на заводахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, можетъ вести къ злоупотребленію спиртными напитками, которые, притупляя чувство утомленія, становятся, мало по малу, необходимы многимъ рабочимъ. Невѣжество, отсутствие разумныхъ развлеченій, тяжелый трудъ, бѣдность — все это такія условія въ современной жизни, которыя, даже относительно-здороваго человѣка, могутъ привести къ злоупотребленію спиртными напитками.

Нельзя закончить изученія вліянія алкоголя на психическое здоровье, не упомянувъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя возникаютъ ип фога при сужденіи о вмѣняемости алкоголиковъ. Классифицировать всѣ случаи опьяненія по отношенію къ вмѣненію—положительно невозможно; ясно, что страдающіе запоемъ (*Dipsomania*), хроническимъ алкоголизмомъ въ сильной степени его развитія, наконецъ, совершившіе преступленіе въ состояніи патологическаго опьяненія, когда они не знали, что опьяненіе принимаетъ у нихъ такой характеръ,—невмѣняемы; но, затѣмъ, остается громадное число страдающихъ пьянствомъ, какъ болѣзнию, хроническихъ алкоголиковъ, еще способныхъ

поступать сообразно своему характеру, относительно которых только самое тщательное изслѣдованіе конкретнаго случая можетъ установить степень ихъ болѣзненнаго состоянія. Весьма жестоко, относительно многихъ алкоголиковъ, подвергать ихъ наказанію, не менѣе того опасно оставлять ихъ на свободѣ, давая, такимъ образомъ, какъ бы право на безнаказанное совершеніе преступленій. Единственнымъ исходомъ, для такихъ весьма частыхъ случаевъ, будетъ устройство *заведеній для пьяницъ*; всѣ мѣры противъ страдающихъ пьянствомъ, какъ болѣзнью, за исключеніемъ леченія ихъ въ заведеніяхъ для пьяницъ, безсильны; поэтому, въ высшей степени желательно учрежденіе такихъ заведеній у насъ, хотя бы въ столицахъ и главныхъ городахъ. Помѣщеніе въ такія заведенія опасныхъ алкоголиковъ, навѣрное, значительно уменьшило бы число преступленій.

Перейдемъ теперь къ изученію той почвы, на которой развиваются душевныя болѣзни.

Уже, въ древности, былъ извѣстенъ законъ наследственной передачи родителями дѣтямъ какъ физической, такъ и психической организациі. Изслѣдованія Дарвина разъяснили значеніе этого великаго біологическаго закона; нельзя понимать индивидуальнаго характера, не зная его наследственности; нельзя понимать психической организациі, не зная психической организациі предковъ; само собою разумѣется, что аномаліи, болѣзни этой организациі, должны передаваться наследственно, также какъ всѣ, вообще, свойства физической и психической организациі. Наследственная передача пороковъ психической организациі есть лишь одно изъ проявленій общаго закона наследственности.

Также какъ не всегда свойства тѣлесной и психической организациі родителей передаются дѣтямъ, такъ точно не всегда пороки психической организациі родителей унаследуются дѣтьми. Сколько извѣстно, чаще всего передается порокъ психической организациі, если онъ имѣется у матери и у отца; наследственность со стороны матери чаще, чѣмъ со стороны отца; дѣти, во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ кѣмъ-либо изъ родителей, чаще имѣютъ сходство съ ними и въ болѣзненномъ состояніи психической организациі. Особенности тѣлесной и психической организациі иногда передаются черезъ поколѣніе (атавизмъ), и внуки имѣютъ больше сходства съ дѣдомъ или бабушкою, чѣмъ съ родителями; также и душевная болѣзнь можетъ быть унаследована отъ дѣда, или бабушки.

Однако, вообще, рѣдко сходство дѣтей съ родителями достигаетъ полнаго тождества; такъ точно рѣдко тотъ же самый порокъ психической организаціи и въ той-же степени бываетъ у родителей и дѣтей. Только въ исключительныхъ случаяхъ развивается у потомка та же форма душевной болѣзни, кака была у родственниковъ восходящей линіи. Напротивъ, гораздо чаще наблюдается непостоянство картинъ болѣзни (полиморфизмъ), напр., у отца, страдавшаго эпилепсіей, дѣти могутъ быть идиоты или страдающіа истеріей. Чаще всего передается отъ больныхъ родителей лишь предрасположеніе къ заболѣванію душевными болѣзнями; расположеніе это къ заболѣванію душевными болѣзнями весьма часто сопровождается весьма яркими признаками несовершенства организаціи нервной системы; нѣкоторые, наследственно-предрасположенные къ заболѣванію душевными болѣзнями, не представляютъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы, кажутся совершенно нормальными, здоровыми, но, подъ вліяніемъ самыхъ ничтожныхъ причинъ, у нихъ развивается душевная болѣзнь. Большая-же часть наследственно-предрасположенныхъ къ заболѣванію душевными болѣзнями, унаслѣдовавшихъ отъ предковъ болѣзненную психическую организацію, уже съ самого рожденія представляютъ различные симптомы болѣзненной организаціи; тутъ слѣдуетъ припомнить, что природа не дѣлаетъ скачковъ и, поэтому, начиная съ субъекта, происходящаго отъ душевно-больныхъ родителей и не представляющаго замѣтныхъ уклоненій отъ нормы, до идиота существуетъ безконечный рядъ переходовъ; у всѣхъ наследственно-предрасположенныхъ къ заболѣванію душевной болѣзнью, у одного больше, у другого меньше, имѣются симптомы психическихъ и нервныхъ болѣзней; у одного неправильности организаціи могутъ быть едва замѣтны, напр., все ограничивается асимметрией лица и значительно выраженной склонностью къ хвастовству, мечтательности, у другого—вмѣстѣ съ значительными аномаліями въ физической организаціи—наблюдается болѣзненная склонность къ аффектамъ, непереносимость спиртныхъ напитковъ, навязчивыя представленія, неуравновѣшенность умственныхъ способностей, у третьяго болѣзненныхъ симптомовъ такъ много, что, мало-по-малу, онъ впадаетъ въ такое состояніе, которое всѣ признають за душевную болѣзнь.

И такъ, наследственно передается порочность, болѣзненность психической организаціи въ самой разной степени; это несовершенство, или, какъ его называютъ, инвалидность мозга можетъ быть такъ слабо

выражена, что, только при неблагоприятных для психического здоровья, обнаруживается заболѣваніемъ душевной болѣзнью; въ другихъ случаяхъ, вырожденіе, дегенеративность выражена такъ сильно, что никакія мѣры не могутъ предотвратить развитія душевной болѣзни и, наконецъ, наследственная передача пороковъ психической организаціи состоитъ въ томъ, что дѣти рождаются идиотами, эпилептиками, т. е. уже больными.

Какъ, впрочемъ, это видно изъ вышесказаннаго, — наследственно передается не только душевная болѣзнь родителей, но и все аномаліи ихъ психической организаціи. Дѣти родителей, страдавшихъ нервными болѣзнями, нерѣдко носятъ на себѣ слѣды вырожденія, унаследуютъ предрасположеніе къ заболѣванію душевными болѣзнями, или даже рождаются больными. Тоже самое слѣдуетъ сказать о наследственной передачѣ аномалій психической организаціи въ формѣ, такъ называемыхъ, патологическихъ характеровъ, преступности и порочности. Дѣти лицъ, ведшихъ порочный, преступный образъ жизни, могутъ имѣть предрасположеніе къ заболѣванію душевными болѣзнями или даже родиться больными, также какъ дѣти душевно-больныхъ могутъ обладать тою организаціей, которая свойственна привычнымъ, врожденнымъ преступникамъ. Кровное родство между помѣшанными, пьяницами, преступниками и самоубійцами не подлежитъ сомнѣнію и, какъ извѣстно, составляетъ весьма частое явленіе.

Особенно тяжело выражена болѣзненная наследственность у дѣтей пьяницъ; безспорно, что одно пьянство кого либо изъ родителей весьма часто ведетъ къ тому, что дѣти обладаютъ самою тяжелою наследственностью или даже рождаются больными ¹⁾. Особенно опасно для здоровыхъ дѣтей зачатіе при опьяненіи кого-либо изъ родителей; нѣкоторые, по чисто практическимъ соображеніямъ, пьютъ на ночь, когда

¹⁾ Я знаю одну почтенную семью, состоящую изъ совершенно здоровыхъ родителей, двухъ здоровыхъ, весьма дѣльныхъ, сыновей и одной замужней дочери, трое дѣтей которой также совершенно здоровы; одинъ сынъ, родившійся третьимъ (послѣ него родилась сестра, другихъ дѣтей у родителей не было), страдаетъ нравственнымъ слабоуміемъ: при тщательныхъ разспросахъ оказалось, что отецъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ вслѣдствіе потери мѣста и разстройства, дѣлъ, много пилъ, но потомъ, при улучшеніи своихъ дѣлъ, и подъ влияніемъ своего брата-врача, пересталъ совершенно пить. Зачатіе матери больнымъ сыномъ именно относится къ этому періоду.

никто не может их видѣть въ такомъ состояніи; дѣти такихъ субъектовъ весьма часто оказываются предрасположенными къ заболѣванію душевными болѣзнями, — мало способными, съ порочными наклонностями и, наконецъ, пьяницами ¹⁾. Особенно часто дѣти привычныхъ пьяницъ склонны къ преступленію, лишены нравственныхъ чувствованій, и Дарвинъ утверждаетъ, что семьи пьяницъ вымираютъ въ четвертомъ поколѣніи; само собою, что это можетъ считаться лишь вѣрнымъ относительно многихъ; вымирание нерѣдко происходитъ и ранѣе. Morel ²⁾ считаетъ наиболѣе обыкновеннымъ, такъ сказать правильнымъ, слѣдующее вырожденіе потомства пьяницъ.

1-е поколѣніе: извращеніе нравственности, злоупотребленіе спиртными напитками.

2-е поколѣніе: пьянство (какъ болѣзнь), маниакальные приступы, прогрессивный параличъ помѣшанныхъ.

3-е поколѣніе: иппохондрія, меланхолія, влеченіе къ самоубійству и къ убійству.

4-е поколѣніе: слабоуміе, идиотизмъ, а слѣдовательно — и вымирание семьи.

Когда я говорилъ о нравственныхъ причинахъ душевныхъ болѣзней, я высказалъ взглядъ, принимаемый многими психіатрами, что, сами по себѣ, онѣ (нравственныя причины) не могутъ обусловить душевной болѣзни; ни сильныя огорченія, ни напряженный трудъ, ни нищета — не могутъ здороваго человѣка довести до психической болѣзни; могущественное вліяніе этихъ неблагопріятныхъ для психическаго здоровья условій, я думаю, довольно часто отзывается на здоровьѣ дѣтей; уже не говоря о тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда нищета, горе, непосильный трудъ, ведутъ къ пьянству, а слѣдовательно — и къ вырожденію семьи, нельзя сомнѣваться, что дѣти родителей, истощенныхъ

1) У одного высокопоставленнаго лица, въ продолженіе многихъ лѣтъ напивавшагося на ночь, изъ 11 родившихся дѣтей осталось въ живыхъ лишь шесть; одинъ хроническій алкоголикъ умеръ, одна дочь страдаетъ истеріей, остальные, по неспособности и порочности, составляютъ горе матери.

2) Лучшія сочиненія о значеніи наследственности въ развитіи душевныхъ болѣзней принадлежатъ: Morel: *Traité des dégénérescences* 1857 г. *Traité des maladies mentales*. Заслуживаютъ особаго вниманія: Le Grand-du Saule. *La folie héréditaire* 1874 г. Hagen. *Statistische Untersuchungen* 1876 г. Déjeriné: *L'hérédité dans les maladies du système nerveux* 1883 г. Lucas. *Traité philos. et physiол. de l'hérédité*. 1847 г.

непосильнымъ трудомъ, измученныхъ огорченіями и нищетою, весьма часто рождаются съ несовершеннымъ, инвалиднымъ мозгомъ, съ предрасположеніемъ къ заболѣванію душевными болѣзнями. Конечно, подтвердить точными цифрами такой выводъ невозможно, но наблюденія вполне подтверждаютъ такое предположеніе.

На основаніи вышеизложеннаго, необходимо заключить, что мы должны понимать наследственность въ широкомъ смыслѣ этого слова; если родители больного не страдали душевной болѣзью, то это еще совсѣмъ не значитъ, что онъ родился съ здоровымъ, необремененнымъ наследственнымъ предрасположеніемъ къ заболѣванію душевными болѣзнями, мозгомъ; нужно выяснить—не страдалъ ли кто либо изъ его родныхъ душевной или нервной болѣзью, не было ли между ними пьяницъ, самоубійцъ, преступниковъ. Кровное родство между душевно-больными, нервно-больными, пьяницами, самоубійцами и преступниками не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это кровное родство даетъ намъ указаніе и на значеніе всѣхъ этихъ формъ вырожденія, несовершенствъ психической организаци. Соціологу, моралисту такая связь даетъ обширное поле для самыхъ плодотворныхъ изысканій и соображеній, и можно только сожалѣть, что вопросъ не изученъ со всею полнотою и не освѣщенъ широкими обобщеніями великаго ума.

Обычное возраженіе противъ кровнаго родства между преступленіемъ, помѣшательствомъ и пьянствомъ состоитъ въ утвержденіи, что преступность передается не органически, а дурнымъ примѣромъ, худымъ воспитаніемъ; дѣйствительно, преступникъ, пьяница не можетъ дать правильнаго воспитанія своимъ дѣтямъ; душевно-больной также не рѣдко оставляетъ свою семью на жертву нищеты; поэтому весьма трудно исключить вліяніе воспитанія и утверждать, что преступность передается вмѣстѣ со всѣми свойствами организаци. Могушественное значеніе наследственной передачи мельчайшихъ свойствъ психической организаци доказывается намъ частою передачею наклонности къ самоубійству; тутъ уже не можетъ быть рѣчи о вліяніи воспитанія; а если можетъ передаваться такая незначительная особенность организаци, какъ наклонность къ самоубійству, то было бы чудомъ, если бы не передавалось наследственно такое крупное всеобъемлющее уродство психической организаци, какъ преступность. Gall ¹⁾ рассказываетъ про семью, въ которой бабушка, мать и ея сестра окончили жизнь самоубій-

¹⁾ Цитировано по Morel. (Traité des maladies mentales).

ствомъ, сынъ повѣсился, а сестру едва спасли отъ самоубійства. Morel (op. cit.) сообщаетъ, что семь братьевъ, приблизительно въ одномъ возрастѣ, окончили жизнь самоубійствомъ; Esquirol, Lucas, Moreau, Falret, ¹⁾ сообщаютъ факты, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія, что самоубійство передается наслѣдственно. Несчастные, родившіеся съ такою склонностью (явленіе такъ, въ сущности, непонятно, что приходится употреблять такое выраженіе), въ извѣстномъ возрастѣ, безъ мотива, какъ бы подчиняясь чуждой силѣ, какому то органическому импულсу, кончаютъ свою жизнь самоубійствомъ. Если такое мелкое уклоненіе отъ нормы можетъ передаваться наслѣдственно, то трудно допустить, чтобы столь полное несовершенство всей организаціи, какая присуща многимъ привычнымъ преступникамъ, не передавалась-бы наслѣдственно,—по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ.

Обычнымъ возраженіемъ противъ наслѣдственной передачи порочной, несовершенной организаціи служатъ, всѣмъ извѣстные, случаи, что у порочныхъ родителей бываютъ вполнѣ нравственные потомки, что у психически больныхъ родителей бываютъ совершенно здоровые дѣти. Что такіе случаи бываютъ—этого отрицать нельзя, но они, отнюдь, не доказываютъ того, что свойства родителей не передаются дѣтямъ. Какъ уже было говорено, что, только въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣти страдаютъ тою-же психическою болѣзnią, какъ родители; что организація потомства обуславливается свойствами организаціи отца и матери; что, наконецъ, дѣти могутъ унаслѣдовать организацію дѣда или бабушки, поэтому, напр., отъ отца-пьяницы и матери, страдающей истеріей, можетъ родиться совершенно здоровый ребенокъ, унаслѣдовавшій свойства отца матери, совершенно здороваго, женатаго на страдавшей мрачнымъ помѣшательствомъ. Сравнительно рѣдко отецъ и мать обладаютъ порочной организаціей и, притомъ, въ равной степени; гораздо чаще одинъ изъ супруговъ здоровъ или, по крайней мѣрѣ, обладаетъ лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ другой; если ребенокъ унаслѣдуетъ организацію, напр., матери здоровой, то онъ будетъ обладать болѣе здоровой организаціей, чѣмъ отецъ; если-же онъ женится на совершенно здоровой особѣ, то тѣ изъ дѣтей, которыя унаслѣдуютъ организацію матери, могутъ быть совершенно здоровыми, и, такимъ образомъ, у больного дѣда будутъ совершенно здоровые внуки. Такой процессъ

¹⁾ Много интересныхъ фактовъ собрано у Ribot. L'hérédité psychologique.

называется возрожденіемъ и, вообще, онъ идетъ рядомъ съ вырожденіемъ; сравнительно мало семей вырождаются окончательно, потому что отъ браковъ съ здоровыми субъектами въ семью вносится здоровая кровь; нѣкоторыя вѣтви семьи вырождаются, другія же—возрождаются.

Мы не знаемъ самага главнаго—отчего, при какихъ условіяхъ дѣти унаслѣдуютъ организацію отца или матери—почему одни похожи на отца, другія—на мать, третьи—на одного изъ предковъ, и потому только весьма условно можно предсказать—какова будетъ организація дѣтей больныхъ, пьяницъ, преступниковъ; большинство ихъ потомства будутъ больные, но нѣкоторые, по указаннымъ выше причинамъ, будутъ совершенно здоровы, будутъ обладать самой совершенной организаціей.

Слѣдовательно, порочность, несовершенство организаціи можетъ передаться дѣтямъ и въ увеличенномъ видѣ, и въ уменьшенномъ; у отца, съ эксцентричнымъ характеромъ, могутъ быть дѣти совершенно-больныя; также отъ отца, совершенно здороваго, могутъ быть дѣти нервныя, съ эксцентричнымъ характеромъ, страдающія мигренью и т. п., но не больныя, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Вообще принимаютъ, что браки между близкими родственниками ведутъ къ вырожденію; насколько это вѣрно—мы, русскіе врачи, утверждать не можемъ, такъ какъ у насъ такіе браки запрещены Церковью.

Какъ часто наслѣдственность бываетъ причиной душевной болѣзни? Психіатры далеко несогласны между собою въ оцѣнкѣ этого этиологическаго момента. Статистическія изслѣдованія также даютъ весьма различные выводы. Трудно несогласиться съ тѣмъ, что наслѣдственность—самая главная причина душевныхъ болѣзней; всѣ вышеперечисленные неблагоприятныя условія для психическаго здоровья, сами по себѣ, не могутъ произвести психической болѣзни у лица, унаслѣдовавшаго здоровую психическую организацію; развѣ всѣ, перенесшіе горе, болѣвшіе тифомъ, сифилисомъ, злоупотреблявшіе спиртными напитками, заболѣвають душевной болѣзвью? Очень немногіе,—и именно тѣ, которые унаслѣдовали или несовершенную психическую организацію, или даже предрасположеніе къ заболѣванію душевной болѣзвью. Чѣмъ психическая организація менѣе совершенна, тѣмъ легче любая изъ перечисленныхъ причинъ; даже наступленіе извѣстнаго возраста, напр., возраста половой зрѣлости или климатерическаго періода можетъ обусловить душевную болѣзнь; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, наступленіе климатериче-

скаго періода, или беременность считать причиной душевной болѣзни, потому что только весьма немногія заболѣваютъ подъ вліяніемъ этого этиологическаго момента; очевидно, главное — это та несовершенная организація, которая не могла вынести того неблагоприятнаго для психическаго здоровья условія, которое не оказываетъ вліянія на громадное большинство.

Если мы исключимъ тяжелые ушибы головы, болѣзни головного мозга и сифилисъ, осложненный злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ и усиленнымъ умственнымъ трудомъ, то всё остальныя изъ перечисленныхъ причинъ могутъ обусловить душевную болѣзнь только у лицъ съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ заболѣванію душевными болѣзнями. Слѣдовательно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, причинъ помѣшательства нѣсколько—и главная изъ нихъ патологическая наследственность.

Въ судебно-психіатрическомъ отношеніи такое пониманіе этиологии душевныхъ болѣзней имѣетъ то значеніе, что указываетъ,—въ какомъ направленіи должно быть производимо изслѣдованіе испытуемаго.

Если слѣдствіе докажетъ присутствіе многихъ неблагоприятныхъ условій для здоровья подсудимаго, особенно если будетъ доказано, что между его родными есть душевно-больные, пьяницы, преступники, самоубійцы, лица эксцентричнаго характера, слѣдовательно—подсудимый *могъ* унаслѣдовать болѣзненную организацію, и, кромѣ того, будетъ доказано, что, дѣйствительно, подсудимый унаслѣдовалъ болѣзненную организацію — слѣдствіе устранить возможность крупной ошибки. Присутствіе причинъ болѣзни является подтвержденіемъ, но отнюдь не доказательствомъ предположенія, что подсудимый боленъ; отсутствіе причинъ можетъ также имѣть громадное значеніе въ сомнительныхъ случаяхъ, хотя, конечно, ни одинъ опытный психіатръ не будетъ отрицать возможности душевной болѣзни только потому, что нѣтъ на-лицо для нея причинъ.

Воспитаніе, конечно, играть большую роль въ передачѣ свойствъ родителей дѣтямъ и, поэтому, можетъ быть одной изъ причинъ душевной болѣзни. Нѣтъ сомнѣнія что психически больная мать будетъ дурно вліять на здоровье дѣтей и передастъ нѣкоторыя аномаліи своей патологической организаціи даже дѣтямъ, унаслѣдовавшимъ организацію отца. Не смотря на то, что наукой о воспитаніи занимались самые свѣтлые умы,—самые важные, самые существенные вопросы въ этой области совершенно не разъяснены. Почти въ каждой семьѣ

своя система воспитанія; въ каждомъ государствѣ—также. Очевидно, что нѣтъ точныхъ, научно выработанныхъ данныхъ.

Трудно даже сказать—что собственно, при воспитаніи, оказываетъ наиболѣе вліянія на психическое здоровье. Конечно, мы знаемъ такія элементарныя истины, что непосильныя умственные занятія, особенно по ночамъ, вредно отзываются на здоровьѣ дѣтей, что жестокія несправедливыя наказанія не могутъ благотворно вліять на здоровье, но какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей съ врожденнымъ несовершенствомъ психической организаціи—мы не знаемъ. О вредѣ современной школы, односторонне развивающей лишь нѣкоторыя стороны нашей души, было высказано такъ много самыми авторитетными авторами, что можно считать лишь необходимымъ обратить вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, до сихъ поръ игнорируемое. Дѣти душевно-больныхъ, пьяницъ, преступниковъ почти все должны воспитываться иначе, чѣмъ дѣти здоровыхъ родителей; большинство этихъ дѣтей унаслѣдовало несовершенную психическую организацію; удаленіе ихъ изъ семьи, въ большинствѣ случаевъ, положительно необходимо; воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ, причемъ главное вниманіе должно быть направлено на укрѣпленіе тѣла, осторожное упражненіе умственныхъ способностей—вотъ что могло-бы, во многихъ случаяхъ, спасти этихъ несчастныхъ отъ грядущаго помѣшательства. Многие изъ этихъ кандидатовъ въ пациенты заведеній для душевно-больныхъ были-бы спасены отъ болѣзни, если-бы ихъ удалили своевременно изъ семьи, если-бы отъ нихъ не требовали того-же, что можно требовать отъ унаслѣдовавшихъ здоровую организацію. Государство, общество, филантропія должны обратить самое серьезное вниманіе на судьбу дѣтей душевно-больныхъ родителей.

Г Л А В А XII.

Распознаваніе душевныхъ болѣзней.

Все вышеописанныя болѣзненные разстройства, взятыя въ отдѣльности, еще не составляютъ душевной болѣзни. Какъ бы ни было важно отдѣльное болѣзненное разстройство психической дѣятельности—оно еще не составляетъ душевной болѣзни; оно можетъ служить доказательствомъ существованія душевной болѣзни, убѣдительнымъ ея проявленіемъ—но не болѣе; само же по себѣ, ни одно болѣзненное раз-

стройство не составляет душевной болѣзни. Душевная болѣзнь, какъ уже было сказано, есть страданіе коры головного мозга, выражающееся разстройствомъ всѣхъ трехъ формъ психической дѣятельности, обуславливающее потерю свободы воли.

Поэтому, душевная болѣзнь всегда должна представлять нѣчто цѣльное, т. е. совокупность явленій, неразрывно между собою связанныхъ; только внутренне между собою сочетанныя отдѣльныя болѣзненные явленія, смѣняющія другъ друга по неизмѣнимымъ законамъ, составляютъ то общее цѣлое, которое мы называемъ душевною болѣзню.

Глубокое различіе между соматическими болѣзнями и психическими состоитъ въ индивидуальности заболѣвающаго органа—мозговой коры, существенно различнаго у каждаго индивидуума, между тѣмъ какъ органы, поражаемые соматическими болѣзнями, напр., печень—у всѣхъ приблизительно одинаковы.

И такъ, всякій случай душевной болѣзни индивидуаленъ, т. е. мы всегда должны имѣть въ виду душевно-больного, а не душевную болѣзнь; два душевно-больныхъ, страдающихъ одними и тѣми-же болѣзненными явленіями, существенно различаются другъ отъ друга, представляютъ, приблизительно, столь же различныя совокупности явленій, какъ и двѣ здоровыхъ людей.

Всѣ психіатры согласны въ томъ, что душевная болѣзнь измѣняетъ всего человѣка, всю личность; человѣкъ становится другимъ, или какъ категорически выражается Guislain ¹⁾, «l'homme d'autrefois a disparu, il s'est trouvé remplacé par un homme nouveau». Отчего-же душевная болѣзнь производитъ такую рѣзкую перемѣну и, главное,—почему душевная болѣзнь создаетъ другую личность, другого человѣка: эта новая, больная личность представляетъ-ли такое-же законченное цѣлое, какъ и прежняя до болѣзни?

Мы уже видѣли, что душевная болѣзнь глубоко измѣняетъ чувствованія,—почему заболѣвшій чувствуетъ иначе, чѣмъ до болѣзни: у него измѣнена реакція сознанія на все, въ немъ происходящее. У душевно больного поражена, болѣзненно измѣнена вся сфера чувствованій, и притомъ въ одномъ какомъ либо направленіи, такъ что или количественно, или качественно, стала другой реакція сознанія на все, въ ней происходящее. Если нѣтъ полнаго измѣненія, если измѣненіе ограничивается только нѣкоторыми чувствованіями, однимъ словомъ,—если

¹⁾ Leçons orales, t. I, p. 43.

прежняя личность, въ главныхъ ея чертахъ, осталась еще та же,—мы не можемъ считать заболѣвшаго душевно-больнымъ, напр., болѣзненная тоска, при сохраненіи всѣхъ остальныхъ чувствованій, еще не дѣлаетъ заболѣвшаго душевно-больнымъ; извращеніе вкусовыхъ чувствованій—тоже самое.

Конечно, какъ и всюду въ природѣ, и между полною болѣзью и совершеннымъ здоровьемъ существуетъ безконечный рядъ промежуточныхъ состояній, изъ которыхъ тѣ, которыя близки къ границѣ (конечно, только идеальной) всегда будутъ возбуждать сомнѣнія и споры. Душевная болѣзнь измѣняетъ всю умственную дѣятельность, также какъ и всѣ чувствованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненіе чувствованій и умственныхъ процессовъ стоитъ между собою въ непремѣнной связи, и напр., испытываемый, при мрачномъ настроеніи, высказывающій бредовыя идеи о громадной своей силѣ, о своемъ необыкновенномъ здоровьѣ, очевидно обманывается, потому что мрачное настроеніе не можетъ, въ одномъ и томъ же сознаніи, быть вмѣстѣ съ бредовыми идеями такого содержанія.

Насколько идутъ параллельно болѣзненные измѣненія чувствованій и умственной дѣятельности? Наблюденіе установило довольно прочно, что измѣненія чувствованій наступаютъ раньше, что дѣло можетъ ограничиться однимъ измѣненіемъ чувствованій, если болѣзненный процессъ останавливается въ началѣ своего развитія, но также признано большинствомъ психіатровъ, что нѣтъ душевной болѣзни безъ умственныхъ разстройствъ, или, говоря иначе, пока нѣтъ болѣзненныхъ измѣненій въ умственной дѣятельности,—мы не имѣемъ права назвать заболѣвшаго душевно-больнымъ.

Слѣдовательно, только совокупность болѣзненныхъ измѣненій и, притомъ, сочетанныхъ, связанныхъ между собою составляютъ душевную болѣзнь; теперь спрашивается—сколько-же какія измѣненія дѣлаютъ заболѣвшаго душевно-больнымъ? Гдѣ граница, отдѣляющая здороваго отъ больного? Когда мы о заболѣвшемъ можемъ сказать—это душевно-больной? Очевидно, тогда, когда онъ потерялъ свободу воли, или, говоря иначе, когда онъ сталъ другою личностью. Чтѣ это одно и то же—видно изъ того, что индивидуальность создается волею; единая воля—всегда одна и та же—вотъ источникъ нашей индивидуальности объективной и нашего самосознанія, какъ отдѣльнаго, цѣльнаго существа ¹⁾.

¹⁾ См. мою работу: „Элементы личности“ (Вѣстникъ психіатріи. 1889 г.).

Пока чувствованія, представленія не измѣнились болѣзнью до такой степени, что человѣкъ поступает по прежнему—еще нѣтъ душевной болѣзни, но когда болѣзнь пересоздала личность — больной уже неопредѣляет свои поступки такъ, какъ онъ опредѣлялъ прежде: его воля стала другой.

Чувствованія, представленія имѣютъ значеніе лишь постолько, поскольку онѣ служатъ мотивами для поступковъ, поскольку они опредѣляютъ нашу собственную дѣятельность, или направляемую внутрь—на теченіе мыслей, или наружу—на управленіе нашими движеніями. Человѣкъ—существо дѣятельное, его сознание постоянно проявляетъ свою активность—въ этомъ его глубокое различіе отъ животныхъ; когда пассивная его жизнь настолько измѣнена, что активная принимаетъ другое направленіе—тогда онъ становится другимъ: личность мѣняется, теряется свобода воли.

Всѣ извѣстныя опредѣленія того, что считать координальными, необходимыми признаками душевной болѣзни страдаютъ неясностью и неполнотою—именно вслѣдствіе неудовлетворительности общепринятаго пониманія воли.

Эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ цѣлью, еще разъ, напомнить, что не отдѣльныя болѣзненные измѣненія, какъ бы серьезны, сами по себѣ, они ни были, составляютъ душевную болѣзнь; душевная болѣзнь есть измѣненіе всего сознанія. Это измѣненіе выражается въ произвольныхъ поступкахъ, потому что эти поступки служатъ полнѣйшимъ выраженіемъ всей личности, всей совокупности нашего я.

Вообще, нетрудно установить психическую болѣзнь въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда она поражаетъ совершенно здороваго, т. е. когда мы можемъ сравнивать двѣ личности—здоровую и больную; кромѣ того, болѣзнь въ такихъ случаяхъ протекаетъ по извѣстнымъ, установленнымъ клиническимъ наблюденіемъ, законамъ; извѣстная смѣна однихъ явленій другими служить лучшимъ доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, намъ извѣстнымъ. Гораздо труднѣе ориентироваться, когда душевная болѣзнь есть неизмѣнное состояніе, особенно врожденное, напр., врожденное слабоуміе въ слабыхъ его степеняхъ.

Психическая болѣзнь, какъ процессъ, всегда развивается по опредѣленнымъ законамъ; періоды ея довольно ясно выражены; всякій душевно-больной, конечно, значительно отличается, по группировкѣ болѣзненныхъ явленій и по теченію болѣзни (если она

процессъ, а не состояніе) отъ всѣхъ другихъ, но, однако, почти всякій случай можно подвести подъ извѣстный типъ, отнести въ извѣстную рубрику, такъ какъ наблюденіе установило, что, при всемъ разнообразіи душевно-больныхъ, между ними есть сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. На основаніи признаковъ, обуславливающихъ сходство однихъ больныхъ между собою и несходство съ другими, можно классифицировать душевно-больныхъ; поэтому, еще недостаточно утверждать, что испытуемый боленъ, — нужно доказать, что онъ принадлежитъ къ извѣстному классу, извѣстному типу душевно-больныхъ, привести основанія отнесенія его именно въ этотъ классъ больныхъ, а не въ какой-либо другой.

Вообще, почти всегда врачъ обязанъ *не только* доказать, что испытуемый страдаетъ душевной болѣзью, но указать — въ какой именно классъ душевно-больныхъ слѣдуетъ отнести больного; понятно, что если имѣется достаточно признаковъ для констатированія душевной болѣзни, то нетрудно и опредѣлить, — какой формой страдаетъ больной. Если мы замѣтили *все* болѣзненные явленія, составляющія душевную болѣзнь, знаемъ — какъ и почему она развилась, то, этимъ самымъ, мы уже непременно опредѣляемъ форму болѣзни — это такъ ясно, что не требуетъ доказательствъ. Но такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, далеко не все намъ извѣстно, то требованіе отнести больного къ какому-либо классу душевно-больныхъ облегчаетъ задачу въ томъ смыслѣ, что можно ограничиться констатированіемъ главныхъ признаковъ, характеризующихъ эту категорию душевно-больныхъ, чего бываетъ, обыкновенно, достаточно даже для признанія невмѣяемости подсудимаго; напр. совершенно достаточно указать на разстройство рѣчи (извѣстнаго типа) и бредъ величія, чтобы подсудимаго всѣ признали страдающимъ параличемъ помѣшанныхъ; дальнѣйшее изслѣдованіе больного, опредѣленіе — какъ онъ заболѣлъ, анализъ всѣхъ явленій, уясненіе связи отдѣльныхъ явленій, точное предсказаніе дальнѣйшаго теченія его болѣзни — все это дѣлается ненужнымъ; очевидно, что гораздо труднѣе полное клиническое опредѣленіе всей новой личности, какой она стала вслѣдствіе болѣзни, опредѣленіе того, — какъ эта новая личность должна поступать. Едва ли еще нужно доказывать, что идеальная наша цѣль — это полное выясненіе каждаго душевно-больного, т. е. на основаніи изученія именно данной личности мы должны выяснить — какъ и почему, именно такъ будетъ поступать эта личность, указать всѣ особенно-

сти этой больной личности. Но такъ какъ такое полное клиническое опредѣленіе больныхъ не всегда возможно, то приходится довольствоваться опредѣленіемъ формы болѣзни.

Для опредѣленія болѣзни, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, необходимо изслѣдованіе и наблюденіе больного. Значеніе того и другого опредѣляется тѣмъ, что душевная болѣзнь есть или неизмѣнное состояніе, или процессъ; очевидно, что, для изученія процесса, необходимо продолжительное его наблюденіе, чтобы опредѣлить развитіе, теченіе и исходъ болѣзненнаго процесса; только путемъ наблюденія, когда мы убѣждаемся, что душевно-больной остается тѣмъ же,—мы заключаемъ, что душевная болѣзнь есть неизмѣнное состояніе, а не процессъ.

Слѣдовательно, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, когда душевная болѣзнь выражена очень ясно, никогда не слѣдуетъ ограничиваться однократнымъ изслѣдованіемъ; необходимо наблюдать больного въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, чтобы опредѣлить главнѣйшія измѣненія въ состояніи душевно-больного.

Изслѣдованіе душевно-больныхъ, конечно, должно стремиться къ возможно-полному опредѣленію всѣхъ болѣзненныхъ разстройствъ, появившихся у больного; но какъ слѣдуетъ достигать этой цѣли, пока нѣтъ какихъ-либо точно установленныхъ принциповъ, нѣтъ методовъ, приложимыхъ во всѣхъ случаяхъ, слѣдовательно—все зависитъ отъ опытности и умѣнья изслѣдователя. Въ этомъ глубокая разница между психіатріей и всей остальной медициной, которая выработала точные методы изслѣдованія, выработала планы изслѣдованія, пользуясь которыми, почти во всѣхъ случаяхъ, врачъ можетъ произвести полное изслѣдованіе больного. Не то въ психіатріи—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдованіе должно быть индивидуальное; изслѣдовать двухъ больныхъ по одному и тому-же плану часто совершенно невозможно, и только отъ личныхъ свойствъ врача зависитъ полнота изслѣдованія, такъ какъ нѣтъ того плана изслѣдованія, нѣтъ методовъ, которые были-бы примѣнимы во всѣхъ случаяхъ. Отъ опытности и умѣнья возбуждать къ себѣ довѣріе зависитъ степень откровенности больного; никакой, самый лучший, планъ изслѣдованія не поможетъ въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда больной считаетъ себя совершенно здоровымъ и раздражается при малѣйшемъ намекѣ на его болѣзнь. То безконечное разнообразіе, кото-

рое опытный наблюдатель находитъ между душевно-больными, само по себѣ, не допускаетъ, чтобы, однимъ и тѣмъ-же путемъ, можно было изучать столь отличныя другъ отъ друга индивидуальности.

Поэтому, слѣдуетъ ограничиться указаніемъ того, что безусловно необходимо узнать при изслѣдованіи больного, на что необходимо обратить, главнымъ образомъ, вниманіе.

Почти во всѣхъ случаяхъ, *анамнезъ* (предварительныя свѣдѣнія) безусловно необходимъ для опредѣленія болѣзни. Душевная болѣзнь не можетъ быть понята безъ знанія ея причины; если, вообще, для пониманія явленія, необходимо знать его причину, такъ какъ причина и слѣдствія всегда суть части одного цѣлаго, то въ психіатріи знаніе, такъ называемыхъ, причинъ еще болѣе важно, такъ какъ эти причины, въ сущности, не болѣе, какъ предшествовавшія болѣзни,—первая ея фаза. Если можно травму головы считать причиной душевной болѣзни, то, рассуждая строго, психическая болѣзнь матери есть лишь начало болѣзни ея дѣтей: гніеніе ствола не причина гніенія сучьевъ; точно также, болѣзнь родителей и болѣзнь потомства суть лишь разныя фазы одного и того-же процесса—вырожденія, и кто хочетъ опредѣлить этотъ процессъ, должны знать весь его ходъ, т. е. не только опредѣлить состояніе больного, но и познакомиться съ состояніемъ здоровья его родителей. Душевная болѣзнь,—такое странное, непонятное человѣческому уму, явленіе, что всегда возбуждало ужасъ; извѣстно, что душевно-больныхъ считали или за святыхъ, или за одержимыхъ бѣсами; такое чуждое, непонятное непосредственному пониманію, явленіе, само собою разумѣется, не можетъ развиваться безъ причинъ, глубокого потрясающихъ и измѣняющихъ весь организмъ; знаніе причины, способа ея дѣйствія, того,—какъ подъ ея дѣйствіемъ измѣнялась нормальная психическая жизнь, ведетъ насъ къ пониманію и того состоянія, которое подлежитъ нашему опредѣленію.

Наконецъ, уже то, что мы всегда имѣемъ дѣло съ душевно-больными, а не душевными болѣзнями, указываетъ намъ значеніе анамнеза; мы должны уяснить себѣ именно данную личность, а потому необходимо должны знать все его прошлое; кто понимаетъ существенное отличіе сознанія отъ всего остального міра, тому неужно объяснять значеніе прошлаго для настоящаго въ жизни человѣка. Еще разъ повторю, что значеніе анамнеза въ психіатріи не должно сравнивать съ значеніемъ его въ остальной медицинѣ, потому что каждый душевно-больной—это отдѣльный міръ, имѣющій свою обширную исторію.

Изученіе причинъ душевныхъ болѣзней указываетъ намъ,—на что слѣдуетъ обращать вниманіе при собираніи предварительныхъ свѣдѣній: само собою разумѣется, что собираніе точныхъ и полныхъ предварительныхъ свѣдѣній—дѣло очень трудное; во-первыхъ, на психическое здоровье обращаютъ, вообще, мало вниманія, во-вторыхъ, вслѣдствіе предрасудковъ, часто даже образованные люди скрываютъ случаи помѣшательства, самоубійства, заболѣванія сифилисомъ, бывшіе въ ихъ семьѣ.

При изслѣдованіи больного обязательно самое полное изслѣдованіе его физическаго состоянія, потому что,—впрочемъ это и не нуждается въ доказательствахъ — психическое состояніе обуславливается состояніемъ всего организма. Наконецъ, болѣзни нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ, какъ причины психической болѣзни, могутъ ее намъ объяснить. Еще большее значеніе имѣетъ изслѣдованіе нервной системы по точнымъ методамъ, выработаннымъ невропатологіей. Состояніе двигательной сферы, чувствительности, рефлексовъ даетъ матеріалъ для опредѣленія психическаго состоянія, потому что нѣкоторыя расстройства въ функціяхъ нервной системы постоянно сочетаны съ опредѣленными измѣненіями психической дѣятельности, какъ напр. при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ. Вообще, нѣтъ признака болѣе важнаго, какъ расстройство рѣчи, и потому самое тщательное изслѣдованіе рѣчи всегда безусловно необходимо. Письменная рѣчь изслѣдуемыхъ также должна быть объектомъ весьма тщательнаго изслѣдованія; содержаніе сознанія, способъ сочетанія представленій, быстрота, съ которой происходитъ этотъ процессъ, состояніе вниманія, состояніе сложнаго механизма, работающаго при письмѣ, состояніе двигательнаго аппарата правой руки,—все это находитъ себѣ выраженіе въ рукописи, и, что также важно,—выраженіе, прочно сохраняющееся, доступное въ равной степени для изученія всякаго.

Рукопись имѣетъ громадное значеніе въ дѣлахъ о духовномъ завѣщаніи; если оспаривается правоспособность покойнаго, вслѣдствіе расстройства его умственныхъ способностей,—эксперты только въ рукописяхъ покойнаго могутъ найти объективные, точные признаки состоянія его умственныхъ способностей. Если имѣются рукописи, конечно относящіяся ко времени составленія завѣщанія, то заключеніе должно быть составлено, главнымъ образомъ, на изученіи этихъ рукописей. Рукописи испытуемыхъ имѣютъ значеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда испытуемый не желаетъ высказываться передъ врачомъ и, вообще, не желаетъ быть изслѣдованъ.

Наконецъ, при изслѣдованіи должно обратить вниманіе на вышеупомянутые анатомическіе признаки вырожденія. Понятно, что распознаваніе душевной болѣзни пріобрѣтаетъ бѣльшую точность, если найдены эти признаки; объективные признаки всегда очень цѣнны, особенно въ психіатріи, гдѣ такъ много зависитъ отъ оцѣнки изслѣдующаго; они имѣютъ большое значеніе, которое, однако, не слѣдуетъ преувеличивать. Дѣло въ томъ, что неправильности въ образованіи черепа, ушной раковины, нѣба, зубовъ и т. д. встрѣчаются и у здоровыхъ субъектовъ; индивидуальныя отклоненія отъ нормы еще слишкомъ мало изучены, чтобы они могли имѣть абсолютное значеніе при сужденіи о психической организаціи.

Понятно, что главное въ изслѣдованіи психіатра—это опредѣленіе психическаго состоянія изслѣдуемаго. Изученіе патологическихъ разстройствъ указываетъ—на что собственно, слѣдуетъ обращать вниманіе, чего слѣдуетъ искать и какъ слѣдуетъ оцѣнивать найденное. Нужно постоянно имѣть въ виду, что душевная болѣзнь есть болѣзнь личности; это важно не только въ томъ отношеніи, что болѣзненные явленія составляютъ всегда столь-же гармоническое цѣлое, какъ и сама личность, но также и въ томъ, что оцѣнивать найденныя явленія слѣдуетъ лишь по отношенію къ данной личности. Патологическія психическія явленія, какъ уже было много разъ указано, въ высокой степени, относительны, и то, что ненормально для человѣка хорошо образованнаго, совершенно естественно для неполучившаго образованія; на примѣръ, увѣренія необразованной старухи, что въ ея домѣ завелся домовой, вытекаютъ изъ ея предрассудковъ, плохой наблюдательности и т. д., но если тоже самое начнетъ утверждать ученый,—трудно объяснить такую переменѣу въ образѣ мыслей иначе, чѣмъ болѣзнию; нѣтъ ничего удивительнаго въ грубости чувствованій мясника, много лѣтъ убивающаго животныхъ, но полное равнодушіе, при видѣ мученій животныхъ, со стороны воспитанной въ добромъ семействѣ дѣвушки,—явленіе, возбуждающее сомнѣніе о нормальности психической ея организаціи. Поэтому, изслѣдованіе патологическихъ психическихъ явленій должно идти параллельно вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ, вообще, всей психической организаціи, всей личности. Нормальность или ненормальность явленія существуетъ только по отношенію къ данной личности, почему изслѣдующій долженъ знать условія, среди которыхъ живетъ больной, его воспитаніе, степень его образованія; только тогда онъ будетъ въ состояніи оцѣнить, по достоинству, всѣ явленія.

Однократное изслѣдованіе только въ немногихъ случаяхъ, когда болѣзненные явленія рѣзко выражены, можетъ привести къ опредѣленному заключенію. Гораздо болѣе открываетъ намъ клиническое наблюденіе, т. е. наблюденіе при точно намъ извѣстной обстановкѣ, при условіяхъ, благоприятныхъ для послѣдовательнаго, всесторонняго изученія всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ въ больномъ.

Только наблюденіемъ мы можемъ изучить душевную болѣзнь, какъ процессъ, въ различныхъ фазисахъ его развитія. Наблюденіемъ установлено, что душевная болѣзнь протекаетъ или какъ отдѣльный приступъ, или какъ рядъ приступовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ черезъ нѣкоторые промежутки.

Душевная болѣзнь, протекающая какъ отдѣльный приступъ, всегда болѣзнь хроническая. Лишь, въ видѣ исключенія, вся болѣзнь протекаетъ менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца. Въ теченіи болѣзни можно различать нѣкоторые фазы, періоды, причемъ, конечно, строгихъ границъ, отдѣляющихъ одинъ періодъ отъ другого, провести, какъ и во всѣхъ явленіяхъ природы, нельзя.

Періодъ предвѣстниковъ, какъ уже показываетъ самое названіе, представляетъ собою неопредѣленное, переходное состояніе отъ здоровья къ болѣзни. Далеко не всегда даже очень опытный и хорошій наблюдатель можетъ оцѣнить явленія, характеризующія этотъ періодъ. Заболѣвающимъ становится не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше; измѣненіе настроенія, повышенная (рѣже, пониженная) возбудимость чувствованій, ослабленіе вниманія, поступки, обусловленные случайными мотивами, а не всѣмъ характеромъ, всею личностью—вотъ чтò, обыкновенно, можно уловить въ этомъ періодѣ. Обычно, всѣ эти измѣненія личности не замѣчаются, и только, когда болѣзнь достигла своего полнаго развитія, родные и окружающіе, припоминая состояніе заболѣвшаго въ періодѣ предвѣстниковъ, обращаютъ свое вниманіе на эти признаки, которые только теперь оцѣниваются должнымъ образомъ. Можно считать за точно установленный фактъ, что, раньше всего, вообще, измѣняется поведеніе заболѣвшаго; поэтому, преступленія въ этотъ періодъ—явленіе перѣдкое; можетъ явиться сомнѣніе,—если преступленіе совершено за нѣсколько недѣль до констатированнаго уже начала болѣзни,—былъ ли обвиняемый боленъ или здоровъ, а болѣзнь появилась лишь потомъ, самостоятельно, или влѣдствіе тяжелыхъ душевныхъ волненій, неизбежныхъ у большинства при преступленіи. Конечно, отвѣчать на такой вопросъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,

можно лишь по изученіи всей жизни, психической организаціи, теченія душевной болѣзни, приче́мъ, все-таки, самое главное, въ болѣзненствѣ случаетъ, намъ остается неизвѣстнымъ; а именно—очень рѣдко, если имѣются свидѣтели, хорошо знавшіе испытываемаго, наблюдательности которыхъ можно довѣрять,—мы можемъ съ болѣею вѣроятностью опредѣлить, когда собственно началась болѣзнь; душевная болѣзнь—такое ужасное страданіе, что если мы и не имѣемъ точныхъ данныхъ для доказательства, что душевно-больной совершилъ преступленіе въ періодѣ предвѣстниковъ, не можемъ категорически отвергать того, что онъ тогда былъ еще здоровъ—мы все-таки должны желать, чтобы несчастный не былъ приговоренъ къ наказанію, потому что, по вѣрному замѣчанію Цицерона, безъ милосердія нѣтъ справедливости. Первый періодъ болѣзни характеризуется медленнымъ увеличеніемъ числа отдѣльных болѣзненныхъ явленій и нарастающимъ ихъ интенсивности. Изъ сказаннаго можно заключить, что душевная болѣзнь, какъ отдѣльный, самостоятельный приступъ, развивается медленно, постепенно.

Только ужасомъ и отвращеніемъ, внушаемыми душевно-больными, можно объяснить, что столь обычное явленіе было неизвѣстно житейской мудрости, что не только публика, но и поэты—люди съ высокой наблюдательностью, увѣрены, что душевная болѣзнь появляется внезапно. Это заблужденіе ведетъ къ очень опаснымъ ошибкамъ при сужденіи о состояніи душевно-больныхъ въ моментъ совершенія преступленія; еще болѣе опасно это заблужденіе по отношенію къ такъ называемымъ, душевно-больнымъ преступникамъ, т. е. лицамъ, заболѣвшимъ психическою болѣзью послѣ приговора. Несчастный въ періодѣ заболѣванія совершаетъ преступленіе; во время слѣдствія и судебного разбирательства, болѣзнь еще не достигла своего полного развитія, почему не замѣчаютъ, что имѣютъ дѣло съ больнымъ; въ тюрьмѣ, на каторгѣ, наконецъ, душевная болѣзнь проявляется во всей полнотѣ, почему несчастный, потерявшій честь и здоровье, поступаетъ въ больницу при тюрьмѣ; о томъ, что онъ былъ боленъ во время совершенія преступленія, даже не возникаетъ вопроса; новыя рѣшенія по такимъ дѣламъ, обыкновенно, не бываетъ.

Измѣненіе настроенія, повышенная или пониженная возбудимость чувствованій, ослабленіе вниманія, ускореніе или замедленіе сочетанія представленій, ослабленіе воспримчивости, усиленная, но за то слабо мотивированная дѣятельность, или полная апатія, потеря аппетита и

бессонница—вотъ обычные явленія начальнаго періода болѣзни; слѣдовательно, преобладаютъ формальныя разстройства, только потому появляются обманы чувствъ и идеи бреда. Такъ, обыкновенно, развивается болѣзнь; очень часто увѣряютъ врача, что больной вдругъ, сразу сталъ бредить — высказывать бредовыя идеи; это объясняется тѣмъ, что предшествовавшія измѣненія, вызываемыя развивающейся болѣзнью, не были замѣчены. У субъектовъ съ тяжелою наследственностью, у вырождающихся, т. е. у лицъ, всегда стоящихъ на границѣ помѣшательства, всегда ненормальныхъ, душевная болѣзнь во всей ея полнотѣ можетъ развиваться въ нѣсколько дней, но это ничуть не опровергаетъ вышесказаннаго. Естественно, что у лицъ, постоянно находящихся въ томъ состояніи, которое свойственно больнымъ въ первомъ періодѣ болѣзни, полное душевное разстройство развивается быстро, потому что никакого противодействія болѣзненному процессу ихъ организмъ оказывать не можетъ.

Періодъ полнаго развитія болѣзни, само собою разумѣется, имѣетъ весьма различную продолжительность. Также разнообразны и болѣзненные разстройства, составляющія болѣзнь. Однѣ болѣзни характеризуются прогрессивнымъ поступательнымъ развитіемъ болѣзни, напр., прогрессивный параличъ помѣшанныхъ; въ теченіи этой болѣзни мы, въ большинствѣ случаевъ, замѣчаемъ постоянное ухудшеніе; въ другихъ болѣзняхъ, напротивъ, болѣзнь, достигши извѣстнаго развитія, надолго остается безъ измѣненія, напр., при первичномъ хроническомъ сумасшествіи. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ болѣзней наблюдаются колебанія въ интенсивности процесса; временное улучшеніе смѣняется или прежнимъ состояніемъ, или даже ухудшеніемъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что только прогрессивный параличъ помѣшанныхъ—болѣзнь, имѣющая правильное теченіе; во всѣхъ остальныхъ формахъ болѣзни наблюдается большое разнообразіе въ зависимости отъ организаціи заболѣващаго и, напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ первичнаго хроническаго сумасшествия наблюдаются продолжительныя свѣтлыя промежутки; въ большинствѣ-же случаевъ состояніе больного остается безъ измѣненія.

Исходъ душевной болѣзни: излеченіе, неполное излеченіе или, такъ называемое, излеченіе съ дефектомъ, переходъ въ неизлечимое состояніе—вторичное слабоуміе, и, наконецъ, смертельный исходъ. Полное

излеченіе, какъ доказываютъ отчеты общественныхъ заведеній для душевно-больныхъ, бываетъ рѣдко ¹⁾).

Нѣтъ ничего труднѣе въ психіатріи какъ предсказаніе исхода при излечимыхъ душевныхъ болѣзняхъ. Большинство общепринятыхъ формъ душевныхъ болѣзней—неизлечимы; поэтому, если врачъ распознаетъ, что больной страдаетъ одной изъ этихъ формъ, то онъ, вмѣстѣ съ этимъ, и устанавливаетъ неизлечимость болѣзни; когда же больной страдаетъ излечимой формой душевной болѣзни — то нужно, хотя-бы съ нѣкоторою вѣроятностью, предсказать исходъ болѣзни. Я еще разъ считаю нужнымъ указать, что рѣдкій благоприятный исходъ душевныхъ болѣзней указываетъ на громадное социальное значеніе душевныхъ болѣзней. Обществу приходится имѣть дѣло, заботиться о громадномъ числѣ страдающихъ душевными болѣзнями.

Излеченіе съ дефектомъ, или неполное излеченіе имѣетъ громадное значеніе въ судебно-психіатрическомъ отношеніи. Душевная болѣзнь разрушаетъ прежде всего то, что развилось позже всего,—самое высшее въ душѣ чловѣка—его нравственные чувствованія; если все остальное не было поражено окончательно болѣзнию, т. е. возстановилось при выздоровленіи—то такой, оправившійся отъ болѣзни, субъектъ можетъ казаться совершенно здоровымъ. Поэтому, всякій подсудимый, страдавшій когда-либо душевною болѣзнию, долженъ быть подвергнутъ медицинскому изслѣдованію и наблюденію для выясненія того—не осталось-ли у него слѣдовъ душевной болѣзни; такое изслѣдованіе тѣмъ болѣе обязательно въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели указываютъ на перемѣну въ образѣ жизни, характера, занятій и т. п. подсудимаго послѣ болѣзни. Особенно важна, по своему объективному значенію, перемѣна занятій послѣ болѣзни, обыкновенно состоящая въ томъ, что выздоровѣвшій занимаетъ худшее мѣсто, зарабатываетъ меньше; уже это обстоятельство указываетъ на то, что личность возстановилась не въ прежнемъ объемѣ; кромѣ того, ухудшеніе матеріальнаго положенія, въ большинствѣ случаевъ, вредно вліяетъ на уже пошатнувшееся здоровье субъекта, не говоря о нравственныхъ огорченіяхъ, почти обязательныхъ при такой перемѣнѣ. Однимъ словомъ,

¹⁾ Чтобы показать, что вышеприведенныя цифры изъ отчета парижскихъ заведеній не составляютъ исключенія,—привожу цифры излеченія въ прусскихъ заведеніяхъ (ар. cit.): въ 1882 году призрѣвалось 15.707 мужчинъ, излеченіе 9,36%; женщинъ—13.374, излеченіе 6,01%; въ 1885 году призрѣвалось 18.920, излеченіе 9,47%, женщинъ—16.153, излеченіе 5,88%.

каждый подсудимый, перенесшій душевную болѣзнь, за весьма немногими исключеніями, долженъ быть изслѣдованъ психіатромъ; болѣзнь часто оставляетъ слѣды, констатировать которые, а тѣмъ болѣе—объяснить ихъ значеніе, можетъ только опытный наблюдатель.

Самый частый исходъ душевной болѣзни—переходъ въ неизлечимое состояніе — вторичное слабоуміе. Какъ уже было сказано, предсказаніе исхода болѣзни очень трудно и даже не всегда возможно; вообще-же, чѣмъ дольше тянется болѣзнь, тѣмъ менѣе вѣроятно выздоровленіе, и наоборотъ; излеченіе послѣ болѣзни, продолжавшейся два года, наблюдается крайне рѣдко; переходъ въ слабоуміе характеризуется весьма своеобразными измѣненіями въ состояніи больного — сравнительнымъ ослабленіемъ чувствованій, несоотвѣтствіемъ чувствованій и представлений (напр., бредовыя идеи о предстоящей казни и т. п. не сопряжены съ мрачными чувствованіями) и распадомъ идей бреда; идеи бреда, при переходѣ въ слабоуміе, теряютъ свою связность, правдоподобность, конечно, по сравненію съ тѣмъ, что больной выказывалъ раньше. Переходъ въ неизлечимое состояніе — вторичное слабоуміе — самый частый и, такъ сказать, самый логическій исходъ душевной болѣзни; всякая душевная болѣзнь, по своему существу, есть разрушеніе, уничтоженіе, уменьшеніе человѣческой души; душевная болѣзнь ничего не прибавляетъ, а только угнетаетъ, уменьшаетъ, разрушаетъ; поэтому, всякая душевная болѣзнь есть, въ концѣ концовъ, слабоуміе; то, что называютъ психіатры вторичнымъ слабоуміемъ (*dementia secundaria*), есть окончательное развитіе или послѣдній фазисъ того процесса, который въ болѣе слабыхъ степеняхъ, въ его началѣ, проявляется то въ формѣ маніи, то въ формѣ меланхоліи, то въ формѣ остраго первичнаго помѣшательства, и т. д. ¹⁾ Выздоровленіе—это остановка процесса, по большей части, лишь временная въ его развитіи, въ его стремленіи, если можно такъ выразиться, къ разрушенію всѣхъ психическихъ силъ.

Только нѣкоторыя формы душевныхъ болѣзней ведутъ къ смертельному исходу—прогрессивный параличъ помѣшанныхъ, слабоуміе вслѣдствіе органическаго страданія мозга, острый бредъ; при другихъ-же

¹⁾ Особенно категорически эту мысль высказалъ Clouston (*The Journal of Mental Science*, 1888). Душевную болѣзнь, по его мнѣнію, слѣдуетъ опредѣлить, какъ стремленіе къ слабоумію (*Mental Disease may be defined as „a tendency to dementia“*).

формахъ душевныхъ болѣзней, смертельный исходъ зависитъ отъ случайныхъ заболѣваній внутреннихъ органовъ.

Отчеты общественныхъ заведеній свидѣлствуютъ, что число умирающихъ и число выздоравливающихъ почти одинаково ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнйя, что прогрессъ нашихъ знаній по психіатріи, болѣе правильная организація призрѣнйя душевно-больныхъ значительно понизила цифру смертности душевно-больныхъ и, въ недалекомъ будущемъ, понизитъ ее еще болѣе.

Я не думаю, что число выздоровленій значительно возрастетъ раньше того времени, пока въ обществѣ основныя свѣдѣнйя по психіатріи не получаютъ широкаго распространенія; уменьшеніе пьянства, регулированіе труда женщинъ—особенно беременных—раціональное воспитаніе дѣтей психически-больныхъ родителей—вотъ, по моему мнѣнью, главнѣйшія мѣры къ уменьшенію числа душевно-больныхъ.

Какъ уже сказано, душевная болѣзнь можетъ состоятъ изъ ряда отдѣльных приступовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ черезъ неопредѣленные, или одинаковыя промежутки времени. Такъ протекающая душевная болѣзнь называется періодическою. Что касается каждаго отдѣльнаго приступа, то онъ развивается и протекаетъ приблизительно такъ, какъ было выше описано; оканчивается или выздоровленіемъ или слабоуміемъ; обыкновенно, послѣдній исходъ бываетъ послѣ многократныхъ заболѣваній ²⁾. Отдѣльный приступъ обыкновенно продолжается не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; поэтому, всѣ фазы болѣзни протекаютъ быстро. Не вдаваясь въ описаніе періодическихъ психозовъ, мы должны, все-таки, остановиться на весьма важномъ, въ судебно-психіатрическомъ отношеніи, вопросѣ о состояннйи больныхъ между отдѣльными приступами. Можно-ли считать совершенно здоровымъ субъекта, перенесшаго уже нѣсколько приступовъ, который *непремѣнно* будетъ боленъ спустя нѣкоторое время, какъ-бы удовлетворительнымъ ни казалось его настоящее состояннйе? Наблюденіемъ установлено, что періодическими психозами страдаютъ лица съ наслѣд-

¹⁾ Такъ, въ парижскихъ заведеніяхъ за 1887 г. (op. cit.) смертность между мужчинами была 14,39%, между женщинами—9,96%; въ заведеніяхъ Пруссіи (op. cit.) въ 1885 году умерло мужчинъ 8,59%, женщинъ—6,28%. Большая, относительно, смертность мужчинъ зависитъ отъ того, что мужчины чаще страдаютъ прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ.

²⁾ Я знаю одну больную, у которой ясныя признаки слабоумія появились лишь послѣ 14-го приступа маниакальнаго состояннйя.

ственной или приобретенной несовершенной психической организацией. Конечно, если это несовершенство организации сильно выражено, если субъект имеет и анатомические, и психические признаки вырождения,—задача и эксперта, и судьи облегчается; но встречаются субъекты, состояние которых, между отдельными приступами, весьма удовлетворительно, у которых, в это время, самое тщательное исследование не обнаруживает значительных аномалий; жестоко осудить, приговорить к наказанию несчастного, который носит в себе скрытую болезнь—мы знаем, что он непременно заболит. С другой стороны, нельзя разрешить этим субъектам, во время их относительного здоровья, делать все, что угодно; мы знаем, что многие из них не теряют свободы воли в промежутки между отдельными приступами.

На основании всего вышеизложенного легко понять—как трудно распознавание душевной болезни, как трудно в каждом конкретном случае определить—болит ли психически, или нет, исследуемый. В сущности, немного затруднений причиняет стремление исследуемых ввести врача в обман. Понятно, что многие подсудимые и новобранцы могут притворяться душевно-больными, симулировать. Освобождение от наказания, от военной службы—вот обычные мотивы для симуляции; при настойчивости, некотором образовании, в виду столь заманчивой цели, многие очень долго и упорно симулируют душевную болезнь. Безспорно, что хорошо симулировать, обмануть опытного психиатра,—положительно невысказано; чтобы хорошо симулировать душевно-больного—мало сведений по психиатрии, мало даже самой сильной настойчивости; душевная болезнь—это такое полное изменение, перерождение всей личности человека, что ни у кого не хватает ни постоянного напряжения ума, ни постоянного напряжения всего организма для изображения новой личности, спящей, кушающей, двигающейся, думающей, чувствующей, поступающей совсем не так, как до болезни. Можно считать доказанным, что удачно симулировать душевно больного никто не может, что можно ввести в заблуждение только неопытного наблюдателя. На основании собственного опыта я могу засвидетельствовать, что у нас попытки симулировать, как между нижними чинами (особенно между новобранцами), так и между подсудимыми и преступниками—весьма нередкое явление. Конечно, это зависит оттого, что вследствие малого числа психиатров, некоторым симулянтам удавалось ввести в обман

администрацію и судъ, и, такимъ образомъ, еще сохранилось довѣріе къ этому способу уклоняться и отъ воинской службы, и отъ наказанія. Какихъ либо правилъ для распознаванія симуляціи, конечно, нѣтъ; какъ вообще для рѣшенія всѣхъ судебно-психіатрическихъ вопросовъ, такъ и для опредѣленія симуляціи нужно знаніе психіатріи и тщательное изслѣдованіе испытуемыхъ, или, какъ говорилъ Le Grand de Saullе: «Faisons de la clinique exacte et nous ferons de la médecine légale vraiment utile».

Симулированіе болѣзненныхъ явленій не исключаетъ дѣйствительной болѣзни, такъ какъ и душевно-больной можетъ симулировать. Въ такихъ случаяхъ, нужна большая опытность, чтобы правильно оцѣнить явленія.

Гораздо болѣе затрудняется распознаваніе душевныхъ болѣзней вслѣдствіе диссимуляціи: нѣкоторые больные употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы казаться здоровыми. Ошибки въ такихъ случаяхъ ведутъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ, и, потому, всегда нужно имѣть въ виду возможность диссимуляціи со стороны подсудимаго.

Въ заключеніе, еще разъ считаю нужнымъ повторить, что главнѣйшее препятствіе къ правильному и, что особенно важно, своевременному распознаванію душевныхъ болѣзней, это — неполнота свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ о душевно-больномъ и несовершенство психіатріи какъ науки; отсутствіе объективныхъ методовъ изслѣдованія, несовершенство ученія о волѣ — вотъ главнѣйшіе недостатки психіатріи; примѣненіе методовъ изслѣдованія, выработанныхъ экспериментальной психологіею въ психіатріи и экспериментальное изученіе гипнотизма — вотъ тѣ пути научнаго изслѣдованія, которые, по моему глубокому убѣжденію, приведутъ весьма скоро къ уясненію самаго неточнаго и темнаго въ психопатологіи.

Я уже говорилъ о значеніи классификаціи душевныхъ болѣзней; остается добавить, что, и въ чисто-практическомъ отношеніи, она не приноситъ пользы, а, иногда, и положительный вредъ. Я не буду здѣсь приводить доказательствъ того, что, при настоящемъ состояніи психіатріи, рациональной классификаціи и быть не можетъ. Очевидно, что пока мы точно не знаемъ, — какія измѣненія психической жизни существенныя и какія вторичныя, производныя, — до тѣхъ поръ о рациональной классификаціи и рѣчи быть не можетъ¹⁾. Лучшимъ доказа-

¹⁾ Насколько несовершенны наши понятія о явленіяхъ психической жизни, и, особенно, объ ихъ относительномъ значеніи — свидѣтельствуетъ появленіе въ печати такого сочиненія, какъ книга Dr. Azam. *Le caractère dans la santé et dans la maladie.* 1887.

тельствомъ невозможности, въ наше время, рациональной классификаціи служить то, что нѣтъ двухъ авторитетныхъ психіатровъ, придерживающихся одной и той же классификаціи; мало того, одни и тѣ же авторы въ слѣдующихъ изданіяхъ своихъ руководствъ (напр. Крафтъ-Эбингъ, Шюле, Краерелін) приводятъ уже другую классификацію, существенно отличную отъ прежней. На съѣздѣ психіатровъ въ Парижѣ въ 1889 году принята классификація, существенно отличающаяся отъ выработанной Обществомъ Психіатровъ въ Петербургѣ и принятой Съездомъ Психіатровъ въ Москвѣ въ 1887 году.

Спрашивается,—какое значеніе можетъ имѣть классификація, понимаемая каждымъ настолько различно, что одинъ и тотъ же больной, съ одинаковымъ правомъ, однимъ психіатромъ діагностируется иначе, чѣмъ другимъ. Опасность всѣхъ извѣстныхъ классификацій—это ихъ неполнота; нѣтъ классификаціи, обнимающей всѣ разновидности душевныхъ болѣзней, и, потому, всегда остаются случаи, не подходящіе ни подъ одну изъ принятыхъ формъ, и, такимъ образомъ, является опасность—не признать безспорно больного больнымъ только потому, что признаки его болѣзни не вмѣщаются ни въ одну изъ данныхъ рамокъ. При неустановленности классификаціи, всегда между врачами-экспертами можетъ возникнуть разногласіе о формѣ болѣзни подсудимаго,—изъ чего, однако, отнюдь не слѣдуетъ заключать, что болѣзнь его сомнительна; это разногласіе просто зависить отъ того, что формы душевныхъ болѣзней понимаются не всѣми одинаково.

Вотъ почему я, въ отличіе отъ другихъ, преподававшихъ судебную психопатологію, только упоминаю о классификаціи и объ отдѣльных формахъ душевныхъ болѣзней; знаніе душевной болѣзни, вообще, совершенно достаточно, чтобы понять, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, боленъ-ли подсудимый или нѣтъ; самое же совершенное и полное знаніе нѣкоторыхъ отдѣльных формъ душевныхъ болѣзней не поможетъ опредѣлить болѣзнь, не подходящую ни подъ одну изъ изученныхъ формъ. Полное же знаніе всѣхъ формъ душевныхъ болѣзней, извѣстныхъ въ психіатріи, возможно лишь для спеціалиста, и я не понимаю,—какъ такой выдающийся писатель-психіатръ, какъ Крафтъ-Эбингъ въ своемъ «Руководствѣ судебной психопатологіи для юристовъ» (*Grundzüge der Criminalpsychologie*. 1882) ограничился описаніемъ отдѣльных и, притомъ, нѣкоторыхъ формъ душевныхъ болѣзней¹⁾.

¹⁾ Dr. Leppmann въ своемъ Руководствѣ — *Die Sachverständigen-Thätigkeit bei Seelenstörungen*. 1890,—изъ 273 страницъ только 30 отводитъ

Такая неправильная постановка преподаванія психіатріи юристамъ, я думаю, одна изъ причинъ того, что юристы мало интересуются и мало придаютъ значенія психіатріи, хотя уже Миттермайеръ говорилъ, что для юриста необходимо знаніе психіатріи. Самое тщательное изученіе прекрасно написаннаго учебника Крафтъ-Эбинга не даетъ юристу правильного пониманія душевной болѣзни. Учебникъ Фрезе (ор. cit.) имѣетъ то преимущество, что въ немъ болѣе подробно развита общая часть.

И такъ, я ограничусь приведеніемъ принятой у насъ классификаціи, дополнивъ ее поскольку она несовершенна, по моему мнѣнію. При знакомствѣ съ основами психіатріи, не представитъ особаго труда найти и изучить каждую отдѣльную форму, если это понадобится, въ любомъ учебникѣ психіатріи.

Почти всѣ классификаціи, т. е. группировки извѣстныхъ намъ картинъ душевныхъ болѣзней, основаны на клиникофункциональномъ принципѣ, т. е. основой раздѣленія болѣзней на группы служатъ измѣненія отправленій организма, обусловленныя болѣзненнымъ процессомъ. Главный признакъ, на основаніи котораго всѣ душевныя болѣзни дѣлятся на двѣ большія группы — это состояніе психическаго организма до болѣзни. Болѣзни, развившіяся на почвѣ крѣпкаго, здороваго мозга, существенно разнятся отъ болѣзней несовершеннаго, отягченнаго наслѣдственностью, *инвалиднаго* мозга. И по возникновенію, и по теченію, и по исходу первыя существенно отличаются отъ вторыхъ. Наши знанія о наслѣдственности, вообще, указываютъ на рациональность такого дѣленія, потому что психозы (или, какъ ихъ называетъ Крафтъ-Эбингъ, психонервозы) суть лишь начало вырожденія, болѣзненнаго измѣненія здоровой природы человѣчества, психическія же вырожденія суть продолженіе вырожденія, начавшагося въ предъидущемъ поколѣніи, или, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда еще мозгъ не достигъ полнаго развитія. Это дѣленіе согласно и съ нашими понятіями о строеніи головного мозга и объ измѣненіяхъ этого строенія при болѣзняхъ.

При психозахъ, головной мозгъ заболѣвшаго не представлялъ, до болѣзни, никакихъ уклоненій; причина, вызвавшая болѣзнь, обусловила его патологоанатомическія измѣненія — извѣстныя намъ, или неизвѣстныя. Слѣдовательно, психозы мы можемъ, далѣе, группировать на бо-

описанію отдѣльныхъ формъ душевныхъ болѣзней; едва-ли такое краткое описаніе можетъ быть полезно.

лѣзни съ данными, т. е. извѣстными намъ, патологоанатомическими измѣненіями головного мозга, и на болѣзни съ измѣненіями головного мозга, лишь предполагаемыми; допустить, что душевная болѣзнь протекаетъ безъ измѣненій въ головномъ мозгу, мы не можемъ; эти послѣднія и составляютъ психонервозы, въ смыслѣ Крафтъ-Эбинга.

И такъ, мы можемъ установить слѣдующія группы:

1) Прогрессивный параличъ помѣшанныхъ (или паралитическое слабоуміе, или нарастающій параличъ, или общій параличъ—*Paralysis progressiva alienorum*) (s. *Dementia paralytica*, s. *Paralysis generalis*).

2) Слабоуміе вслѣдствіе органическаго страданія мозга—*Dementia x laesio cerebri organica*.

3) Старческое слабоуміе—*Dementia senilis*.

4) Хроническій алкоголизмъ—*Alcoholismus chronicum* ¹⁾.

5) Острый бредъ—*Delirium acutum*.

Для того, чтобы раздѣлить на группы психозы здороваго мозга, измѣненія котораго при болѣзни намъ неизвѣстны, т. е. психонервозы, мы должны взять въ основу дѣленія не патологоанатомическія измѣненія, лежащія въ основѣ страданій, какъ относительно пяти предъидущихъ формъ душевныхъ болѣзней, а общее состояніе больныхъ, насколько оно выражается ихъ психическою дѣятельностью, или, говоря иначе, въ основу группировки болѣзней кладется наиболѣе выдающийся, считааемый за главный, симптомъ болѣзни, какъ это видно по самимъ названіямъ болѣзней.

6) Манія (маніакальное возбужденіе, неистовство),—*Mania*.

7) Мрачное помѣшательство (меланхолія)—*Melancholia*.

8) Галлюцинаторное помѣшательство; (чувственный бредъ; острое первичное помѣшательство)—*Paranoia acuta*.

9) Первичное излечимое слабоуміе—*Stupiditas. Dementia primaria carabilis*.

10) Вторичное слабоуміе—*Dementia secundaria*.

Гораздо труднѣе группировать психозы вырожденія, или психическія вырожденія; практика каждаго мыслящаго психіатра приводитъ его къ убѣжденію, что какъ бы полна ни была выработанная имъ номенклатура, всегда есть больные, болѣзнь которыхъ не подходитъ ни подъ одну изъ принятыхъ формъ. Есть вырождающіеся, вся жизнь

¹⁾ Сюда же мы должны отнести и другіе психозы отравленія; особо важное значеніе имѣетъ морфинизмъ (*Morphinismus*).

которыхъ представляетъ самую своеобразную исторію болѣзни, подобную которой самому опытному психіатру не приходилось наблюдать раньше. Поэтому, номенклатура, при настоящемъ состояніи психіатріи, можетъ только захватить многіе случаи, но далеко не всѣ; мы знаемъ формы болѣзни, наиболѣе часто наблюдаемыя. Большинство авторовъ принимаютъ слѣдующія формы.

11) Кретинизмъ—Cretenismus.

12) Идіотизмъ—Idiotismus.

Патолого-анатомическія измѣненія головного мозга при этихъ болѣзняхъ намъ извѣстны.

13) Врожденное слабоуміе—Imbecillitas; Fatuitas.

14) Гебефренія—Hebephrenia.

15) Нравственное слабоуміе—Moral Insanity; (Folie morale. Insania moralis).

16) Резонирующее или конституціонально-аффективное помѣшательство—Folie raisonnante.

17) Периодическое помѣшательство—Psychoses periodicae.

18) Первичное сумасшествіе. (Хроническое бредовое сумасшествіе)—Paranoia chronica; (Délire chronique).

Къ психозамъ вырожденія я причисляю согласно Morel:

19) Ипохондрическое помѣшательство—Paranoia hypochondrica.

До извѣстной степени особую группу составляютъ помѣшательства, какъ послѣдствіе или осложненіе конституціональныхъ неврозовъ; ихъ слѣдуетъ считать психозами вырожденія.

20) Эпилептическое помѣшательство—Psycho-epilepsia; (Psychoses epilepticae).

21) Истерическое помѣшательство—Psycho-hysteria (Psychoses hystericae).

22) Помѣшательство на почвѣ неврастеніи—послѣдняя форма наблюдается и у невырождающихся чаще чѣмъ двѣ предъидущія.

Вотъ группировка болѣзней наиболѣе полная и, какъ я думаю, наиболѣе послѣдовательная.

Не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ, какъ это видно по предъидущему росту психіатріи, будутъ разработаны и приняты новыя формы болѣзней, а, можетъ быть, будетъ выработано и, болѣе глубоко захватывающее суть дѣла, основаніе для группировки душевныхъ болѣзней. Еще разъ повторяю, что если душевная болѣзнь испытуемаго не можетъ быть обозначена ни одною изъ перечисленныхъ формъ ду-

шевныхъ болѣзней, то это значитъ не то, что душевная болѣзнь испытуемаго не доказана, а только то, что современная номенклатура душевныхъ болѣзней несовершенна.

Вышеприведенная классификація (правильнѣе, однако, сказать—номенклатура) не существенно отличается отъ классификаціи Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ; вотъ эта классификація:

- 1) *Melancholia*—мрачное помѣшательство.
- 2) *Mania*—манія.
- 3) *Paranoia*: а) *acuta*, б) *chronica*. Первичное сумасшествіе: а) острое, б) хроническое.
- 4) *Dementia*: а) *ex melancholia, mania, paranoia*, б) *ex laesio cerebri organica*, в) *senilis*. Слабоуміе: а) вслѣдствіе психозовъ—мрачнаго помѣшательства, маніи, первичнаго сумасшествія, б) вслѣдствіе органическаго пораженія мозга, в) старческое.
- 5) *Paralysis generalis progressiva*—общій прогрессивный параличъ.
- 6) *Psychoses hystericae*—истерическое помѣшательство.
- 7) *Psychoses epilepticae*—эпилептическое помѣшательство.
- 8) *Psychoses periodicae*—періодическое помѣшательство.
- 9) *Delirium tremens*—острый бредъ пьяницъ или бѣлая горячка
- 10) *Delirium acutum*—острый бредъ.
- 11) *Imbecillitas*—врожденное слабоуміе.
- 12) *Idiotismus et cretinismus*—врожденное безуміе и кретинизмъ.
- 13) Особые случаи.

Примѣчаніе. Къ отдѣлу «особые случаи» относятся формы душевныхъ разстройствъ, не принадлежащія къ 12 предъидущимъ категоріямъ».

Недостатокъ этой классификаціи тотъ, что въ ней пропущена такая столь часто встрѣчаемая и имѣющая громадное значеніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи форма болѣзни, какъ хроническій алкоголизмъ; кромѣ того, острое и хроническое сумасшествія не имѣютъ ничего общаго и не могутъ составлять два подраздѣленія одной группы. Впрочемъ, ни одна современная классификація не можетъ претендовать на совершенство и долговѣчность, почему я и ограничился изложеніемъ общей психопатологіи, такъ какъ ученіе о душевной болѣзни, вообще, болѣе обосновано, и, въ общихъ чертахъ, еще надолго останется безъ измѣненія; слѣдовательно, знаніе общей психопатологіи болѣе полезно и въ практическомъ, и въ теоретическомъ отношеніяхъ.

Какъ уже было сказано, преступленіе при душевной болѣзни не болѣе

какъ случайность, почти всегда зависящая отъ недостаточнаго надзора за больнымъ, почему, при всѣхъ формахъ душевныхъ болѣзней, преступленіе одинаково возможно. Чѣмъ болѣзнь проявляется полнѣе, чѣмъ болѣе ясны признаки болѣзни, тѣмъ, конечно, надзоръ за больнымъ лучше и тѣмъ рѣже преступленія; поэтому, при маніи, при остромъ бредѣ преступленія крайне рѣдки. Преступленія—всего чаще въ начальныхъ періодахъ всѣхъ болѣзней, когда болѣзнь еще не распознана, а потому больной пользуется полной свободой. При алкоголизмѣ преступленія должны быть очень часты, потому что большинство алкоголиковъ считаются просто пьяницами и пользуются, поэтому, полной свободой. Форма болѣзни не имѣетъ никакого значенія въ этомъ отношеніи; все сводится на то—каковъ былъ надзоръ за больнымъ, что зависитъ отъ степени очевидности болѣзненнаго состоянія душевно-больного.

Г Л А В А XIII.

Законодательство о душевно-больныхъ.

Обязанности государства и общества относительно душевно-больныхъ, какъ лицъ, лишенныхъ свободной воли, а потому неспособныхъ зарабатывать себѣ пропитаніе, располагать своимъ имуществомъ и свободно подчиняться нравственнымъ законамъ,—весьма обширны. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ государство печется о душевно-больныхъ, во всякомъ гражданскомъ уложеніи имѣются законы, ограничивающіе правоспособность душевно-больныхъ, во всякомъ уголовномъ уложеніи опредѣлены условія невмѣняемости душевно-больныхъ¹⁾.

Самая важная обязанность государства относительно душевно-больныхъ,—это ихъ призрѣніе.

Гораздо меньшее имѣетъ значеніе законодательство объ имущественныхъ правахъ душевно-больныхъ, уже потому, что бѣдныхъ гораздо больше богатыхъ и судьба обезпеченныхъ душевно-больныхъ

¹⁾ Желаящимъ ближе познакомиться съ законодательствами относительно душевно-больныхъ слѣдуетъ рекомендовать: Константиновскій, „Русское законодательство объ умалишенныхъ, его исторія и сравненіе съ иностранными законодательствами. (Труды перваго Съѣзда отечественныхъ психіатровъ. 1887), и Reuss. Der Rechtsschutz der Geisteskranken, 1888.

рѣдко бываетъ такъ ужасна, какъ бѣдныхъ ¹⁾). При правильномъ призрѣніи душевно-больныхъ, само собою разумѣется, число преступленій, совершаемыхъ душевно-больными должно быть незначительно; слѣдовательно, главная забота и правительства, и общества относительно душевно-больныхъ должна состоять въ ихъ призрѣніи, почему мы, прежде всего, и займемся изученіемъ того, что сдѣлано, въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, въ нашемъ отечествѣ.

Не вдаваясь въ историческое изложеніе, нужно, однако, замѣтить, что призрѣніе душевно-больныхъ, въ его настоящемъ видѣ, — дѣло весьма недавнее, въ Европѣ, — со времени первой французской революціи, а у насъ, — съ 1762 года, когда Императоръ Петръ III положилъ на докладъ Сената слѣдующую резолюцію: *«Безумныхъ не въ монастыри опредѣлять, но построить на то нарочный домъ, какъ то обыкновенно и въ иностранныхъ государствахъ учреждены домаузы, а въ прочемъ быть по сему»* ²⁾.

Съ тѣхъ поръ, правительство не переставало заботиться о призрѣніи душевно-больныхъ, но всѣ его усилія не привели къ значительнымъ результатамъ, пока великій Освободитель-Реформаторъ не призвалъ само общество на помощь правительству. Отдѣльные распоряженія объ устройствѣ заведеній для душевно-больныхъ, объ расширеніи и улучшеніи существующихъ, изданныя до вступленія на престолъ Императора Александра II, насъ интересовать не могутъ, такъ какъ практическіе результаты всѣхъ этихъ распоряженій были крайне ничтожны. Едва-ли нужно объяснять — почему до 1861 года дѣло призрѣнія душевно-больныхъ находилось въ самомъ печальномъ положеніи, не смотря на заботы правительства, выразившіяся весьма рациональными, для того времени, законами, а именно: (томъ XIII Св. Закон., разр. II., глава вторая ³⁾).

¹⁾ Въ Англіи, гдѣ регистрація душевно-больныхъ доведена до совершенства — неимущихъ душевныхъ больныхъ 90%. Reuss., op. cit. S. 92.

²⁾ Петръ I-й, въ 1723 году, сознавалъ, что душевно-больныхъ не слѣдуетъ посылать въ монастырь, какъ это видно изъ его резолюціи: „сумазбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ каковыя напредъ сего аки бы для исцѣленія посылавались въ монастыри: таковыхъ отнынѣ въ монастыри не посылать“.

³⁾ Впервые это было изложено въ 1775 г. Ноября 7 (т. XX, Полн. Собр. Зак. Учрежденія для управления губерній Всероссийскія Имперіи; часть первая, глава XXV, о Приказѣ общественнаго призрѣнія и его должности, ст. 389.

§ 623. При учрежденіи заведенія для призрѣнія умалишенныхъ Приказъ (общественнаго призрѣнія) избираетъ отдѣльный домъ, довольно пространный и кругомъ крѣпкій, дабы никто изъ содержимыхъ не могъ убѣжать.

§ 624. Домъ для умалишенныхъ снабжается пристойнымъ, добро-сердечнымъ, твердымъ и исправнымъ надзирателемъ, также потребнымъ числомъ людей для смотрѣнія за умалишенными, и для прислуги. Въ число сихъ людей нанимаются служители за добровольную плату изъ отставныхъ солдатъ, добрыхъ и исправныхъ, или же изъ иныхъ людей.

Въ дома для умалишенныхъ, вообще, запрещается наряжать караулы и ставить часовыхъ въ комнатахъ, гдѣ содержатся умалишенные, или въ садахъ и дворахъ, служащихъ мѣстомъ ихъ прогулокъ.

§ 626. Въ дома для умалишенныхъ немущіе умалишенные принимаются безденежно, имущіе же—за умѣренную плату, которая устанавливается соразмѣрно издержкамъ на томъ же основаніи, какъ и плата за содержаніе и леченіе больныхъ, въ заведеніяхъ Приказовъ призрѣваемыхъ.

§ 627. Приставники и прислуга обходятся съ умалишенными человѣколюбиво, и во всякое время имѣютъ крѣпкое и неослабное смотрѣніе, чтобы умалишенный ни самъ себѣ, ни другому вреда не учинилъ.

§ 629. Люди, содѣлавшіе въ припадкахъ сумасшествія преступленіе, принимаются въ домъ и содержатся безденежно.

Вотъ все, что дано было для руководства Приказамъ; при отсутствіи психіатровъ, конечно, не могло быть и рѣчи о рациональномъ призрѣніи душевно-больныхъ.

Со времени учрежденія земства, на которое возложены обязанности по дѣламъ общественнаго призрѣнія (Томъ XXXIX, Полн. Собр. Зак. ст. 105—117) дома для умалишенныхъ переданы въ вѣдѣніе земскихъ и городскихъ учреждений.

Призрѣніе душевно-больныхъ—дѣло настолько трудное, что земства и города, отчасти по неимѣнію средствъ, отчасти по недостаточному знакомству съ дѣломъ, не могли исполнить возложенной на нихъ задачи. Въ 1879 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ циркулярѣ къ губернаторамъ отъ 11 Ноября за № 8608, констатировалъ:

„Заведенія эти (губернскіе дома для умалишенныхъ) изъ упраздненныхъ Приказовъ общественнаго призрѣнія переданы въ вѣдѣніе земскихъ учреждений почти повсемѣстно, въ болье или менѣе неустроенномъ видѣ, и, какъ мнѣ извѣстно изъ личныхъ моихъ наблюденій и имѣющихся въ Министерствѣ свѣдѣній, заведенія эти, болѣею частью, и остаются въ прежнемъ неудовлетворительномъ состояніи“.

Далѣе, въ этомъ циркулярѣ категорически высказанъ взглядъ Правительства на дѣло призрѣнія душевно-больныхъ, а именно:

„Засимъ, уже по одному чувству человѣколюбія, а еще болѣе во вниманіе къ тому, что, при надлежащемъ попеченіи о душевно-больныхъ,

значительная доля ихъ можетъ вновь сдѣлаться полезными членами общества, — дальнѣйшее оставленіе дѣла призрѣнія умалишенныхъ, въ его нынѣшнемъ положеніи, не соответствовало-бы ни мѣропріятіямъ Правительства о народномъ преуспѣяніи, ни благотворнымъ заботамъ, въ этомъ отношеніи, со стороны земскихъ учреждений.

Обсуждая мѣры къ улучшенію этой отрасли государственнаго благоустройства, я пришелъ къ тому заключенію, что первый шагъ въ этомъ направленіи долженъ состоять въ улучшеніи для помѣшанныхъ помѣщеній, устроенныхъ преимущественно въ давнее время, при господствѣ иныхъ взглядовъ на этого рода больныхъ, и представляющихъ скорѣе мѣста заключенія, чѣмъ заведенія для призрѣнія. Въмѣстѣ съ симъ, я не могъ не принять въ особое уваженіе того, что въ дѣлѣ призрѣнія умалишенныхъ устройство для нихъ помѣщеній, сообразно съ требованіями психіатріи, требуетъ значительныхъ одновременныхъ затратъ, трудно исполнимыхъ для отдѣльныхъ земствъ при настоящемъ положеніи вещей.

Посему, и дабы поставить это дѣло въ иныя, болѣе благопріятныя условія, которыя-бы измѣнили направленіе онаго въ самомъ основаніи, я остановился на мысли о необходимости оказать земствамъ дѣятельную, со стороны Правительства, помощь, о чемъ и входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, полагая сдѣлать такое воспособленіе земскимъ учреждениямъ на счетъ особаго на сей предметъ источника.

По положенію Комитета Министровъ, предложеніе мое о томъ, 24-го минувшаго Октября, удостоено Высочайшаго Его Императорскаго Величества одобренія, и постановленныя Комитетомъ правила касательно назначенія земствамъ пособій, въ размѣрѣ 50%, дѣйствительно употребленныхъ ими суммъ на улучшеніе домовъ для умалишенныхъ, распубликованы въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 3-го сего Ноября.

Поставляя о семъ въ извѣстность Ваше Превосходительство, позволяю себѣ выразить увѣренность, что, при столь значительномъ воспособленіи со стороны Правительства и при извѣстномъ сочувствіи земства къ порученнымъ ему дѣламъ по благотворительной части, дѣло призрѣнія умалишенныхъ, составляющее одинъ изъ насущныхъ вопросовъ земской дѣятельности, получить, въ близкомъ будущемъ, желаемое разрѣшеніе“.

Я привелъ почти цѣликомъ этотъ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ потому, что результаты его оказались весьма благотворны, такъ и потому, что онъ составляетъ главнѣйшее распоряженіе Правительства относительно призрѣнія душевно-больныхъ.

Правительство категорически разъяснило, что число мѣстъ для душевно-больныхъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ должно удовлетворять дѣйствительной потребности населенія, что заведенія для душевно-больныхъ не имѣютъ права отказывать въ призрѣніи больнымъ, въ немъ нуждающимся, — слѣдовательно, земства и города

должны содержать заведенія, по числу кроватей удовлетворяющія потребности населенія. Такое требованіе Правительства выражено въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 15 Юля 1875 г., въ которомъ сказано:

„Правительствующій Сенатъ нашель, что, на основаніи 623—627 ст. XIII т. уст. общ. призр., содержаніе домовъ для умалишенныхъ возложено на Приказы общественнаго призрѣнія, а по введеніи въ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, попеченіе о народномъ здравіи и общественномъ призрѣніи, по точному и буквальному смыслу ст. 2 Полож. о земскихъ учрежденіяхъ, отнесено къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений. Принимая засимъ во вниманіе, что количество больныхъ, призрѣваемыхъ въ домахъ для умалишенныхъ, по смыслу вышеприведенныхъ статей закона, неограничено никакой цифрой, и что, при недостаточности для нихъ существующихъ помѣщеній, земство, въ силу 2 ст. Пол., обязано или нанять, или приобрести таковое, для чего можетъ воспользоваться правомъ, предоставляемомъ ему ст. 79 вр. для земскихъ учрежд. прав.,—Правительствующій Сенатъ призналъ отказъ губернскаго земскаго собранія въ приѣмъ въ домъ умалишенныхъ больныхъ, сверхъ опредѣленной нормы, лишоннымъ законнаго основанія, а посему опредѣлилъ: постановленіе по настоящему дѣлу собранія отгнать, поручивъ губернатору предложить губернскому земскому собранію о немедленномъ принятіи мѣръ, необходимыхъ для исполненія обязательной для него по сему предмету потребности“.

Наконецъ, Сенатъ, 16 Мая 1889 года, еще разъ разъяснилъ—на чьей обязанности и въ какомъ размѣрѣ лежитъ призрѣніе душевнобольныхъ, а также какъ слѣдуетъ поступать съ больными, не подлежащими призрѣнію земства.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что постановленіе X. Губернскаго Земскаго Собранія, отъ 18 Декабря 1888 г., коимъ вѣннено Губернской Управѣ въ обязанность не принимать въ психіатрическую больницу больныхъ, которые не будутъ подходить подъ требованія ст. 629 Уст. Общ. Приз. и ст. 95 Улож. о Наказ., и коимъ штатъ психіатрической лечебницы установленъ на 150 человекъ—представляется неправильнымъ, такъ какъ въ домахъ для умалишенныхъ обязательно должны содержаться не только лица, содѣявшія въ припадкахъ сумасшествия преступленія (ст. 629 Уст. Общ. Призр.), во и тѣ безумные или сумасшедшіе, отъ смотрѣнія за которыми откажутся ближайшіе ихъ родственники. По тѣмъ же основаніямъ неправильнымъ является также и распоряженіе Губернскаго Земскаго Собранія, отъ 18 Декабря 1888 года, которымъ Собраніе поручило Управѣ произвести отpravку спокойныхъ душевно-больныхъ на попеченіе подлежащихъ сельскихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что обязанность призрѣнія и попеченія надъ душевно-больными не возложена вовсе закономъ на сельскія общества, и на основаніи примѣчаній къ ст. 1 и ст. 623—629 Уст. Общ. Призр.

относится всецѣло къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений. Что же касается распоряженія Губернскаго Земскаго Собранія объ отправкѣ иногубернскихъ больныхъ на попеченіе подлежащихъ земствъ, то хотя въ такомъ распоряженіи и не усматривается ничего противозаконнаго, но требованіе Губернатора о дополненіи этого распоряженія тѣмъ, что отсылка иногубернскихъ душевно-больныхъ будетъ производиться подъ надлежащимъ надзоромъ и по полученіи отъ подлежащихъ земствъ и учреждений согласія на это,—представляется вполне основательнымъ.

Чтобы понять важное значеніе этого распоряженія, слѣдуетъ припомнить, что душевно-больныхъ, не подлежащихъ призрѣнію, отсылали на мѣсто родины этапнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ арестантами.

Такимъ образомъ, въ настоящее время признано, что земства и города *должны* содержать заведенія для душевно-больныхъ; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ не введено земство, забота о призрѣніи душевно-больныхъ осталась за Приказами общественнаго призрѣнія.

Внутренній порядокъ заведеній для душевно-больныхъ пока не урегулированъ особымъ специальнымъ закономъ и въ дополненіе къ вышеприведеннымъ статьямъ закона обычно служатъ правила относительно больницъ вообще, такъ что заведенія для душевно-больныхъ приравниваются къ общимъ больницамъ. Специальный уставъ для заведеній для душевно-больныхъ, вѣроятно, будетъ изданъ въ непродолжительномъ времени.

Высшій надзоръ за заведеніями для душевно-больныхъ порученъ (Томъ II, часть I, Св. Зак. ст. 570) губернаторамъ:

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя распространено дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, равно какъ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ означенное положеніе не введено еще въ дѣйствіе, губернаторы, черезъ посредство членовъ попечительныхъ совѣтовъ, тамъ, гдѣ оныя учреждены, а равно и черезъ мѣстныхъ начальства и сами лично, постоянно наблюдаютъ, чтобы всѣ подвѣдомственные Приказамъ общественнаго призрѣнія или земскимъ или же городскимъ общественнымъ учрежденіямъ сиротскіе дома, больницы, богадѣлни, помѣщенія для престарѣлыхъ, увѣчныхъ и калѣкъ, дома для лишенныхъ ума, дома работные для прокормленія неимущихъ прискиваемыми для нихъ занятіями, учрежденные частными людьми или обществами, или же насчетъ добровольныхъ приношеній, когда сіи заведенія поручены надзору Приказовъ или общественныхъ учреждений,—находились и содержались въ совершенномъ порядкѣ и исправности, сообразно съ начертанными для сего общими, или же особенными для каждаго, правилами. Они обязаны всѣ такія заведенія посѣщать и обозрѣвать непосредственно въ губернскомъ городѣ сколь возможно чаще, а въ городахъ уѣздныхъ, мѣстечкахъ и

посадахъ при объѣздѣ губерніи, поручая, сверхъ того, осмотръ сихъ послѣднихъ и надежнымъ чиновникамъ, при командированіи ихъ по другимъ дѣламъ, дабы имѣть удостовѣреніе, что въ нихъ все соотвѣтствуетъ цѣли ихъ учрежденія“...

Остается не урегулированнымъ—кто долженъ платить и сколько за призрѣніе больного въ заведеніи для душевно-больныхъ, т. е. должны ли платить семья больного, или общество, къ которому онъ принадлежитъ, или, наконецъ, призрѣніе должно быть бесплатнымъ, т. е. на счетъ земства или города.

Душевная болѣзнь, въ самомъ лучшемъ случаѣ, лишаетъ заболѣвшаго надолго способности къ труду, и потому крайне несправедливо возлагать на семью заболѣвшаго расходъ на его призрѣніе въ заведеніи, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе многихъ больныхъ въ заведенія для душевно-больныхъ, главнымъ образомъ, необходимо для огражденія общественнаго порядка. Положительно нѣтъ никакихъ основаній обязывать платить общество (деревню, волость, мѣщанскую управу) за содержаніе заболѣвшихъ его членовъ. Всего справедливѣе возложить расходъ по призрѣнію душевно-больныхъ на земства и города, которымъ предоставлено право обложенія всѣхъ обывателей сборами и такимъ образомъ, всякій, платящій земскіе или городскіе сборы, часть которыхъ идетъ на содержаніе заведеній для душевно-больныхъ, тѣмъ самымъ какъ-бы вноситъ страховыя деньги на случай болѣзни. Правда, такимъ образомъ, имѣющіе средства платить за свое содержаніе въ заведеніи для душевно-больныхъ будутъ призрѣваться даромъ, т. е. на счетъ болѣе бѣдныхъ, и земскіе сборы нѣсколько возрастутъ; но за то при такомъ разрѣшеніи вопроса многія семьи и общества будутъ спасены отъ раззоренія и, что очень важно, не боясь непосильныхъ расходовъ, родственники и односельчане будутъ своевременно помѣщать заболѣвшихъ въ заведенія для душевно-больныхъ.

Наиболѣе полны и рациональны, если можно такъ выразиться по отношенію къ призрѣнію душевно-больныхъ въ заведеніяхъ, законодательства Франціи, Швеціи, Италіи и Голландіи. Французскій законопроектъ ¹⁾ категорически требуетъ отъ Департаментовъ, чтобы они имѣли заведенія для душевно-больныхъ:

§ 3. Департаменты обязаны имѣть каждый одно или два выѣстъ общественныхъ заведенія для помѣшанныхъ; въ случаѣ неимѣнія такового

¹⁾ Proget de loi sur les Aliénés. (Pedaction adopté par la commission du Senat). Въ большинствѣ я пользуюсь переводомъ Д-ра Константиновскаго (op. cit.).

они могутъ входить въ соглашеніе съ частными по условію, которое утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ, и такое заведеніе называется частнымъ взагнѣмъ общественнаго.

Не менѣе точно опредѣлено—къмъ и какъ управляются заведенія для душевно-больныхъ:

§ 2. Общественныя заведенія находятся подъ управленіемъ, а частныя—подъ наблюденіемъ общественной власти.

§ 4. Общественныя заведенія, состоя подъ властью министра внутреннихъ дѣлъ и префектовъ департамента, управляются врачомъ—ответственнымъ директоромъ.

Они находятся подъ наблюденіемъ административной и финансовой комиссій, безвозмездно состоящихъ изъ пяти членовъ, изъ которыхъ два—члены генеральныхъ совѣтовъ, избираемыя департаментскимъ собраніемъ, и три члена по избранію префекта.

Министру внутреннихъ дѣлъ, по представленіи высшаго совѣта о помѣшанныхъ, учреждаемаго по § 15 сего проекта, предоставляется раздѣленіе обязанностей врача и ответвеннаго директора заведенія, а также и отдѣленія при госпиталѣ.

§ 5. Президенту республики предоставляется право уволить директора частнаго заведенія, замѣняющаго общественныя, и установить временное управленіе на шесть мѣсяцевъ.

§ 6. Врачебный персоналъ общественныхъ заведеній и частныхъ, замѣняющихъ общественныя, и отдѣленій при госпиталяхъ, назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ или по представленію высшаго совѣта о помѣшанныхъ, или по конкурсу.

§ 14. Учреждается генеральная инспекція призрѣнія помѣшанныхъ, члены которой (генеральные инспектора) назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ и обязаны разъ въ годъ обозрѣть всѣ заведенія для помѣшанныхъ.

§ 43. Въ заведеніе, принадлежащее департаменту, отправляются помѣшанные по приказу префекта, если семейство не принимаетъ на себя расходы по его содержанію, и бѣдные помѣшанные по такому же приказу, хотя бы они были спокойные.

§ 44. Расходы по перевозкѣ помѣшанныхъ, отправляемыхъ администраціей въ заведенія для помѣшанныхъ, возмѣщаются по указанію префекта.

§ 45. Расходы по дневному содержанію помѣшанныхъ въ общественныхъ заведеніяхъ ежегодно утверждаются властями. Генеральные совѣты ни въ какомъ случаѣ не могутъ распорядиться остатками суммъ въ заведеніяхъ для помѣшанныхъ и употребить ихъ для другихъ цѣлей.

§ 46. Расходы по содержанію помѣшанныхъ въ общественныхъ заведеніяхъ взыскиваются съ имущества больного, а за отсутствіемъ такового съ тѣхъ, кто обязанъ его содержать по § 295 Code civil.

За бѣдныхъ помѣшанныхъ уплачиваютъ за содержаніе въ заведеніи департаменты, а часть—община, къ которой принадлежитъ больной.

Государства, имѣющія специальное законодательство для душевно-больныхъ, весьма точно регламентируютъ внутренній порядокъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ; вообще, эти заведенія приравняются къ больницамъ; въ Швеціи имѣются и больницы для излѣчимыхъ душевно-больныхъ, и пріюты для неизлѣчимыхъ (§§ 23, 24), но внутренній ихъ порядокъ закономъ установленъ одинъ и тотъ-же.

Однако, въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ необходимо употребленіе стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ нѣкоторымъ больнымъ.

Уже самое помѣщеніе больного противъ его воли и задержаніе его въ больницѣ есть стѣсненіе,—но объ этомъ мы будемъ говорить потомъ. Помѣщеніе больного противъ его воли въ отдѣльную комнату, конечно, тоже стѣсненіе, но очевидно, что больные, опасные для окружающихъ, постоянно безпокойные, должны содержаться, по усмотрѣнію врача, въ изоляціонныхъ комнатахъ, какъ для безопасности другихъ, такъ и для собственной пользы (напр., при наклонности все разрушать и т. п.). Наше законодательство (ст. 628, Т. XIII, разд. II), предусмотрѣло эти случаи.

§ 628. Умалешенные содержатся по свойству сумасшествія, или каждый особо взаперти или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ него никакой опасности, ни вреда, произойти не можетъ.

Собственно стѣсненіемъ (Restraint) называется употребленіе смирительной куртки, рукавицъ, связываніе, привязываніе. Знаменитый психіатръ Conolly въ 1844 г. доказалъ пятилѣтнимъ опытомъ, что стѣсненіе вовсе не необходимая мѣра при уходѣ за душевно-больными, и затѣмъ, мало-по-малу, все больше и больше распространилась система no-restraint—нестѣсненія, т. е. не примѣненіе связыванія и привязыванія больныхъ. Повидимому, дѣло врача—употреблять или нѣтъ смирительную рубашку, тѣмъ болѣе, что и до настоящаго времени нѣкоторые психіатры убѣждены въ пользѣ стѣсненія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Однако, нельзя отрицать того, что уходъ за больными значительно труднѣе при системѣ No-Restraint, т. е. при употребленіи рубашки трудъ врача и всей больничной прислуги весьма облегчается, почему естественно стремленіе правительства, по возможности, сократить число случаевъ связыванія и привязыванія больныхъ. Въ голландскомъ законѣ о помѣшанныхъ, утвержденномъ 27 Апрѣля 1884 года, въ примѣчаніи къ § 4 сказано:

„О всякомъ употребленіи стѣснительныхъ мѣръ, приложенныхъ къ падающему на попеченіи больному, отмѣчается ежедневно въ реестрѣ

установленнаго нами образца. Этотъ реестръ представляется каждому инспектору по его требованію“.

Весьма желательно введеніе и у насъ такого правила, такъ какъ приведенный законъ, не лишая права прибѣгать къ мѣрамъ стѣсненія и не указывая случаевъ, когда эти мѣры могутъ быть употреблены, тѣмъ не менѣе учреждаетъ контроль въ этомъ отношеніи.

Во всѣхъ государствахъ всѣ частныя заведенія для душевно-больныхъ стоятъ подъ контролемъ правительства; въ законодательствахъ всѣхъ государствъ имѣются особыя правила относительно частныхъ заведеній для душевно-больныхъ. Послѣдовательно всѣхъ въ этомъ отношеніи Англія, гдѣ, 1 Марта 1886 г., пришелъ билль объ уничтоженіи частныхъ лечебницъ для душевно-больныхъ: новыхъ открывать не позволено, а существующія не могутъ быть передаваемы въ другія руки. Однако, такое запрещеніе частныхъ лечебницъ едва ли вполнѣ рачіонально; богатые паціенты въ частныхъ лечебницахъ могутъ найти больше комфорта и даже лучшій уходъ, чѣмъ въ общественныхъ; при томъ-же, закрывая частныя лечебницы для душевно-больныхъ, государство беретъ на себя хлопотливую обязанность устроить и содержать роскошно обставленныя пенсіонерскія отдѣленія въ общественныхъ заведеніяхъ. Поэтому, болѣе практическимъ слѣдуетъ считать законодательства, разрѣшающія частныя лечебницы, но ставящія ихъ подъ дѣйствительный контроль агентовъ правительства; § 7 французскаго законопроекта о душевно-больныхъ вполнѣ удовлетворяетъ этому требованію.

§ 7. Частное заведеніе для помѣшанныхъ, а къ такому приравнивается всякое частное жилище, гдѣ содержится даже одинъ больной не подъ наблюденіемъ близкихъ родственниковъ или опекуна, не можетъ быть учреждено безъ утвержденія правительства и безъ внесенія залога ¹⁾.

Затѣмъ частныя лечебницы подлежатъ такому-же контролю и должны руководствоваться тѣмъ-же правилами относительно приѣма, выписки и т. п. больныхъ, какъ и общественныя.

Какъ французское, такъ и бельгійское (§ 3) законодательство категорически опредѣляетъ, кто и при соблюденіи какихъ условій можетъ получить разрѣшеніе на открытіе и содержаніе частной ле-

¹⁾ Голландскій законъ (§ 7) призываетъ частнымъ заведеніемъ для помѣшанныхъ всякое жилище, гдѣ призывается болѣе двухъ душевно-больныхъ не среди собственнаго семейства; очевидно преимущество въ этомъ отношеніи французскаго закона.

чебницы; напр., въ § 3 бельгійскаго закона указано, что правительство можетъ отставить отъ службы всѣхъ служащихъ въ частной лечебницѣ, въ случаѣ ихъ небрежности; равно и утверженіе въ должности врачей частной лечебницы правительство предоставляетъ себѣ. Даже относительно стола больныхъ директоръ частной лечебницы долженъ руководствоваться правилами, изданными для общественныхъ заведеній; эти же правила весьма точно регламентируютъ какъ должно питать призрѣваемыхъ въ заведеніяхъ; требуется, чтобы для всѣхъ больныхъ было, по крайней мѣрѣ, 3 блюда въ день; запрещается давать на ужинъ непитательную пищу и т. д.

Не менѣе точно и подробно регламентированы частныя лечебницы въ другихъ государствахъ, особенно въ Швеціи, гдѣ § 54 требуетъ, чтобы опасные душевно-больные не были выписываемы изъ частной лечебницы, а переводились непосредственно въ общественныя.

У насъ разрѣшеніе на открытіе частныхъ лечебницъ для душевно-больныхъ выдается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по представленію Медицинскаго Департамента, послѣ утверженія устава Медицинскимъ Совѣтомъ; эти заведенія находятся подъ ближайшимъ контролемъ Врачебнаго Инспектора и, конечно, Губернатора; нѣтъ особыхъ правилъ, опредѣляющихъ быть этихъ заведеній, что объясняется тѣмъ, что у насъ частныя лечебницы для душевно-больныхъ никогда не принимали бѣдныхъ за плату отъ земствъ или городовъ, какъ это дѣлается во Франціи и Германіи, а служили исключительно для богатыхъ больныхъ, а также и потому, что, къ чести русскихъ врачей, не было случаевъ злоупотребленій въ этихъ заведеніяхъ, почему правительство и не было принуждено болѣе точно регламентировать внутренній бытъ этихъ заведеній. Частныя лечебницы для душевно-больныхъ у насъ, при недостаточности мѣстъ въ общественныхъ заведеніяхъ для помѣшанныхъ, при плохомъ устройствѣ большинства изъ нихъ, безусловно необходимы.

Кромѣ рациональнаго призрѣнія, душевно-больные нуждаются въ особомъ покровительствѣ государства, какъ лица, не имѣющіе возможности защищать свои права столь же энергично, какъ всѣ остальные члены общества. Ниже будетъ сказано, какъ законъ ограждаетъ имущественныя права душевно-больныхъ, теперь же нужно упомянуть, что сдѣлано для защиты личности душевно-больныхъ. Понятно, что преступленія противъ личности душевно-больныхъ не могутъ быть приравняемы къ обычнымъ преступленіямъ, потому

что душевно-больной въ большинствѣ случаевъ, не можетъ защищать себя также, какъ здоровый и во-вторыхъ, потому, что преступленія противъ личности, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ болѣе тяжелыя послѣдствія для здоровья душевно-больного, не говоря уже о томъ, что преступленіе противъ несчастнаго душевно-больного свидѣтельствуесть о крайней испорченности преступника.

Самое частое преступленіе относительно душевно-больныхъ — это побои, наносимые имъ лицами, за ними ухаживающими. Въ нашемъ законодательствѣ даже нѣтъ указанія, кто можетъ возбуждать судебное преслѣдованіе въ такихъ случаяхъ, если больной не состоитъ подъ опекой. Большинство мировыхъ судей принимаетъ къ разбирательству подобныя дѣла по жалобѣ врача, завѣдующаго заведеніемъ душевно-больныхъ, которому ввѣрено огражденіе здоровья его пациентовъ; но мнѣ извѣстны случаи и отказовъ со стороны мировыхъ судей по такимъ жалобамъ; съ формальной стороны дѣйствительно врачъ не имѣетъ права жаловаться за больного, пока надъ нимъ не назначена опека. Хотя у насъ и нѣтъ спеціального закона о нанесеніи побоевъ душевно-больнымъ, но примѣненіе въ такихъ случаяхъ ст. 135 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, можно считать удовлетворяющей цѣли.

Во французскій законопроектъ внесенъ новый параграфъ (68), опредѣляющій наказаніе за грубые поступки (sevices) относительно душевно-больныхъ, а именно: арестъ отъ 5 дней до 3 мѣсяцевъ и штрафъ отъ 16 до 200 фр.; за небрежность въ уходѣ со стороны прислуги заведенія, имѣвшую вредныя послѣдствія для здоровья душевно-больного, тотъ же параграфъ опредѣляетъ штрафъ отъ 16 до 100 франковъ. Весьма неудобно отсутствіе такой статьи въ нашемъ законѣ; самая грубая небрежность не можетъ быть наказана; остается одно — уволить такого служителя; пополненіе нашихъ законовъ въ этомъ отношеніи принесло бы большую пользу больнымъ и оградило бы ихъ отъ ужасной небрежности и грубости нашей прислуги.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, только часть, при томъ меньшая, душевно-больныхъ призрѣвается въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ (или въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ больницъ и богадѣленъ); большинство же, по разнымъ причинамъ, не поступаютъ въ заведенія для душевно-больныхъ, а живутъ съ родными или, наконецъ, обречены на нищенскую жизнь. Только богатые душевно-больные могутъ внѣ спеціального заведенія находить все то, что

нужно для ихъ здоровья и для ихъ счастья. Всѣ же остальные, за немногими исключеніями, только въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ могутъ найти правильное призрѣніе. Говорятъ, что содержаніе заведеній для душевно-больныхъ требуетъ громадныхъ расходовъ; конечно, это такъ, но вѣдь и остающіеся у родныхъ, у знакомыхъ, душевно-больные не зарабатываютъ на свое пропитаніе, такъ что такъ или иначе, а содержать ихъ приходится обществу.

Какъ у насъ, такъ и въ большинствѣ государствъ нѣтъ правильного контроля, нѣтъ даже обязательной, раціональной регистраціи душевно-больныхъ, нѣтъ специальныхъ органовъ для надзора за всѣми душевно-больными въ странѣ. Вообще, это поручается полиціи. Въ § 140 (Т. XII, 10306. IV. Особенныя обязанности служителей, земской полиціи) Высочайше утвержденнаго 3 Іюня 1837 г. наказа чинамъ и служителямъ полиціи сказано:

§ 140. Если окажутся внѣ домовъ своихъ люди, поврежденные въ умѣ то служители земской полиціи должны немедленно брать ихъ и обращаться въ ихъ дома, дабы они состояли тамъ подъ присмотромъ. Когда неизвѣстно откуда они, или же когда при сильныхъ припадкахъ сумасшествія, они сдѣлаются опасными для себя и другихъ, то служители земской полиціи доводятъ о семъ до свѣдѣнія становаго пристава, принимая, между тѣмъ, въ ожиданіи распоряженія начальства, надлежащія мѣры къ предупрежденію могущаго произойти отъ сихъ людей вреда.

Правительство еще въ 1830 году, какъ это видно изъ Сенатскаго указа, отъ 12 Іюня 1830 года (Т. V, 3715), стремилось прекратить жестокое обращеніе съ душевно-больными; указъ этотъ требуетъ отъ начальниковъ губерній, чтобы они:

„преподали мѣстнымъ начальствамъ надлежащія по усмотрѣнію ихъ и возможностямъ способы къ обращенію съ подвергающимися лишенію ума, безъ употребленія мѣръ насильственныхъ и жестокихъ“.

Очевидно, что полиція обременена столь сложными и важными обязанностями и потому не можетъ съ достаточною бдительностью слѣдить за призрѣніемъ всѣхъ душевно-больныхъ; пока не будетъ создано особаго органа для охраны интересовъ душевно-больныхъ, до тѣхъ поръ не прекратятся всевозможныя злоупотребленія по отношенію душевно-больныхъ.

Надзоръ за всѣми душевно-больными хорошо организованъ въ Англіи, и особенно въ Шотландіи, гдѣ всѣмъ дѣломъ призрѣнія душевно-больныхъ, съ 1857 года, завѣдуетъ, такъ называемое бюро коммисіонеровъ, состоящее изъ пяти членовъ, изъ которыхъ двое врачи; всѣ члены назначаются правительствомъ; на помощь имъ прикомандиро-

ываются еще два врача Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Кромѣ контроля и высшаго руководства всеми заведеніями для душевно-больныхъ, вѣдѣнію бюро комиссіонеровъ подлежатъ *все* душевно-больные; не только все бѣдные, состоящіе подъ вѣдѣніемъ благотворительныхъ учреждений, приходовъ и т. д., душевно-больные регистрируются, свидѣлствуются, помѣщаются въ заведенія этимъ бюро, но оно, что особенно важно, обязательно изслѣдуетъ положеніе *всякаго, даже призрѣаемаго въ собственномъ домѣ, душевно-больного*; однимъ словомъ, всякій, на попеченіи котораго находится душевно-больной, обязанъ сообщить въ бюро комиссіонеровъ, одинъ изъ членовъ котораго лично изслѣдуетъ способъ содержанія больного, и если это оказывается нужнымъ, то бюро помѣщаетъ больного въ заведеніе. Въ 1884 г., въ Шотландіи, было 10,918 душевно-больныхъ; изъ нихъ только 1,861 призрѣвались внѣ заведеній; каждый больной по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщался комиссіонерами. Помѣщеніе и выписка больныхъ изъ заведенія для душевно-больныхъ подлежатъ контролю бюро, которое въ сомнительныхъ случаяхъ является высшей инстанціей; только опасные для общества больные не могутъ быть выписаны изъ заведенія безъ разрѣшенія прокурора. Комиссіонеры, при осмотрѣ заведеній, записываютъ въ особую, заведенную для того, книгу свои замѣчанія; все эти замѣчанія дословно входятъ въ общій годовой отчетъ, гдѣ обычно комиссіонеры кромѣ того высказываютъ свои общія соображенія о необходимыхъ измѣненіяхъ, о положеніи дѣла призрѣнія душевно-больныхъ и т. п.; отчеты эти ежегодно печатаются и такимъ образомъ не только правительство, но и общество имѣютъ самыя полныя свѣдѣнія о состояніи такъ дорого-стоющихъ заведеній для душевно-больныхъ.

Законодательство Бельгіи также заслуживаетъ подражанія въ томъ отношеніи, что еще въ 1850 году законъ требовалъ, чтобы всякій душевно-больной даже въ своей семьѣ не могъ содержаться въ заключеніи безъ разрѣшенія судебной власти; мировой судья обязанъ черезъ двухъ врачей освидѣлствовать каждаго больного, проживающаго, внѣ заведенія, въ его округѣ. Бельгійское законодательство уже въ 1850 году совершенно правильно приравнивало къ частному заведенію для душевно-больныхъ всякое жилище, гдѣ призрѣвается хотя бы только одинъ душевно-больной въ качествѣ пансіонера. Итальянскій законопроектъ 1884 г. (§ 12) обязываетъ какъ семейство душевно-больного, такъ и пользующаго врача не позже какъ

черезъ мѣсяць послѣ того, какъ замѣчена была болѣзнь, сообщить объ этомъ полиціи (*autorità di publica sicurezza*), которая обязана дать знать объ этомъ прокурору для назначенія судомъ немедленно же Временнаго опекуна; если по прошествіи года больной не выздоровѣлъ, то судъ назначаетъ постояннаго опекуна надъ личностью и имуществомъ больного.

Едва-ли нужно доказывать необходимость центрального высшаго органа для руководства дѣломъ призрѣнія душевно-больныхъ; къ сожалѣнію, мысль о необходимости такого органа у насъ не созрѣла, даже никѣмъ послѣдовательно не была проводима; по этому едва-ли можно надѣяться, чтобы у насъ скоро возникло такое учрежденіе; геперь же заведенія для душевно-больныхъ у насъ лишены компетентнаго, однообразнаго контроля; судьба заведенія всецѣло зависитъ отъ состава гласныхъ, психіатры вполнѣ подчинены управамъ, состоящимъ изъ лицъ, совершенно не компетентныхъ въ дѣлѣ призрѣнія душевно-больныхъ¹⁾. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла, заведенія для душевно-больныхъ, за исключеніемъ очень немногихъ, въ неудовлетворительномъ состояніи. Еще болѣе печально положеніе душевно-больныхъ, призрѣвающихся внѣ заведеній, такъ какъ нѣтъ органа, обязаннаго заботиться объ ихъ участи, защищать ихъ интересы.

Теперь разсмотримъ— какъ государство ограждаетъ имущественныя права душевно-больныхъ.

Петръ Великій обратилъ свое вниманіе на юридическое положеніе душевно-больныхъ, причемъ, однако, имѣлъ въ виду не интересы больныхъ, а фискальныя цѣли: извѣстно, что нѣкоторые дворяне уклонялись отъ государственной службы, ссылаясь на душевную болѣзнь. Петръ Великій вполнѣ правильно постановилъ, что граждане, неспособные нести свои обязанности къ государству, не могутъ пользоваться и правами гражданина, т. е. вступать въ бракъ и распоряжаться своимъ имуществомъ. Не довѣряя честности мѣстной администраціи въ столь важномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе отъ государственной службы и лишеніе гражданскихъ и имущественныхъ правъ,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ подражанія шведскій законъ о душевно-больныхъ. Главный врачъ заведенія для душевно-больныхъ подчиненъ непосредственно королю (§ 22); Главное управленіе заведеній для помѣшанныхъ можетъ только донести королю, если найдетъ, что главный врачъ дурно исполняетъ свои обязанности.

Преобразователь Россіи, предписалъ Сенату освидѣтельствовать душевно-больныхъ. Именной указъ отъ 6 Апрѣля 1722 года о свидѣтельствovanіи дураковъ въ Сенатѣ показываетъ, какъ вѣрно и широко понималъ Петръ Великій вредъ, наносимый душевно-больными обществу.

„Понеже какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтамъ ихъ таковымъ дуракамъ, что въ никакую науку и службу негодятся, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ за мужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно, къ тому-жъ и оное получа, безпутно расточаютъ, а подданныхъ бьютъ и мучатъ, и смертныя убійства чинятъ и недвижимое въ пустоту приводятъ: того ради повелѣваемъ, какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковыя, о такихъ подавать извѣстіе въ Сенатъ, а въ Сенатѣ свидѣтельствовать; и буде по свидѣтельству явятся таковыя, которые ни въ науку ни въ службу не годились и впредь не годятся отнюдь жениться и замужъ идти не допускать и вѣчныхъ памятей не давать и деревень наслѣдственныхъ и никакихъ за ними не справливать, а велѣтъ вѣдать такіе деревни по приказной запискѣ, а ихъ негодныхъ съ тѣхъ деревень кормить и снабждать ближнимъ ихъ родственникамъ, а буде родственниковъ не будетъ, то ближнимъ-же свойственникамъ. А ежели по тому свидѣтельству явятся не таковыя, какъ объ нихъ во извѣстіи будетъ написано: то употреблять оныхъ въ службы, и въ науку, кто къ чему будетъ способенъ, а движимое и недвижимое имѣніе по наслѣдству имъ отдать и жениться по урочнымъ лѣтамъ допускать“.

Взгляды того времени о помѣшательствѣ даже у врачей были столь неясны и невѣрны, что не могло быть и рѣчи о рациональномъ распознаваніи душевныхъ болѣзней; казалось, что всякій путемъ разговора объ обыденныхъ предметахъ, можетъ вполне правильно отличить душевно-больного отъ здороваго; такой взглядъ выраженъ въ Именномъ Указѣ, объявленномъ изъ Сената 6 Декабря 1723 г., въ дополненіе Указа 6 Апрѣля 1822 г., о свидѣтельствѣ дураковъ. Указъ этотъ имѣетъ особо важное значеніе, такъ какъ и до настоящаго времени служить руководствомъ при освидѣтельствovanіи душевно-больныхъ въ особыхъ присутствіяхъ Губернскаго Правленія; вотъ этотъ указъ.

„Его Императорское Величество указалъ: о дуракахъ, за которыми, по состоявшемуся Его Величества, Указу Апрѣля 6 дня 1722 года, деревень справливать не велѣно, такихъ свидѣтельствовать такимъ образомъ: Сенату спрашивать ихъ предъ собою о всякомъ домовомъ состояніи, какъ-бы можно умному человѣку отвѣтъ въ томъ учинить и ежели по вопросу отвѣди учинить не можетъ, а станетъ инакое о томъ говорить, что можно изъ того дурачество познать, а которые

изъ таковыхъ уже женаты, и пмѣють дѣтей у тѣхъ деревень не отъ-
имать“.

Свидѣтельствованіе такимъ порядкомъ производилось, уже по самой
сложности процедуры, крайне рѣдко и то только душевно-больныхъ
отъ рожденія или какъ законъ ихъ называлъ и называетъ безумными;
однако, этотъ порядокъ оставался до 1815 г., когда Государственный
Совѣтъ обратилъ вниманіе на крайнюю затруднительность доставлять
всѣхъ душевно-больныхъ для освидѣтельствованія въ Сенатъ; поэтому,
Государственный Совѣтъ установилъ болѣе упрощенный способъ осви-
дѣтельствованія, указанный въ Сенатскомъ Указѣ, отъ 8 Іюня 1815
(Т. XXXIII, 25876), а именно:

„Государственный Совѣтъ, признавая свидѣтельство надъ сими людьми
необходимымъ, положилъ производить оное въ губернскихъ городахъ
черезъ Врачебную Управу, въ присутствіи губернатора, вице-губернатора,
предсѣдателя гражданской палаты, губернскаго прокурора, предводителя
дворянства, губернскаго и одного или двухъ уѣздныхъ; если-же безум-
ный не изъ дворянскаго сословія, а изъ купеческаго или разночинцевъ,
къ свидѣтельству приглашать еще градскаго голову, одного или двухъ
членовъ магистрата, и когда по свидѣтельству сему, сушасшествіе при-
знано будетъ несомнительнымъ, тогда съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ
обстоятельствъ представлять Правительствующему Сенату на его заклю-
ченіе, а между тѣмъ, до полученія отъ оного разрѣшенія къ призрѣнію
больного и къ сохраненію его имѣнія, принимать предварительно закон-
ныя мѣры. Правительствующему же Сенату, по разсмотрѣніи входящихъ
о томъ представленій, разрѣшать сіи случаи на основаніи законовъ“.

Статья 367, т. X, книга 1, разр. III и ст. 565, т. II, часть 1
(изд. 1876), указываютъ, кому принадлежитъ право и кто обязанъ
подвергать освидѣтельствованію душевно - больныхъ, а именно:

§ 367. Каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумас-
шедшій, предоставляется предъявить о томъ мѣстному начальству.

§ 565. Въ отношеніи къ назначенію опеки надъ слабоумными и ума-
лищенными, губернаторъ, получивъ о томъ просьбу отъ семейства, въ
коемъ находится слабоумный или сумасшедшій, или-же инымъ образомъ
достоверное свѣдѣніе, что сіи лица опасны въ общежитіи или, по край-
ней мѣрѣ, не могутъ управлять имѣніемъ, распоряжается объ освидѣ-
тельствованіи ихъ на основаніи законовъ.

Въ медицинскомъ отношеніи,—а все законодательство здѣсь раз-
сматривается именно въ этомъ отношеніи,—эти статьи закона вполнѣ
удовлетворяли бы цѣли, если-бы законъ *обязывалъ-бы*, а не предостав-
лялъ-бы только семействамъ, въ которыхъ находится душевно-больной,
предъявлять о томъ мѣстному начальству. Весьма рационально, что

губернатору предписывается распорядиться объ освидѣтельствovanіи не во всѣхъ случаяхъ.

Ст. 368 и 372 т. X, книга 1, разряда III, регламентируютъ составъ присутствія для освидѣтельствovanія душевно-больныхъ.

§ 368. По предъавленію отъ семейства о безумныхъ и сумасшедшихъ лицахъ, они подвергаются освидѣтельствovanію, которое совершается въ губернскихъ городахъ чрезъ Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія, въ присутствіи губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя окружнаго суда, мѣсто котораго, въ случаѣ чрезвычайныхъ или особенно спѣшныхъ занятій, заступаетъ его товарищъ или одинъ изъ членовъ суда, прокурора или товарища прокурора сего суда, одного изъ живущихъ въ городѣ почетныхъ мировыхъ судей, съ приглашеніемъ къ тому управляющаго казенною палатою, когда свидѣлствуются лица, вѣдомству той палаты подлежащія, и, смотря по состоянію свидѣлствуемаго, губернскаго и одного либо двухъ уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателя съ однимъ либо съ двумя членами сиротскаго суда (а). При освидѣтельствovanіи дворянъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, присутствуютъ депутаты съ военной стороны (б). Во всякомъ случаѣ освидѣтельствovanіе можетъ быть производимо и въ мѣстѣ жительства или пребыванія свидѣлствуемаго лица въ губернскомъ городѣ (в). Протоколы губернскаго присутствія объ освидѣтельствovanіи безумныхъ и сумасшедшихъ составляются губернскимъ правленіемъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ общемъ губернскомъ учрежденіи (г).

§ 372. Если доставленіе въ губернской городъ лица, подвергшагося безумію или сумасшествію, признано будетъ невозможнымъ безъ опасности для его жизни, то свидѣтельствovanіе его производится на мѣстѣ жительства или пребыванія, чрезъ инспектора или члена Врачебной Управы и двухъ медиковъ, по назначенію сей-же Управы. При семъ дѣйствіи составляется присутствіе: буде свидѣлствуемый дворянинъ, то подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, или заступающаго его мѣсто, а буде онъ разночинецъ или купецъ, или мѣщанинъ, то подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго судьи, или уѣзднаго стряпчаго, въ городѣ — городничаго, а въ уѣздѣ — исправника и, сверхъ того, при свидѣтельствovanіи дворянина — изъ уѣзднаго предводителя дворянства, а при освидѣтельствovanіи прочихъ лицъ — городскаго головы и двухъ членовъ магистрата. Издержки на прогоны при проѣздѣ лицъ, назначаемыхъ для свидѣтельствovanія умалишеннаго, на мѣсто его жительства, или пребыванія и обратно, относятся на имѣніе лица, подвергшагося освидѣтельствovanію.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе Судебные Уставы Императора Александра II въ полномъ объемѣ или одни мировыя судебныя установленія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, опубликованнымъ 17 Іюня (т. XLIV, 47136) составъ особаго

присутствія Губернскаго Правленія для освидѣтельствованія душевно-больныхъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ:

„Взаимнѣи предсѣдателя гражданской палаты и губернскаго прокурора предсѣдатель окружнаго суда, прокуроръ или товарищъ прокурора сего суда и одинъ изъ живущихъ въ губернскомъ городѣ почетныхъ мировыхъ судей, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ чрезвычайныхъ или особенно слѣшныхъ занятій предсѣдателя окружнаго суда, мѣсто въ означенномъ присутствіи заступала его товарищъ или-же одинъ изъ членовъ суда. Въ губерніяхъ, гдѣ введены мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ, сверхъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя соединенной палаты и губернскаго прокурора или его товарища, приглашается также одинъ изъ живущихъ въ губернскомъ городѣ почетныхъ мировыхъ судей (прим. 3, къ ст. 368 Т. X. Часть 1)

„въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебныя уставы въ полномъ ихъ объемѣ или одни мировыя судебныя установленія, при освидѣтельствovanіи разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ, предсѣдательствуетъ, взаимнѣи уѣзднаго судьи, уѣздный предводитель дворянства; члены же упраздненныхъ магистратовъ замѣняются членами городскихъ думъ. Сверхъ того, при освидѣтельствovanіи лицъ другихъ сословій, присутствуетъ одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей мѣстнаго судебного округа и, взаимнѣи уѣзднаго стряпчачаго, товарищъ прокурора окружнаго суда или губернскаго“ (прим. къ ст. 372 Т. X. Часть 1).

Психіатры вполнѣ единодушно считаютъ предписанный ст. 368 порядокъ неудовлетворительнымъ. Впрочемъ, нужно оговориться, что несовершенство освидѣтельствovanія установленнымъ этой статьей присутствіемъ зависитъ отъ неудачнаго примѣненія этой статьи: на практикѣ вышло то, что присутствіе свидѣтельствуетъ не черезъ Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія, какъ это указано закономъ, а само непосредственно, причемъ врачи не болѣе, какъ члены этого присутствія; освидѣтельствovanіе обычно производится самимъ предсѣдателемъ, а врачи присутствуютъ въ качествѣ наименѣе вліятельныхъ, по своему служебному положенію, членовъ; въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ большинства, голосъ ихъ не имѣетъ никакого значенія. Я не думаю, чтобы составъ присутствія нуждался въ измѣненіи, и ни вижу большаго преимущества въ томъ, чтобы освидѣтельствovanіе, съ дѣлію наложенія опеки, производилось судомъ. Присутствіе для освидѣтельствovanія душевно-больныхъ, по своему составу, даетъ полную гарантію въ непристрастіи; высшіе представители администраціи, суда и общества, конечно, лучше всякаго другого органа могутъ быть компетентными судьями въ столь важномъ дѣлѣ, какъ лишеніе гражданина его имущественныхъ и гражданскихъ правъ.

Причина весьма частыхъ ошибокъ при освидѣтельствованіи въ особомъ присутствіи Губернакаго Правленія—это ст. 373 т. X, кн. 1, разр. III.

§ 373. Освидѣтельствованіе заключается въ строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіяся. Какъ вопросы сіи, такъ и объясненія на оныя записываются въ составляемый по сему случаю актъ.

При такомъ способѣ освидѣтельствованія непременно многіе душевно-больные будутъ признаваться здоровыми, такъ какъ очень многіе душевно-больные могутъ вполне правильно отвѣчать на вопросы до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіяся. Для возможно точнаго, по состоянію науки въ данное время, опредѣленія состоянія здоровья изслѣдуемаго, онъ долженъ быть изслѣдованъ согласно требованіямъ науки даннаго времени. Это такъ ясно, что не нуждается въ доказательствахъ. Законъ не можетъ указывать—какъ химикъ долженъ опредѣлять присутствіе яда, потому что способы изслѣдованія все совершенствуются, но законъ долженъ требовать, чтобы опредѣленіе было произведено возможно точно, а наука указываетъ эксперту тѣ способы, которые достигаютъ наиболѣе совершенно требуемой закономъ цѣли. Пока эта статья не будетъ измѣнена въ указанномъ смыслѣ, до тѣхъ поръ многіе душевно-больные будутъ признаваться здоровыми, даже при полномъ убѣжденіи членовъ присутствія что изслѣдуемый дѣйствительно боленъ.

Законъ не требуетъ, чтобы была опредѣлена форма душевной болѣзни, достаточно только опредѣлить—боленъ-ли изслѣдуемый отъ рожденія, или-же заболѣлъ впоследствии, т. е. опредѣленія безумія или сумасшествія; ст. 365 и 366 т. X, кн. 1, разр. III, даютъ слѣдующія опредѣленія безумію и сумасшествію:

§ 365. Безумными признаются неизмѣющіе здраваго разсудка съ самого ихъ младенчества.

§ 366. Сумасшедшими считаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, и потому требуетъ особеннаго за ними надзора.

Въ филологическомъ отношеніи эти термины выбраны весьма удачно; сумасшествіемъ современная психатрія называетъ только одну форму болѣзни, что можетъ вести къ недоразумѣніямъ, но вообще, примѣненіе этихъ статей въ практикѣ не представляетъ особыхъ неудобствъ, такъ какъ всякая психическая болѣзнь можетъ быть

подведена подъ ту или другую категорію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наследственнаго помѣшательства трудно опредѣлить, родился-ли изслѣдуемый больнымъ или-же болѣзнъ развилась впоследствии, но такъ какъ практическія послѣдствія опредѣленія и безумія и сумасшествія одинаковы, то никакихъ послѣдствій неправильнаго распознаванія быть не можетъ, за исключеніемъ случаевъ излечимой душевной болѣзни, которые должны быть всегда опредѣляемы, какъ сумасшествіе.

Ст. 374 — 378 т. X, кн. 1, раз. III, опредѣляютъ послѣдствія освидѣтельствованія въ особомъ присутствіи Губернскаго Правленія.

§ 374. По освидѣтельствованіи сумасшествія или безумія, если присутствіе признаетъ оное дѣйствительнымъ, то, не налагая само собою опеки, все имъ найденное представляетъ на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату и, до получения отъ него окончательнаго разрѣшенія, приѣмлетъ токмо законныя мѣры къ призрѣнію страждущаго и къ сохраненію его имѣнія. Опредѣленія-же объ освидѣтельствованныхъ, на основаніи предшедшей 369 статьи, крестьянахъ губернскаго правленія приводятъ въ исполненіе, не представляя оныхъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

§ 375. Признанные отъ Правительствующаго Сената безумными или сумасшедшими, поручаются въ смотрѣніе ближайшимъ ихъ родственникамъ, или, буде послѣдніе отъ того откажутся, отдаются въ устроенные для умалишенныхъ дома.

§ 376. Имущество признанныхъ безумными или сумасшедшими отдается въ управленіе ихъ наследникамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать что-либо изъ онаго при жизни владѣльца, и съ обязанностью остающіеся за законными издержками доходы сохранять въ цѣлости.

§ 377. Впрочемъ, въ отдачу имущества родственникамъ, въ требованіи отъ нихъ отчетовъ и въ назначеніи имъ награды поступать такъ-же какъ постановлено сіе для имѣній, состоящихъ въ опекѣ по малолѣтству владѣльцевъ.

§ 378. Когда признанный по свидѣтельству въ помѣшательствѣ ума получить впоследствии выздоровленіе, то, по полученіи о семъ извѣщенія, производится ему вновь освидѣтельствованіе по правиламъ, въ предшедшихъ 368—373 статьяхъ постановленнымъ, и когда по сему свидѣтельству выздоровленіе признано будетъ несомнительнымъ, то представляется о томъ Правительствующему Сенату на его заключеніе, а до полученія разрѣшенія надлежитъ давать выздоровѣвшему полную свободу, не освобождая, однакожь, имѣнія его изъ опеки. Кромѣ сего свидѣтельства никакія удостовѣренія о такомъ выздоровленіи въ уваженіе приняты быть не могутъ.

Для психіатра представляется совершенно излишнимъ требованіе закона, чтобы каждый разъ опредѣленія особаго присутствія Губернскаго Правленія восходили на утвержденіе Правительствующаго Сената; выше

было изложено, почему законодатель не могъ довѣрить никому, кромѣ этого высшаго правительственнаго мѣста, столь важное дѣло, какъ лишеніе гражданина его правъ; при настоящемъ положеніи дѣлъ такое недоувѣріе къ мѣстной администраціи, суду и обществу не имѣетъ основанія. Главное неудобство такого порядка,—это крайняя медленность въ назначеніи опеки надъ личностью и имуществомъ. Установленный у насъ порядокъ положительно непрактиченъ по своей сложности и медленности; только по отношенію къ безумнымъ, т. е. душевно-больнымъ отъ рожденія можетъ быть примѣнима столь сложная и медленная процедура; въ случаяхъ же сумасшествія, когда обыкновенно нужно тотчасъ-же начать леченіе и охранить имущество отъ растраты его самимъ больнымъ или расхищенія лицами, могущими эксплуатировать болѣзненное состояніе владѣльца въ свою пользу,—установленный закономъ порядокъ совершенно непригоденъ; больной, предоставленный самъ себѣ, можетъ впасть въ неизлечимое состояніе и лишиться всего имущества до тѣхъ поръ, пока, на основаніи признанія его больнымъ Правительствующимъ Сенатомъ, онъ будетъ порученъ смотрѣнію ближайшихъ его родственниковъ. Практическія неудобства установленнаго закономъ порядка освидѣтельствованія обращали уже на себя вниманіе и можно надѣяться, что онъ скоро будетъ измѣненъ къ лучшему. Главное зло, впрочемъ, не въ этихъ неудобствахъ порядка освидѣтельствованія, а въ неправильной постановкѣ всего дѣла призрѣнія и охраненія правъ душевно-больныхъ государствомъ вообще.

Освидѣтельствованіе душевно-больныхъ указаннымъ закономъ способомъ, даже если-бы и были устранены перечисленныя неудобства, не достигаетъ главной цѣли; оно создано и примѣняется только по отношенію къ очень немногимъ, по преимуществу богатымъ душевно-больнымъ, между тѣмъ, очевидно, что всѣ имѣютъ равное право на охрану личности и имущества отъ государства. Если-бы всѣхъ душевно-больныхъ свидѣтельствовали указаннымъ закономъ порядкомъ, лица, участвующія въ особомъ присутствіи, не успѣвали-бы исполнять своихъ прямыхъ обязанностей.

Не менѣе существенный принципиальный недостатокъ нашего законодательства—это то, что относительно опеки душевно-больные сравнены съ малолѣтними, между тѣмъ, очевидно, что главная задача опекуна надъ личностью и имуществомъ душевно-больного—это охраненіе здоровья, своевременное принятіе всѣхъ мѣръ къ улучшенію

здоровья опекаемого, законъ-же этого совершенно не предписываетъ опекунамъ. Законъ даже не требуетъ отъ опекуна, чтобы опекаемый навѣщался врачомъ, какъ это указано § 25 бельгійскаго закона о душевно-больныхъ:

§ 25. Помѣшанный можетъ оставаться въ заключеніи въ своей семьѣ только по удостовѣренію въ помѣшательствѣ двумя врачами, одного со стороны семьи и другаго со стороны мирового судьи кантона, причемъ послѣдній и лично долженъ удостовѣриться въ болѣзненномъ состояніи и посѣщать для этой цѣли больного по крайней мѣрѣ чрезъ 3 мѣсяца. Кроме того, семья представляетъ ему каждые 3 мѣсяца отчетъ о состояніи больного и мировой судья можетъ нѣсколько разъ назначить врача для освидѣтельствованія.

Нашъ законъ ст. 182 тома XII, Отд. VII, предписываетъ губернаторамъ высшій надзоръ за опекунами:

§ 182. По утвержденіи заключенія присутствія Правительствующимъ Сенатомъ и полученіи о томъ указа, гражданскій губернаторъ, наблюдая вообще за исполненіемъ предписанія по сему предмету, въ особенности обращаетъ вниманіе на выборъ назначаемыхъ въ учреждаемыя надъ страждущими помѣшательствомъ ума и ихъ имѣніями опеки, напоминая, если признаетъ нужнымъ, предсѣдателю опеки губернской, что для исполненія, сей обязанности необходимы люди не только съ испытанною честностью и качествами добрыхъ хозяевъ, но и отличающиеся благоразумною осторожностію и снисходительностію, внушаемою челоуѣколюбіемъ.

Несовершенство нашего законодательства по охранѣ личныхъ и имущественныхъ правъ душевно-больныхъ выяснится еще полнѣе, если мы обратимся къ статьямъ закона, регламентирующимъ порядокъ помѣщенія душевно-больныхъ въ заведенія для помѣшанныхъ. Обязанности полиціи въ этомъ отношеніи указаны вышеприведеннымъ сенатскимъ указомъ; права родственниковъ вышеприведенною статьей 375 тома X, книг. 1, разд. III. Слѣдовательно, и полиція, и родственники могутъ, когда это они находятъ нужнымъ, помѣстить всякаго душевно-больного въ заведеніе для душевно-больныхъ. Для того, чтобы не было при этомъ злоупотребленія, а ошибки своевременно исправлялись, ближайшій контроль надъ помѣщеніемъ душевно-больныхъ въ заведенія для помѣшанныхъ вполне раціонально порученъ Врачебнымъ Инспекторамъ. Въ примѣчаніи къ вышеприведенной 367 статьѣ сказано:

„Безумные и сумасшедшіе, несовершившіе преступленія и отдаваемые для излеченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы установленнымъ порядкомъ только по требованію о томъ ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечителей или наслѣдниковъ. Когда сіи

безумные и сумасшедшіе будутъ отданы въ частныя лечебныя заведенія безъ предварительнаго формальнаго свидѣтельствванія ихъ, то содержатели сихъ заведеній обяваны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также представляетъ о семъ безотложно губернатору.

Въ ст. 566 т. II, част. 1, сказано:

§ 566. Если безумные и сумасшедшіе, не совершившіе преступленія, будутъ отданы въ частныя лечебныя заведенія безъ предварительнаго формальнаго освидѣтельствванія ихъ, то содержатели сихъ заведеній обяваны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также представляетъ о семъ неотложно губернатору. Сей послѣдній, по полученіи такого увѣдомленія, собираетъ немедленно, частнымъ образомъ и безъ огласки, свѣдѣнія не было-ли при помѣщеніи тѣхъ больныхъ въ лечебныя заведенія какого-либо злоупотребленія власти надъ ними и, независимо отъ того, сообщаетъ, смотря по состоянію и званію больного, о собраніи такимъ же образомъ означенныхъ свѣдѣній мѣстному предводителю дворянства или городскому головѣ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружатся обстоятельства, требующія какихъ-либо особыхъ распоряженій, то губернаторъ поступаетъ, смотря по обстоятельствамъ, на точномъ основаніи статей 564 и 565.

Слѣдовательно, ближайшій надзоръ надъ правильностью помѣщенія душевно-больныхъ въ заведенія для помѣшанныхъ принадлежитъ врачевнымъ инспекторамъ, которые, какъ врачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, органы администраціи, лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, законъ не указываетъ точно, какъ часто врачевные инспектора должны посѣщать заведенія для душевно-больныхъ и какимъ путемъ провѣрять каждый случай помѣщенія больного въ заведеніе, почему контроль врачевныхъ инспекторовъ не всюду настолько дѣятеленъ, чтобы общество было вполне убѣждено, что здоровый не можетъ быть помѣщенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ. Ст. 566 представляетъ много личнымъ взглядамъ губернатора, почему освидѣтельствванію вышеуказаннымъ порядкомъ могутъ подвергаться и всѣ поступающіе въ заведенія и очень немногіе, смотря потому, какъ это находитъ нужнымъ губернаторъ. Высшей инстанціей для рѣшенія вопроса о правильности помѣщенія въ заведеніе для помѣшанныхъ, объ оставленіи его въ заведеніи и выпискѣ изъ него, служитъ особое присутствіе Губернскаго Правленія и Правительствующій Сенатъ. Конечно, лишь немногіе изъ поступающихъ въ заведенія для душевно-больныхъ освидѣтствуются особымъ присутствіемъ Губернскаго Правленія. Кто знакомъ съ психіатріей и внутреннею жизнію заведеній для помѣшанныхъ, тотъ глубоко убѣжденъ, что ни одинъ врачъ, стоя-

щій во главѣ такого заведенія, не будетъ содержать здороваго въ заведеніи для душевно-больныхъ; тѣмъ болѣе трудно допустить, чтобы главный врачъ заведенія для помѣшанныхъ, врачебный инспекторъ и губернаторъ вошли въ противозаконную сдѣлку съ цѣлью признать здороваго душевно-больнымъ и задержать его въ заведеніи. Только тѣмъ, что до настоящаго времени не было злоупотребленій въ этомъ отношеніи, можно объяснить, что наше законодательство даетъ право лишать свободы главнымъ врачамъ заведеній для душевно-больныхъ; фактический контроль врачебныхъ инспекторовъ и губернаторовъ почти отсутствуетъ, такъ что, въ сущности, достаточно убѣжденія главнаго врача заведенія для душевно-больныхъ, что доставленный въ заведеніе боленъ, для того, чтобы его принять и лишить такимъ образомъ свободы; законъ для помѣщенія въ заведеніе для помѣшанныхъ даже не требуетъ медицинскаго свидѣтельства. Такое довѣріе правительства и общества къ психіатрамъ имѣетъ ту хорошую сторону, что всякій заболѣвшій можетъ, безъ всякой потери времени, что такъ важно для успѣшности леченія, быть помѣщенъ въ лечебное заведеніе. Только въ случаяхъ жалобы на неправильное помѣщеніе со стороны кого-либо изъ родственниковъ и знакомыхъ, больной свидѣтельствуется вышеописаннымъ порядкомъ.

Однако, такое фактическое отсутствіе контроля надъ помѣщеніемъ въ заведеніе для душевно-больныхъ и лишеніемъ свободы гражданъ не можетъ быть терпимо въ современномъ государствѣ. Въ общемъ сознаніи весьма прочно вкоренилось убѣжденіе, что безъ суда никто не можетъ быть лишенъ свободы, полиція имѣетъ право на кратковременное, предварительное лишеніе свободы, а потому право губернатора оставлять всякаго признаваемаго душевно-больнымъ въ заведеніи для помѣшанныхъ противорѣчить общему принципу, что безъ суда никто не можетъ быть лишенъ свободы; принципиально, изъ уваженія къ этому основному закону всякаго свободнаго государства нельзя согласиться, чтобы кто-либо, по какой-либо причинѣ, былъ лишенъ свободы безъ разрѣшенія суда, а потому желательно, чтобы всякое лишеніе свободы душевно-больнаго, у себя на дому или въ заведеніи для помѣшанныхъ, происходило съ разрѣшенія суда; для того, чтобы избавить врачей отъ нареканія, что онѣ лишаютъ свободы по своему произволу, для того, чтобы въ обществѣ окончательно окрѣпло убѣжденіе, что никто не можетъ быть лишенъ свободы безъ разрѣшенія суда, необходимо, чтобы помѣщеніе всякаго душевно-

больного въ заведеніе для помѣшанныхъ, также какъ и лишеніе его свободы дома у себя или у родныхъ происходило не иначе, какъ съ разрѣшенія суда (я думаю, удобнѣе всего мирового судьи, съ правомъ обжалованія его постановленія въ сѣздъ мировыхъ судей).

Настоящей порядокъ при помѣщеніи въ заведеніи для душевно-больныхъ ведетъ къ громаднымъ неудобствамъ по отношенію къ имущественнымъ правамъ больныхъ. Неизвѣстно даже то, можетъ-ли больной, призрѣаемый въ заведеніи для душевно-больныхъ, распоряжаться своимъ имуществомъ. Нѣкоторые правительственныя учрежденія признаютъ за ними такое право, и напр., нѣкоторые казначейства и почтамты выдаютъ пенсіи, денежные конверты по довѣренности, выданными больными, призрѣаемыми въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, если подпись удостовѣрена врачомъ заведенія. Дѣйствительно, пока больной не освидѣтельствованъ особымъ присутствіемъ Губернскаго Правленія и надъ нимъ и его имуществомъ не назначено опеки, онъ не лишенъ права распоряжаться своимъ имуществомъ. Но развѣ можно допустить, чтобы душевно-больной распоряжался своимъ имуществомъ, тѣмъ болѣе, если онъ призрѣается въ заведеніи для помѣшанныхъ. Многихъ больныхъ можно заставить подписать всякую бумагу; многие могутъ самымъ безумнымъ образомъ растратить, подарить, продать свое имущество; врачъ заведенія долженъ нравственнымъ вліяніемъ удерживать больного отъ такихъ вредныхъ для его имущества дѣйствій, что не всегда бываетъ возможно.

Если же больного лишаютъ всякой возможности распоряжаться своимъ имуществомъ, то нерѣдко онъ разоряется отъ остановки всего дѣла, семья его терпитъ нужду, не смотря на то, что у больного хорошее состояніе. Для торговца, хозяина промышленнаго предпріятія, душевная болѣзнь, нерѣдко причина полнаго разоренія — пока онъ будетъ освидѣтельствованъ, актъ освидѣтельствованія утверждёнъ Сенатомъ, назначена опека, отсутствіе хозяина или лица, его замѣняющаго, приведетъ къ полному упадку торговли или промышленнаго заведенія; если же больной можетъ отвѣчать на вопросы до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіяся, то особое присутствіе обыкновенно предписываетъ продлить наблюденіе для болѣе точнаго выясненія болѣзни — можно себя представить, какъ затянется дѣло о назначеніи опеки. При помѣщеніи въ заведеніе немущихъ, отсутствіе точнаго обозначенія условій для помѣщенія въ заведеніе для душевно-больныхъ и вытекающихъ изъ сего послѣдствій, не

ведеть къ какимъ-либо неудобствамъ, но, конечно, государство должно одинаково охранять интересы всѣхъ и законъ долженъ быть для всѣхъ одинаковъ, а потому очевидно, что какъ условія помѣщенія въ заведенія для душевно-больныхъ, такъ и послѣдствія, изъ сего проистекающія, должны быть точно опредѣлены закономъ.

Во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ весьма подробно регламентированъ порядокъ помѣщенія больныхъ въ заведеніе для помѣшанныхъ; надзоръ и контроль въ этомъ отношеніи надъ заведеніями для душевно-больныхъ весьма дѣятельный и постоянный; уваженіе къ свободѣ, которое лежитъ въ основѣ современныхъ законодательствъ, ведеть даже къ излишней строгости въ соблюденіи всѣхъ формальностей, необходимыхъ для помѣщенія въ заведеніе для помѣшанныхъ; конечно не желательно введеніе у насъ порядковъ пригодныхъ въ другихъ государствахъ, уже потому, что при громадныхъ нашихъ разстояніяхъ это повело бы къ большимъ затрудненіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больного нужно тотчасъ же помѣстить въ заведеніе для помѣшанныхъ.

Знакомство съ главнымъ въ лучшихъ заграничныхъ законодательствахъ о душевно-больныхъ выясняетъ намъ существенные недостатки нашего.

Французскій законопроектъ (§ 18) разрѣшаетъ Директору заведенія для помѣшанныхъ принимать совершеннолѣтнихъ больныхъ по ихъ собственному желанію, выраженному письменно; однако, директоръ обязанъ въ предписанные закономъ сроки сообщать подлежащимъ властямъ о поступленіи такого больного.

Введеніе этой статьи, не бывшей въ старомъ законѣ 1838 года, въ французскій законопроектъ указываетъ на большой прогрессъ психіатріи: законодатели уже знаютъ, что есть душевно-больные, понимающіе пользу леченія; заведенія для душевно-больныхъ перестали быть страшилищемъ. Такой способъ поступленія разрѣшается и голландскимъ закономъ (§ 15). У насъ заведеніе не можетъ принять больного иначе какъ по просьбѣ родныхъ или близкихъ или по требованію полиціи.

Французскій законопроектъ (§ 16) разрѣшаетъ родственникамъ помѣщать больныхъ въ заведеніе для помѣшанныхъ, причемъ они должны представить прошеніе, засвидѣтельственное у мирового судьи, или нотариуса или мэра. И кромѣ того

„Донесеніе прокурору республики о душевномъ состояніи помѣщае-

маго за подписью врача (несостоящаго въ родствѣ съ больнымъ или въ какомъ-либо отношеніи къ директору или хозяину лечебницы), съ изложениемъ времени послѣдняго посѣщенія, которое не должно быть даѣе 8 дней, признаковъ и доказательствъ помѣшательства, лично наблюдаемыхъ, измѣненій болѣзни и поводовъ для леченія больного въ заключеніи. Въ случаѣ крайности, больной принимается съ краткимъ медицинскимъ свидѣтельствомъ, но съ обязательствомъ представить подробное донесеніе въ двухдневный срокъ“.

§ 29. Префектъ можетъ распорядиться о помѣщеніи въ заведеніе всякаго, чье помѣшательство удостовѣрено медицинскимъ свидѣтельствомъ и угрожаетъ общественному спокойствію, благопристойности и собственной и общественной безопасности. Въ виду этого онъ можетъ дать митивированный приказъ, который теряетъ свою силу по истеченіи 15 дней, если не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ случаяхъ неминуемой опасности, комиссаръ полиціи или мэръ могутъ прямо отправить больного въ заведеніе для душевно-больныхъ, о чемъ долженъ дать знать префекту въ теченіи 24 часовъ.

Черезъ двадцать четыре часа по пріемъ больного, врачъ заведенія сообщаетъ о поступленіи больного съ приложеніемъ копій съ документовъ (§ 20): 1) префекту, 2) прокурору по мѣсту жительства больного, 3) прокурору по мѣсту заведенія. Бельгійскій законъ (§ 10), предписываетъ такое донесеніе представить въ двадцать четыре часа: 1) губернатору, 2) прокурору, 3) мировому судѣ, 4) бургомистру, 5) наблюдательному комитету заведенія. Черезъ 15 дней заведеніе должно представить подробное свидѣтельство о состояніи больного префекту и прокурору.

Французскій законопроектъ требуетъ, чтобы не позже какъ черезъ пять дней по полученіи перваго донесенія больной былъ освидѣтельствованъ двумя членами постоянной комиссіи, состоящей при префектѣ для надзора за призрѣніемъ душевно-больныхъ (изъ которыхъ одинъ врачъ).

„Въ тотъ же срокъ прокуроръ республики по мѣсту заведенія или уполномоченный имъ мировой судья, должны на мѣстѣ опросить больного; въ случаѣ нужды онъ приглашаетъ съ собою врача, сверхъ того можетъ по мѣсту жительства больного произвести дознаніе о положеніи семейства и его родителей и о причинахъ его помѣшенія.

Черезъ 15 дней доставляется изъ заведенія новое свидѣтельство префекту и прокурору республики“.

§ 21. Прокуроръ республики сообщаетъ по мѣсту заведенія о помѣщеніи больного въ заведеніе и препровождаетъ при семъ мнѣніи постоянной комиссіи и 24 часовое и 15 дневное свидѣтельство, и свои дознанія окружному суду, который въ засѣданіи (не позднѣе 20 дней по пріемъ

больного) постановляеть рѣшеніе окончательное или о приѣмѣ, или выпускѣ больного, или мотивированное—объ отсрочкѣ на опредѣленный срокъ.

Естественнымъ продолженіемъ 21 § служить § 50.

50. Кромѣ самаго больного, находящагося въ заведеніи, всякому заинтересованному лицу и постоянной комиссіи предоставляется право требовать, чрезъ прокурора республики, у мѣстнаго суда постановленія о выпускѣ изъ заведенія, причемъ все производство освобождено отъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, лишеніе свободы и права распоряжаться своимъ имуществомъ зависитъ отъ суда; для охраненія имущественныхъ интересовъ больного (§ 54) постоянная комиссія избираеть членовъ изъ своей среды, которые исполняютъ обязанности предварительныхъ администраторовъ, состоящихъ подъ контролемъ прокурора (§ 57). Бельгійскій законъ весьма подробно (§ 31) опредѣляетъ права и обязанности предварительнаго администратора (administrateur provisoire); конечно, государство должно тщательно оберегать имущественные интересы душевно больныхъ, призрѣаемыхъ въ заведеніяхъ для помѣшанныхъ, слѣдовательно, признанныхъ больными самимъ правительствомъ; послѣдовательно въ этомъ отношеніи голландскій законъ, который (§ 32) прямо устанавливаетъ, что пока совершеннолѣтній призрѣается въ заведеніи для душевно больныхъ онъ не можетъ распоряжаться имуществомъ.

Можно, конечно, много возразить противъ вышеизложеннаго порядка помѣщенія и задержанія больныхъ въ заведеніяхъ для помѣшанныхъ, предлагаемаго французскимъ законопроектомъ и установленнаго почти въ томъ-же видѣ бельгійскимъ законодательствомъ. Прежде всего нельзя отрицать, что законъ предписываетъ очень много формальностей, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой надобности въ столь сложной процедурѣ, и въ столь дѣятельномъ участіи столь многихъ органовъ правительства, почему въ громадномъ большинствѣ случаевъ и префектъ, и прокуроръ, и судъ утверждаютъ задержаніе больного въ заведеніи для помѣшанныхъ, вовсе не провѣряя дѣла. Безспорно, что этотъ порядокъ могъ бы, съ пользою для дѣла, быть упрощенъ. Преимущество строгой регламентаціи состоитъ въ томъ, что имущественныя права больного хорошо охранены, что общество убѣждено въ невозможности злоупотребленій или ошибокъ относительно столь важнаго дѣла, какъ лишеніе свободы гражданина, и что врачи устранены отъ столь чуждаго ихъ специальности дѣла,

какъ лишеніе гражданина свободы и права располагать своимъ имуществомъ, почему больные не могутъ враждебно относиться къ врачу заведенія: какъ извѣстно, многіе больные требуютъ своего освобожденія изъ заведенія, и у насъ, гдѣ это зависитъ отъ врача, относятся къ нему враждебно за неисполненіе этого требованія.

Законодательства другихъ государствъ по этому предмету, въ существенномъ, сходны съ французскимъ и бельгійскимъ; различаются же между собою, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи роли полиціи при помѣщеніи въ заведеніе для душевно-больныхъ. Женевскій законъ о душевно-больныхъ ¹⁾ признаетъ только одинъ способъ помѣщенія въ заведеніе для помѣшанныхъ, а именно—это право принадлежитъ лейтенанту полиціи; родные, желающіе помѣстить больного въ заведеніе, обращаются съ просьбою къ лейтенанту полиціи, отъ котораго зависитъ выдать или нѣтъ просимое разрѣшеніе (§ 2); онъ же помѣщаетъ больныхъ въ заведеніе, если находитъ это нужнымъ, и пусобственной инициативѣ. Оставленіе въ заведеніи зависитъ отъ коллегіи синдиковъ. По голландскому закону, полиція не принимаетъ никакого участія при помѣщеніи больныхъ въ заведенія и задержаніи въ нихъ; контроль о правильномъ помѣщеніи и рациональномъ призрѣніи (даже въ заведеніи) порученъ прокурору. Разрѣшеніе на оставленіе больного въ заведеніи выдается судомъ. Вообще голландскій законъ (1884 года) можетъ считаться образцовымъ, такъ какъ, охраняя весьма строго интересы больныхъ, онъ не впадаетъ въ излишній формализмъ; существенный его недостатокъ, это то, что государство беретъ на себя заботу только о тѣхъ душевно-больныхъ, которые лишены свободы.

Итальянскій законопроектъ слѣдуетъ считать вполне совершеннымъ, такъ какъ онъ возлагаетъ на государство попеченіе о *всѣхъ* душевно-больныхъ, безъ исключенія; особенно заслуживаетъ подражанія § 15 этого законодательства.

§ 15. „Родные могутъ взять помѣшаннаго изъ заведенія до его выздоровленія только въ томъ случаѣ, если судъ признаетъ, по заявленію врача и экспертовъ, мѣры, предложенныя для безопасности и для леченія на дому, достаточными“.

Однимъ словомъ, государство беретъ на себя всецѣло попеченіе о душевно-больныхъ, вполне рационально устраняя произволъ родственниковъ.

¹⁾ Первый по времени изданія законъ о душевно-больныхъ; онъ былъ изданъ 5 февраля 1838 г., а французскій—30 Іюня того-же года.

Изъ вышеприведеннаго очевидно, что у насъ нѣтъ систематическаго законодательства о душевно-больныхъ; изданные въ разное время и съ разными цѣлями законы не составляютъ чего-либо цѣльнаго, систематическаго ¹⁾. Главное въ законодательствѣ о душевно-больныхъ—это особое попеченіе государства о *всѣхъ* душевно-больныхъ; *каждый* душевно-больной долженъ находиться подъ особымъ присмотромъ и попеченіемъ государства; у насъ-же ст. 367 (т. X, кн. 1, разд. III) только представляется семейству душевно-больнаго сообщать о томъ начальству. Затѣмъ, собственно изъ этого сообщенія начальству никакихъ послѣдствій не вытекаетъ, между тѣмъ желательно, чтобы послѣ *обязательнаго* сообщенія соотвѣтственной власти о душевной болѣзни кого-либо, больной былъ бы освидѣтельствованъ врачами и если изслѣдованный дѣйствительно окажется боленъ, эта власть (я думаю, лучше всего это поручить мировымъ судьямъ) приняла-бы необходимыя мѣры къ огражденію интересовъ больнаго—назначеніемъ опекуна и общественной безопасности, т. е., въ случаѣ надобности, направила-бы больнаго въ заведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ терпимо, при современномъ строѣ общества, отдавать человѣка въ полную власть другого? Теперь же всякій душевно-больной, если надъ нимъ не назначена вышеописаннымъ порядкомъ опека, въ сущности, находится во власти кого-либо изъ родственниковъ, который можетъ дѣлать съ нимъ что угодно, т. е. плохо одѣвать, дурно кормить, содержать въ дурномъ помѣщеніи и т. п.; да и назначенный въ силу нашихъ законовъ опекунъ тоже можетъ дѣлать почти все съ несчастнымъ больнымъ. Очевидно, что только государство имѣетъ власть надъ личностью и потому только государство, черезъ своихъ уполномоченныхъ органовъ, можетъ лишить душевно-больнаго свободы и поручить, кому оно найдетъ удобнымъ, ближайшій надсмотръ надъ лишеннымъ свободы душевно-больнымъ, но непременно при самомъ дѣятельномъ контролѣ черезъ уполномоченные на то органы. Поэтому желательно, чтобы мировой судья (вообще кому

¹⁾ Д-ръ Чечотъ („Русское законодательство и душевныя болѣзни“; прибавленіе къ переводу Маудсли: „Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ“, 1875) указываетъ на рѣзкое противорѣчіе въ статьяхъ закона о душевно-больныхъ, а именно: ст. 1017 (т. X.) объявляетъ недѣйствительными духовныя завѣщанія самоубійцъ, а по статьѣ 1472 Улож. о нак. недѣйствительны духовныя завѣщанія лицъ, лишившихъ себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи и сумасшествіи или временномъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ.

поручено будет попеченіе о душевно-больныхъ) лично въ строго установленные закономъ сроки убѣждался, что душевно-больной призрѣвается должнымъ образомъ.

На основаніи освидѣтельствванія черезъ врачей, мировой судья можетъ установить режимъ больного, наиболѣе соответствующій его состоянію, т. е. извѣстно, что нѣкоторые больные не могутъ, безъ вреда для себя и опасности окружающихъ, выходить изъ дому, другіе же могутъ пользоваться большою свободою; предоставить произволу родственниковъ выборъ между способами призрѣнія душевно-больнаго и несправедливо, и небезопасно. Душевно-больныхъ очень много ¹⁾; въ Россіи ихъ никакъ не менѣе 300,000; неужели можно судьбу такого большого числа гражданъ предоставить частному произволу, неужели можно 300,000 людей отдать во власть кого-либо?

Конечно гораздо труднѣе улучшить путемъ законодательства судьбу неимущихъ душевно-больныхъ, родственники которыхъ, при всемъ желаніи, не могутъ содержать ихъ должнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ, дѣятельное попеченіе государства объ этихъ несчастныхъ многобы принесло имъ пользы, уже хотя-бы тѣмъ, что было-бы указано черезъ врачей—какъ слѣдуетъ обходиться съ больными. Едва-ли пужно говорить, что такое вмѣшательство въ частную жизнь со стороны государства вполне законно, такъ какъ только государство, а не родные, имѣютъ власть надъ совершеннолѣтними.

Введеніе такого порядка вовсе не представило бы большихъ затрудненій, потому что, прежде всего, освидѣтельствованіе душевно-больныхъ вовсе не должно быть обставлено такими сложными формальностями, какъ теперь. Вполнѣ достаточно освидѣтельствованіе мировымъ судьей черезъ одного (состоящаго на государственной службѣ) или двухъ (вмѣстѣ съ пользующимъ больнаго врачомъ) врачей; лишь въ сомнительныхъ случаяхъ, число которыхъ не велико, представляется надобность освидѣтельствованія черезъ специалистовъ-психіатровъ. Постановленія мирового судьи, въ спорныхъ случаяхъ, конечно должны во-

¹⁾ Наиболѣе тщательно произведена была регистрація душевно-больныхъ въ Цюрихскомъ Кантонѣ при всеобщей переписи 1 Декабря 1888 г., при чемъ оказалось, что 1 душевно-больной приходится на 103 здоровыхъ; 44,8% призрѣвалось въ заведеніяхъ; душевно-больныхъ отъ рожденія 48,9% (изъ нихъ идиотизмомъ и кретинизмомъ 16,5%). Страдающихъ излечимыми психозами только 6%. (Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. 1890 г.).

сходить въ болѣе компетентную инстанцію (въ Съѣздъ Мировыхъ Судей или особое присутствіе Губернскаго Правленія, или же въ Окружной Судъ, что, конечно, въ глазахъ психіатра все равно), которая, по выслушаніи экспертовъ-спеціалистовъ, или даже препроводивъ дѣло на заключеніе въ Медицинскій Совѣтъ, окончательно рѣшаетъ дѣло.

Помѣщеніе душевно-больного въ заведеніе для помѣшанныхъ—только измѣненіе способа призрѣнія. Мировой судья, на основаніи заключенія врача (или врачей) и ознакомленія съ семейнымъ положеніемъ больного, постановляетъ о помѣщеніи больного въ заведеніе. Помѣщеніе въ заведеніе можетъ быть необходимо или для леченія больного, или въ виду его опасности для окружающихъ, или, наконецъ, вслѣдствіе невозможности призрѣвать больного на дому: немѣнія родственниковъ, крайней бѣдности и т. п. Только при постоянномъ попеченіи о всѣхъ душевно-больныхъ, эти обстоятельства будутъ хорошо изслѣдованы, а потому въ заведенія будутъ поступать дѣйствительно наиболѣе нуждающіеся въ такомъ способѣ призрѣнія.

По отношенію къ заведеніямъ для душевно-больныхъ, законодательство тоже можетъ сдѣлать многое; законъ долженъ точно регламентировать минимумъ того, что должно дать заведеніе душевно-больнымъ, т. е. установить наименьшія: количество воздуха на больного, количество главныхъ сѣстныхъ припасовъ, число прислуги, надзирателей, врачей и т. д., и тогда государство можетъ требовать отъ земствъ и городовъ, чтобы они содержали свои заведенія согласно требованію законовъ. Затѣмъ, точно должны быть регламентированы обязанности и права всѣхъ служащихъ въ заведеніи и, наконецъ, созданъ спеціальныи органъ для общаго руководства всѣмъ дѣломъ призрѣнія душевно-больныхъ вообще и заведеніями для помѣшанныхъ въ частности, который былъ-бы обязанъ ежегодно представлять Министру Внутреннихъ Дѣлъ отчетъ о положеніи дѣла призрѣнія душевно-больныхъ; отчетъ этотъ, конечно, долженъ печататься для всеобщаго свѣдѣнія. Вотъ въ общихъ чертахъ программа законодательства о душевно-больныхъ, столь необходимаго особенно у насъ. Польза такого законодательства черезъ чуръ очевидна, а потому остается желать, чтобы на это дѣло поскорѣе было обращено вниманіе, что, конечно, наступитъ лишь тогда, когда въ обществѣ распространятся свѣдѣнія по психіатріи.

Неполнота нашихъ законовъ о душевно-больныхъ дѣлаетъ необ-

ходимымъ особыя статьи закона, не признающія дѣйствительность брака и духовнаго завѣщанія душевно-больныхъ. (Томъ X, часть 1).

§ 5. Запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими.

§ 37. Законными и дѣйствительными не признаются 1) брачныя снаряженія совершившіяся по насилію или въ сумасшествіи одного или обоихъ брачавшихся.

Эта статья закона собственно относится только къ православнымъ; для лютеранъ имѣются особыя постановленія, а именно § 128 Высочайше утвержденнаго 28 Декабря 1832 г. Устава Евангелическо-лютеранской церкви. (Т. VII. Гл. IV. 5870).

§ 67. Для обрученія и совершенія брака необходимо добровольное дѣйствительное и ясноизъявленное на оный согласіе обѣихъ сочетающихся сторонъ и тѣхъ, отъ коихъ они по закону зависятъ.

Примѣч. Лица на законномъ основаніи объявленныя лишенными ума, не могутъ сочетаться бракомъ, пока находятся въ сѣмь состояніи.

Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ, развившаяся послѣ брака, для православныхъ не можетъ быть причиной для развода; хотя и не указано, какія должны быть представлены удостовѣренія для доказательства болѣзни одного изъ брачавшихся для расторгенія брака, но по смыслу законовъ видно, что въ такихъ случаяхъ необходимо освидѣтельствованіе установленнымъ порядкомъ въ губернскомъ правленіи.

О духовныхъ завѣщаніяхъ душевно-больныхъ. (Томъ X, часть 1, ст. 1016 и 1017).

§ 1016. Всѣ духовныя завѣщанія должны быть составляемы въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

§ 1017. Посему не дѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства; 2) самоубійць.

Очевидно, что судъ можетъ признавать и признаетъ недѣйствительными духовныя завѣщанія лицъ и не признанныхъ душевно-больными установленнымъ порядкомъ губернскимъ правленіемъ, потому что, какъ разъяснилъ Сенатъ своимъ рѣшеніемъ № 235 въ 1869 г.

„отсутствіе формальнаго признанія кого-либо страдающимъ и разстройствомъ умственныхъ способностей не лишаетъ однако права и возможности доказывать другими способами, что лицо это, во время выдачи акта, находилось въ ненормальномъ умственномъ состояніи“.

Такимъ образомъ, могутъ быть оспариваемы всякіе акты, совершенные душевно-больнымъ, потому что, какъ гласитъ ст. 700 т. X, часть 1.

§ 700. Всѣ способы пріобрѣтенія правъ, закономъ опредѣленные, тогда

только признаются действительными, когда они утверждаются на непринужденном произволѣ и согласіи.

Слѣдовательно, всякій гражданскій актъ судомъ можетъ быть признанъ недействительнымъ, если будетъ доказано свидѣтельскими показаніями, опросомъ экспертовъ и т. п., что совершившій этотъ актъ страдалъ душевной болѣзною.

Отсутствіе спеціальнаго законодательства о душевно-больныхъ дѣлаетъ необходимыми слѣдующіе статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства.

§ 19. За всѣхъ состоящихъ подъ опекою, какъ по несовершеннолѣтію, такъ и по душевнымъ или физическимъ недугамъ, ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ ихъ родители или опекуны.

§ 37. Не допускаются къ свидѣтельству: признанные умалишенными и неспособные объясняться ни на словахъ, а равно лица, кои вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей состоятъ, по распоряженію надлежашей власти, на испытаніи или въ пользованіи врача.

Едва-ли нужно доказывать неполноту этой статьи и поэтому ея непригодность во многихъ случаяхъ: душевно-больной, пользуемый врачомъ не по распоряженію надлежашей власти, очевидно, не можетъ быть свидѣтелемъ, потому что

„Всѣ сіи лица устраняются судомъ и безъ указанія или просьбы тяжущихся, когда судъ усмотритъ означенныя причины неспособности“
(таже статья).

Такое же значеніе имѣетъ въ дѣлахъ уголовныхъ ст. 704 Уст. Угол. Судопр.

§ 174. Не допускаются къ свидѣтельству: 1) безумные и сумасшедшіе.

при чемъ, однако, не указано—чѣмъ доказывается душевная болѣзнь свидѣтеля.

Весьма гуманенъ нашъ законъ при опредѣленіи правъ по службѣ и на пенсію чиновниковъ, заболѣвшихъ душевной болѣзною,—томъ III, кн. 1, ст. 571.

§ 571. Чиновники, которые подвергнутся сумасшествію и будутъ пользоваться въ учрежденныхъ для лишенныхъ ума общественныхъ или казенныхъ заведеніяхъ, въ теченіи перваго года ихъ пользованія не увольняются отъ занимаемыхъ ими должностей и если они имѣютъ жену или дѣтей, то продолжается производство имъ окладовъ, какія мужья или отцы ихъ получали до болѣзни. Начальствамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чрезъ сношеніе съ кѣмъ нужно, за положеніемъ болѣзни умалишенныхъ въ принявшихъ ихъ заведеніяхъ и за возвращеніемъ ихъ къ своимъ должностямъ по совершенномъ возстановленіи ихъ силъ. Если же въ теченіи года умалишенный чиновникъ не выздоровѣетъ и въ должность

не вступить, то увольняется отъ должностей или службы по общимъ правиламъ.

Права на пенсію опредѣляетъ ст. 103, т. III, кн. 2:

§ 103. Чинovníки, одержимые тяжкими неизлечимыми болѣзнями, лишаящими ихъ не только возможности продолжать службы, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода (случаи сіи объяснены въ изданной отъ Медицинскаго Совѣта для врачей инструкціи), получаютъ при отставкѣ въ пенсію: прослужившіе отъ пяти до десяти лѣтъ—одну треть оклада слѣдующаго имъ по табели; прослужившіе отъ десяти до двадцати лѣтъ—двѣ трети оклада; прослужившіе двадцать лѣтъ—полный окладъ.

Болѣзни, дающія право на пенсію по этой статьѣ: душевная болѣзнь, слѣпота и параличъ.

Наиболѣе совершенно наше законодательство по отношенію къ душевно-больнымъ, совершившимъ преступленіе; въ этомъ отношеніи оно не уступаетъ законодательствамъ другихъ государствъ.

Не лишнее будетъ напомнить, что у насъ никогда не было гоненій противъ душевно-больныхъ; ихъ не истязали и не жгли на кострахъ, какъ это было всюду на Западѣ, гдѣ долго душевно-больныхъ считали за одержимыхъ дьяволомъ, колдунами и т. п. Едва-ли можно это объяснить иначе, какъ сострадательностью, милосердіемъ, присущими нашему народу ко всѣмъ несчастнымъ; суевѣріе у насъ, конечно, было не меньше чѣмъ на Западѣ, однако, у насъ не считали несчастныхъ душевно-больныхъ столь опасными, чтобы сжигать ихъ на кострахъ. Единичные случаи подобной расправы съ колдунами и колдуньями бывали очень рѣдко.

Сравнительно, очень рано, а именно въ 1876 г., какъ воеводская (Бѣльская), и губернская канцелярія (Смоленская), такъ и Сенатъ пришли къ заключенію, что нельзя присудить къ наказанію капитана Ефимовича, зарѣзавшаго жену свою, „будучи въ помѣшательствѣ ума“. Такимъ образомъ, это дѣло можно считать первымъ, когда подсудимый, по тщательномъ изслѣдованіи судомъ, былъ признанъ невмѣняемымъ, какъ душевно-больной. Конечно и раньше совершенно безумныхъ за преступленіе не предавали суду, а прямо заключали въ монастыри. Въ дѣлѣ же Ефимовича судъ прибѣгнулъ къ помощи эксперта—учителя риторики. Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Смоленской губернской канцелярія, въ виду того, что „на сіи случаи нѣтъ точнаго закона, то по сему и осмѣливается Вашему Императорскому Величеству представить всеподданнѣйшее мнѣніе“;

на докладъ Сената послѣдовала резолюція:

„передать рѣшенію совѣстнаго суда въ силу 397 и 399 статей учрежденія“.

Окончательно установлена невмѣняемость душевно-больныхъ была Именнымъ Указомъ, даннымъ Калужскому гражданскому губернатору Лопухину—о непредаваніи суду поврежденныхъ въ умѣ людей и учинившихъ въ семь состояніи смертубийства (23 Апрѣля 1801 г. Т. XXVI. 19846).

„Изъ рапорта Вашего отъ 15 Апрѣля о происшествіяхъ ввѣренной Вамъ губерніи, усмотрѣвъ между прочимъ что Козельскаго уѣзда, сельца Ерлыкова, поврежденный въ умѣ крестьянъ Василій Пахомовъ, за убійство дяди своего, крестьянина Петрова, преданъ, яко виновный, суду, считаю нужнымъ замѣтить Вамъ, что въ семь случаѣ принадлежало бы только посредствомъ Земской полиціи и Врачебной Управы, удостовѣриться, дѣйствительно-ли сдѣлалъ онъ сіе въ сумашествіи, и по удостовѣренію сему отдать его въ домъ безумныхъ, суду же предавать не было никакого основанія; ибо на таковыхъ нѣтъ ни суда, ни закона. Предполагая, что Вы не оставите, сходственно замѣчанію такому, какъ въ семь случаѣ, такъ и въ подобныхъ ему поступать“.

Судьба этого гуманнаго указа была общая всѣмъ благимъ начинаніямъ этой эпохи; несовершенство судопроизводства, необразованность общества, отсутствіе психіатровъ—все это вело къ тому, что душевно-больные, совершившіе преступленіе, освобождались отъ суда и слѣдствія лишь въ исключительныхъ случаяхъ; громадное же большинство этихъ несчастныхъ приговаривалось къ наказанію.

Великій Освободитель Россіи освободилъ и душевно-больныхъ отъ наказанія. Законодатель въ Судебныхъ Уставахъ Императора Александра Втораго сдѣлалъ все, чтобы предупредить присужденіе къ наказанію душевно-больныхъ; и если въ практикѣ созданныхъ этими уставами судебныхъ учреждений случались и случаются печальныя ошибки по отношенію къ душевно-больнымъ, то это большею частью зависитъ отъ незнакомства юристовъ съ психіатріей и отъ недостаточнаго знанія психіатріи врачами.

Статьи 353—356, 692, 754 Уст. Уголовн. Судопроизв. даютъ самыя полныя и вполнѣ согласныя съ требованіями науки указанія слѣдователю, прокурору и суду—какъ поступать въ томъ случаѣ, если есть основаніе предполагать, что подсудимый страдаетъ душевною болѣзною, а именно:

§ 353. Если по слѣдствію окажется, что обвиняемый не имѣетъ здраваго разсудка, или страждетъ умственнымъ расстройствомъ, то

слѣдователь, удостовѣрясь въ томъ, какъ чрезъ освидѣтельствованіе обвиняемаго судебнымъ врачомъ, такъ и чрезъ разпросъ самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ ближе извѣстенъ образъ его дѣйствій и сужденій, передаетъ на дальнѣйшее распоряженіе прокурора все производство по этому предмету съ мнѣніемъ врача о степени безумія или умственного разстройства обвиняемаго.

Примѣчаніе. Въ разъясненіе статей 353—356 постановлено: правила, содержащіяся въ статьяхъ 353—386 сего Устава, примѣняются какъ въ случаяхъ совершенія преступленій не въ здоровомъ разсудкѣ, или въ умственномъ разстройствѣ, такъ равно и тогда, когда обвиняемый впадаетъ въ такое болѣзненное состояніе послѣ совершенія преступнаго дѣянія.

§ 354. Производство о сумасшествіи или безуміи обвиняемаго, вмѣстѣ съ заключеніемъ о томъ прокурора, вносится на разсмотрѣніе окружнаго суда.

§ 355. Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производитъ ся въ присутствіи Окружнаго Суда, чрезъ Врачебнаго Инспектора, или его помощника и двухъ врачей по назначенію Врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія. Въ столицахъ приглашаются для сего, въ С.-Петербургѣ—Инспекторъ Врачебнаго Управленія и два врача, назначенныя особымъ для дѣла сего рода Присутствіемъ (ср. Общ. Учр. Губ. ст. 67 прим. ст. 2, 3), а въ Москвѣ—Начальникъ Московскаго Врачебнаго Управленія и два врача, назначенныя симъ Управленіемъ.

Примѣчаніе. Въ Окружныхъ Судахъ, находящихся не въ губерскомъ городѣ, освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ можетъ быть производимо и безъ участія Врачебнаго Инспектора или его помощника чрезъ двухъ врачей по назначенію Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, съ представленіемъ въ такомъ случаѣ Суду права какъ по просьбѣ которой-либо изъ сторонъ, такъ и по собственному усмотрѣнію, приглашать къ участію въ свидѣтельствovanіи еще третьяго врача, по избранію самаго Суда.

§ 355¹. Когда по предварительному слѣдствію откроются обстоятельства, дающія поводъ предполагать, что обвиняемый учинилъ преступное дѣйствіе въ припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, а также, если признаки означенной болѣзни, или умственного разстройства обвиняемаго окажутся послѣ заключенія предварительнаго слѣдствія, но прежде преданія суду, то обвиняемый подвергается освидѣтельствovanію и дѣлу о немъ дается направленіе въ порядкѣ, опредѣленномъ статьями 353—356 сего Устава.

§ 356. По производствѣ надлежащаго освидѣтельствovanія (ст. 355 и примѣч.), Окружный Судъ или постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи судебного преслѣдованія, когда окажется, что преступное дѣйствіе учинено въ безуміи, сумасшествіи или припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, или-же приостанавливаетъ сіе преслѣдованіе если обвиняемый впалъ въ болѣзненное состояніе послѣ совершенія преступленія или проступка и назначаетъ,

въ послѣднемъ случаѣ, необходимую мѣру пресѣченія упомянутому лицу способувъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Примѣчаніе. Освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей такихъ обвиняемыхъ, судебное преслѣдованіе коихъ пріостановлено на основаніи сей статьи, если лица сіи получаютъ внослѣдствіи выздоровленіе, производится Окружнымъ Судомъ съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 355 и въ примѣчаніи къ оной.

§ 699. По замѣчанію сторонъ или присяжныхъ засѣдателей или по собственному усмотрѣнію, судъ можетъ назначить новое освидѣтельствованіе или испытаніе черезъ избранныхъ имъ или указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей, съ тѣмъ, чтобы они произвели свои дѣйствія въ засѣданіи суда, если это возможно, или, по крайней мѣрѣ, представили въ судебномъ засѣданіи обстоятельный отчетъ объ оказавшемся при освидѣтельствovanіи или испытаніи.

Примѣчаніе. Освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей обвиняемыхъ, обнаружившихъ признаки безумія или сумасшествія, или болѣзненныхъ припадковъ, приводящихъ въ умязступленіе или совершенное безпамятство, въ промежуткахъ времени между преданіемъ суду и обращеніемъ приговора къ исполненію производится Окружнымъ Судомъ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 355 и въ примѣчаніи къ оной.

§ 754. Вопросы о томъ: совершилось-ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно-ли оно быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его дѣяніемъ. Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія по которому-либо изъ сихъ вопросовъ, они должны быть поставлены отдѣльно.

Особенно важно, что законодатель далъ судебному слѣдователю полную свободу въ выборѣ средствъ для выясненія состоянія психическаго здоровья подсудимаго; судебный слѣдователь, на основаніи 353 ст. уст. угол. судопр. имѣетъ полное право помѣстить испытуемаго въ специальное заведеніе для душевно-больныхъ, чтобы тамъ, путемъ наблюденія специалистами состояніе испытуемаго было выяснено со всею точностью. Законодатель при этомъ не стѣсняетъ ни слѣдователя, ни врача какими-либо сроками, что особенно важно, такъ какъ извѣстно, что иногда только при продолжительномъ наблюденіи (болѣе шести мѣсяцевъ), можно установить правильное распознаваніе болѣзни¹⁾. Ст. 355¹ даетъ возможность исправить ошибку

¹⁾ Германскій законъ (§ 81 угол. судопр.) предписываетъ, чтобы наблюденіе продолжалось не болѣе шести недѣль.

предварительнаго слѣдствія, даже по заключенію предварительнаго слѣдствія, можетъ быть возбужденъ вопросъ о болѣзни подсудимаго.

Освидѣтельствованіе обвиняемыхъ, относительно психическаго здоровья которыхъ при слѣдствіи производилось дознаніе (для краткости буду называть ихъ испытываемыми подсудимыми), въ Окружномъ Судѣ производится самымъ совершеннымъ образомъ; а именно по ст. 355, освидѣтельствованіе производится въ *присутствіи Окружнаго Суда, черезъ* трехъ врачей (только не въ губернскихъ городахъ освидѣтельствованіе производится *черезъ* двухъ врачей, но и то разрѣшено приглашать третьяго). Тутъ особенно важно, что освидѣтельствованіе обязательно производится врачами и при томъ коллегиально; законодатель поручаетъ врачебному инспектору назначеніе двухъ врачей для освидѣтельствованія испытываемыхъ подсудимыхъ, потому что врачебному инспектору лучше всѣхъ извѣстно—кто изъ врачей болѣе знакомъ съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ. Къ сожалѣнію, при отсутствіи во многихъ городахъ психіатровъ, освидѣтельствованіе иногда бываетъ неудовлетворительно, но это, конечно, не вина законодателя. Ст. 355 даетъ полную свободу экспертамъ въ выборѣ методовъ изслѣдованія, представляетъ имъ руководствоваться правилами науки; законодатель вполне правъ, не указывая, какъ именно должно производиться изслѣдованіе, потому что, съ прогрессомъ психіатріи, способы изслѣдованія постоянно обогащаются и, наконецъ, потому, какъ это было объяснено выше, изслѣдованіе душевно-больныхъ далеко не одинаково во всѣхъ случаяхъ; врачъ долженъ постоянно сообразовать свой планъ изслѣдованія съ личностью изслѣдуемаго, съ состояніемъ его здоровья, степенью его образованія и т. д. Если предварительное слѣдствіе недостаточно разъяснило состояніе подсудимаго, или, вообще, если эксперты при самомъ освидѣтельствovanіи не могутъ опредѣлить состояніе здоровья подсудимаго, то онѣ предлагаютъ дополнить слѣдствіе наблюденіемъ испытываемаго подсудимаго въ спеціальному заведеніи для душевно-больныхъ, и затѣмъ, съ помощью этого наблюденія (т. е. скорбнаго листа или описанія состоянія здоровья подсудимаго), снова свидѣтельствуютъ подсудимаго въ присутствіи Окружнаго Суда. Если Судъ не соглашается съ мнѣніемъ экспертовъ, то, конечно, онъ можетъ назначить новое освидѣтельствованіе черезъ другихъ экспертовъ; впрочемъ, такіе случаи, сколько мнѣ извѣстно, крайне рѣдки.

Крайне рaціoнальнo, что законодатель вовсе не требуетъ обозначенія,

распознаванія формы душевной болѣзни; по ст. 356, для постановленія опредѣленія о прекращеніи судебного преслѣдованія, окружному суду нужно только, чтобы оказалось, «что преступное дѣйствіе учинено въ безуміи, сумасшествіи или припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство». Слѣдовательно, задача экспертовъ доказывать, что подсудимый психически боленъ и только.

Я не буду говорить о томъ, какъ нашъ законъ опредѣляетъ роль эксперта-психіатра въ ходѣ судебного процесса, такъ какъ дѣятельность эксперта-врача опредѣлена также какъ и всѣхъ свѣдущихъ людей вообще. О значеніи же экспертовъ вообще говорить здѣсь не представляется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ неоднократно разбирался весьма компетентными авторами; врачъ всегда и вездѣ—совѣтникъ, свѣдующее лицо; его дѣло подавать совѣты, основанные на его специальныхъ познаніяхъ, и, наконецъ, какъ представитель науки, онъ обязанъ всѣми средствами убѣждать въ справедливости имъ высказаннаго; этимъ его роль исчерпывается; наука и ея представители не имѣютъ ничего принудительнаго и въ этомъ ихъ сила, поэтому было бы непослѣдовательно, если бы заключенія экспертовъ были бы обязательны. Впрочемъ, я ограничиваюсь изложеніемъ свѣдѣній, чтобы каждый, затѣмъ, могъ составить свой собственный взглядъ на дѣло. Также я не буду подробно разбирать 92, 95, 96 и 97 стат. Улож. о Наказаніяхъ.

§ 92. Причины, по коимъ судѣнное не должно быть вмѣняемо въ вину, суть: 1) совершенная невинность того дѣянія, коего случайнымъ и непредвидѣннымъ послѣдствіемъ было сдѣланное зло; 2) малолѣтство въ такомъ возрастѣ, когда подсудимый не могъ еще имѣть понятія о свойствѣ дѣянія; 3) безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство

§ 95. Преступленіе или проступокъ, учиненный безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему, въ то время не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія. Однакожъ, учинившіе смертоубійство или-же посягнувшіе на жизнь другого, или свою собственную, или на зажигательство безумные или сумасшедшіе заключаются въ домъ умалишенныхъ даже и въ случаѣ когда-бы ихъ родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотрѣть за ними и лечить ихъ у себя. Порядокъ заключенія ихъ въ домъ умалишенныхъ и сроки для ихъ содержанія и освобожденія опредѣлены особыми о семъ постановленіями.

§ 96. На томъ-же основаніи не вмѣняются въ вину и преступленія,

и проступки, учиненные больнымъ въ точно доказанномъ припадкѣ умоиступленія или совершеннаго безпамятства. Совершившій въ такомъ припадкѣ болѣзни смертоубійство или же посягнувшій на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство, отдается, вмѣсто дома умалишенныхъ, на попеченіе родителямъ, родственникамъ, опекунамъ, или, съ согласія ихъ, и постороннимъ, съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное непрестанное смотрѣніе во время его болѣзни и леченія, предотвращая всякія дурныя или опасныя для другихъ или-же для него самаго послѣдствія его припадковъ умоиступленія. Когда-же родители больного или его родственники, опекуны или посторонніе, желающіе его взять на свое попеченіе, оказываются недостаточно благонадежными и отъ нихъ нельзя ожидать точнаго исполненія возлагаемой на нихъ обязанности, то страдающій припадками умоиступленія отдается, для леченія его и присмотра за нимъ, въ больницу, гдѣ и оставляется до совершеннаго выздоровленія.

§ 97. Постановленія предшедшей 96 статьи о невмѣненіи въ вину преступленій и проступковъ, учиненныхъ въ припадкѣ болѣзни, сопровождаемой умоиступленіемъ или совершеннымъ безпамятствомъ, распространяются и на потерявшихъ умственные способности и расудокъ отъ старости и на лунатиковъ (сонноходцевъ), которые, въ припадкахъ своего нервного разстройства дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумія. Они также отдаются на попеченіе ближайшимъ родственникамъ, или, съ согласія ихъ, и постороннимъ, или же помѣщаются въ одно изъ заведеній Приказа общественнаго призрѣнія для бдительнаго за ними надзора.

Нужно согласиться, что редактированы эти статьи неудовлетворительно; все имѣющееся въ нихъ вполне можетъ быть изложено въ одной статьѣ, какъ это и сдѣлано въ разрабатываемомъ нынѣ проэктѣ уложенія о наказаніяхъ, а именно:

§ 38. Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, по недостаточности умственного развитія, или по болѣзненному разстройству умственной дѣятельности, или по бессознательному состоянію, не могло во время учиненія дѣянія понимать свойство и значеніе совершеннаго, или руководить своими поступками.

Въ сихъ случаяхъ судъ имѣетъ право или отдать такое лицо подъ отвѣтственный надзоръ родственниковъ или другихъ лицъ, пожелавшихъ принять его на свое попеченіе, или-же помѣстить его, вредъ до выздоровленія, въ специальное врачебное заведеніе, откуда оно можетъ быть освобождено по представленію надлежащаго врачебнаго начальства, утвержденному судомъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи юристы, конечно, лучшіе судьи, чѣмъ врачи, и потому здѣсь можно ограничиться лишь краткими разъяснительными замѣчаніями.

Постоянно было предметомъ спора — долженъ-ли законъ давать

свое опредѣленіе душевной болѣзни, или же слѣдуетъ принимать то, которое въ данное время выработано въ медицинѣ. Понятно стремленіе законодателя выработать точное, постоянное опредѣленіе душевной болѣзни, удовлетворяющее опредѣленной цѣли, т. е. дать опредѣленіе такой душевной-болѣзни, которая освобождаетъ отъ отвѣтственности. Юристы стремятся указать постоянный, очевидный признакъ (или критерій), доказанное присутствіе котораго освобождаетъ больного отъ отвѣтственности; конечно, если-бы это фактически было возможно, задача суда и присяжныхъ была-бы значительно облегчена; все дѣло сводилось-бы на то—подходить-ли болѣзненное состояніе подсудимаго подъ разъ созданное опредѣленіе, имѣется-ли на лицо данный признакъ или нѣтъ. 38 ст. проекта улож. о нак. такимъ признакомъ выставляетъ пониманіе свойства и значеніе содѣяннаго или способность руководить своими поступками; нужно согласиться, что признаки приведены довольно удачно, но, однако, есть бесспорно душевно-больные, не подходящіе подъ указанные закономъ признаки; напр., если больной неправильно, ложно понималъ значеніе и свойство содѣяннаго подъ вліяніемъ галлюцинацій и идей бреда—то можно-ли толковать дѣло такъ, что больной не понималъ свойствъ и значенія содѣяннаго, чтобы подвести болѣзнь подъ опредѣленіе 38 ст.; ложное пониманіе не есть непониманіе; больной можетъ прекрасно понимать свойство и значеніе содѣяннаго, т. е. знать, что за это онъ подлежитъ отвѣтственности, что это безнравственно и т. д. и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать способностью руководить своими поступками, а между тѣмъ душевная болѣзнь его несомнѣнна; напр., душевно-больной можетъ ранить, убить кого-нибудь, считаемаго имъ, на основаніи галлюцинацій и идей бреда, за врага; т. е. онъ въ этомъ случаѣ поступитъ также какъ здоровый, ранившій, убившій вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній о вредѣ ему причиненномъ жертвою преступленія. И больной, и здоровый понимали свойство и значеніе содѣяннаго, но ошиблись одинъ—вслѣдствіе болѣзни, а другой—вслѣдствіе случайности, интриги и т. п. Однако, ни одинъ судъ не осудитъ перваго, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ второй будетъ прощень.

Очевидна неполнота опредѣленія душевной болѣзни, какъ причины невмѣненія, даемаго закономъ относительно тѣхъ преступленій душевно-больныхъ, которыя не стоятъ въ непосредственной связи съ душевной болѣзнию; напр., если страдающій первичнымъ сумасшествіемъ, еще до заболѣванія неоднократно судившійся за воровство,

украдетъ деньги подъ вліяніемъ крайней нужды, — то можно-ли его признать невмѣняемымъ по точному смыслу 95 ст. улож. о нак. и 38 ст. проекта улож. о нак. Есть не мало страдающихъ первичнымъ сумасшествіемъ, имѣющихъ понятія о противозаконности и о свойствѣ своего дѣянія, т. е. воровства; статья 38 даетъ болѣе широкое опредѣленіе болѣзни, но все-таки не исчерпываетъ всей сущности душевной болѣзни, и напр., первично-сумасшедшаго, совершившаго воровство вслѣдствіе крайней нужды, въ силу этой статьи, можно признать вмѣняемымъ, такъ какъ есть первично-сумасшедшіе, способные руководить многими своими поступками; во всякомъ случаѣ, крайне трудно доказать въ подобныхъ случаяхъ, что больной не могъ, въ силу своей болѣзни, руководить всѣми своими поступками, когда мы знаемъ, что очень многіе первично-сумасшедшіе отлично соблюдаютъ правила заведенія для помѣшанныхъ. Однако, едва-ли судъ приговоритъ душевно-больного въ подобномъ случаѣ къ наказанію; прибѣгаютъ къ натяжкѣ, къ неправильному толкованію закона.

Еще болѣе неудовлетворительно, даваемое закономъ, опредѣленіе по отношенію къ больнымъ, находящимся въ свѣтломъ промежуткѣ (*intervala lucida*). Что дѣлать, если душевно-больной совершилъ преступленіе въ томъ періодѣ болѣзни, когда онъ могъ понимать свойство и значеніе совершаемаго дѣянія и руководить своими поступками; ни одинъ психіатръ не будетъ передъ судомъ свидѣтельствовать, что больной въ этомъ періодѣ не понималъ значенія поступка и не могъ руководить своими дѣйствіями; эспертъ лишь заявитъ, что ислѣдуемый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль или даже дней, впадетъ въ тяжкое душевное расстройство. Неужели такого больного слѣдуетъ приговорить къ наказанію, которое, очевидно, онъ нести не можетъ, потому что долженъ быть помѣщенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ. Конечно, нельзя, чтобы больные, страдающіе періодическимъ помѣшательствомъ, въ періодъ между приступами болѣзни дѣлали что хотятъ, въ увѣренности, что всѣ ихъ поступки будутъ признаны невмѣняемыми. Вотъ тутъ-то и выясняется несовершенство распространенныхъ воззрѣній о юридическомъ положеніи душевно-больныхъ. Только, когда главной заботой государства о душевно-больныхъ будетъ ихъ раціональное призрѣніе, когда центръ тяжести законодательства о душевно-больныхъ будетъ регламентація правильного ихъ призрѣнія—только тогда судьи будутъ избавлены отъ разрѣшенія при настоящемъ воззрѣніи на душевно-больныхъ, нераз-

рѣшимыхъ вопросовъ. Какъ я уже говорилъ, вопросъ о невмѣняемости душевно-больныхъ, для меня весьма простъ, потому что я считаю необходимымъ, чтобы всякій душевно-больной находился подъ особымъ присмотромъ государства, былъ лишенъ возможности дѣлать преступленія, и напр., больной, страдающій періодическимъ помѣшательствомъ во время приступовъ болѣзни долженъ призрѣваться въ заведеніи для душевно-больныхъ, а въ промежутки между припадками можетъ быть возвращаемъ въ свой домъ, если будутъ даны гарантіи его безопасности для общества. Всякій душевно-больной долженъ лечиться или, по крайней мѣрѣ, призрѣваться по возможности такъ, чтобы его состояніе не ухудшалось отъ неправильнаго ухода. Очевидно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о наказаніяхъ: тюрьмѣ, каторгѣ и т. п. Общество будетъ ограждено отъ преступленій, совершаемыхъ душевно-больными при призрѣніи *всѣхъ* душевно-больныхъ подъ надзоромъ государства, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ тѣми или другими статьями улож. о наказ. Главная дѣятельность юриста по отношенію къ душевно-больнымъ—это регламентація призрѣнія душевно-больныхъ и разумное примѣненіе къ дѣйствительности этой регламентаціи; для того, чтобы приготовиться къ этой дѣятельности необходимо изученіе психіатріи.

Несовершенство и неполнота опредѣленій душевной болѣзни въ уголовныхъ законодательствахъ, обусловленная неправильнымъ воззрѣніемъ, что можно однимъ признакомъ исчерпать столь широкое и всеобъемлющее измѣненіе нашей души, какъ душевная болѣзнь, привела къ созданію ученія о *частичной* или *ограниченной* вмѣняемости. Если бы въ вышеприведенномъ примѣрѣ, первично-сумасшедшій совершилъ преступленіе вслѣдствіе галлюцинацій и идей бреда, тогда онъ былъ бы невмѣняемъ—по толкованію защитниковъ частичной вмѣняемости; если же преступленіе его не имѣетъ непосредственной связи съ душевной болѣзью, тогда онъ долженъ нести наказаніе. Ограниченная, частичная вмѣняемость, будто бы необходима для выражающихся, нѣкоторыхъ эпилептиковъ, невропатовъ, — однимъ словомъ, для тѣхъ, которые стоятъ близко къ помѣшательству, но болѣзненное состояніе которыхъ не достигло той степени, чтобы ихъ признавать душевно-больными. Нашъ законъ не допускаетъ частичной или ограниченной вмѣняемости; большинство авторитетныхъ психіатровъ не признаютъ желательнымъ введеніе ея въ законъ; однако, нужно упомянуть, что ученіе о частичной вмѣняемости имѣетъ авторитетныхъ защитниковъ—

между психіатрами Ball ¹⁾, и между юристами Tarde ¹⁾. Я согласенъ съ Proal ³⁾, что ученіе о частичной вмѣняемости есть доказательство недостаточнаго знакомства съ психологіей, пренебреженія къ этой наукѣ, къ сожалѣнію, въ наше время, столь распространенное. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ единомъ, нераздѣльномъ сознаніи, могутъ быть здоровые и больные отдѣлы, развѣ можно допустить, чтобы въ одномъ и томъ же сознаніи одни и тѣже процессы признавались то здоровыми, т. е. вмѣняемыми, то больными. Если первично-сумасшедшій не можетъ настолько правильно мыслить, чтобы понять неосновательность, нелѣпость своего бреда, то очевидно, что его психическая жизнь совсѣмъ другая, чѣмъ у здоровыхъ людей; только неполнотою нашихъ свѣдѣній о психической дѣятельности, несовершенствомъ нашихъ методовъ изслѣдованія слѣдуетъ объяснять то, что мы не можемъ доказать, что въ подобныхъ случаяхъ больной, совершая преступленіе, не стоящее въ непосредственной связи съ болѣзью, напр. воровство, не могъ понимать свойства своего дѣянія и руководить своими поступками.

Наконецъ, опредѣленіе душевной болѣзни, даваемое закономъ, указаніе закономъ признака душевной болѣзни, какъ критерія невмѣняемости, нежелательно уже потому, что принуждаетъ эксперта главное доказательство душевной болѣзни выводить изъ психологическаго анализа, между тѣмъ, нѣтъ ничего труднѣе, гибче, неуловимѣе и, пожалуй, менѣе доказательнаго, какъ психологическій анализъ. Заключение психіатра передъ судомъ должно быть основано на суммѣ всего найденнаго при изслѣдованіи подсудимаго и узнаннаго о здоровьи родителей, о предъидущей жизни изслѣдуемаго; заключеніе должно состоять только въ распознаваніи или отрицаніи болѣзни, но никакъ не въ одномъ психологическомъ анализѣ для уясненія, могъ-ли подсудимый понимать свойство и значеніе своего дѣянія и руководить своими поступками. Очевидно, законодатель считаетъ причиною для невмѣненія то, что подсудимый не могъ понимать свойства и значенія своего дѣянія и руководить своими поступками, т. е. фактъ психологическій; на основаніи этого психологическаго признака или критерія, юристы хотятъ отличить подлежащихъ вмѣненію отъ невмѣняемыхъ; нашъ гражданскій законъ, для

¹⁾ De la responsabilité partielle des aliénés. 1886.

²⁾ La Philosophie penale 1890, p. 183—186; это новое произведеніе Tarde заслуживаетъ внимательнаго изученія.

³⁾ Annales medico-psychologiques. 1890.

опредѣленія безумія и сумасшествія также выставляеть психологическій признакъ: способность отвѣчать на вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіяся. Полная неудовлетворительность установленнаго этимъ закономъ признака, дѣлаеть для всѣхъ очевиднымъ несостоятельность опредѣленія душевной болѣзни, специально для опредѣленія гражданской неправопоспособности.

Впрочемъ, даже и не всѣ психіатры пришли къ убѣжденію, что причиною для невмѣненія слѣдуетъ принимать самую душевную болѣзнь, какъ она понимается при данномъ состояніи науки; ни какой-либо признакъ, а сама душевная болѣзнь есть причина для невмѣненія, потому что душевно-больной невмѣняемъ не потому, что онъ не могъ, понимать свойства и значенія совершаемаго дѣянія и руководить своими поступками, а потому, что онъ душевно-больной, т. е. человекъ, который долженъ призрѣваться по роду и степени своей болѣзни. Психіатры также стремились создать такое опредѣленіе душевной болѣзни, которое удовлетворяло бы юристовъ, т. е. установить какой-либо очевидный признакъ, на основаніи котораго и не знакомый съ психіатріей, могъ бы отличить душевно-больного отъ здороваго, но всѣ такія попытки оказались неудачными, и отличить душевно-больного отъ здороваго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ лишь весьма опытный психіатръ; иногда же, правда это очень рѣдко, всѣ самыя добросовѣстные усилія самыхъ опытныхъ психіатровъ не приводятъ къ положительному результату и тогда, конечно, психіатръ обязанъ высказать вполне откровенно суду свое сомнѣніе, что онъ не можетъ положительно разрѣшить поставленный ему вопросъ, что онъ нашелъ лишь нѣкоторые неубѣдительные признаки душевной болѣзни. Очевидно, въ этихъ случаяхъ, самая лучшая редакція закона не поможетъ дѣлу и Reuss¹⁾, изучивши всѣ законодательства о душевно-больныхъ и все, что высказано въ литературѣ по этому вопросу, пришелъ къ выводу, что законъ не долженъ содержать опредѣленія душевной болѣзни, что распознаваніе душевной болѣзни должно быть всецѣло предоставлено экспертамъ, которые, на основаніи всѣхъ своихъ свѣдѣній и всего своего опыта, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на основаніи изслѣдованія и если нужно, наблюденія, рѣшаютъ—болень-ли психически изслѣдуемый или нѣтъ, въ случаѣ же невозможности высказаться положительно, заявятъ объ этомъ суду. Reuss вполне со-

¹⁾ Op. cit. s. 92.

глашается съ приводимымъ имъ заключеніемъ Вренгер'а. «Душевная болѣзнь констатируется не на основаніи общаго опредѣленія, а черезъ изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго случая экспертомъ, а въ случаѣ надобности, нѣсколькими экспертами». Нельзя ожидать, чтобы юристы скоро послѣдовали примѣру Reuss и отказались отъ взгляда, что законъ долженъ содержать собственное опредѣленіе болѣзни; при существующихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ даже многихъ психіатровъ законодательства необходимо будутъ давать свое опредѣленіе невмѣняемости и можно только желать, чтобы устанавливаемый закономъ признакъ какъ можно глубже захватывалъ сущность душевной болѣзни.

Какъ я уже сказалъ, 38 ст. проекта улож. о нак., редактирована вполне удовлетворительно, въ иностранныхъ законодательствахъ опредѣленіе душевной болѣзни, какъ причины невмѣняемости, ничуть не полнѣе даваемого ст. 38 проекта улож. о нак.

Французское уголовное уложеніе (Code pénal) такъ опредѣляетъ причину невмѣняемости, вслѣдствіе душевной болѣзни, въ § 64.

§ 64. Нѣтъ ни преступленія, ни проступка, если обвиняемый въ моментъ совершенія былъ въ состояніи слабоумія (démence).

Слѣдовательно, французское законодательство признаетъ причиной невмѣняемости ослабленіе всѣхъ психическихъ силъ вообще, а слѣдовательно воли; слабоуміемъ (dementia; démence), какъ извѣстно въ психіатріи называется опредѣленная форма болѣзни, но законъ слабоуміемъ называетъ всякую душевную болѣзнь, обуславливающую ослабленіе психическихъ силъ. Неудовлетворительность § 64 уголовного уложенія признается всѣми французскими психіатрами.

Германское уложеніе о наказаніяхъ (Strafgesetzbuch), основаніемъ или критеріемъ невмѣняемости, вслѣдствіе душевной болѣзни, признаетъ утрату свободной воли.

§ 51. Наказуемое дѣяніе невмѣняется (ist nicht vorhanden), если совершившій его во время совершенія былъ въ безсознательномъ состояніи или въ состояніи разстройства душевной дѣятельности, ведущія къ уtratѣ свободы воли (freie Willenbestimmung).

Преимущество § 38 проекта улож. о нак. не подлежитъ сомнѣнію; § 51 германскаго улож. о нак. настолько неполно опредѣляетъ причину невмѣняемости душевно-больныхъ, что многіе душевно-больные необходимо приговариваются къ наказанію, какъ это свидѣтельствуя германскіе психіатры, напр., Laugreuter.

§ 56 Австрійскаго проекта улож. о нак. мало чѣмъ отличается

отъ § 38 нашего проекта улож. о нак., а именно, онъ редактированъ такъ:

§ 56. Дѣяніе не наказуется, если совершившій во время его совершения былъ въ бесознательномъ состояніи или въ состояніи угнетенія или расстройства душевной дѣятельности, вслѣдствіе чего онъ не могъ руководиться своею волею (seinen Willen frei zu bestimmen) или понимать наказуемость совершаемаго.

Для опредѣленія невмѣняемости, по причинѣ душевной болѣзни, по современнымъ законодательствамъ, обязанность врача-эксперта должна состоять въ возможно полномъ анализѣ болѣзни обвиняемаго; этимъ исчерпывается его роль; какъ вполнѣ вѣрно разюмировалъ Mendel ¹⁾ взглядъ всѣхъ психіатровъ, вопросъ—обладалъ-ли свободой воли испытуемый—въ компетенности эксперта-психіатра, который можетъ отвѣчать только—болень-ли испытуемый психически или нѣтъ, установить физическіе и психические признаки болѣзни, выяснить причины болѣзни и предсказать ея исходъ. Разрѣшеніе-же вопроса, насколько въ данный моментъ больной обладалъ свободной волею, дѣло суда, почему я возможно подробнѣе и остановился на ученіи о свободѣ воли. Все вышеизложенное, какъ я думаю, указываетъ, какъ трудно съ точностью, требуемой при рѣшеніи судьбы человѣка, опредѣлять—насколько сохранена способность руководить своими поступками во многихъ случаяхъ душевной болѣзни.

Остается сказать нѣсколько словъ о прирѣннн душевно-больныхъ, вступившихъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ.

Ихъ нужно раздѣлить на три категоріи. Первую категорію составляютъ испытуемые въ состояніи ихъ умственныхъ способностей подсудимые. Одни изъ нихъ состоятъ подъ арестомъ, другіе—на свободѣ.

Вторую группу составляютъ душевно-больные, совершившіе преступленіе, но освобожденные отъ наказанія по 92, 95, 96 и 97 ст. улож. о нак. Это, такъ называемые, преступные душевно-больные.

Третью группу составляютъ душевно-больные преступники, т. е. лица, признанные судомъ преступниками, стбывающіе наказаніе, заболѣвшіе, послѣ произнесенія приговора, душевною болѣзнью.

Къ первой-же группѣ слѣдуетъ причислить и тѣхъ подсудимыхъ, которые во время слѣдствія заболѣли душевною болѣзнью, потому что во многихъ случаяхъ такое заболѣваніе служитъ къ выясненію психической организаціи подсудимаго, можетъ имѣть значеніе при нало-

¹⁾ Archives de l'Anthropologie criminele. L. 4, p. 368.

женіи наказанія, и часто служить доказательствомъ, что подсудимый былъ боленъ во время преступленія.

Ничего нельзя возразить противъ принятаго у насъ способа испытанія умственныхъ способностей не арестованныхъ подсудимыхъ въ общественныхъ или частныхъ заведеніяхъ для помѣшанныхъ (выборъ заведенія, конечно, зависитъ отъ того, кто предписываетъ произвести испытаніе), но совершенно неправильно помѣщеніе съ тою-же цѣлью въ общественныя заведенія арестованныхъ подсудимыхъ. Теперь заведенія для помѣшанныхъ не имѣютъ ничего общаго съ тюрьмами и потому для больницы душевно-больныхъ въ высшей степени обременительно содержаніе арестованныхъ; для всякаго очевидно, что несправедливо арестованнаго содержать между больными, что нѣтъ никакого основанія освобождать изъ - подъ ареста подсудимаго только потому, что можетъ быть онъ боленъ. Такой неправильный порядокъ при испытаніи арестованныхъ испытуемыхъ, конечно, происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ специальныхъ больницъ для опредѣленія путемъ наблюденія психической болѣзни подсудимыхъ ¹⁾.

Только въ одной Италіи всѣ испытуемые подсудимые направляются въ специальное заведеніе для душевно-больныхъ преступниковъ ²⁾; въ другихъ-же государствахъ они или помѣщаются въ общественныя заведенія всѣ безъ исключенія, или нѣкоторые изъ нихъ (обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ) направляются въ специальное заведеніе для душевно-больныхъ преступниковъ (Broadmoor и Millbank, въ Англіи) или въ особыя отдѣленія при слѣдственной тюрьмѣ (Moabit, въ Берлинѣ). Большинство психіатровъ того мнѣнія, что испытаніе умственныхъ способностей подсудимыхъ должно производиться въ специальныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ преступниковъ; но осуществленіе этого требованія встрѣчаетъ много практическихъ препятствій.

Нашъ законъ не совсѣмъ точно регламентируетъ способъ призрѣнія душевно-больныхъ, совершившихъ преступленіе. Ст. 95, 96, 97 улож. о нак. предписываютъ помѣщать такихъ больныхъ въ домъ умалишенныхъ, въ больницу, въ одно изъ заведеній общественнаго Приказа, слѣдовательно, въ общественныя заведенія для душевно-больныхъ. Приложение IV къ 95 ст. разъясняетъ болѣе подробно

¹⁾ При больницѣ св. Николая Чудотворца (въ Петербургѣ) устроено такое отдѣленіе.

²⁾ Въ Montelupo, близъ Флоренціи.

какъ порядокъ помѣщенія, такъ и порядокъ выписки этихъ лицъ изъ заведенія для душевно-больныхъ.

„Безумные и сумасшедшіе, учинившіе смертоубійство или же посягнувшіе на жизнь другого или свою собственную, подвергаются освидѣтельствуванію и испытанію установленнымъ для того порядкомъ. Когда по такому свидѣтельству они будутъ признаны дѣйствительно безумными или сумасшедшими, то отсылаются, для содержанія и леченія, въ домъ умалишенныхъ, съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не были изъ того дома исключаемы и водворяемы въ общества, безъ разрѣшенія вышшаго начальства. Если же время покажетъ, что сумасшествіе ихъ совершенно прошло и въ выздоровѣвшихъ отъ онаго въ теченіи двухъ лѣтъ сряду не будетъ замѣчено никакихъ сего рода припадковъ, тогда, по точномъ удостовѣреніи о состояніи ихъ здоровья, они освобождаются изъ дома умалишенныхъ, а имѣнія ихъ—отъ опеки, на основаніи законовъ гражданскихъ. Для выздоровѣвшихъ отъ сумасшествія двухлѣтній срокъ наблюденія можетъ быть сокращенъ и въ случаѣ особыхъ къ сему побужденій и достаточнаго удостовѣренія, что отъ того не можетъ быть никакой опасности, выздоровѣвшій сумасшедшій можетъ быть отданъ родственникамъ его на поручительство, съ обязанностью тщательно наблюдать за нимъ и, въ случаѣ малѣйшихъ признаковъ возврата сумасшествія, брать належащія мѣры предосторожности, или препровождать его снова въ домъ умалишенныхъ“.

Вполнѣ рационально, что освобожденіе изъ заведенія для помѣшанныхъ этихъ больныхъ зависитъ отъ того-же учрежденія, т. е. суда, отъ котораго зависитъ помѣщеніе ихъ въ это заведеніе. Понятно, что законодатель долженъ былъ предупредить возможность преждевременной выписки изъ заведенія этихъ больныхъ въ виду уже доказанной печальнымъ опытомъ опасности ихъ для общества. Имущественныя права этихъ больныхъ ограждены закономъ. Едва-ли можно признать правильнымъ, что 95 ст. предписываетъ обязательное помѣщеніе въ заведеніе для помѣшанныхъ только совершившихъ тяжкія преступленія, всѣхъ-же остальныхъ разрѣшаетъ отдавать на попеченіе родственникововъ. Очевидно, что то или другое преступленіе, учиненное душевно-больнымъ—дѣло случая и крайне непослѣдовательно душевно-больнаго, уже оказавшагося опаснымъ для общества, поручать фиктивному попеченію родственникововъ: какъ извѣстно взявшіе на свое попеченіе душевно-больнаго ничѣмъ не отвѣчаютъ за совершенные имъ поступки и преступленія. Хотя въ X т., ч. I имѣется статья 654:

§ 54. На семь же основаніи отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ малолѣтнихъ (не находящихся при родителяхъ), а равно и безумныхъ или сумасшедшихъ тѣ, которые, по закону, обязаны имѣть надъ нимъ надзоръ.

Но отвѣтственность взявшаго на свое попеченіе душевно-больного все таки въ дѣйствительности, какъ это извѣстно всѣмъ, фиктивная. Мы неизвѣстны случаи, когда кто либо судомъ искалъ вознагражденія за убытки, причиненные проступкомъ душевно-больного. Наконецъ, неясно, кто по закону обязанъ имѣть присмотръ за душевно-больнымъ.

Ст. 96 разрѣшаетъ суду поручать душевно-больныхъ, освобожденныхъ отъ суда и слѣдствія, попеченію даже постороннихъ; въ силу этой статьи, только, если судъ не находитъ лицъ, желающихъ взять на свое попеченіе душевно-больного, достаточно благонадежными, то долженъ помѣстить больного въ заведеніе для помѣшанныхъ. Трудно объяснить себѣ — почему законъ предпочитаетъ попеченіе родственниковъ и даже постороннихъ призрѣнію въ заведеніи для помѣшанныхъ; можетъ быть вслѣдствіе крайне недостаточнаго числа мѣстъ въ нашихъ заведеніяхъ и неудовлетворительнаго ихъ состоянія во время изданія улож. о нак. Необходимо, чтобы всѣ душевно-больные, совершившіе преступленіе, непременно призрѣвались въ заведеніяхъ для помѣшанныхъ, впредь до выздоровленія; суду можно предоставить право въ случаѣ, если ближайшіе родственники представляютъ убѣдительныя доказательства того, что надзоръ ихъ надъ больнымъ будетъ совершенно удовлетворителенъ, поручать этихъ больныхъ надзору родственниковъ.

Только тогда судъ и присяжные безъ предубѣжденія будутъ признавать невмѣняемыми вслѣдствіе душевной болѣзни душевно-больныхъ подсудимыхъ, когда они будутъ знать, что общество ограждено отъ этихъ опасныхъ лицъ; когда всѣ признанные душевно-больными подсудимые будутъ помѣщаться въ заведенія для душевно-больныхъ, тогда присяжныхъ не будетъ беспокоить мысль, что опасному подсудимому будетъ дана полная свобода.

Всегда будутъ случаи не вполне доказанной душевной болѣзни; для присяжныхъ представляется крайне тяжелая дилемма—или приговорить къ наказанію, по всей вѣроятности, душевно-больного, или дать полную свободу подсудимому, душевная болѣзнь котораго не вполне доказана, т. е. виновному. Если-же всѣ душевно-больные, совершившіе преступленіе, будутъ помѣщаться въ заведенія для душевно-больныхъ, признаніе невмѣняемости въ такихъ случаяхъ не поведетъ къ особо-дурнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ общество все-таки будетъ ограждено отъ своихъ опасныхъ сочленовъ.

Слѣдуетъ-ли душевно-больныхъ, совершившихъ преступленіе, помѣщать въ общественныя заведенія для душевно-больныхъ или въ спеціальныя, для нихъ устроенныя, заведенія, или же, наконецъ, въ заведенія для душевно-больныхъ преступниковъ.

Большинство психіатровъ признаютъ наиболѣе раціональнымъ помѣщать этихъ больныхъ въ общественныя заведенія для помѣшанныхъ. Такъ какъ преступленіе, совершенное больнымъ, не болѣе какъ печальная случайность, результатъ плохого надъ нимъ присмотра, то понятно, что нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять этихъ больныхъ отъ остальныхъ. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что такіе больные доставляютъ много затрудненій администраціи заведеній, такъ какъ побѣги этихъ больныхъ изъ заведенія могутъ вести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Бельгійскій законъ (§ 44) возлагаетъ отвѣтственность за побѣги этихъ больныхъ на директора (не врача) заведенія.

Призрѣніе этихъ больныхъ еще нигдѣ не урегулировано точнымъ образомъ. Часть ихъ—совершившіе тяжкія преступленія, и вообще, опасные—призрѣвается вмѣстѣ съ душевно-больными преступниками (въ Англіи въ Broadmoor, въ Италіи въ Montelupo, во Франціи въ Gaillon и Bicêtre), часть—въ общественныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ.

Особо важное значеніе для нашего отечества имѣетъ правильная организація призрѣнія душевно-больныхъ преступниковъ, въ виду большаго числа арестантовъ—1 Января 1885 г. было 85.311 мужчинъ и 9.204 женщинъ—и совершеннаго неустройства этого дѣла ¹⁾. Какъ много душевно больныхъ преступниковъ требуютъ правильнаго призрѣнія, можно судить потому, что, даже по официальнымъ даннымъ (Отчетъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1884 г.), въ 1884 г. было зарегистрировано 576 мужчинъ и 125 душевно-больныхъ женщинъ. Едва-ли можно допустить, что у насъ менѣе 4.000 душевно-больныхъ преступниковъ, если только четверть изъ нихъ нуждается въ спеціальному призрѣніи, то оказывается, что въ Россіи должно быть создано 1000 новыхъ мѣстъ для душевно-больныхъ преступниковъ.

Не только справедливость по отношенію къ этимъ несчастнымъ, но болѣе практическія требованія побуждаютъ къ возможно скорому устройству спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ преступ-

¹⁾ Болѣе подробно мною разработанъ этотъ вопросъ въ работѣ: „О призрѣніи душевно-больныхъ преступниковъ въ Россіи“, Вѣстникъ Судебной Медицины 1887 г.

никовъ или особыхъ, назначенныхъ для этихъ больныхъ, отдѣленій при тюрьмахъ или общественныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Дѣло въ томъ, что пока душевно-больные преступники остаются въ тюрьмахъ, до тѣхъ поръ по единогласному признанію всѣхъ опытныхъ тюремныхъ чиновниковъ, въ нихъ невозможно ввести порядокъ и дисциплину; едва-ли нужно доказывать справедливость этого вывода; душевно-больные не подчиняются тюремной дисциплинѣ, а дѣлаютъ исключенія для кого-либо въ тюрьмѣ противно основнымъ правиламъ. Слѣдовательно, для благоустройства тюремъ душевно-больные преступники должны быть выведены изъ тюремъ. Опытъ уже доказалъ, что помѣщеніе душевно-больныхъ преступниковъ въ общественныя заведенія для помѣшанныхъ крайне неудобно и даже опасно. Само собою разумѣется, что послѣдній порядокъ призрѣнія крайне несправедливъ по отношенію ко всѣмъ душевно-больнымъ: общество преступниковъ не можетъ не оскорблять, какъ самыхъ больныхъ, такъ и ихъ родственниковъ. Весьма опасно душевно-больныхъ преступниковъ помѣщать въ общественныя заведенія для помѣшанныхъ, особенно въ виду агрессивнаго характера, свойственнаго многимъ душевно-больнымъ преступникамъ и ихъ наклонности къ побѣгамъ. Психіатры почти всѣ согласны съ тѣмъ, что для душевно-больныхъ преступниковъ должны быть устроены особыя заведенія или, по крайней мѣрѣ, особыя отдѣленія при заведеніяхъ для помѣшанныхъ или при тюрьмахъ.

Почти всюду устроены спеціальныя учрежденія для этихъ больныхъ или какъ самостоятельныя заведенія (Broadmoor въ Англіи, Mantelupo въ Италіи, Auburn въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ) или какъ отдѣленія при заведеніяхъ для помѣшанныхъ (при больницѣ Св. Николая Чудотворца въ Петербургѣ, въ Bicêtre въ Парижѣ) или какъ отдѣленія при тюрьмахъ (Waking, Millbank, Parkhurst въ Англіи, Gaillon во Франціи, Bruchsal и Grandenz въ Германіи).

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
3	8	психіатріи	психологіи
4	5	убѣждаютъ	убѣждаетъ
11	9	психіатрическомъ	судебно-медицинскомъ
13	35	Juris civilis D. 1. 18 et 14. Macer libro	Corpus Juris civilis D. 1. 18 et 14. Macer libro
20	18	0,35	0,15
26	33	при	также при
30	37	5. 5.	р. 5.
32	37	Zeitsch.	Leitfaden
44	7	ощущеніемъ	ощущеніями
48	5	косточки	кисточки
50	19	возбуждаетъ	вызывая
59	30	Изъ	Отъ
67	33	представленія	представленій
69	9	представленія	представленія
76	11	непріятнымъ	непріятныхъ
77	23	заклѣчить	закончить
81	1	возникаются	возникаютъ
88	5	волокноне	волокна не
92	9	вмѣстѣ;	вмѣстѣ,
93	35	Maine-de Biron	Maine de Biran
103	7	одни	они
112	21	признать	изгнать
141	14	нерѣдко	нерѣдки
145	18	Primordialdelir	Primordialdelirien
148	4	главные	главное
151	6	надо для того	для того
197	6	съ	до
—	34	ротъ;	ротъ,
199	10	Disarthria	Disarthria

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
203	23	а именно,	а именно:
—	30	вывода полной	вывода о полной
—	31	поперечинѣ	поперечникѣ
236	36	C ₅ —H ₁₂ O	C ₅ H ₁₂ O
239	7	отупленіемъ	притупленіемъ
249	3	Rian	Riant
280	11	х	ех
289	37	Redaction	Redaction
310	12	мотивированный	мотивированный
316	33	страдающимъ и	страдающимъ
8	35	вполнѣ	я вполнѣ
330	27	Strafgefetzbuch	Strafgesetzbuch
—	30	nih	nicht